

ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Номер 2

Февраль 2023

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

State and Law

*Институт государства и права
Российской академии наук:
навстречу 100-летию юбилею*

<https://gospravo-journal.ru>

Развитие конституционных основ российской правовой политики • Естественный прирост и депопуляция населения в России: нормы, демографические девиации и ресурсы • Проблемы глобальной унификации уголовной ответственности физических лиц • Нюрнбергский приговор актуален сегодня, как никогда • История права в жизни профессора Н.А. Крашенинниковой: к 95-летию юбилею • Кодекс Либера • Отечественный конституционный надзор (20-е – первая половина 30-х годов XX в.) • Налоговое законодательство «белой» Сибири в годы Гражданской войны в России

*Российская академия наук
Институт государства и права*

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 2 2023 Февраль

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

*Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН*

Главный редактор
М.И. Клеандров,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*председатель*);
М.В. Баглай, чл.-корр. РАН; А.П. Вершинин, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН;
В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург); А.А. Клишас, д.ю.н.; П.В. Крашенинников, д.ю.н.;
Н.М. Кропачев, чл.-корр. РАН (Санкт-Петербург); А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Е.А. Лукашева, чл.-корр. РАН; Н.А. Макаров, акад. РАН;
А.В. Смирнов, акад. РАН; Ю.К. Толстой, акад. РАН (Санкт-Петербург);
Т.Я. Хабриева, акад. РАН; А.Р. Хохлов, акад. РАН

Редакционная коллегия:

А.И. Абдуллин, д.ю.н. (Казань); С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Армения);
Вильфрид Бергманн, д.ю.н. (Германия); Окко Берендс, д.ю.н. (Германия); Н.А. Богданова, д.ю.н.;
М.М. Бринчук, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н. (Австрия); А.Н. Вылегжанин, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; В.Н. Гуцуляк, д.ю.н.; Ван Джихуа, д.ю.н. (КНР);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (Германия); И.В. Ершова, д.ю.н.;
В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.; В.С. Каменков, д.ю.н. (Беларусь);
Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия); М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*); Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР);
Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР); А.В. Малько, д.ю.н. (Саратов); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж);
Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Болгария); Т.А. Полякова, д.ю.н.; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджан);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Л.В. Санникова, д.ю.н., проф. РАН; Паола Северино, д.ю.н. (Италия);
Г.С. Скачкова, д.ю.н.; Ю.Н. Старилов, д.ю.н. (Воронеж); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Болгария);
А.А. Тедеев, д.ю.н.; А.П. Фоков, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (Германия); В.М. Шерстюк, д.ю.н.;
Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; В.В. Ярков, д.ю.н. (Екатеринбург)

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Знаменка, 10
тел.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
<http://gospravo-journal.ru/>

Москва

© Российская академия наук, 2023
© Институт государства и права РАН, 2023
© Составление. Редакция журнала
«Государство и право», 2023

*Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law*

STATE AND LAW

No. 2 2023 February

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: “Revolution of the Law” (Revolutsiya prava) (1927–1929)
“Soviet State and the Revolution of the Law” (Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava) (1930–1931)
“Soviet State” (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
“Soviet State and Law” (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
“State and Law” (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

*The Journal is published under supervisi,
on of the Department of social Sciences of the RAS*

Editor-in-Chief

M.I. Kleandrov,

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Chairman*);

M.V. Baglay, Corresponding Member of the RAS; A.P. Vershinin, Doctor of Law;

V.I. Zhukov, Academician of the RAS; V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); A.A. Klishas, Doctor of Law;

P.V. Krashennikov, Doctor of Law; N.M. Kropachev, Corresponding Member of the RAS (St. Petersburg);

A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; E.A. Lukasheva, Corresponding Member of the RAS;

N.A. Makarov, Academician of the RAS; A.V. Smirnov, Academician of the RAS;

Yu. K. Tolstoy, Academician of the RAS (St. Petersburg);

T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS; A.R. Khokhlov, Academician of the RAS

Editorial Board:

A.I. Abdullin, Doctor of Law (Kazan); S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutyunyan, Doctor of Law (Armenia);

Wilfried Bergmann, Doctor of Law (Germany); Okko Behrends, Doctor of Law (Germany); N.A. Bogdanova, Doctor of Law;

M.M. Brinchuk, Doctor of Law; Bernd Wieser, Doctor of Law (Austria); A.N. Vylegzhanin, Doctor of Law;

E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law; V.N. Gutsulyak, Doctor of Law;

Wang Jihua, Doctor of Law (China); A.G. Didenko, Doctor of Law (Kazakhstan);

V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law;

V.N. Zhukov, Doctor of Law, DSc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Belarus);

Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);

N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*); Kuang Zengjun, Doctor of Law (China);

Liu Hongyan, Doctor of Law (China); A.V. Mal'ko, Doctor of Law (Saratov); I.M. Matskevich, Doctor of Law;

E.I. Nosyreva (Voronezh); Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); T.A. Polyakova, Doctor of Law;

I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan); R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan);

L.V. Sannikova, Doctor of Law, Professor of the RAS; Paola Severino, Doctor of Law (Italy); G.S. Skachkova, Doctor of Law;

Yu. N. Starilov, Doctor of Law (Voronezh); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;

A.P. Fokov, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;

B.S. Ebzeev, Doctor of Law; V.V. Yarkov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation

tel.: +7 (495) 691-87-34

e-mail: gospravo@igpran.ru

<http://gospravo-journal.ru/>

Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2023

Развитие конституционных основ российской правовой политики

К. Б. Толкачев

7

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

Естественный прирост и депопуляция населения в России:
нормы, демографические девиации и ресурсы

В. И. Жуков

17

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Нюрнбергский приговор актуален сегодня, как никогда

А. И. Александров

31

Позабытый урок

Отзыв на работу А. Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира»
(М.: Проспект, 2021. — 760 с.)

Срето Ного

37

Трехтомная монография «Военное право» под общей редакцией А. Н. Савенкова,
А. В. Кудашкина (М.: Центр правовых коммуникаций, 2021–2022) как практический
результат деятельности отечественной научной школы военного права

В. В. Блажеев

40

* * *

Проблемы глобальной унификации уголовной ответственности физических лиц

И. М. Рагимов, Х. Д. Аликперов

43

Искусственный интеллект — средство или способ совершения мошенничества в сфере
компьютерной информации?

А. К. Жарова

54

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Правовое обеспечение экологической безопасности плавучих атомных теплоэлектростанций
в Арктике

Д. Д. Барамидзе

62

Правовая охрана и рациональное использование геологического наследия в геопарках

Е. В. Лунева

72

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Отношения административно-правовой охраны как разновидность
административно-правовых отношений: понятие, содержание, характеристика

М. Н. Кобзарь-Фролова

83

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЮРИСТЫ – УЧЕНЫЕ И ПЕДАГОГИ

История права в жизни профессора Нины Александровны Крашенинниковой:
к 95-летию юбилею

П. В. Крашенинников, Е. Н. Трикоз

98

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Кодекс Либера <i>И.И. Бутрим, А.И. Чучаев</i>	111
Отбор главных обвиняемых в деятельности Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов <i>А.Б. Мезяев, А.Е. Лестев</i>	121
Общие принципы права в регулировании космической деятельности <i>Г.Г. Шинкарецкая</i>	131

ЗА РУБЕЖОМ

Свобода профессии и защита частной собственности в решениях Федерального конституционного суда Германии <i>П.А. Кучеренко, А.А. Терехов</i>	139
Об опыте Франции по подготовке, контролю и квалификационным требованиям к медиаторам <i>Н.А. Рыжов</i>	145

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Отечественный конституционный надзор (20-е – первая половина 30-х годов XX в.) <i>Ю.Л. Шульженко</i>	154
Налоговое законодательство «белой» Сибири в годы Гражданской войны в России <i>В.Г. Медведев</i>	163

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Философия права и современное юридическое образование <i>Р.Ф. Степаненко</i>	172
К вопросу об определении понятия права на свободу совести <i>С.А. Бурьянов</i>	177
Процессуальные средства борьбы с экстремизмом <i>Л.В. Бормотова</i>	183
Проблемы реализации и защиты прав участников экономических отношений в условиях цифрового неравенства <i>Н.И. Соловяненко</i>	188

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Философско-правовые чтения памяти академика РАН В.С. Нерсесянца (Всероссийская научная конференция с международным участием) <i>И.П. Кожокар, В.В. Лапаева</i>	194
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Фундаментальный вклад в исследование проблем права международных договоров Современная концепция толкования международных договоров / под ред. А.Я. Капустина <i>А.Н. Вылегжанин, С.А. Лобанов, Р.А. Каламкарян</i>	204
---	-----

CONTENTS

Number 2, 2023

Development of the constitutional foundations of Russian legal policy <i>K.B. Tolkachev</i>	7
--	---

SOCIOLOGY OF LAW

Natural growth and depopulation of the population in Russia: norms, demographic deviations and resources <i>V.I. Zhukov</i>	17
---	----

DISCUSSIONS AND DEBATES

The Nuremberg Verdict is relevant today, more than ever <i>A.I. Aleksandrov</i>	31
A Forgotten lesson Review of the work of A.N. Savenkov “Nuremberg: A Verdict for name of Peace” (Moscow: Prospekt, 2021. – 760 pp.) <i>Sreto Nogo</i>	37
Three-volume monograph “Military Law” under the general editorship of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin (M.: Center for Legal Communications, 2021–2022) as a practical result of the activities of the national scientific school of Military Law <i>V.V. Blazheev</i>	40

* * *

Problems of unification of criminal liability individuals globally <i>I.M. Ragimov, Kh. J. Alikperov</i>	43
Artificial intelligence – a means of method committing fraud in the field of computer information? <i>A.K. Zharova</i>	54

ENVIRONMENTAL LAW

Legal provision of environmental safety of floating nuclear power plants in the Arctic <i>D.D. Baramidze</i>	62
Legal protection and rational use of geological heritage in geoparks <i>E.V. Luneva</i>	72

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

Relations of administrative and legal protection as a variety of administrative and legal relations: concept, content, characteristics <i>M.N. Kobzar-Frolova</i>	83
---	----

DOMESTIC LAWYERS – SCIENTISTS AND EDUCATORS

The history of law in the life of Professor Nina A. Krasheninnikova: to the 95 th anniversary <i>P.V. Krasheninnikov, E.N. Trikoz</i>	98
---	----

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

The Lieber Code <i>I.I. Butrim, A.I. Chuchaev</i>	111
Selection of primary defendants in the work of the Nuremberg and Tokyo International Military Tribunals <i>A.B. Mezyaev, A.E. Lestev</i>	121
General principles of law in the regulation of space activities <i>G.G. Shinkaretskaya</i>	131

ABROAD

Freedom of profession and protection of private property in the decisions of the Federal Constitutional Court of Germany <i>P.A. Kucherenko, A.A. Terekhov</i>	139
On the experience of France in the preparation, control and qualification requirements for mediators <i>N.A. Ryzhov</i>	145

PAGES OF HISTORY

Domestic constitutional supervision (20 th – the first half of the 30 ^s of the twentieth century) <i>Yu. L. Shulzhenko</i>	154
Tax legislation of “white” Siberia during the Russian Civil War <i>V.G. Medvedev</i>	163

SCIENTIFIC REPORTS

Philosophy of Law and modern legal education <i>R.F. Stepanenko</i>	172
To the question of defining the concept of the right to freedom of conscience <i>S.A. Bur'yanov</i>	177
Procedural means of combating extremism <i>L.V. Bormotova</i>	183
Problems of implementation and protection of the rights of participants in economic relations in the conditions of the digital divide <i>N.I. Solovyanenko</i>	188

SCIENTIFIC LIFE

Philosophical and legal readings of memory Academician of the Russian Academy of Sciences V.S. Nersesyants (All-Russian Scientific Conference with international participation) <i>I.P. Kozhokar, V.V. Lapaeva</i>	194
---	-----

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Fundamental contribution to the study of the problems of the law of international treaties Modern concept of interpretation of international treaties / ed. by A. Ya. Kapustin <i>A.N. Vylegzhanin, S.A. Lobanov, R.A. Kalamkaryan</i>	204
--	-----

РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

© 2023 г. К. Б. Толкачев

Государственное Собрание – Курултай Республики Башкортостан, г. Уфа

E-mail: gskrb@bashkortostan.ru

Поступила в редакцию 18.10.2022 г.

Аннотация. Статья посвящена исследованию категории правовая политика в отечественном конституционном праве. В результате анализа различных подходов к интерпретации рассматриваемого правового явления автором представлено собственное понимание правовой политики как теоретической основы формирования стратегии и тактики выстраивания всех правовых взаимоотношений внутри государства и концепции его коммуникации с другими игроками на международной арене. На примере конституционной реформы в России 2020 года, содержания поправок и механизмов их реализации в законодательстве автор наглядно демонстрирует наличие взаимосвязи и взаимозависимости Основного Закона и правовой политики.

Ключевые слова: правовая политика, государственная политика, функции правовой политики, Конституция, конституционные поправки, конституционная реформа, конституционные ценности, местное самоуправление, публичная власть.

Цитирование: Толкачев К. Б. Развитие конституционных основ российской правовой политики // Государство и право. 2023. № 2. С. 7–16.

DOI: 10.31857/S102694520023052-8

DEVELOPMENT OF THE CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN LEGAL POLICY

© 2023 K. B. Tolkahev

The State Assembly – the Kurultay of the Republic of Bashkortostan, Ufa

E-mail: gskrb@bashkortostan.ru

Received 18.10.2022

Abstract. The article is devoted to the study of the category of legal policy in domestic constitutional law. As a result of the analysis of various approaches to the interpretation of the legal phenomenon under consideration, the author presents his own understanding of legal policy as a theoretical basis for the formation of a strategy and tactics for building all legal relationships within a state and the concept of its communication with other players in the international arena. Using the example of the constitutional reform in Russia in 2020, the content of the amendments and the mechanisms for their implementation in the legislation, the author clearly demonstrates the relationship and interdependence of the Basic Law and legal policy.

Key words: legal policy, state policy, legal policy functions, Constitution, constitutional amendments, constitutional reform, constitutional values, local self-government, public authority.

For citation: Tolkahev, K. B. (2023). Development of the constitutional foundations of Russian legal policy // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 7–16.

Правовая политика играет ключевую роль встраивании системы всех механизмов управления государством. От нее напрямую зависят формирование законодательной базы, военная доктрина, внешняя политика, структура и основы функционирования органов государственной власти и местного самоуправления, степень защиты прав и свобод человека и гражданина, состояние законности. Данные факторы, в свою очередь, влияют на развитие экономики, ситуацию с правопорядком, степень социальной защиты населения, уровень правовой культуры, качество жизни граждан. Таким образом, независимо от того, напрямую это происходит или опосредованно, но правовая политика государства оказывает влияние на все сферы жизни общества в целом и каждого его отдельного индивидуума.

История развития теории государства и права в России знает разные подходы к интерпретации самого понятия правовой политики. Если обратиться к трудам ученых конца XIX – начала XX в. (Б.А. Кистяковского, С.А. Муромцева, Н.М. Коркунова, Г.Ф. Шершеневича, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого и др.), то можно обнаружить, что для отечественной юридической мысли дореволюционного периода было характерно понимание правовой политики как «сугубо прикладной науки, призванной оценивать действующее законодательство и способствовать выработке более совершенного права»¹. Иными словами, если попытаться рассмотреть законодательную базу и правовую политику государства в статичный момент времени с точки зрения философского понятия каузальности, то они будут связаны как причина и действие, образующие цепь, приходящую из прошлого, пронизывающую настоящее и исчезающую в будущем, где правовая политика – это причина, воздействующая на изменение законодательства. Такой подход к определению правовой политики достаточно прозрачен, но вместе с тем низводит ее роль до уровня мониторинга законодательства с выработкой на его основе тех или иных рекомендаций. Подобная позиция как минимум дает неполное представление о правовой политике, переводит понятие, требующее глубокого теоретического осмысления, в категорию практического инструментария.

В советский период правовая политика государства была нацелена в первую очередь на создание основ социалистической идеологии и экономики. С учетом особенностей эпохи фундаментальных научных исследований на данную тему не велось. Если же и предпринимались попытки проанализировать феномен правовой политики, то делалось это исключительно через призму первичности

¹ Матузов Н.И. Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. № 11. С. 32.

политики по отношению к праву и доминированию над ним. Достаточно вспомнить о том, что в Конституции СССР 1924 г. в принципе ничего не было сказано о правах человека². Краткое упоминание об основных правах и обязанностях граждан появляется только в Конституции СССР 1936 г.³ в самом конце этого документа. Да и то через ретроспективу сталинских репрессий любое упоминание о правах советских граждан носило декларативный, скорее даже фиктивный, характер, отчасти граничащий с цинизмом.

Изучение понятия правовой политики в СССР было возможно только с идеологической точки зрения. Научные изыскания того времени явно свидетельствуют о том, что исследованию подвергалась не столько сама правовая политика, сколько принцип первичности политики по отношению к праву, возводящийся часто в ранг аксиомы.

В связи с этим представляется неуместным говорить о таком явлении, как правовая политика, применительно к советской эпохе. Хотя если исходить из дореволюционного понимания правовой политики как инструмента изучения законодательства в целях его совершенствования, то такую правовую политику на практике СССР, конечно же, проводил. Только цель этой политики была не в создании оптимальных условий для максимально полной реализации прав и свобод граждан, а в создании условий для максимального доминирования государства над правом и оправдания такого доминирования с юридической точки зрения. Подобную деятельность можно назвать государственной политикой, но точно не правовой.

О неуместности применения термина «правовая политика» по отношению к советскому периоду отечественной истории свидетельствует и сам факт отсутствия такого понятия в советской юридической литературе. Первые робкие попытки ввести его появляются лишь на рубеже 1970–1980-х годов. Во многом это было следствием принятия Конституции СССР 1977 г.⁴, где уже в значительно большей степени было уделено внимание вопросам прав личности, а также правовым отношениям гражданина и государства.

Новая Конституция СССР дала толчок к более объективным попыткам осмыслить понятия права, политики и государства, а также их взаимосвязь. Однако, даже несмотря на относительный простор юридической мысли в позднесоветский период,

² См.: Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1924.

³ См.: Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1937.

⁴ См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977.

это были не более чем попытки. Большинство исследователей, характеризуя явление правовой политики, долгое время не решались вводить сам этот термин, подменяя его термином юридической политики. Более того, любые попытки заговорить о правовой политике тут же находили противников в научной среде. Например, Е. В. Куманин в работе «Юридическая политика и развитие права в условиях развитого социализма» предлагал полностью отказаться от понятия «правовая политика» и использовать исключительно понятие «юридическая политика». Автор мотивировал это тем, что такой термин более точно отражает специфику целенаправленных политических воздействий на право⁵. Возможно, на момент публикации кто-то и мог удовлетвориться подобным объяснением, восприняв его как догму. Однако в наши дни очевидно, что подобная мотивация беспочвенна и является не более чем следствием той стагнации, в которой находилась советская юридическая мысль.

При этом практически в то же время можно отследить и более прогрессивные веяния. Отдельные исследователи отстаивают именно термин «правовая политика» в противовес юридической политике. Появляются первые диссертации и монографии на эту тему. Так, в 1985 г. состоялась защита диссертации Н. В. Федорова «Правовая политика Советского государства: вопросы истории, теории, практики»⁶. И хотя термин правовой политики автор рассматривает в данной работе через призму марксистско-ленинского учения, сам факт его теоретического осмысления в советских реалиях заслуживает большого внимания. Это безусловное свидетельство наметившегося к тому времени перелома во взглядах советских ученых на юридическую науку, в постепенно все большем преобладании прогрессивных взглядов над антинаучными догмами, расширении свободы мысли. Все это в скором времени позволило сформировать в современной России богатый теоретический материал для понимания места и роли правовой политики в жизни нашего государства.

Основной толчок к теоретическому осмыслению феномена правовой политики, изучению ее основных функций и направлений дала Конституция РФ 1993 г.⁷, закрепившая в качестве приоритетных интересов и обязанностей государства защиту прав и свобод человека, построение гражданского

общества и развитие принципов демократии, политическое и идеологическое многообразие, многопартийность, разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, сохранение суверенитета, свободу экономической деятельности. Многие из этих принципов были прямо противоположны тем, которые доминировали в советский период, и произвели переворот в системе государственного устройства и в общественном сознании, ликвидировали характерную для советского государства первичность политики по отношению к праву, поставили приоритет права на первое место.

Именно эти принципы, прописанные в первых двух главах Конституции, стали определять правовую политику современной России, и именно с закреплением этих принципов в Основном Законе можно говорить о полноценной правовой политике нашего государства. Все ключевые национальные интересы России (укрепление экономики, решение демографических проблем, развитие систем здравоохранения и образования, укрепление территориальной целостности страны, усиление социальной защиты граждан и др.) являются производными этих принципов, что свидетельствует о влиянии правовой политики государства на все сферы жизни общества.

Возникновение полноценной правовой политики в нашей стране повлекло со стороны ученых многочисленные попытки исследовать это явление, определить его основные принципы. Поскольку с учетом особенностей развития нашего государства в советский период сколь-либо классического подхода к изучению правовой политики выработано не было, в 1990-е годы и с началом XXI в. наблюдался достаточно большой плюрализм взглядов на данное явление. Эта тенденция продолжается до сих пор. Так, отсутствует единое общепризнанное понятие правовой политики. В отечественной юридической науке существует несколько подходов к определению данного явления. Рассмотрим основные из них.

Один из подходов предполагает понимание правовой политики в качестве научно обоснованной практической деятельности со стороны органов государственной власти и местного самоуправления по созданию «эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка»⁸. Такой подход, хотя и обозначает приоритетной целью правовой политики государства

⁵ См.: Куманин Е. В. Юридическая политика и развитие права в условиях развитого социализма // Сов. государство и право. 1983. № 3. С. 127.

⁶ Федоров Н. В. Правовая политика Советского государства: вопросы истории, теории, практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985.

⁷ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) // Росс. газ. 1993. 25 дек.

⁸ Малько А. В., Затонский В. А. Правовая политика в сфере местного самоуправления как средство усиления российской государственности // Закон. 2006. № 11. С. 89–94.

защиту прав и свобод человека, представляется ограниченным, отчасти восходящим к дореволюционной трактовке данного термина.

Другой популярный подход основывается на понимании правовой политики как некоего идеологического начала государственного устройства. Правовая политика в этом случае понимается как «комплекс идей, мер, задач, программ, методов, установок, реализуемых в сфере действия права и посредством права»⁹. В таком подходе явно прослеживаются отголоски советской интерпретации правовой или скорее юридической политики.

Третий подход, к наиболее ярким представителям которого можно отнести, например О.Ю. Рыбакова, предполагает более многозначную трактовку термина «правовая политика». Она понимается как «комплекс теоретических и практических институтов, явлений, отношений, функционирующих для защиты прав и свобод личности и обладающий для этого арсеналом средств»¹⁰. В плане теоретического осмысления подобное понимание правовой политики представляется более широким и обоснованным, учитывающим всю неоднозначность специфики исследуемого явления.

Есть и иные взгляды на феномен правовой политики. Так, В.И. Гойман предлагает определение правовой политики как «стратегических направлений и практических путей создания и реализации норм, институтов и отраслей права, укрепления режима законности и общественной безопасности, организации предупреждения и борьбы с правонарушениями, формирования у граждан развитой правовой культуры, способности использовать правовые средства для удовлетворения своих интересов»¹¹. Однако такой подход, как и иные специфические подходы, представляется чересчур ограниченным, сконцентрированным на отдельных деталях правовой политики, тогда как она в действительности — явление более обобщенное, всеобъемлющее.

Импонируя в целом позиции сторонников третьего подхода, мы, тем не менее, склонны придерживаться собственного понимания правовой политики как теоретической основы формирования стратегии и тактики выстраивания всех правовых взаимоотношений внутри государства и концепции его коммуникации с другими игроками на международной арене.

⁹ Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд. М., 2000. С. 512.

¹⁰ Рыбаков О.Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности. СПб., 2004. С. 49.

¹¹ Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 55.

Если исходить из такого понимания правовой политики, которое представляется максимально широким, а значит, и более подходящим для столь сложного термина, то в него достаточно успешно вписываются все те узкие толкования данного явления, которые были приведены выше. К функциям правовой политики в этом случае можно отнести выработку стратегических направлений развития права, обеспечение идеологического многообразия и доминирования права над государством. Целями правовой политики будет максимально полная реализация и защита прав и свобод граждан, построение гражданского общества, обеспечение независимости ветвей власти, формирование в обществе высокой правовой культуры, а ее инструментами — создание необходимых законодательных норм, укрепление законности, принципы ведения внешней и внутренней политики, функционирование соответствующих органов государственной власти и общественных институтов, борьба с правонарушениями и многое другое.

Говоря о конституционных основах правовой политики, интересно рассмотреть взаимосвязь и взаимозависимость конституции и правовой политики. Применив определенную метафоричность мышления, можно провести параллель с древним логическим парадоксом о вечном споре относительно первичности яйца и курицы — что появилось раньше и что на что воздействует. С одной стороны, именно в конституции заложены основы правовой политики государства. С другой стороны, совершенствование законодательства — лишь один из механизмов реализации правовой политики, а конституция как фундамент законодательной базы есть ее неотъемлемая часть. Конституция также подвержена изменению в зависимости от целей и задач правовой политики. Но обновленная конституция, в свою очередь, закладывает и новые принципы правовой политики. Теоретически этот круг может замыкаться до бесконечности.

Такая взаимозависимость Конституции и правовой политики хорошо прослеживается на примере недавней конституционной реформы в России. Здесь необходимо отметить, что Конституция РФ, принятая в 1993 г., оказалась весьма прогрессивным для своего времени документом. Абсолютное большинство ее положений не утратили своей актуальности и сегодня, наверняка будут актуальны еще долгие годы. Конституционная реформа 2020 года, кстати, служит дополнительным тому подтверждением. При всей, казалось бы, масштабности внесенных в Конституцию поправок они несопоставимы по объему с общим текстом Конституции, а главное — не коснулись 1, 2 и 9 глав — фундамента Конституции и порядка ее изменения. Это свидетельствует о том, что конституционные основы нашего государства изначально были

заложены правильно и успешно прошли практически 30-летнюю проверку временем, что делает честь профессиональным компетенциям авторов текста Основного Закона.

Вместе с тем значимые правовые, экономические, социальные преобразования в стране повлекли за собой смену общего курса правовой политики. В последние годы это ощущалось особенно явно, и следствием того была существенная трансформация федерального законодательства — его адаптация под цели и задачи той правовой политики, которая на практике проводится в нашем государстве. Однако некоторые цели и задачи этой правовой политики вступили в противоречие с Конституцией РФ, а точнее — Конституция оказалась недостаточно совершенной на тот момент для обеспечения соответствующего правового поля, в условиях которого могут быть достигнуты эти цели и решены эти задачи. Именно это противоречие и стало настоящей причиной инициированных в начале 2020 г. Президентом РФ В. В. Путиным поправок к Конституции Российской Федерации. До этого мнение о необходимости конституционной реформы неоднократно высказывалось политическими лидерами, общественными деятелями разного уровня, но вполне логично, что именно Президент РФ как гарант Конституции дал обществу сигнал к такой реформе.

Анализ внесенных в Конституцию РФ в 2020 г. поправок, осмысление истинных их целей путем вычленения отдельных групп таких поправок, каждая из которых объединена какой-то общей стержневой задачей, дает ключ к пониманию того, какая трансформация происходит с правовой политикой нашего государства и какие перемены в области всех направлений права можно прогнозировать в обозримом будущем.

Детальное изучение поправок, внесенных в Конституцию РФ поддержанным всероссийским голосованием Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»¹², позволяет говорить о трех крупных блоках поправок.

Первый из них явно преследует своей целью усиление доминанты права в целом и защиту прав граждан в частности. Сюда относятся поправки, связанные с обеспечением безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обязательной индексацией пенсий, гарантированной оплатой труда не ниже прожиточного минимума, социально ориентированной государственной политикой в области сохранения традиционных

семейных ценностей, и все остальные поправки, так или иначе затрагивающие социальные, правовые и иные гарантии граждан.

Второй блок поправок нацелен на укрепление доминирования права по отношению к государству. Это поправки, касающиеся изменений полномочий Президента РФ, Федерального Собрания и Правительства РФ, введения процедуры парламентского контроля, закрепления арбитражного судопроизводства в системе судебной власти, ограничений и запретов в отношении членов Совета Безопасности РФ, сотрудников силовых структур, ужесточения требований к судьям, депутатам Государственной Думы, кандидатам в президенты, членам Правительства РФ, руководителям федеральных государственных органов и регионов, введения понятия единой публичной власти и т.п. Сюда же относится большой перечень поправок о сокращении состава Конституционного Суда РФ и одновременно повышении его статуса как высшего судебного органа конституционного контроля в стране, осуществляющего судебную власть самостоятельно и независимо. Расширяется перечень субъектов, обладающих правом на обращение в Конституционный Суд РФ с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение их конституционных прав и свобод. Таким образом, Конституционный Суд РФ становится одним из ключевых инструментов обеспечения конституционных основ российской правовой политики. Его можно охарактеризовать как своеобразный правовой фильтр, гарантирующий в постоянном режиме соответствие всего отечественного законодательства Основному Закону.

Наиболее объемный второй блок поправок призван максимально обеспечить верховенство и прямое действие Конституции на всей территории Российской Федерации, создать более широкие возможности для практической реализации конституционного права на участие граждан в управлении делами государства, ужесточить антикоррупционные нормы, минимизировать бюрократические процессы и оптимизировать финансовые расходы в сфере государственного управления. Таким образом, этот блок поправок изменяет курс правовой политики государства в сторону большей демократизации общества, максимально полной защиты основ конституционного строя.

На первый взгляд данной группе поправок противостоят поправки, связанные с ограничениями в сфере местного самоуправления. Речь о поправках, которыми вводится понятие единой системы публичной власти, декларируется единство государственной и местной власти, закрепляется на конституционном уровне право органов государственной власти участвовать в формировании органов

¹² См.: СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

местного самоуправления, назначении на должности и освобождении от должностей руководителей органов местного самоуправления. Формально данную норму можно рассматривать как ликвидацию автономности органов местного самоуправления, а значит, и как снижение степени демократизации общества в целом. Казалось бы, это шаг назад по сравнению с реформой системы местного самоуправления, проведенной в России в 2003–2009 гг. Однако нужно понимать, что в действительности закреплённая данной реформой независимость органов местного самоуправления носила исключительно декларативный характер и не имела ничего общего с реальным положением дел в стране. Сама разработка Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹³ (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) велась во многом по инерции под воздействием сильного влияния либеральных идей, получивших распространение в нашей стране в 1990-е годы в результате тесного контакта с Западом. Политическая и экономическая слабость России в данный период привела к тому, что идеи децентрализации власти были попросту скалькированы с зарубежного опыта государственного устройства «без учета национальных и культурных особенностей страны. Однако опыт строительства местного самоуправления в России показал, что оно не может быть ни управленчески, ни экономически обособленным от государственной власти»¹⁴.

Это, кстати, и одна из причин того, что вступление в силу Федерального закона № 131-ФЗ, принятого в 2003 г., было отложено на целых шесть лет – до 2009 г. Авторы Закона осознавали отсутствие в стране реальных экономических и политических предпосылок для независимого и сильного местного самоуправления. Предполагалось, что соответствующие основы будут заложены к моменту вступления Закона в силу. Но этого не произошло. В итоге Закон с самого начала работал в «аварийном» режиме. Для того чтобы как-то уравновесить правовую основу функционирования органов местного самоуправления с реальным положением дел, законодателям пришлось неоднократно вносить изменения в данный Закон, настроенные обратно на централизацию власти и выстраивание более четкой ее вертикали, что прямо противоположно ключевому посылу реформы местного самоуправления. С момента принятия Закона изменения в него по состоянию на начало декабря 2021 г. вносились 93 раза. При этом значительная часть

изменений была внесена в Закон еще до того, как он вступил в силу.

Говоря о наиболее принципиальных изменениях в Федеральный закон № 131-ФЗ, отметим, что Федеральным законом от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”»¹⁵ были внесены поправки, предполагающие передачу полномочий органов местного самоуправления органам государственной власти регионов. А Федеральным законом от 3 февраля 2015 г. № 8-ФЗ «О внесении изменений в статьи 32 и 33 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”»¹⁶ был закреплён порядок проведения конкурсов при избрании руководителей муниципальных образований, предполагающий значительное влияние органов государственной власти на итоги таких конкурсов и на избрание руководителей. По факту данный Закон и установил право органов государственной власти влиять на формирование органов местного самоуправления и назначение соответствующих должностных лиц, а конституционная реформа 2020 года лишь закрепила это право в Конституции.

Следствием вступления в силу Федерального закона № 131-ФЗ стало формирование в Российской Федерации номинально независимых органов местного самоуправления, которые на деле не способны были выполнять возложенные на них функции за счет собственных средств. Это привело к дотационности органов местного самоуправления и их полной зависимости от государства при формальной автономности.

Конституционная реформа 2020 года лишь легитимизировала фактическое взаимоотношение органов государственной власти и местного самоуправления в России, закрепив в Конституции те нормы, которые либо уже в той или иной форме были прописаны в федеральных законах, либо устанавливались на местах нормативными актами органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Заметим, что характер этих региональных нормативных актов в субъектах был различным, соответственно, сильно отличались

¹³ См.: СЗ РФ. 2003. № 40, ст. 3822.

¹⁴ Степанов М. М. Местное самоуправление в контексте конституционной реформы 2020 года // Актуальные проблемы рос. права. 2021. Т. 16. № 5 (126). С. 37.

¹⁵ См.: СЗ РФ. 2014. № 22, ст. 2770.

¹⁶ См.: СЗ РФ. 2015. № 6, ст. 886.

объемы переданных с муниципального уровня на государственный и наоборот полномочий, степень дотационности и конечные финансовые возможности органов местного самоуправления в разных частях страны. Это повлекло за собой разрыв в развитии систем здравоохранения, образования, в уровне социальной защищенности граждан на местах. Возникли большие различия «в обеспечении предусмотренных законодательством общих для всех граждан прав, возможностях и гарантиях в разных регионах и муниципалитетах, что несправедливо по отношению к человеку и несет прямую угрозу обществу и целостности страны»¹⁷. Именно на этот факт указывал в том числе Президент РФ В.В. Путин, обосновывая необходимость поправки в Конституцию, связанной с формированием единой системы публичной власти, в ходе Послания Федеральному Собранию 15 января 2020 г. Глава государства при этом отметил, что «полномочия и реальные возможности местного самоуправления — самого близкого к людям уровня власти — могут и должны быть расширены и укреплены»¹⁸.

Таким образом, предусмотренное конституционной реформой 2020 года усиление единой вертикали публичной власти не ущемляет права органов местного самоуправления, а лишь юридически оформляет давно уже свершившийся факт их включения в данную вертикаль, служит выстраиванию более эффективного взаимодействия между органами местного самоуправления и государственной власти, обеспечивает законодательную базу для создания равных правовых и финансовых возможностей органов местного самоуправления во всех регионах. Мы, конечно, не можем говорить в данном случае об усилении степени демократизации общества. Зато налицо стремление достичь такой ключевой цели правовой политики, как максимально полная реализация и защита прав и свобод граждан на всей территории государства, обеспечение равных для всех правовых и социальных гарантий.

Не исключено, что в будущем России удастся выстроить и реализовать на практике такую правовую и социально-экономическую модель развития общества, которая позволит эффективно достигать обозначенной выше цели правовой политики в условиях реально автономного и сильного местного самоуправления. Однако на данный момент соответствующих исторических и социокультурных предпосылок в нашем государстве нет. В России, в принципе, за всю ее историю политического развития ни разу не было создано самостоятельной

и эффективной системы местного самоуправления, поскольку для нашей страны характерны традиции централизованного управления, формировавшиеся на протяжении многих веков. Те периоды, когда система управления государством строилась с опорой на эти традиции, связаны с экономическим, политическим укреплением России, усилением ее обороноспособности, ростом влияния на глобальные процессы в системе международных отношений. Эпоха СССР — наиболее яркий тому пример. И наоборот, «власть на местах получала определенную самостоятельность только в условиях ослабления суверенитета и государственности. Когда же начинался процесс их восстановления, то он всегда был неразрывно связан с централизацией публичной власти, которая приводила к потере местными органами власти своей автономности»¹⁹. Такого мнения придерживаются большинство исследователей истории местного самоуправления в России и истории права в целом. В особенности хотелось бы отметить позицию В.И. Васильева, В.Е. Чиркина, М.М. Степанова²⁰.

Третий блок поправок к Конституции РФ обусловлен введением и закреплением на конституционном уровне доминанты национального права над межгосударственными правовыми нормами, что должно повлечь усиление позиций России на международной арене. Здесь следует упомянуть в первую очередь поправки в ст. 79 и 125 Конституции РФ, связанные с установлением приоритета Основного Закона над международным правом на территории нашей страны, с нормой о том, что не соответствующие Конституции РФ международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению, с правом Конституционного Суда РФ решать, какие постановления международных судов исполнять, а какие — нет. Сюда же можно отчасти отнести поправку о декларировании правопреемственности Российской Федерации по отношению к СССР.

Именно эти поправки вызвали крайне негативную реакцию на Западе. В адрес Российской Федерации последовали обвинения в незаконности поправок в Конституцию со стороны Европарламента, парламентов и руководителей ряда государств.

Подобные призывы не признавать обновленную Конституцию РФ выглядят тем более странно и абсурдно, что озвучиваются, как правило, политическими лидерами тех стран, для правовых систем которых так или иначе характерен приоритет

¹⁷ Степанов М.М. Указ. соч. С. 38.

¹⁸ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г. // Росс. газ. 2020. 16 янв.

¹⁹ Степанов М.М. Указ. соч. С. 41.

²⁰ См.: Васильев В.И. К вопросу о территориальных уровнях местного самоуправления // Журнал рос. права. 2017. № 1. С. 83; Чиркин В.Е. Публичное управление «на местах»: некоторые вопросы российского и зарубежного опыта // Журнал рос. права. 2014. № 10. С. 44; Степанов М.М. Указ. соч. С. 40.

национального права над международным. Например, Конституция США не подвержена каким-либо ограничениям или изменениям в угоду требованиям международных правовых актов. И хотя в самой Конституции США верховенство национального права над международным не прописано, Конгресс США имеет право принимать нормативные акты, противоречащие международным соглашениям. Правоприменители внутри страны в лице судов также достаточно часто уклоняются от применения международных норм, объясняя это нормами федерального законодательства или законодательством отдельно взятого штата. Любопытно и то, что Верховный суд США не считает международные нормы обязательными к исполнению. Что касается внешней политики США, то это государство «проводит ее с высокой эффективностью и результативностью, опираясь на международное право (в тех случаях, когда действующие нормы соответствуют интересам и устремлениям США), корректируя его или создавая предпосылки / прецеденты для появления новых норм, когда это необходимо для государства»²¹. Это, кстати, одно из свидетельств того, что сама система международного права является в большей степени фикцией, чем эффективным инструментом решения вопросов межгосударственных отношений. Эффективным инструментом она становится лишь в тех случаях, когда речь идет о защите интересов одного конкретного государства и ряда его союзников.

В Конституции Германии не прописан приоритет межгосударственного права над международным. Более того, еще в 1986 г. Конституционный суд ФРГ вынес заключение о том, что «современное международное право не содержит всеобщего правила о том, что государства были бы обязаны инкорпорировать свои договоры во внутригосударственное право и там приобрести приоритет в действии и применении перед внутригосударственным правом»²².

Законодательство Франции ориентировано на приоритет международных соглашений, но только тогда, когда остальные их участники также придерживаются регламентированных условий. В то же время вопрос о приоритете над Конституцией в этой стране остается дискуссионным. Примечательно, что Конституционный и Верховный суды Франции рассматривают свой Основной закон в качестве приоритетного по отношению к международному праву, но в случае расхождений с правом Европейского Союза Конституция страны должна быть приведена в соответствие.

²¹ Акчури Т. Ф. Международные договоры в правовой системе США // Евразийский юрид. журнал. 2017. № 2 (105). С. 210–219.

²² Клемин А. В. ФРГ: соотношение международного и национального права // Современная Европа. 2017. № 2 (74). С. 78.

Таким образом, на практике страны Запада всегда ставят национальные интересы над международными независимо от того, как это обосновывается юридически – особыми указаниями в конституции или решениями судов в каждом отдельном случае. Попытки требовать обратного от Российской Федерации лишней раз свидетельствуют о политике двойных стандартов Запада, который, формально декларируя равные для всех нормы международного права, всякий раз интерпретирует их в свою пользу, а т.н. независимые межгосударственные органы, на деле являющиеся не межгосударственными, а «карманными» органами США, полностью зависящими от манипуляций заокеанского кукловода, как правило, не заботятся даже о формальном создании какого-либо подобия объективности, принимая несправедливые решения не в пользу России и ее ключевых политических партнеров. Здесь стоит вспомнить хотя бы регулярные «газовые споры» с несправедливыми решениями международных судов.

Закрепив на конституционном уровне приоритет национального права над международным, Россия пошла по пути США и стран Западной Европы, в правовых системах которых аналогичные принципы давно уже существуют и применяются на практике. Такой подход соответствует курсу на укрепление национальных интересов и главное – ключевой цели правовой политики государства – максимально полной реализации и защите прав и свобод граждан. Поскольку речь идет о российской правовой политике, то и защита осуществляется в отношении прав и свобод российских граждан. Согласно обновленной редакции Конституции РФ эти права и свободы более не могут оказаться разменной монетой в играх с международным правом, которые затевают наши западные партнеры.

В развитие третьей группы поправок к Конституции РФ, связанных с укреплением суверенитета страны и доминированием национального права над международным, принят Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”»²³, в котором прописано, что Конституционный Суд «разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации» и «по запросам Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации разрешает вопрос о возможности исполнения решения иностранного или международного

²³ См.: СЗ РФ. 2020. № 46, ст. 7196.

(межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации».

Принят также Федеральный закон от 9 ноября 2020 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О безопасности”»²⁴, который не только обеспечивает механизм реализации нормы о том, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации», но и расширяет функции Совета Безопасности Российской Федерации — к его полномочиям теперь отнесены вопросы, касающиеся «обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства, а также поддержания гражданского мира и согласия в стране, охраны суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, предотвращения внутренних и внешних угроз».

В целом же обновленная редакция Конституции РФ запустила перезагрузку всей правовой системы страны. Еще в июле 2020 г. Председатель Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству П. В. Крашенинников заявил о том, что для реализации поправок к Конституции необходимо принятие более 100 федеральных законов²⁵, связанных с регулированием правоотношений в области социальной защиты граждан, здравоохранения, науки и культуры, организации единой системы публичной власти, развития предпринимательства, укрепления обороноспособности и целостности государства. За минувшие два года значительная часть федеральных законов уже принята и вступила в силу. Другие находятся в процессе разработки, принятия или вступления в силу отдельных их положений.

* * *

Масштабное обновление федерального законодательства повлекло за собой перезагрузку всей правовой системы страны, глобальную реформу региональных и муниципальных правовых актов на местах. Таким образом, поправки к Конституции запустили необратимый процесс модернизации системы государственного управления и общественных отношений. И сегодня очевидно, что мы стоим на пороге конституционных предпосылок обновляемого государства и общества. Принципы,

заложенные в российское право в итоге конституционной реформы 2020 года, определяют правовую политику нашего государства и развитие всей правовой системы России на ближайшие десятилетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акчури Т. Ф.* Международные договоры в правовой системе США // Евразийский юрид. журнал. 2017. № 2 (105). С. 210–219.
2. *Васильев В. И.* К вопросу о территориальных уровнях местного самоуправления // Журнал рос. права. 2017. № 1. С. 83.
3. *Клемин А. В.* ФРГ: соотношение международного и национального права // Современная Европа. 2017. № 2 (74). С. 78.
4. *Куманин Е. В.* Юридическая политика и развитие права в условиях развитого социализма // Сов. государство и право. 1983. № 3. С. 127.
5. *Малько А. В., Затонский В. А.* Правовая политика в сфере местного самоуправления как средство усиления российской государственности // Закон. 2006. № 11. С. 89–94.
6. *Матузов Н. И.* Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. № 11. С. 32.
7. *Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В. В. Лазарева.* 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 55.
8. *Рыбаков О. Ю.* Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности. СПб., 2004. С. 49.
9. *Степанов М. М.* Местное самоуправление в контексте конституционной реформы 2020 года // Актуальные проблемы рос. права. 2021. Т. 16. № 5 (126). С. 37, 38, 40, 41.
10. *Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько.* 2-е изд. М., 2000. С. 512.
11. *Федоров Н. В.* Правовая политика Советского государства: вопросы истории, теории, практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985.
12. *Чиркин В. Е.* Публичное управление «на местах»: некоторые вопросы российского и зарубежного опыта // Журнал рос. права. 2014. № 10. С. 44.

REFERENCES

1. *Akchurin T. F.* International treaties in the legal system of the USA // Eurasian Legal Journal. 2017. No. 2 (105). P. 210–219 (in Russ.).
2. *Vasiliev V. I.* On the issue of territorial levels of local self-government // Journal of Russ. law. 2017. No. 1. P. 83 (in Russ.).
3. *Klemin A. V.* FRG: correlation of International and national law // Modern Europe. 2017. No. 2 (74). P. 78 (in Russ.).
4. *Kumanin E. V.* Legal policy and development of law in the conditions of developed socialism // Soviet State and Law. 1983. No. 3. P. 127 (in Russ.).

²⁴ См.: СЗ РФ. 2020 г. № 46, ст. 7209.

²⁵ См.: Росс. газ. 2020. 4 июля.

5. *Mal'ko A.V., Zatonsky V.A.* Legal policy in the field of local self-government as a means of strengthening Russian statehood // *Law*. 2006. No. 11. P. 89–94 (in Russ.).
6. *Matuzov N.I.* General concept and main priorities of Russian legal policy // *Legal policy and legal life*. 2000. No. 11. P. 32 (in Russ.).
7. *General theory of law and the state: textbook / ed. by V.V. Lazarev*. 3rd ed., reprint and add. M., 2001. P. 55 (in Russ.).
8. *Rybakov O. Yu.* Russian legal policy in the field of protection of individual rights and freedoms. SPb., 2004. P. 49 (in Russ.).
9. *Stepanov M.M.* Local self-government in the context of the constitutional reform of 2020 // *Actual problems of Russ. law*. 2021. Vol. 16. No. 5 (126). P. 37, 38, 40, 41 (in Russ.).
10. *Theory of state and law: course of lectures / ed. by N.I. Matuzov, A.V. Mal'ko*. 2nd ed. M., 2000. P. 512 (in Russ.).
11. *Fedorov N.V.* The legal policy of the Soviet state: questions of history, theory, practice: dis. ... PhD in Law. M., 1985 (in Russ.).
12. *Chirkin V.E.* Public administration “on the ground”: some issues of Russian and foreign experience // *Journal of Russ. law*. 2014. No. 10. P. 44 (in Russ.).

Сведения об авторе

ТОЛКАЧЕВ Константин Борисович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Председатель Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан; 450008 Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 46

Authors' information

TOLKACHEV Konstantin B. – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Chairman of the State Assembly – the Kurultay of the Republic of Bashkortostan; 46 Zaki Validi str., 450008 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИРОСТ И ДЕПОПУЛЯЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ: НОРМЫ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕВИАЦИИ И РЕСУРСЫ

© 2023 г. В. И. Жуков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: 89260715525@mail.ru

Поступила в редакцию 09.12.2022 г.

Аннотация. В статье на основе анализа действующего законодательства анализируются демографические процессы, нормы и требования, необходимые для роста народонаселения, а также наиболее опасные для развития российской цивилизации отклонения от них, то есть девиации.

Автор выделяет три периода в истории естественного прироста населения, два из которых являются депопуляционными (1992–2012 гг., 2016 г. – по настоящее время) и умеренно позитивный (2013–2015 гг.), а также перечисляет факторы, влияющие на увеличение численности населения.

В ходе анализа отклонений от благоприятного и желательного развития процессов сбережения населения Российской Федерации выделяются основные причины снижения рождаемости, выявляются резервы прироста населения страны, формулируется авторское представление о способах преодоления депопуляции населения в части, касающейся такого губительного явления, как масштабное искусственное прерывание беременности, и раскрывается негативное влияние на рождаемость запрета на аборты.

Ключевые слова: естественный прирост населения, демографические нормы, отклонения, искусственное прерывание беременности, сбережение народонаселения.

Цитирование: Жуков В. И. Естественный прирост и депопуляция населения в России: нормы, демографические девиации и ресурсы // Государство и право. 2023. № 2. С. 17–30.

DOI: 10.31857/S102694520024360-7

NATURAL GROWTH AND DEPOPULATION OF THE POPULATION IN RUSSIA: NORMS, DEMOGRAPHIC DEVIATIONS AND RESOURCES

© 2023 V. I. Zhukov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: 89260715525@mail.ru

Received 09.12.2022

Abstract. Based on the analysis of the current legislation, the article analyzes demographic processes, norms and requirements necessary for population growth, as well as the most dangerous deviations from them for the development of Russian civilization, that is, deviations.

The author identifies three periods in the history of natural population growth, two of which are depopulation (1992–2012, 2016 – present), and moderately positive (2013–2015), and also lists the factors influencing the increase in population.

During the analysis of deviations from the favorable and desirable development of the processes of saving the population of the Russian Federation, the main reasons for the decline in fertility are identified, reserves of population growth are identified, the author's idea of ways to overcome depopulation of the population is formulated in terms of such a disastrous phenomenon as large-scale artificial termination of pregnancy, and the negative impact on the birth rate of the ban on abortions is revealed.

Key words: natural population growth, demographic norms, deviations, artificial termination of pregnancy, population conservation.

For citation: Zhukov, V.I. (2023). Natural growth and depopulation of the population in Russia: norms, demographic deviations and resources // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 17–30.

Если исходить из содержания правового обеспечения государственной демографической политики¹, проводимой в Российской Федерации, то она рассчитана на укрепление института семьи, семейных ценностей, создание условий, позволяющих семьям и гражданам реализовать свои функции и потенциал. Эта политика, с одной стороны, блокирует распространение в стране девиаций, процветающих в англосаксонском сообществе, с другой – ориентирует на достижение национального единства, укрепление российской цивилизации.

Между поставленными целями и достигнутыми результатами есть как соответствия, так и противоречия. Первые хорошо известны (материнский капитал, жилищные субсидии, помощь многодетным, система морального стимулирования,

в том числе возрождение звания «Мать-героиня», и др.), но важнее говорить о неиспользованных возможностях.

I

Главный порок демографической политики – снижение рождаемости, рост смертности, в результате чего приобретает ускорение депопуляция населения, т.е. вырождение нации. Это не только девиация, т.е. отклонение от нормального развития, но и феномен, впервые встречающийся в мирные периоды истории российской цивилизации².

С точки зрения исторической ретроспективы в России наблюдался устойчивый рост численности населения (табл. 1)³.

Таблица 1

Годы	Численность населения России, млн чел.	В том числе, млн чел.		В общей численности населения, %	
		городское	сельское	городское	сельское
1897					
в границах Российской Империи	128 200 000	20.1	108.1	16	84
в современных границах	67 473 000	9.9	57.6	15	85
1914					
в границах Российской Империи	165 700 000	30.6	135.1	18	82
в современных границах	89 900 000 ↑	15.7	74.2	17	83
1917	91 000 000 ↑	15.5	75.5	17	83
1926	100 891 244 ↑	16.4	76.3	18	82
1937	104 932 000 ↑	34.9	70.0	33	67
1939	108 377 000 ↑	36.3	72.1	33	67
1959	117 240 000 ↑	61.1	56.1	52	48
1970	129 941 000 ↑	80.6	49.3	62	38
1971	130 563 000 ↑	82.0	48.6	63	37
1972	131 304 000 ↑	83.6	47.7	64	36
1973	132 069 000 ↑	85.4	46.7	65	35
1974	132 799 000 ↑	87.1	45.7	66	34
1975	133 634 000 ↑	88.9	44.7	67	33
1976	134 549 000 ↑	90.6	43.9	67	33
1977	135 504 000 ↑	92.1	43.4	68	32
1978	136 455 000 ↑	93.5	43.0	69	31
1979	137 410 000 ↑	94.9	42.5	69	31
1980	138 127 000 ↑	96.1	42.0	70	30
1981	138 839 200 ↑	97.3	41.5	70	30
1982	139 603 800 ↑	98.5	41.1	71	29
1983	140 529 800 ↑	99.9	40.6	71	29

¹ См.: Указ Президента РФ от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации «Десятилетия детства» // СЗ РФ. 2017. № 23, ст. 3309; Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20, ст. 2817; Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 30, ст. 4884.

² См. подр.: Жуков В.И. Демографический потенциал России. М., 2010; *Его же*. Социальное развитие России: историко-социологическая компаративистика: в 3 т. М., 2012. Т. 2. С. 467–820; *Его же*. Социально-демографический НАБАТ. М., 2017; и др.

³ См.: URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/782-obshchaya-chislennost-naseleniya-rossii> (дата обращения: 01.10.2022).

Окончание таблицы 1

Годы	Численность населения России, млн чел.	В том числе, млн чел.		В общей численности населения, %	
		городское	сельское	городское	сельское
1984	141 582 600 ↑	101.2	40.4	71	29
1985	142 539 000 ↑	102.4	40.1	72	28
1986	143 527 900 ↑	103.7	39.9	72	28
1987	144 783 700 ↑	105.2	39.6	73	27
1988	145 988 300 ↑	106.7	39.3	73	27
1989	147 022 000 ↑	108.0	39.0	73	27
1990	147 665 000 ↑	108.8	38.9	74	26
1991	148 273 746 ↑	109.4	38.9	74	26

Как видим, с 1897 и до 1941 г., а затем в послевоенные годы наблюдался устойчивый рост численности населения. Особенно высокими темпами население увеличивалось в советское время. Даже в период, подвергшийся наибольшей либеральной фальсификации, т.е. в годы т.н. репрессий, наблюдался естественный прирост населения: с 1926 по 1936 г. включительно численность населения ежегодно увеличивалась на 1 млн человек, с 1937 по 1941 г. – на 1.5 млн человек.

В дальнейшем, с 1989 г., прирост населения замедлился, но сохранился, а в 1992 г. началась депопуляция, ставшая результатом преобладания смертности населения над рождаемостью (табл. 2)⁴.

Начиная с 1992 г. наблюдаются три этапа демографического развития Российской Федерации, два из которых – депопуляционные (1992–2012 гг.; 2013–2015 гг. – умеренно позитивный); с 2016 г. и по настоящее время – падение в демографическую яму. В первом периоде роковым был 2000 г., когда потери народонаселения приблизились к 1 млн человек (949 100), а в XXI в. – 2021 г., когда смертность превысила рождаемость более чем на 1 млн человек (1 043 341). Вероятно, в 2022 г. соотношение рождаемости и смертности приведёт к ещё большему демографическим потерям.

Демографические потери, подсчитанные на основе официальных статистических данных за пе-

Таблица 2

Годы	Всего, чел.			На 1000 чел. населения		
	родившихся	умерших	естественный прирост	рождаемость	смертность	естественный прирост
1992 ⁵	1 587 644	1 807 441	–219 797	10.7	12.2	–1.5
1995	1 363 806	2 203 811	–840 005	9.3	15.0	–5.7
2000	1 266 800	2 225 332	–958 532	8.7	15.3	–6.6
2001	1 311 604	2 254 856	–943 252	9.0	15.6	–6.6
2002	1 396 967	2 332 272	–935 305	9.7	16.2	–6.5
2003	1 477 301	2 365 826	–888 525	10.2	16.4	–6.2
2004	1 502 477	2 295 402	–792 925	10.4	15.9	–5.5
2005	1 457 376	2 303 935	–846 559	10.2	16.1	–5.9
2006	1 479 637	2 166 703	–687 066	10.3	15.1	–4.8
2007	1 610 122	2 080 445	–470 323	11.3	14.6	–3.3
2008	1 713 947	2 075 954	–362 007	12.0	14.5	–2.5
2009	1 761 687	2 010 543	–248 856	12.3	14.1	–1.8
2010	1 788 948	2 028 516	–239 568	12.5	14.2	–1.7
2011	1 796 629	1 925 720	–129 091	12.6	13.5	–0.9
2012	1 902 084	1 906 335	–4251	13.3	13.3	0.0
2013	1 895 822	1 871 809	24 013	13.2	13.0	0.2
2014	1 942 683	1 912 347	30 336	13.3	13.1	0.2

⁴ См.: URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/784-rozhdaemost-smernost> (дата обращения: 01.10.2022).

⁵ См.: Жуков В.И. Социально-демографический НАБАТ. С. 49.

риод с 2016 по 2021 г., производные от негативно-го соотношения количества рождённых и умерших, составляют 2 425 316 человек. С учётом демографических потерь в естественном приросте населения, понесённых за период с 2000 по 2012 г. включительно,

Окончание таблицы 2

Годы	Всего, чел.			На 1000 чел. населения		
	родившихся	умерших	естественный прирост	рождаемость	смертность	естественный прирост
2015	1 940 579	1 908 541	32 038	13.3	13.0	0.3
2016	1 888 729	1 891 015	-2286	12.9	12.9	-0.01
2017	1 690 307	1 826 125	-135 818	11.5	12.4	-0.9
2018	1 604 344	1 828 910	-224 566	10.9	12.5	-1.6
2019	1 481 074	1 798 307	-317 233	10.1	12.3	-2.2
2020	1 436 514	2 138 586	-702 072	9.8	14.6	-4.8
2021	1 398 253	2 441 594	-1 043 341	9.6	16.7	-7.1

эта цифра возрастёт до 9 931 576 человек. Если к потерям, понесённым в XXI в., прибавить негативное соотношение между рождаемостью и смертностью в 90-х годах XX в., то станет понятным, что демографические потери существенно превысят боевые утраты СССР в годы Великой Отечественной войны.

В связи с упомянутыми боевыми потерями особый интерес представляет вопрос о том, какова цена освобождения Красной Армией своей территории и других стран.

Как известно, накануне Великой Отечественной войны в СССР проживало 195.4 млн человек⁶. Людские потери за годы войны составили 26.6 млн человек⁷, безвозвратные потери – 11 444 100 человек.

На начало 1946 г. в СССР проживало 170.5 млн человек, в том числе 74.4 млн мужчин и 96.2 млн женщин⁸. Разница в количестве мужчин и женщин составляла 21.8 млн человек, что создавало крайне неблагоприятную репродуктивную ситуацию. Нетрудно рассчитать, что при сохранении естественного прироста населения, сложившегося накануне Великой Отечественной войны, в СССР в 1946 г. проживало бы 209.9 млн человек, а женщин было бы только на 9.9 млн больше. Эти гипотетические потери – результат нацистского нашествия европейских стран в 1941–1945 гг. на СССР.

Существенные потери во время войны понесло гражданское население РСФСР: к началу 1946 г. в России проживало 55.9 млн женщин и 41.7 млн мужчин.

Всего – 97.6 млн человек. Гипотетические потери населения составили 19.8 млн человек⁹.

За годы нацистской оккупации карателями преднамеренно уничтожено 7 420 373 мирных жителей; 2 164 313 человек погибли на принудительных работах в Германии; 4 100 000 стали жертвами оккупационного режима. Всего – 13 684 692 человека¹⁰. Из них граждан РСФСР – 1 906 661 человек; Украины – 2 402 234; Белоруссии – 399 374; Латвии – 279 615; Литвы – 160 019; Эстонии – 74 226; Молдавии – 42 242 человека. Из общего числа граждан, вывезенных на каторжные работы в Германию, на родину после Победы вернулись 2 654 100 человек; эмигрантами стали 451 100 человек. Погибли – 2 164 313 человек¹¹, в основном от рук карателей. А ими были не только немцы, но и нацисты украинской, польской, литовской, латвийской, эстонской и других национальностей.

Катастрофические последствия для демографического потенциала населения СССР имели боевые потери Красной Армии. Поисковая работа, установление имён военнослужащих, ошибочно зачисленных в число погибших, а также исключение из числа безвозвратных потерь вернувшихся из плена, уточнённые потери составляют 8 668 400 человек¹². 31.8% этих потерь относятся к 1941 г., 27.3% – к 1942 г., 19.4% – к 1943 г., 14.8% – к 1944 г., 6.7% – к 1945 г., т.е. 59.1% потерь приходится на 1941 и 1942 гг. и 6.7% – на последний год войны. В табл. 3 отражены безвозвратные потери военнослужащих по национальному составу.

Таблица 3

Безвозвратные потери военнослужащих по национальному составу¹³

Национальный состав	Тыс. чел.	В %
Русские	5756.0	66.40
Украинцы	1377.4	15.89
Белорусы	259.9	2.92

⁹ См.: там же.¹⁰ См.: там же. С. 274.¹¹ См.: там же. С. 275.¹² См.: там же. С. 269.¹³ Таблица составлена автором по кн.: Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник. С. 271.⁶ См.: Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник. М., 2020. С. 26.⁷ См.: там же. С. 267.⁸ См.: там же. С. 268.

Окончание таблицы 3

Национальный состав	Тыс. чел.	В %
Татары	187.7	2.16
Евреи	142.5	1.64
Казахи	125.5	1.45
Узбеки	117.9	1.36
Армяне	83.7	0.97
Грузины	79.5	0.92
Мордвины	63.3	0.73
Чуваши	63.3	0.73
Азербайджанцы	58.4	0.67
Молдаване	53.9	0.62
Башкиры	31.7	0.37
Эстонцы	21.2	0.25
Латыши	11.6	0.13
Литовцы	11.6	0.13
Другие	230.7	2.66

При освобождении территории РСФСР погибло 1860 900 человек, Украинской ССР – 968 100, Белорусской ССР – 213 600, Литовской ССР – 137 200, Латвийской ССР – 130 200, Эстонской ССР – 67 100, Молдавской ССР – 18 700. Всего – 3 395 800 человек.

Ещё большие потери Красная Армия понесла при освобождении стран Европы и Азии. Если считать только безвозвратные потери, то за освобождение Польши бойцы и командиры Красной Армии отдали 600 212 жизней, Чехословакии – 139 918, Венгрии – 140 044, Германии – 101 961, Румынии – 68 993, Австрии – 26 006, Югославии – 7995, Норвегии – 3436, Болгарии – 977, Китая – 9272, Северной Кореи – 691. С учётом санитарных потерь общая цифра вырастет до 3 889 686 человек. При этом на долю Польши приходится 2 016 244 человека, т.е. 51.84% безвозвратных и санитарных потерь¹⁴.

Для прояснения памяти всех тех, кто сейчас сносит памятники советским воинам-освободителям, следует заметить, что вклад их предков в борьбу с захватчиками невелик (табл. 4).

Таким образом, за свободу европейских государств отдали свои жизни 749 542 советских воина и 76 050 граждан тех стран, которым несла свободу Красная Армия, т.е. почти в 10 раз меньше.

Красная Армия освобождала от нацизма те государства, чьи граждане воевали против СССР. Всем известна эскадрилья «Нормандия-Неман», но мало кто знает о том, чем на территории СССР «прославился» французский легион. В движении французского антифашистского сопротивления участвовали французские антифашистские подразделения. В боях с гитлеровцами погибли более 20 000 патриотов, а в войне против СССР – более 50 000 французов¹⁶. Французский легион вместе с нацистами других национальностей упорно защищал Берлин. В борьбе с гитлеровцами сложили головы 24 707 поляков, но около 300 000 поляков (в 10 с лишним раз больше) воевали против СССР и не вернулись с Восточного фронта¹⁷.

При анализе демографических процессов, протекающих после 1946 г., исключительно важно учитывать тот урон, который причинён демографическому

Таблица 4

Потери иностранных формирований, сражавшихся на стороне СССР¹⁵, чел.

Государства (периоды их участия в военных действиях)	Безвозвратные потери	Санитарные потери	Всего
Румыния (1944–1945 гг.)	37 208	92 108	129 316
Польша (1943–1945 гг.)	24 707	44 233	68 940
Болгария (1945 г.)	10 124	21 541	31 665
Чехословакия (1943–1945 гг.)	4071	10 191	14 202
Всего	76 050	168 073	244 223

¹⁴ Подсчитано автором на основе кн.: Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник. С. 272.

¹⁵ Подсчитано автором на основе официальных статистических данных.

¹⁶ См.: Шутлов А.Д. Россия в жерновах истории. М., 2008. С. 6.

¹⁷ См. подр.: Жуков В.И., Федякина Л.В. Триумфы и трагедии XX века в социальной истории России. Историко-социологический анализ. М., 2015. С. 40, 41.

потенциалу и который продолжает оказывать негативное воздействие на состояние народонаселения страны. Значение этих факторов нельзя преуменьшать, но не следует только этим объяснять состояние народонаселения современной России.

II

Как известно, одна из целей Национального проекта «Демография»¹⁸ в части, касающейся суммарного коэффициента рождаемости (СКР), равного 1.7 ребёнка на одну женщину фертильного возраста (15–49 лет), не достигнута. СКР не толь-

в XXI в.: в 2020 г. финансирование демографических проектов снизилось на 57.2 млрд руб., в 2021–2022 гг. – ещё на 150 млрд руб.¹⁹ Увеличение размера материнского (на самом деле родительского) капитала и улучшение условий его получения и использования²⁰ существенного влияния на повышение эффективности демографической политики не окажет.

Определённую озабоченность вызывает снижение количества браков, увеличение разводов (табл. 5). Приходится учитывать и то, что в гражданском браке, по оценке социологов, сейчас состоят до 35% молодых людей.

Таблица 5

Сводная таблица, отражающая коэффициенты брачности и разводимости²¹

Годы	Статистика браков в России		Статистика разводов в России	
	всего, единиц	на 1000 чел. населения	всего, единиц	на 1000 чел. населения
1950	1 222 971	12.0	49 378	0.5
1990	1 319 928	8.9	559 918	3.8
2000	897 327	6.2	627 703	4.3
2010	1 215 066	8.5	639 321	4.5
2015	1 161 068	7.9	611 646	4.2
2016	985 836	6.7	608 336	4.1
2017	1 049 735	7.1	611 436	4.2
2018	893 039	6.1	583 942	4.0
2019	950 167	6.5	620 730	4.2
2020	770 857	5.3	564 704	3.9
2021	923 550	6.3	644 209	4.4

ко не приобрёл тенденцию к достижению нижнего порога рождаемости, необходимого для простого замещения поколений (2.1–2.2), но и по сравнению со временем принятия национальных проектов снизился с 1.75 ребёнка в 2014 г. до 1.67 в 2021 г. Не исключено, что при сохранении базовых основ демографической политики он снизится до 1.54. Это означает, что девиационный процесс депопуляции продолжится.

Безусловно, одной из причин продолжающейся депопуляции населения является то, что называется возрастными демографическими сдвигами. Под сдвигом понимается снижение количества женщин, рождённых после 1991 г., однако этот негативный процесс порождён не только указанными причинами, но и нерациональной либеральной финансово-экономической политикой, которая сформировалась в 90-х годах XX столетия и продолжилась

Как видим, начиная с 1950-х годов семья постепенно утрачивает своё предназначение того социального института, который призван обеспечивать устойчивый естественный прирост населения. В течение последних 10 лет развития российской цивилизации ситуация стабилизировалась, но не приобрела прогрессирующий характер. Меры, предпринимаемые Администрацией Президента РФ, Правительством РФ, органами власти субъектов Российской Федерации, дают некоторые положительные результаты. Например, в 2021 г. количество браков увеличилось на 152 793 единицы, но увеличилось и число разводов (на 79 505).

¹⁹ См.: Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад–2020. М., 2020. С. 86.

²⁰ В Федеральном законе от 01.03.2020 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением материнского (семейного) капитала» (см.: СЗ РФ. 2020. № 9, ст. 1127) определено, что он увеличивается с 466 617 руб. до 616 617 руб. в случае рождения второго ребёнка.

²¹ См.: URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/787-statistika-brakov-i-razvodov> (дата обращения: 02.10.2022).

¹⁸ Национальный проект «Демография» включает в себя пять проектов: «Старшее поколение», «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Содействие занятости женщин – развитие дошкольного образования», «Спорт – норма жизни», «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек».

Одновременно с этим закрепились тенденции более позднего вступления в брак. Во многих семьях на более поздний срок, чем это было в конце XX в., откладывается рождение первого ребёнка. Между тем многодетная семья — это не только демографическое достояние страны, но и основа семейного благополучия. Государство высоко ценит такие семьи, оказывает им помощь в предоставлении различных льгот и выплат.

При справедливости всего сказанного фактом остаётся то, что в основе несбывшихся надежд на семейное счастье лежат причины социального характера, в числе которых социологи выделяют отсутствие у молодых семей надежд на создание нормальных жилищных условий (44% молодых людей в возрасте 25 лет называют источником всех проблем неудовлетворительные жилищные условия)²²; неправильное поведение, в том числе пьянство, насилие в семье, супружеская неверность, низкая заработная плата и т.д. Не требует доказательств утверждение, что при улучшении социального самочувствия молодых людей семейное благополучие станет источником роста населения страны.

На рождаемость существенное влияние оказывает ряд других факторов: существенные демографические потери, связанные с искусственным прерыванием беременности; имущественное социальное неравенство, масштабная бедность и нищета; пессимистическое социальное самочувствие населения; низкий авторитет отца и матери как носителей самого высокого звания и т.д. Есть и другие факты социальной жизни, которые на первый взгляд кажутся экзотическими (регулярное предоставление отпуска военнослужащим в период прохождения действительной воинской службы; предоставление длительных свиданий заключённым с жёнами и т.д.).

Особое внимание следует обратить на аборты. Заметим, что ни в России, ни в США, Румынии, Польше, ни в других государствах запреты на искусственное прерывание беременности не давали (и в принципе не могут дать) позитивных результатов. Не решила её даже «менструальная полиция» в Румынии, следившая за тем, чтобы все женщины проходили тест на беременность, а те, кто долго воздерживался, платили высокий налог за такого рода воздержание, что привело к росту рождаемости в стране, но породило нищету многодетных семей. Однако это не означает, что «мальтузианская ловушка», т.е. известное с первой половины XIX в. высказывание о том, что четыре-пять рождений, приходящихся на одну женщину, «съедают» экономический рост, корректно. Высокая рождаемость

действительно может вести к бедности и нищете, но только в том случае, когда не поощряется государством. Известно, что политику увеличения рождаемости проводят не процветающие страны, а те, которые к такому состоянию стремятся. Поощрение рождаемости в таких государствах дополняется эффективной социально-экономической политикой, одна из целей которой — материальное и моральное вознаграждение многодетных семей. Разумная социальная политика — это политика **детоцентризма**.

Помимо низкой заработной платы основной массы рядовых работников в стране зачастую не соблюдаются работодателями условия труда (сокращаются сроки отпусков; растёт интенсивность труда и увеличивается занятость; фиксируется высокий травматизм; не всегда соблюдается техника безопасности; обнуляются бесплатные медицинские услуги и санаторно-курортное лечение; дорогостоящим стало пребывание в дошкольных учреждениях; для большинства семей недоступным стало среднее специальное и высшее образование).

Существенное влияние на социальное самочувствие населения, особенно молодых семей, имеют масштабное мздоимство, бюрократическое чванство чиновников, разрушающие такие ментальные качества населения России, как уважение достоинства человека, соблюдение принципа справедливости, сострадание к тем, кто в нём нуждается.

Достижение национальной сплочённости российского общества, особенно в условиях нарастающих санкций, невозможно без кардинального изменения кадровой политики, коррекции системы налогообложения, частичного пересмотра итогов приватизации. Национальным интересам Российской Федерации отвечает правительственная реакция на уход из страны зарубежных монополий; отказ от коррупционной системы закупок; очищение всех сфер жизнедеятельности, особенно образования, от масштабной коррупции. Необходим переход к социальной политике, рассчитанной на достижение достойного гражданина уровня и качества жизни за счёт перераспределения олигархического капитала и сверхприбылей, получаемых рядом корпораций; рационализация системы занятости; увеличение пособий по безработице и т.д.

Особую опасность для суверенитета нашей страны представляет неэффективная пространственная политика и невысокая плотность населения, особенно в районах, расположенных за Уралом. Богатство и могущество России пока не прирастают Сибири. Колоссальные финансовые вложения должной отдачи не дают, хотя точки роста обозначились, о чём свидетельствует Дальневосточный экономический форум. Пока плотность населения в Сибири и на Дальнем Востоке не превышает 2.3 человека на 1 км², в то время

²² См.: Терентьев Д. Не пора ли вспомнить о радости материнства // Аргументы недели. 2022. № 35 (830). С. 8.

как в КНР на 1 км² приходится более 340 жителей. Любопытно отметить, что на необъятных просторах Сибири и Дальнего Востока всего лишь пять городов-миллионников, а на пограничной с Российской Федерацией территории КНР появилось более десятка городов с населением в несколько миллионов жителей.

III

Определённое значение для оценки демографического состояния России имеет интегральный показатель медицинского обслуживания, качества питания, состояния окружающей среды и т.д., каким является ожидаемая продолжительность жизни (табл. б). Его значение с 1992 по 2004 г. снижалось, после чего наметился некоторый рост²³.

К концу 2021 г. ожидаемая продолжительность жизни составила 70.06 (65.51 – у мужчин, 74.51 – у женщин). Этот показатель близок к тем значениям, которые сложились в СССР к середине 1980-х годов (70.13), и остаётся низким по сравнению со многими другими странами. Например, от населения государств Европейского Союза население России отстаёт на 10 лет. У россиян набор болезней, характерный для старости, появляется в 59 лет. По этому показателю Российская Федерация занимает 160-е место в мире²⁴.

Серьезную проблему представляет разница в ожидаемой продолжительности жизни между мужчинами и женщинами – почти 10 лет. По сравнению с советским этапом развития российской цивилизации она существенно уменьшилась (почти на четыре года). После увеличения сроков выхода на пенсию социальный институт «бабушек»

Таблица 6

Годы	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России, лет		
	Все население		
	всего	мужчины	женщины
1896–1897 (по 50 губерниям Европейской России)	30.54	29.43	31.69
1926–1927 (по Европейской части РСФСР)	42.93	40.23	45.61
1961–1962	68.75	63.78	72.38
1970–1971	68.93	63.21	73.55
1980–1981	67.61	61.53	73.09
1990	69.19	63.73	74.30
1995	64.52	58.12	71.59
2000	65.34	59.03	72.26
2001	65.23	58.92	72.17
2002	64.95	58.68	71.90
2003	64.84	58.53	71.85
2004	65.31	58.91	72.36
2005	65.37	58.92	72.47
2006	66.69	60.43	73.34
2007	67.61	61.46	74.02
2008	67.99	61.92	74.28
2009	68.78	62.87	74.79
2010	68.94	63.09	74.88
2011	69.83	64.04	75.61
2012	70.24	64.56	75.86
2013	70.76	65.13	76.30
2014	70.93	65.29	76.47
2015	71.39	65.92	76.71
2016	71.87	66.50	77.06
2017	72.70	67.51	77.64

²³ См.: URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/785-ozhidaemaya-prodolzhitelnost-zhizni-pri-rozhdanii> (дата обращения: 01.10.2022).

²⁴ См.: URL: [https://www.thelancet.com/journals/lanpub/article/PIIS2468-2667\(19\)30019-2/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpub/article/PIIS2468-2667(19)30019-2/fulltext) (дата обращения: 01.10.2022).

Окончание таблицы 6

Годы	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России, лет		
	Все население		
	всего	мужчины	женщины
2018	72.91	67.75	77.82
2019	73.34	68.24	78.17
2020	71.54	66.49	76.43
2021	70.06	65.51	74.51

и «дедушек» как воспитателей внуков (по словам И. В. Сталина, пенсия — это зарплата за воспитание внуков и за сохранение преемственности поколений) практически исчез. Они находятся в таком состоянии, когда требуется медицинский уход за ними, а не за внуками. Помимо этого сохраняется слабоизученная проблема женского одиночества, проблема вдов. Важно заметить, что это уже не «демографическое эхо» войны, а результат в основном низкого уровня самосохранительного поведения, с одной стороны, и слабой социальной политики — с другой. Это — одно из последствий разрушения системы медицинского обслуживания населения на уровне первичного звена.

Приходится говорить и о существенном разрыве между принятыми решениями и результатами их исполнения. Например, Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утверждённая Указом Президента РФ 9 октября 2007 г. № 1351²⁵, требовала к 2020 г.: увеличения численности населения до 145.5 млн человек; ожидаемой продолжительности жизни до 74 лет; увеличения суммарного коэффициента рождаемости до 1.87; обеспечения миграционного прироста на уровне не менее 200 000 человек. Ни один из этих показателей, за исключением масштабов миграции, не выполнен, ответа на вопрос: почему? — нет.

В основе всех негативных демографических процессов лежит множество факторов, среди которых особое влияние на социальное самочувствие населения оказывают: низкий уровень заработной платы работников, особенно бюджетной сферы; мизерный размер пенсий у подавляющей части населения России и др.

Для оценки эффективности демографической политики определенное значение имеет компаративистика, т.е. сравнение результатов с достижениями прошлых лет, а также сопоставление аналогичных показателей с другими странами. Сопоставление с советским этапом развития российской цивилизации нами уже приводилось, а по такому показателю, как естественный прирост населения, наша страна отстаёт даже по сравнению

с государствами Центральной Азии, обладающими гораздо меньшими ресурсами, чем Россия.

Государства Центральной Азии, ранее входившие в состав СССР, не сохранили высокие советские темпы естественного прироста населения, но существенно опережают по демографическим показателям Российскую Федерацию. При коэффициенте 2.16 рождения на одну женщину, соблюдение которого обеспечивает стабильный состав населения страны, у этнических таджичек на одну женщину репродуктивного возраста приходится 3.19 ребёнка; у узбечек — 2.99; у казашек — 2.95; у каракалпачек — 2.69; у этнических русских, проживающих на этой территории, — 1.35 ребёнка²⁶.

Из статистических показателей можно сделать два вывода: один сводится к тому, что демографическая политика государств Центральной Азии носит традиционно позитивный характер, другой — высокая рождаемость и прирост населения влияют на социальное самочувствие населения, стимулируют бедность и безработицу. При этом следует обратить внимание на то, что добиться повышения уровня и качества жизни легче, чем обеспечить естественный прирост населения. Позитивное влияние, национальные традиции и эффективная демографическая политика имеют важное значение для обеспечения государственного суверенитета, поскольку создают необходимую для этого плотность населения. Площадь государств Центральной Азии составляет 3 948 002 км². Если исключить территории, непригодные для постоянного проживания, то в Кыргызстане плотность населения на 1 км² составит 81.5 жителя, в Таджикистане — 65.9, Узбекистане — 75.5 жителя. Плотнее других заселена многонациональная Ферганская долина, где на 1 км² проживают 200.3 человека²⁷.

В Кыргызстанской части Ферганской долины в 2019 г. рождаемость составила 96 700 человек, а смертность — 15 600, т.е. естественный прирост населения — 81 100. Даже при миграционном оттоке (5300 человек) он равен 76 800.

²⁶ См.: Рязанцев С. В. Миграция в Евразии до и во время пандемии COVID-19: тренды, последствия, миграционная политика. М., 2021. С. 122.

²⁷ См. подр.: там же. С. 123.

²⁵ См.: СЗ РФ. 2007. № 42, ст. 5009.

Таблица 7

Естественный прирост населения в Кыргызской Республике в 2011–2019 гг., чел.

2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
113 671	118 732	120 640	126 249	128 644	124 685	120 454	138 160	140 189

Позитивными являются и общие демографические показатели в Кыргызстане в 2019 г. (табл. 7)²⁸.

С 2011 по 2019 г. в Кыргызстане наблюдался устойчивый рост населения. Исключение составляют только 2016 и 2017 гг., когда произошло снижение естественного прироста населения, что объясняется социальными причинами политического характера.

В государствах Центральной Азии суммарный коэффициент рождаемости в 2020 г. составил: в Узбекистане – 240 детей на 100 женщин, в Кыргызстане – 290, в Таджикистане – 350 детей²⁹. В городе Ош этот коэффициент перекрывает достижения многих африканских стран: здесь на 100 женщин в 2019 г. пришлось 510 новорожденных³⁰.

Вопреки рекомендациям экспертов (как российских, так и Всемирного банка) власти этих регионов не ограничивают рождаемость, проявляя уважение к культурным традициям населения региона. Для них неприемлем вывод демографов либеральной ориентации. Например, А. Вишневский считает: «Таджикистан не такая богатая страна, у неё довольно ограниченные природные и земельные ресурсы, таким образом, рост населения становится опасным для экономики и социального благополучия страны. Политика правительства должна быть направлена на ограничение рождаемости...»³¹.

Основные направления современного демографического развития включают в себя преодоление сложившихся отклонений (девиаций). В их числе: преодоление депопуляции за счёт укрепления семьи и роста рождаемости; улучшение здоровья населения; снижение смертности, в том числе младенческой и материнской; рост

продолжительности жизни; улучшение условий труда и качества жизни населения; оздоровление образа жизни; формирование безопасной окружающей среды; улучшение системы здравоохранения, особенно первичной медицинской помощи; доступность населения к высокотехнологичной медицинской помощи, образованию, культуре и спорту.

Демографические ресурсы складываются не только из показателей естественного прироста населения. Они зависят от целого ряда других факторов, в том числе миграции населения. В целом они делятся на две группы: внутренние и внешние. Первая производна от репродуктивного состояния женщин в возрасте от 15 до 49 лет, физиологических способностей мужчин, восприятия семьи как одной из главных ценностей. Определённое значение имеют и такие факторы, как дорожно-транспортные происшествия, потери в военных конфликтах, увечья и даже смерть в результате техногенных катастроф, аварии на предприятиях, эпидемии и пандемии и т.д. При этом следует отметить, что женщины, которые не хотели бы стать матерями, встречаются достаточно редко.

Один из демографических факторов, который может иметь как позитивное, так и негативное влияние, это – миграция. В этом явлении многие специалисты видят единственный источник выхода нашей страны из депопуляционной ямы. Основанием для подобного оптимизма была позитивная направленность миграционных процессов: длительное время количество въезжающих в Российскую Федерацию существенно превышало число покидающих её (табл. 8).

Таблица 8

Миграционные процессы³²

Годы	Прибыло всего, чел.	Выбыло всего, чел.	Миграционный прирост, чел.
1991	692 238	675 497	16 741
1992	926 020	673 143	252 877
1993	923 280	483 028	440 252
1994	1 146 735	337 121	809 614
1995	842 050	339 600	502 450
1996	631 592	288 048	343 544

²⁸ См.: Рязанцев С. В. Указ. соч. С. 125.

²⁹ См.: там же. С. 128.

³⁰ См.: там же. С. 130.

³¹ Цит. по: там же. С. 131.

В 90-х годах XX в. неблагоприятное соотношение рождаемости и смертности, а также связанные

³² См.: URL: <https://proza.ru/2022/07/17/859> (дата обращения: 01.10.2022).

Окончание таблицы 8

Годы	Прибыло всего, чел.	Выбыло всего, чел.	Миграционный прирост, чел.
1997	583 260	234 284	348 976
1998	495 304	216 691	278 613
1999	367 197	237 967	129 230
2000	393 330	161 046	198 284
2003	129 144	94 018	35 126
2009	279 907	32 458	247 449
2018	565 687	440 803	124 884
2020	594 146	487 672	106 474
2021	667 900	238 000	429 900

с причинами депопуляции другие процессы в значительной степени компенсировались за счёт миграционного прироста.

Как видим, с 1997 по 2000 г. включительно за счет миграции население Российской Федерации увеличилось на 3 330 581 человек. В течение следующего десятилетия миграционный прирост уменьшился, но сохранялся и существенно влиял на общую численность населения России.

2021 год был последним, когда сохранялся миграционный прирост и росла численность населения Российской Федерации. Он составил 429 900 человек. Ситуация изменилась в 2022 г.: за первые шесть месяцев этого года миграционный отток впервые за последние 30 лет истории российской цивилизации составил 96 700 человек (прибыло 1 876 352 чел., выбыло 1 973 089 чел.).

Наибольшее количество выбывших в первой половине 2022 г. приходится на Украину (79 641), Таджикистан (58 420), Армению (49 022), Кыргызстан (43 626), Казахстан (40 767). Почти те же страны находятся в перечне государств, из которых в Российскую Федерацию прибыли их граждане: из Таджикистана – 82 658, Украины – 57 899, Армении – 30 936, Казахстана – 30 550, Кыргызстана – 27 932, Узбекистана – 24 999. В целом в Россию прибыло 294 880 (вероятно, русских), убыло 368 838 граждан разных национальностей (табл. 9).

IV

Особое значение для понимания роли демографических процессов в цивилизационном развитии России имеют прогнозы. Наиболее крупные

Таблица 9

Показатели международной миграции³³

	Первое полугодие 2022 г.		
	число прибывших	число выбывших	миграционный прирост (+), снижение (–)
Международная миграция	322 348	419 085	–96 737
с государствами – участниками СНГ	294 880	368 838	–73 958
в том числе:			
Азербайджан	16 254	23 082	–6828
Армения	30 936	49 022	–18 086
Беларусь	8987	12 089	–3102
Казахстан	30 550	40 767	–10 217
Кыргызстан	27 932	43 626	–15 694
Молдова	11 077	13 199	–2122
Таджикистан	82 658	58 420	+24 238
Туркменистан	3588	10 374	–6786
Узбекистан	24 999	38 618	–13 619
Украина	57 899	79 641	–21 742

³³ См.: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.10.2022).

специалисты в этой области сконцентрированы в Росстате. Именно они разработали три варианта: низкий, средний, высокий (табл. 10).

Таблица 10

Родившиеся, умершие и естественный прирост населения³⁴ (по состоянию на 1 июля 2022 г.)

Годы	Всего, тыс. чел.			На 1000 населения		
	родившихся	умерших	естественный прирост	родившихся	умерших	естественный прирост
Низкий вариант прогноза						
2020	1346.0	1830.4	-484.4	9.2	12.5	-3.3
2021	1294.0	1848.1	-554.1	8.9	12.6	-3.7
2022	1201.1	1864.0	-662.9	8.2	12.8	-4.6
2023	1153.9	1878.5	-724.6	8.0	12.9	-4.9
2024	1114.8	1891.4	-776.6	7.7	13.1	-5.4
2025	1079.4	1902.9	-823.5	7.5	13.2	-5.7
2026	1053.3	1913.2	-859.9	7.4	13.4	-6.0
2027	1039.4	1922.9	-883.5	7.3	13.5	-6.2
2028	1030.4	1932.0	-901.6	7.3	13.7	-6.4
2029	1024.6	1940.7	-916.1	7.3	13.8	-6.5
2030	1022.9	1949.6	-926.7	7.3	14.0	-6.7
2031	1022.5	1958.8	-936.3	7.4	14.2	-6.8
2032	1028.3	1968.8	-940.5	7.5	14.3	-6.8
2033	1038.2	1979.5	-941.3	7.6	14.5	-6.9
2034	1050.7	1990.9	-940.2	7.7	14.7	-7.0
2035	1062.8	2003.0	-940.2	7.9	14.9	-7.0
Средний вариант прогноза						
2020	1433.3	1789.0	-355.7	9.8	12.2	-2.4
2021	1412.8	1787.7	-374.9	9.6	12.2	-2.6
2022	1363.0	1786.4	-423.4	9.3	12.2	-2.9
2023	1291.8	1785.0	-493.2	8.8	12.2	-3.4
2024	1249.6	1782.1	-532.5	8.6	12.2	-3.6
2025	1205.7	1777.9	-572.2	8.3	12.2	-3.9
2026	1189.5	1772.7	-583.2	8.2	12.2	-4.0
2027	1182.2	1765.7	-583.5	8.2	12.2	-4.0
2028	1182.1	1752.5	-570.4	8.2	12.1	-3.9
2029	1186.6	1739.1	-552.5	8.2	12.0	-3.8
2030	1192.1	1727.4	-535.3	8.3	12.0	-3.7
2031	1201.0	1717.8	-516.8	8.3	11.9	-3.6
2032	1216.9	1710.6	-493.7	8.5	11.9	-3.4
2033	1238.5	1705.2	-466.7	8.6	11.9	-3.3
2034	1264.1	1699.7	-435.6	8.8	11.9	-3.1
2035	1289.2	1687.7	-398.5	9.0	11.8	-2.8
Высокий вариант прогноза						
2020	1492.0	1741.3	-249.3	10.2	11.9	-1.7
2021	1559.7	1715.8	-156.1	10.6	11.7	-1.1
2022	1545.4	1694.1	-148.7	10.5	11.5	-1.0
2023	1483.0	1675.8	-192.8	10.1	11.4	-1.3

³⁴ См.: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.10.2022).

Окончание таблицы 10

Годы	Всего, тыс. чел.			На 1000 населения		
	родившихся	умерших	естественный прирост	родившихся	умерших	естественный прирост
2024	1433.0	1654.3	-221.3	9.7	11.2	-1.5
2025	1396.1	1626.5	-230.4	9.5	11.0	-1.5
2026	1369.2	1601.5	-232.3	9.3	10.8	-1.5
2027	1355.4	1578.9	-223.5	9.2	10.7	-1.5
2028	1354.6	1556.1	-201.5	9.1	10.5	-1.4
2029	1352.9	1525.5	-172.6	9.1	10.3	-1.2
2030	1351.3	1500.5	-149.2	9.1	10.1	-1.0
2031	1352.7	1480.5	-127.8	9.1	10.0	-0.9
2032	1362.3	1465.8	-103.5	9.1	9.8	-0.7
2033	1379.9	1456.0	-76.1	9.2	9.8	-0.6
2034	1402.7	1450.1	-47.4	9.4	9.7	-0.3
2035	1426.9	1448.2	-21.3	9.5	9.7	-0.2

Ни один из этих прогнозов не вселяет оптимизма, поскольку предполагает некоторые колебания, но фиксируют до 2035 г. депопуляцию населения в диапазоне от 940 000 до 21 300 в год. При этом ожидается, что позитивное влияние на количественный состав населения будет оказывать миграционный прирост. Между тем он может быть иным.

Следует обратить внимание на то, что прогноз численности населения Российской Федерации, основанный на изучении процессов рождаемости и смертности, недостаточен. Необходимо учитывать все резервные возможности демографического роста и стимулировать их использование в реальной политике³⁵. Если этого не произойдёт, то к 2035 г. суммарный коэффициент рождаемости может колебаться в диапазоне от 1.579 рождения на одну женщину до 1.749. Вероятнее всего, он составит 1.635 рождения³⁶. Учитывать резервные возможности, помимо рождаемости, необходимо в том числе и потому, что на смертность населения будет оказывать негативное влияние как пандемия, так и другие факторы (например, обострение международных отношений и т.д.).

При сильной демографической политике возможно, во-первых, использовать увеличение рождаемости и снижение смертности, а также рост ожидаемой продолжительности жизни; во-вторых, создать

³⁵ См. подр.: Савенков А. Н., Жуков В. И. Социология правовых девиаций и социальных аддикций. М., 2018. В этой работе авторы с математической точностью определяют, какой позитивный итог могут дать мероприятия, рассчитанные на преодоление таких правовых девиаций, как преступность, и ограничение распространения социальных аддикций, т.е. зависимости от наркотиков, алкоголя, табакокурения, игромании и т.д.

³⁶ См.: Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад—2020. С. 129–134.

благоприятные условия для того, чтобы Россия оказалась привлекательной страной как для этнических русских (в собирательном значении этого слова), проживающих за рубежом, так и для граждан других государств, связывающих своё благополучие с Россией; в-третьих, есть целый блок социально-политических факторов, которые неизбежно, как в случае с Крымом, Севастополем, Донецкой и Луганской народными республиками, Херсонской и Запорожской областями и др., приведут к увеличению численности населения Российской Федерации на 9–10 млн человек.

Потенциал, заложенный в ментальных образах народов России, оснований для пессимизма не даёт. Важно, чтобы демографическое разнообразие и невосстребованное богатство России было законодательно закреплено в национальной идее государства.

Для улучшения качества народонаселения Российской Федерации желательно:

воссоздать Государственный комитет РФ по делам семьи, демографической политики и миграции за счёт разделения Министерства труда и социальной защиты РФ на три ведомства (упомянутый Государственный комитет, а также Министерство труда и Министерство социальной защиты (обеспечения) населения);

законодательно восстановить статус пенсионного фонда, а также социальных фондов в соответствии с присущими им функциями, а не фальсифицированными бюджетными интересами государства;

определить основные демографические ресурсы России, дополнив их известными, но не ставшими нормативными, возможностями;

законодательно регламентировать тональность средств массовой информации в части, касающейся трансляции в позитивной тональности различных

форм отказа от традиционных ценностей. Исключить снисходительное отношение к таким социальным девиациям, как поклонение «святому Валентину», однополое браки, планирование «семьи», педофилия, гей-парады, гендерное многообразие, зоофилия и т.д.;

законодательно определить формы и способы пропаганды, возвеличивающие женщину-мать, отцовство; использовать финансовые, социальные и другие способы, влияющие на сокращение масштабов искусственного прерывания беременности;

кардинально изменить законодательство и правоприменительную практику в отношении защиты интересов русского населения, прежде всего оказавшихся за рубежом советских граждан и членов их семей;

отменить все бюрократические преграды в отношении лиц, приезжающих в Россию по мотивам, не представляющим угрозу национальным интересам страны;

усилить борьбу с негативным влиянием на количественные и качественные характеристики населения Российской Федерации с правовыми девиациями и социальными аддикциями, используя законодательство и повышая эффективность правоприменительной практики.

Задействуя реально существующий потенциал прогрессивного демографического развития Российской Федерации, можно выбраться из депопуляционной ямы, устранить отклонения от естественного роста народонаселения и за счёт формирования сильного политического курса достичь к 2050 г. как минимум 180 млн и даже 190 млн человек, как это было в СССР накануне Великой Отечественной войны.

Численность сплочённого населения — это этническая основа цивилизации. В указанных параметрах она достаточна для эффективного управления, развития науки, образования, культуры и т.д. В сфере материального производства и оказания услуг значительную часть необходимых работников (например, строителей, водителей и т.д.) заменят юниты цифровизации: искусственный интеллект, робототехника, «сквозные» информационные технологии и т.д.

Предпосылки для достижения такого демографического состояния у современной российской цивилизации есть...

Сведения об авторе

ЖУКОВ Василий Иванович — академик РАН, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва ул. Знаменка, д. 10

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник. М., 2020. С. 26, 267–269, 271, 272, 274, 275.
2. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад—2020. М., 2020. С. 86.
3. Жуков В.И. Демографический потенциал России. М., 2010.
4. Жуков В.И. Социально-демографический НАБАТ. М., 2017. С. 49.
5. Жуков В.И. Социальное развитие России: историко-социологическая компаративистика: в 3 т. М., 2012. Т. 2. С. 467–820.
6. Жуков В.И., Федякина Л.В. Триумфы и трагедии XX века в социальной истории России. Историко-социологический анализ. М., 2015. С. 40, 41.
7. Рязанцев С.В. Миграция в Евразии до и во время пандемии COVID-19: тренды, последствия, миграционная политика. М., 2021. С. 122, 123, 125, 128–134.
8. Савенков А.Н., Жуков В.И. Социология правовых девиаций и социальных аддикций. М., 2018.
9. Терентьев Д. Не пора ли вспомнить о радости материнства // Аргументы недели. 2022. № 35 (830). С. 8.
10. Шутков А.Д. Россия в жерновах истории. М., 2008. С. 6.

REFERENCES

1. The Great Patriotic War. Jubilee statistical collection. M., 2020. P. 26, 267–269, 271, 272, 274, 275 (in Russ.).
2. Demographic development of Russia: trends, forecasts, measures. National Demographic Report—2020. M., 2020. P. 86 (in Russ.).
3. Zhukov V.I. Demographic potential of Russia. M., 2010 (in Russ.).
4. Zhukov V.I. Socio-demographic ALARM. M., 2017. P. 49 (in Russ.).
5. Zhukov V.I. Social development of Russia: historical and sociological comparative studies: in 3 vols. M., 2012. Vol. 2. P. 467–820 (in Russ.).
6. Zhukov V.I., Fedyakina L.V. Triumphs and tragedies of the XX century in the social history of Russia. Historical and sociological analysis. M., 2015. P. 40, 41 (in Russ.).
7. Ryazantsev S.V. Migration in Eurasia before and during the COVID-19 pandemic: trends, consequences, migration policy. M., 2021. P. 122, 123, 125, 128–134 (in Russ.).
8. Savenkov A.N., Zhukov V.I. Sociology of legal deviations and social addictions. M., 2018 (in Russ.).
9. Terentyev D. Isn't it time to remember the joy of motherhood // Arguments of the Week. 2022. No. 35 (830). P. 8 (in Russ.).
10. Shutov A.D. Russia in the millstones of history. M., 2008. P. 6 (in Russ.).

Authors' information

ZHUKOV Vasily I. — Academician of the RAS, Chief Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРИГОВОР АКТУАЛЕН СЕГОДНЯ, КАК НИКОГДА

© 2023 г. А. И. Александров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: san33@mail.ru

Поступила в редакцию 18.11.2022 г.

Аннотация. Нюрнбергский приговор дал уголовно-правовую оценку преступлениям нацистского руководства Германии и явился правовым итогом Второй мировой войны. Приговор стал прочной основой для формирования системы международной уголовной юстиции. Очевидно, что данное событие всегда привлекало и будет привлекать внимание зарубежных и отечественных исследователей. Яркое свидетельство актуальности подобного интереса – рецензируемая работа А. Н. Савенкова. Следует отметить обстоятельство, которое особо оттеняет значение рассматриваемой монографии в плане многостороннего видения особенностей уголовного военного судопроизводства. Автор выделяет те разделы своего исследования, которые позволяют сделать однозначный вывод о том, что советская юстиция, деятельно следуя в фарватере международного сотрудничества, активно формировала собственный подход к проблеме наказания за военные преступления. Заслуживают внимания выводы автора о значении работы Трибунала. Выделен тот факт, что Нюрнберг стал основой для совершенно иного понимания и восприятия принципов мирового правопорядка. Нюрнберг вынес Приговор во имя Мира, причем он основывался на соблюдении всех процессуальных принципов и процедур отправления правосудия, принятых в различных странах.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, международная уголовная юстиция, неотвратимость наказания.

Цитирование: Александров А. И. Нюрнбергский приговор актуален сегодня, как никогда // Государство и право. 2023. № 2. С. 31–36.

DOI: 10.31857/S102694520024655-1

THE NUREMBERG VERDICT IS RELEVANT TODAY, MORE THAN EVER

© 2023 A. I. Aleksandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: san33@mail.ru

Received 18.11.2022

Abstract. The Nuremberg verdict gave a criminal-legal assessment of the crimes of the Nazi leadership of Germany and was a kind of legal outcome of the Second World War. The Verdict has become a kind of basis for the formation of the system of International Criminal Justice. Obviously, this event has always attracted and will continue to attract the attention of foreign and domestic researchers. A clear evidence of the relevance of such interest is the work of A. N. Savenkov considered by us.

It should also be noted the following circumstance, which emphasizes the importance of the monograph we are considering in terms of a multilateral vision of the features of criminal military justice. The author highlights those sections of his research, which allows him to make an unambiguous conclusion that the Soviet justice, following in the wake of international cooperation, at the same time actively formed its own approach to the problem of punishment for war crimes.

Noteworthy are the author's conclusions about the significance of the work of the Tribunal. The fact that Nuremberg became the basis for a completely different understanding and perception of the principles of the world order is highlighted. Nuremberg passed the Verdict for name of Peace, and it was based on the observance of all procedural principles and procedures for the administration of justice adopted in various countries.

Key words: Nuremberg trials, International Criminal Justice, inevitability of punishment.

For citation: Aleksandrov, A.I. (2023). The Nuremberg Verdict is relevant today, more than ever // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 31–36.

Сегодня мы оказались в центре покушения «сверхдержавы» на суверенитет нашей Родины. В мировой истории уже было покушение «сверхчеловека» на других людей с позиции последнего как на «неполноценных», когда одни должны были умереть, а другие превратиться в рабов.

Идеология сверхчеловека была осуждена Нюрнбергским приговором, который приговорил не только преступников, но и их злодейскую идею уничтожения людей из-за их расы, национальности, других взглядов. Нюрнбергский приговор осудил идеологию злодеяния, идеологию покушения на чужое, осудил захватническую войну как преступление против Человека и человечества.

* * *

Среди событий XX в., занявших особое место в истории, значительное место занимает Нюрнбергский процесс над руководителями Третьего рейха. С одной стороны, он дал уголовно-правовую оценку преступлениям нацистского руководства Германии и явился правовым итогом Второй мировой войны. С другой – стал основой для формирования системы международной уголовной юстиции. Очевидно, что данное событие всегда привлекало и будет привлекать внимание зарубежных и отечественных исследователей. Яркое свидетельство актуальности подобного процесса – рецензируемая работа А.Н. Савенкова¹.

Автор в самом начале своего исследования четко оговаривает принципиальные разночтения в оценке материалов процесса в зарубежной и отечественной литературе. По его твердому убеждению, «принципиальное отличие советского и западного подхода к освещению материалов Нюрнбергского процесса заключалось в том, что в советской литературе акцент делался на полноту и документальность воспроизведения сведений о процессе, а в западной литературе сложился так называемый исследовательский подход к анализу основных идей и принципов, нашедших отражение в материалах процесса». Обоснованной на этом фоне выглядит заявленная исследователем цель работы, которая направлена на восполнение существующего пробела в изучении генезиса и эволюции современного международного уголовного права. К тому же в отечественной литературе отмечается факт отсутствия должного внимания к комплексному анализу различных аспектов Нюрнбергского трибунала, что влечет за собой

не только неизбежное отставание от общего развития правовой мысли, но и исчезновение механизма своевременного и эффективного реагирования на фальсификацию установленных в Нюрнберге фактов и истории в целом (с. 17).

А.Н. Савенков проводит тщательный анализ предыстории подготовки подобного международного суда, обращаясь в прошлое. В качестве первого опыта становления международной правовой юстиции стал Версальский договор. После окончания Первой мировой войны предварительной мирной конференцией 25 января 1919 г. была создана Комиссия об ответственности авторов войны и по исполнению наказаний за нарушение законов и обычаев войны в составе 15 членов. В своем отчете от 29 марта 1919 г. она назвала «вопиющими нарушениями прав комбатантов и прав гражданских лиц...», которые примитивное варварство, опираясь на все ресурсы современной науки, могло изобрести для создания системы терроризма, тщательно спланированного и доведенного до конца. Даже заключенные, раненные, женщины или дети не пользовались уважением со стороны воюющих сторон, которые сознательно стремились вселить ужас в каждое сердце с целью подавления всякого сопротивления» (с. 164, 165).

Особого внимания заслуживает анализ А.Н. Савенковым материалов относительно той части работы Комиссии, где рассматривалось привлечение к уголовной ответственности лиц, которые могли сослаться на тот факт, что они выполняли приказы вышестоящего лица. Данное обстоятельство, по мнению членов Комиссии, не могло привести к освобождению от наказания. Их вердикт был однозначен: «Гражданские и военные власти не могут быть освобождены от ответственности одним лишь фактом, что вышестоящие власти могли быть осуждены за то же преступление. Решение о том, достаточно ли приказа вышестоящего начальника для освобождения обвиняемого от ответственности, будет решаться судом» (с. 165).

Среди особенностей авторского стиля рецензируемой монографии следует выделить стремление автора к актуализации исследуемых проблем, проводя аналогии между прошлым и настоящим. Подобная черта свидетельствует о всестороннем подходе ученого к изучению материала. В частности, говоря о проблемах межгосударственных отношений между СССР, Великобританией, США в 1940-е годы, стран, объединивших свои усилия в борьбе с фашизмом, автор проводит параллели с современностью. Как известно, 10 июня 2021 г. во время двусторонней встречи президент США

¹ См.: Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М.: Проспект, 2021. – 760 с.

Д. Байден и премьер-министр Великобритании Б. Джонсон подписали новую Атлантическую хартию. А. Н. Савенков напомнил в этой связи, что ровно за 80 лет до этого к первой в истории Атлантической хартии присоединились СССР, ряд европейских правительств в изгнании. Так появился на свет один из первых программных документов антигитлеровской коалиции, ставший во многом основой для появления в будущем Устава ООН.

В работе большое внимание уделено анализу процессов разработки подходов стран антигитлеровской коалиции к возможности проведения судебного процесса над нацистскими руководителями после окончания войны. Советское правительство поддержало заявление президента США, 7 октября 1942 г. подчеркнувшего: «цель нашего правительства состоит в том..., когда будет одержана победа, виновные в этих преступлениях ответят за них перед судом». Свообразным ответом на указанное официальное выступление главы американского государства стало заявление Советского правительства от 14 октября 1942 г. «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершенные ими в оккупированных странах Европы». В документе указывалось, что государственные органы «ведут подробный учет всех этих злодейских преступлений гитлеровской армии, за которые негодующий советский народ справедливо требует и добьется возмездия» (с. 239, 240).

Заслуживает внимания хорошо сбалансированная автором подача материала по теме исследования. Уделено значительное внимание огромной работе специально созданных органов по сбору материалов о зверствах фашистов и их пособников на территории СССР. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. была образована Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Постановлением Совета Народных Комиссаров от 16 марта 1943 г. № 299 на освобожденных от оккупантов территориях стали создаваться республиканские, краевые, областные комиссии. В работе по подготовке соответствующих документов приняло участие более 7 млн человек. Наиболее весомым результатом работы Комиссии стало составление списка военных преступников стран фашистской оси. К октябрю 1945 г. эти списки включали около 7 тыс. лиц, в том числе около тысячи гитлеровцев. Подчеркивается, что подобная гигантская работа подавляла современников своей весомостью и масштабностью. Собран уникальный доказательный материал, который в подавляющем своем большинстве был принят на Нюрнбергском процессе. Автор обращает внимание на тот факт, что все это происходило на фоне определенного

скепсиса представителей западных стран к результатам работы советской юстиции (с. 251).

Необходимо обратить внимание на современный скептицизм отдельных стран Запада и США, связанный с проводимой Российской Федерацией государственной политикой против нацизма и искажения исторической правды о Второй мировой войне.

4 ноября 2022 г. на заседании Третьего комитета Генеральной Ассамблеи ООН был принят проект резолюции «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости», представленный Российской Федерацией совместно с Азербайджаном, Республикой Беларусь, Венесуэлой, Вьетнамом, Камбоджей, КНДР, Кубой, Лаосом, Мали, Никарагуа, Пакистаном, Сирией, Суданом и другими государствами. За резолюцию проголосовали 106 стран, воздержались – 15, против – 51 страна.

В резолюции странам рекомендуется принять надлежащие конкретные меры, касающиеся «законодательной области и в сфере образования, в соответствии с их международными обязательствами в области прав человека, с тем чтобы предотвратить пересмотр истории и итогов Второй мировой войны и отрицание преступлений против человечности и военных преступлений, совершенных во время Второй мировой войны»².

Инициаторы документа осуждают инциденты, связанные с героизацией и пропагандой нацизма, в частности нанесение граффити и рисунков пронацистского содержания, в том числе на памятники жертвам Второй мировой войны.

В документе осуждается использование образовательных материалов, а также риторики во время обучения, пропагандирующих расизм, дискриминацию, ненависть и насилие на основе этнического происхождения, национальности, религии или убеждений.

Защита исторической правды, социальной справедливости – приоритетное направление развития российской государственности. Современное информационное противостояние России и отдельных стран Запада и США обуславливает необходимость формирования духовно-нравственной платформы на основе традиционных российских ценностей. В этой связи предпринимаются значительные шаги, направленные на формирование ценностного общественного сознания, важной составляющей которой является великая память жертвам Второй мировой войны, а также осуждение героизации и пропаганды нацизма.

² Комитет Генеральной Ассамблеи ООН одобрил резолюцию России о борьбе с героизацией нацизма. URL: <https://ria.ru/20221104/komitet-1829265233.html> (дата обращения: 09.11.2022).

Конституирующим положением, определяющим направленность государственной политики в сфере нравственной безопасности и устойчивого духовного развития, является норма ст. 67¹ Конституции РФ, согласно которой «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» (ч. 3).

Важным решением в сфере сохранения традиционных ценностей стал Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³.

Следует отметить обстоятельство, которое особо оттеняет значение рецензируемой работы в плане многостороннего видения особенностей уголовного военного судопроизводства. Автор выделяет те разделы своего исследования, которые позволяют сделать однозначный вывод о том, что советская юстиция, следуя в фарватере международного сотрудничества, в то же время активно формировала собственный подход к проблеме наказания за военные преступления.

Основой для деятельности советских судебных органов в указанном направлении стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». В течение 1943 г. были проведены первые суды над военными преступниками в Краснодаре и Харькове.

С 14 по 17 июля 1943 г. военный трибунал Северо-Кавказского фронта рассмотрел с участием защиты в открытом судебном заседании дело о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории Краснодара и Краснодарского края. Суду были преданы 11 советских граждан, добровольно поступивших на службу в немецкую полицию и активно там работавших в период временной оккупации войсками 17-й германской армии территории края. Судебным следствием установлено, что немецкие захватчики и их пособники сожгли все промышленные предприятия, лучшие здания и дома мирных жителей Краснодара и Краснодарского края; разграбили и уничтожили имущество различных организаций; истребили путем отравления газами в специально оборудованных автомашинах-душегубках около 7 тыс. невинных советских людей. В обвинительном приговоре трибунала были названы ответственные за эти злодеяния лица как из числа немецкого военного

командования, так и офицеры гестапо. Восемь осужденных были приговорены к смертной казни через повешение, трое — к ссылке на каторжные работы сроком на 20 лет каждый.

Автор особо выделил особенности Краснодарского процесса. Во-первых, все защитники были советскими гражданами. Во-вторых, все подсудимые были судимы по советским законам за совершение преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РСФСР. В работе сделан весьма важный вывод о том, что «по состоянию на июль 1943 года советское руководство все еще не было готово судить и вынести приговор в одностороннем порядке любому члену регулярной немецкой армии. Фактически многие немцы, признанные виновными в военных преступлениях, к тому времени уже попали в советский плен, однако власти предпочли вместо этого провести судебный процесс, в ходе которого были осуждены только советские граждане. При таких обстоятельствах суд с точки зрения англо-американского правосудия не мог служить судебным прецедентом для любого последующего разбирательства в отношении захваченных немецких военных преступников» (с. 252).

Следующей вехой в процессе формирования основ советской военно-уголовной юстиции стал проходивший в Харькове с 15 по 18 декабря 1943 г. судебный процесс военного трибунала 4-го Украинского фронта над двумя гитлеровскими офицерами, одним военным служащим гестапо и предателем советского народа. Суд также был открытым и с участием защиты, он широко освещался советскими и зарубежными журналистами. Подсудимых впервые обвиняли в нарушении международных правил и норм ведения войны, жестоком обращении с военнопленными и гражданским населением, массовом уничтожении жителей города. Менее чем за два года до начала Нюрнбергского процесса на территории СССР нацистские преступники предстали перед судом и были вынуждены оправдываться за свои бесчинства и кровавые издевательства над невинными и беззащитными людьми. Именно в этом суде впервые было постановлено, что приказ начальника не освобождает от ответственности за совершение тяжких военных преступлений. Все четверо осужденных были приговорены к смертной казни через повешение.

Говоря о работе специальной комиссии по подготовке процедурных моментов будущего трибунала, который проходил с участием представителей четырех держав-победительниц в Лондоне летом 1945 г., укажем на следующий момент. Содержательными, на наш взгляд, с точки зрения историко-правового анализа предстают наблюдения автора относительно особенностей национальных уголовно-процессуальных норм союзных держав. В монографии подчеркивается, что для советской правовой системы

³ См.: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 09.11.2022).

характерной была активная роль суда, в частности судьи, председательствующего в уголовном процессе. Иначе обстояло дело в англосаксонских странах, где господствовал принцип состязательности сторон наряду с относительной пассивностью судей (с. 298).

В советском суде подсудимый не мог быть допрошен в качестве свидетеля по тому же делу, в американском суде это допускалось. В дискуссии о полномочиях Трибунала проф. А.Н. Трайнин запнулся при словах «свидетели, в том числе подсудимые». Он не мог понять вызова подсудимых в качестве свидетелей. При этом указывалось, что в российской практике это невозможно. По словам судьи Р. Фалько, представителя Французской Республики, человек является либо свидетелем, либо обвиняемым, но он не может быть и тем и другим одновременно. В соответствии с французской практикой суд не может принудить подсудимого к даче показаний. «Сэр Томас согласился, что это верно и для английской практики, и я сказал, что то же самое верно и для американской практики. Я думаю, что это очень серьезный политический вопрос, который будет вновь вынесен на пленарные заседания: действительно ли мы хотим отказаться от принятия решения об отмене привилегии не свидетельствовать против себя?».

Это процессуальное расхождение между совещающимися нациями работало в пользу подсудимых. Англо-американская система дает подсудимому право, которое континентальная система обычно не предоставляет, давать показания от своего имени под присягой. Однако континентальная процедура дает подсудимому право, не предоставленное ему согласно американской практике, сделать окончательное заявление в суде по окончании всех показаний и после подведения итогов адвокатами обеих сторон, не подвергая себя перекрестному допросу. Устав разрешил эти разногласия, предоставив подсудимым обе привилегии, разрешив им не только дать показания в свою защиту, но и сделать окончательное заявление в суде (с. 299).

В результате обсуждения, подчеркивает А.Н. Савенков, юристы четырех стран нашли в каждом случае взаимоприемлемые решения. В конечном счете был выработан особый, во многом уникальный процессуальный формат, который оказался достаточно эффективным для данного дела: Международный военный трибунал нередко пользовался советским принципом активного суда; в то же время он также санкционировал перекрестные допросы, более характерные для англосаксонского права. Оценивая доказательства в соответствии с внутренним убеждением судей, трибунал сделал исключение в отношении официальных правительственных документов и докладов Объединенных Наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных союзнических государствах.

В монографии отчетливо просматривается, что процессуальный режим работы Международного военного трибунала также обладал другими особенностями, в том числе некоторыми, которые не соответствовали процедурным правилам, действующим в каждой из держав, создавших его. Таким образом, Трибунал состоял из четного числа членов — четырех судей. Члены Трибунала по очереди председательствовали. Эти и многие другие отличительные аспекты организации и деятельности Трибунала в Нюрнберге способствовали объективному рассмотрению дела и вынесению им законного, обоснованного и справедливого приговора в достаточно сжатые сроки. Сотрудничество юристов союзных держав в проведении Нюрнбергского процесса — способность судей находить общие решения для многочисленных, порой довольно запутанных юридических проблем, взаимная помощь, оказываемая прокурорами, секретарями, переводчиками и другими помощниками, — ни в коем случае не мешало никому из них занимать явно независимую позицию, особенно когда речь шла о принципиальных вопросах (с. 301).

Трибунал был международным не только потому, что он был организован по соглашению четырех государств. Как предусматривало Соглашение, правительства СССР, США, Англии и Франции обязались действовать в интересах всех Объединенных Наций и приглашали любое из правительств Объединенных Наций присоединиться к нему.

К Соглашению и Нюрнбергской хартии официально присоединились еще 19 стран. Таким образом, принципы Устава являли собой торжественное решение 23 правительств, представляющих около 900 млн человек (с. 301–303).

Особого внимания заслуживают те страницы книги, где определялась юрисдикция Трибунала и объявлялись действия или любое из них, которые являются преступлениями и за совершение которых установлена индивидуальная ответственность:

(a) Преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре для выполнения любого из вышеупомянутых действий;

(b) Военные преступления, а именно: нарушения законов или обычаев войны. Такие нарушения включают, но не ограничиваются, убийство, жестокое обращение или увод на рабский труд или для других целей гражданского населения оккупированной территории, убийство или жестокое обращение с военнопленными или лицами на море, убийство заложников, разграбление государственной или частной собственности, бессмысленное разрушение городов, поселков или деревень или разрушения, не оправданные военной необходимостью;

(с) Преступления против человечности, а именно: убийство, истребление, порабощение, депортация и другие бесчеловечные действия, совершенные против любого гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам во исполнение или в связи с любым преступлением, подпадающим под юрисдикцию Трибунала, независимо от того, нарушается ли внутреннее законодательство страны, где оно было совершено.

Трибунал также поставил вопрос о признании преступными организациями правительство, Генеральный штаб и Верховное командование вермахта (ОКВ) нацистской Германии, руководство Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), охранные отряды (СС), включая службу безопасности (СД), штурмовые отряды (СА), государственную тайную полицию (гестапо) (с. 323, 324).

Подробно изложены в монографии особенности работы Международного трибунала. Нюрнбергский процесс был открытым и гласным в самом широком смысле. За 316 дней его проведения состоялось 403 открытых судебных заседания. В зал суда было выдано более 60 тыс. пропусков, многие из них — немцам. Стенограммы процесса составили почти 40 томов, содержащих более 20 тыс. страниц. Процесс велся одновременно на четырех языках: русском, английском, французском и немецком. Прессу и радио в суде ежедневно представляли около 250 корреспондентов. Трибунал заслушал показания 33 свидетелей обвинения и 80 свидетелей отдельных обвиняемых, в том числе 19 самих обвиняемых. 143 свидетеля отдельных обвиняемых дали показания в письменных ответах на допросы, а 1809 представили письменные показания. Трибунал заслушал 22 свидетеля обвиняемых организаций и назначил комиссию для заслушивания 100 свидетелей таких организаций. 1809 заявлений были представлены от имени обвиняемых организаций. Кроме того, несколько тысяч документов были получены в качестве доказательств, причем основная их часть в большинстве случаев зачитывается в протокол.

Было сохранено и проанализировано более 100 тыс. изъятых немецких документов; из 10% из них, которые были тщательно изучены, около 4 тыс. были аутентифицированы и переведены на четыре языка и использованы полностью или частично

Сведения об авторе

АЛЕКСАНДРОВ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

в качестве доказательств. К этому следует добавить 30 км пленки и 25 тыс. фотографий, отобранных обвинением (с. 344).

Заслуживают внимания выводы автора о значении работы Трибунала. В монографии подчеркивается: «Нюрнберг послужил основой для совершенно иного понимания и восприятия принципов миропорядка. В Нюрнберге был вынесен Приговор во имя Мира, основываясь на соблюдении всех возможных процессуальных принципов и процедур отправления правосудия... Обретя силу прецедента, Приговор подтвердил, что в дальнейшем никто не может отрицать или не знать, что принципы, по которым нацистские лидеры были приговорены к лишению жизни, представляют собой не просто закон, а закон, влекущий неотвратимость наказания» (с. 422, 423).

Книга содержит значительное количество материалов, полученных А.Н. Савенковым из многочисленных зарубежных и отечественных архивов, результаты глубокого и всестороннего изучения внушительного числа монографий и статей иностранных, советских и российских авторов. Подобная широта источниковой базы работы не помешала исследователю выстроить во многом собственную картину восприятия одного из знаковых событий прошлого.

* * *

Общий вывод: монография А.Н. Савенкова, учебного и практика, профессора и сенатора, прокурора и следователя, является выдающимся произведением, посвященным чрезвычайно важной проблеме современного этапа истории — защите исторической памяти от искажений и фальсификаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021. С. 17, 164, 165, 239, 240, 251, 252, 298, 299, 301–303, 323, 324, 344, 422, 423.

REFERENCES

1. *Savenkov A.N.* Nuremberg: A Verdict for name of Peace. M., 2021. P. 17, 164, 165, 239, 240, 251, 252, 298, 299, 301–303, 323, 324, 344, 422, 423 (in Russ.).

Authors' information

ALEKSANDROV Aleksey I. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia

ПОЗАБЫТЫЙ УРОК

ОТЗЫВ НА РАБОТУ А.Н. САВЕНКОВА «НЮРНБЕРГ: ПРИГОВОР ВО ИМЯ МИРА» (М.: Проспект, 2021. – 760 с.)

© 2023 г. Сreto Ного

Международный Университет прикладных наук Мегатренд (Мегатренд), г. Белград, Сербия

E-mail: umkp.rs@gmail.com

Поступила в редакцию 10.11.2022 г.

Аннотация. В отзыве анализируется монография А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира», акцентируется внимание на трудностях, через которые прошли союзники в подготовке правового фундамента для осуждения нацистских преступников, и отмечается, что величайшие достижения человечества в области обеспечения мира и безопасности, полученные по результатам Второй мировой войны и судебного процесса в городе Нюрнберге, были нивелированы действиями стран НАТО в бывшей Югославии.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, геноцид, преступления против человечности, российское уголовное право, реабилитация нацизма, военный трибунал, агрессивная война, международная уголовная ответственность.

Цитирование: Ного Сreto. Позабытый урок

Отзыв на работу А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (М.: Проспект, 2021. – 760 с.) // Государство и право. 2023. № 2. С. 37–39.

DOI: 10.31857/S102694520024345-0

A FORGOTTEN LESSON

REVIEW OF THE WORK OF A.N. SAVENKOV “NUREMBERG: A VERDICT FOR NAME OF PEACE” (Moscow: Prospekt, 2021. – 760 pp.)

© 2023 Sreto Nogo

Megatrend International University of Applied Sciences (Megatrend), Belgrade, Serbia

E-mail: umkp.rs@gmail.com

Received 10.11.2022

Abstract. The review analyzes A.N. Savenkov’s monograph “Nuremberg: A Verdict for name of Peace”, focuses on the difficulties that the Allies went through in preparing the legal foundation for the conviction of Nazi criminals and notes that the greatest achievements of mankind in the field of peace and security obtained as a result of the Second World War and the trial in Nuremberg, were leveled by the actions of NATO countries in the former Yugoslavia.

Key words: Nuremberg trial, genocide, crimes against humanity, Russian Criminal Law, rehabilitation of Nazism, military tribunal, aggressive war, international criminal responsibility.

For citation: Nogo, Sreto (2023). A forgotten lesson

Review of the work of A.N. Savenkov “Nuremberg: A Verdict for name of Peace” (Moscow: Prospekt, 2021. – 760 pp.) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 37–39.

24 марта — 10 июня 1999 г. — один из самых трагич-ных периодов в истории Сербии, время разрушения сформированной после окончания Второй мировой войны глобальной системы международной безопасности. В те дни Североатлантический альянс (НАТО) провел военную акцию против Союзной Федеративной Республики Югославия (СФРЮ), предпосылкой которой называют обострение в конце 1990-х годов этнического конфликта в Косово, населенном албанцами и сербами. Косово занимало 20% территории Сербии и имело важное культурно-историческое значение для сербов, однако албанцы составляли большинство населения края. Еще с конца 1980-х годов они требовали от сербского руководства расширения своих прав. Примерно до 1996 г. ситуация в Косово была крайне нестабильной, но без масштабных вооруженных столкновений между сербами и албанцами.

Стремление бывшей центральной нации федеративного государства — сербов отстоять свои политические и территориальные права вызвало негативную реакцию не только со стороны правящих кругов вновь образованных государств на просторах бывшей многонациональной Югославии, но и у стоявших за ними военно-политических кругов Запада. Обвинив Белград в срыве переговоров во Франции о будущем мятежного края Косово и несогласии сербов принять ультиматум Запада, сводившийся к требованию фактической оккупации Косово, 29 марта 1999 г. Генеральный секретарь НАТО отдал приказ Верховному главнокомандующему объединенными вооруженными силами блока в Европе начать военную кампанию против Югославии в форме воздушной операции, получившей наименование «Союзническая сила».

Данное вторжение нельзя расценивать как рядовой эпизод в мировой истории XX в., оно демонстрирует, как легко забываются чудовищные уроки, через которые прошло человечество всего лишь полвека назад. Одним из главных достижений человечества в XX столетии, самым весомым доказательством того, что оно извлекло уроки из Второй мировой войны, было создание Организации Объединенных Наций. По замыслу ее основателей, именно эта структура должна была положить конец привычному для нашего мира доминированию «права сильного» над морально-этическими и правовыми принципами. Решение вопросов войны и мира предстояло взять на себя Совету Безопасности ООН, который образовали страны, победившие нацизм и японский империализм. Увы, истинным гарантом мира на планете, не знавшей масштабных вооруженных конфликтов практически до конца XX в., был не Совет Безопасности ООН, а Союз Советских Социалистических Республик.

Примечательно, что именно в России как правопреемнице Советского Союза не забывают о горьких страницах не только собственной, но и мировой истории. Подтверждение тому — государственные

праздники и памятные даты, такие как День Победы 9 мая, День памяти и скорби 22 июня, а также подготовка фундаментальных научных трудов. Одним из достойных примеров является монографическое исследование директора Института государства и права Российской академии наук, члена-корр. РАН, д-ра юрид. наук, проф. А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира».

В силу значительного объема работы и ее многоаспектности считаю важным акцентировать внимание лишь на некоторых значимых моментах, почерпнутых из указанного научного издания. В монографии скрупулезно представлена та огромная работа по сбору доказательств совершаемых захватчиками преступлений, которую проводили союзники в период Второй мировой войны. В частности, Правительством СССР заявлялись ноты от 25 ноября 1941 г. «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных»; от 6 января 1942 г. «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях»; от 27 апреля 1942 г. «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления»; от 11 мая 1943 г. «О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан в Германию».

14 августа 1941 г. Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем принята Атлантическая хартия; 1 января 1942 г. во время проведения Первой Вашингтонской конференции подписан краткий документ, который впоследствии стал известен как «Декларация Объединенных Наций» (Declaration by United Nations); 18 декабря 1942 г. принята Совместная декларация правительств Бельгии, Великобритании, Голландии, Греции, Люксембурга, Норвегии, Польши, США, СССР, Чехословакии, Югославии и Французского Национального Комитета «О проводимом гитлеровскими властями истреблении еврейского населения Европы»; 30 октября 1943 г. подписана Декларация правительств СССР, США, Великобритании «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства».

Примеров таких актов десятки, и все они обширно представлены в солидном труде А.Н. Савенкова. При этом автор охватывает события, даты и факты практически всей первой половины XX в., последовательно формируя у читателя «правовой фундамент», на котором строилась безопасность всего человечества до конца XX столетия. Убедительности работе придает то, что ученый не ограничивается исследованием лишь российских (советских) правовых источников и теоретических разработок. Научная добросовестность автора очевидна: книга изобилует выдержками

из зарубежной литературы и переводом нормативных правовых актов.

26 июня 1945 г. представители СССР, США, Великобритании и Франции встретились в Лондоне, чтобы наметить общий курс действий. Лидеры трех держав (за исключением Франции) признавали необходимость учредить в ближайшее время Международный военный трибунал. В ходе пятой Лондонской конференции было достигнуто соглашение «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси», которое включало решение об учреждении Международного военного трибунала над главными военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом, а также принят его Устав. Последним определялись организация, юрисдикция и функции Трибунала, а также предусматривалось создание Комитета по расследованию дел и обвинению главных военных преступников.

В работе раскрываются правовые основы формирования и деятельности Международного военного трибунала. К ним автор относит четвертую Гаагскую конвенцию «О законах и обычаях сухопутной войны» от 18 октября 1907 г., Женевскую конвенцию «О содержании военнопленных» от 27 июля 1929 г., решения и договоры Лиги Наций — предшественника ООН, Московскую декларацию «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства» от 30 октября 1943 г.

Международный военный трибунал был сформирован на паритетных началах из представителей четырех великих держав. Суд проходил с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. во Дворце юстиции в городе Нюрнберге. Подпадающими под юрисдикцию Трибунала объявлялись следующие ниже действия или любое из них, которые являются преступлениями и за совершение которых установлена индивидуальная ответственность:

(а) Преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре для выполнения любого из вышеупомянутых действий;

(б) Военные преступления, а именно: нарушения законов или обычаев войны. Такие нарушения включают, но не ограничиваются, убийство, жестокое

обращение или увод на рабский труд или для других целей гражданского населения оккупированной территории, убийство или жестокое обращение с военнопленными или лицами на море, убийство заложников, разграбление государственной или частной собственности, бессмысленное разрушение городов, поселков или деревень или разрушения, не оправданные военной необходимостью;

(с) Преступления против человечности, а именно: убийство, истребление, порабощение, депортация и другие бесчеловечные действия, совершенные против любого гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам во исполнение или в связи с любым преступлением, подпадающим под юрисдикцию Трибунала, независимо от того, нарушается ли внутреннее законодательство страны, где оно было совершено.

* * *

Монография «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» формирует впечатляющую и объемную картину о том, какая кропотливая и изнурительная работа была проделана мировым сообществом на протяжении фактически пяти лет, в результате которой были сформированы основы безопасности в мире на десятилетия вперед. Огорчает лишь одно, что плоды этой работы так легко утратились и позабылись в угоду сиюминутным политическим соображениям. Лица, ответственные за бомбардировку Югославии, сделали прекрасную карьеру, получили награды, звания, повышения по службе. Созданные впоследствии трибуналы потратили десятилетия на проведение процессов над теми, кто, по сути, стал жертвой агрессии. Состоится ли когда-нибудь справедливый Суд, основанный на принципах, заложенных в Нюрнберге и доступных любому современному читателю благодаря книге «Нюрнберг: Приговор во имя Мира», вопрос открытый...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021.

REFERENCES

1. *Savenkov A.N.* Nuremberg: A Verdict for name of Peace. M., 2021 (in Russ.).

Сведения об авторе

НОГО Срето — доктор юридических наук, профессор Международного Университета прикладных наук Мегатренд (Мегатренд); 11070 Сербия, г. Белград, бульвар Михаила Пупина, д. 117

Authors' information

NOGO Sreto — Doctor of Law, Professor, Megatrend International University of Applied Sciences (Megatrend); 117 Bulevar Mihajla Pupina, 11070 Novi Beograd, Serbia

**ТРЕХТОМНАЯ МОНОГРАФИЯ «ВОЕННОЕ ПРАВО»
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ А.Н. САВЕНКОВА, А.В. КУДАШКИНА
(М.: Центр правовых коммуникаций, 2021–2022)
КАК ПРАКТИЧЕСКИЙ РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ВОЕННОГО ПРАВА**

© 2023 г. В. В. Блажеев

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: blazeev@msal.ru

Поступила в редакцию 16.01.2023 г.

Аннотация. В трехтомной монографии «Военное право» в параметрах целостного академического исследования представлено концептуально и практически обоснованное понимание сущности современного военного права как системы.

Ключевые слова: военное право, предмет военного права, система военного права.

Цитирование: Блажеев В.В. Трехтомная монография «Военное право» под общей редакцией А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина (М.: Центр правовых коммуникаций, 2021–2022) как практический результат деятельности отечественной научной школы военного права // Государство и право. 2023. № 2. С. 40–42.

DOI: 10.31857/S102694520024321-4

**THREE-VOLUME MONOGRAPH “MILITARY LAW” UNDER
THE GENERAL EDITORSHIP OF A.N. SAVENKOV, A.V. KUDASHKIN
(M.: Center for legal communications, 2021–2022)
AS A PRACTICAL RESULT OF THE ACTIVITIES
OF THE NATIONAL SCIENTIFIC SCHOOL OF MILITARY LAW**

© 2023 V. V. Blazheev

Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

E-mail: blazeev@msal.ru

Received 16.01.2023

Abstract. The three-volume monograph “Military Law” presents conceptually and practically grounded understanding of the essence of modern Military Law as a system in the parameters of a holistic academic study.

Key words: Military Law, subject of Military Law, system of Military Law.

For citation: Blazheev, V.V. (2023). Three-volume monograph “Military Law” under the general editorship of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin (M.: Center for Legal Communications, 2021–2022) as a practical result of the activities of the national scientific school of Military Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 40–42.

Важным вкладом в современную военно-правовую науку является подготовленная в 2021–2022 гг. солидным авторским коллективом трехтомная монография «Военное право» под общей редакцией А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина.

Авторскому коллективу удалось разработать и представить фундаментальное научное исследование, в котором впервые системно изложен взгляд на военное право как отрасль российского права.

Монография состоит из *трех томов*:

*т. I: История и теория военного права*¹;

*т. II: Современное состояние военного права (институты военного права)*²;

*т. III: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований*³.

Трехтомник концептуально обозначил становление феномена «военное право» как самостоятельной отрасли российского права. Предметно представлена и научно обоснована современная концепция военного права как целостной системы, сформулирован корпус принципов, определен круг источников и выявлены основные правовые институты.

По своей всесторонности монография представляет собой целостное видение процесса становления военного права в параметрах отраслевой самостоятельности.

Исследования, проводимые в последние 10 лет Институтом государства и права Российской академии наук и Отделением военного права Академии военных наук, стали заметным достижением отечественной военно-правовой научной мысли.

Данные исследования весьма востребованы на фоне глобальных социальных и экономических изменений, всесторонний учет которых позволяет выработать эффективные правовые решения⁴.

Том I посвящен истории возникновения отечественного военного права, его генезису и современному состоянию; дана развернутая характеристика предмета и метода правового регулирования, принципов и функций военного права,

¹ См.: Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. I: История и теория военного права (с предисловием). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 560 с.

² См.: Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 888 с.

³ См.: Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. III: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022. — 712 с.

⁴ См.: Право и космос в эпоху глобальных социальных и экономических изменений / под общ. ред. В.В. Блажеева, О.А. Ястребова, Г.П. Толстопятенко. М., 2021. С. 5.

его структуры и источников. Приводится краткая характеристика военного права иностранных государств (США, Великобритании, Франции и Германии).

Следует отметить, что военно-правовая наука в России возникла в XIX в., а понятие «военное право» было введено в научный оборот русским генералом от инфантерии, военным юристом и историком П.О. Бобровским⁵.

Заложенный в монографии концептуальный посыл в плане представления российского военного права как системы установленных государством военно-правовых принципов и норм реализован посредством научного формулирования предмета военного права. В частности, отмечено, что таковыми являются «урегулированные правом специфические отношения, связанные с подготовкой и ведением военными служащими боевых действий (“ядро” предмета военного права), а также совокупность иных непосредственно с ними связанных отношений в области военного строительства, комплектования военных организаций и органов, их материально-технического обеспечения, жизни, быта, деятельности, определяющих порядок прохождения военной службы, а также статус (права, обязанности и ответственность) военнослужащих и других участников воинских правоотношений» (с. 397, 398).

Концептуальным представляется и *т. II*, который посвящен основным правовым институтам, составляющим особенную часть военного права России, в частности: правовые формы комплектования военной организации, воинская обязанность, военная служба, военнослужащие, их правовой статус (права, обязанности, юридическая ответственность); правоприменительная и правоохранительная деятельность в военной организации государства (предупреждение правонарушений военнослужащих; организация и деятельность органов военной юстиции (военных судов, военной прокуратуры, военных следственных органов) и юридической службы); правовое положение военных организаций и организаций оборонно-промышленного комплекса, организационно-правовые основы их деятельности; военные аспекты международного права (международно-правовые формы военного сотрудничества, военно-техническое сотрудничество, международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов, правовые основы пребывания войск за границей

⁵ См.: *Бобровский П.О.* Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях: историко-юридическое исследование П.О. Бобровского: с приложением снимков подлинной рукописи Артикула воинского. СПб., 1887. URL: <http://elib.shpl.ru/nodes/11310>; *Его же.* Военное право в России при Петре Великом. М., 2021. Ч. 2. URL: <https://www.bookvoed.ru/files/3515/10/50/91.pdf>

и миротворческой деятельности, международное морское право, международное воздушное и космическое право). Приводится краткая характеристика текущего состояния основных институтов военного права иностранных государств (США, Великобритании, Франции и Германии).

Новаторский характер проведенного исследования подчеркивает *т. III* монографии. Здесь также приводится краткая характеристика основных тенденций развития военного права иностранных государств (США, Великобритании, Франции, Германии и Китая).

* * *

Как представляется, трехтомный труд «Военное право» под общей редакцией А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина будет пользоваться вниманием научной общественности, окажется полезной на практике.

Авторы и редакторы проделали большую работу — обобщили значительное число теоретических источников разного времени, провели анализ современного российского законодательства, судебной и административной практики.

Издание будет востребовано учеными, а также на всех уровнях учебного процесса в военных и гражданских учебных заведениях России.

XXI век привел к переосмыслению и поиску новых учебных и научных парадигм в системе высшего образования. На основе рецензируемой монографии возможен добротный учебник «Военное право» для военных образовательных учреждений профессионального образования и военных учебных центров вузов с учетом профилей подготовки.

Существует необходимость в научной проработке «военных» вопросов международного права, в анализе военной составляющей отдельных отраслей и институтов международного права — морского, воздушного, космического, экономического, гуманитарного.

В книге заложена хорошая научная основа для такого развития.

Сведения об авторе

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, ректор Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9; Сопредседатель Ассоциации юристов России

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бобровский П.О.* Военное право в России при Петре Великом. М., 2021. Ч. 2. URL: <https://www.bookvoed.ru/files/3515/10/50/91.pdf>
2. *Бобровский П.О.* Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях: историко-юридическое исследование П.О. Бобровского: с приложением снимков подлинной рукописи Артикула воинского. СПб., 1887. URL: <http://elibr.shpl.ru/nodes/11310>
3. Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. I: История и теория военного права (с предисловием). М., 2021. С. 397, 398.
4. Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). М., 2021.
5. Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. III: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М., 2022.
6. Право и космос в эпоху глобальных социальных и экономических изменений / под общ. ред. В.В. Блажеева, О.А. Ястребова, Г.П. Толстопятенко. М., 2021. С. 5.

REFERENCES

1. *Bobrovsky P.O.* Military Law in Russia under Peter the Great. M., 2021. Part 2. URL: <https://www.bookvoed.ru/files/3515/10/50/91.pdf> (in Russ.).
2. *Bobrovsky P.O.* Military laws of Peter the Great in manuscripts and first printed editions: historical and legal research of P.O. Bobrovsky: With the attachment of photographs of the original manuscript of the Military Article. St. Petersburg, 1887. URL: <http://elibr.shpl.ru/nodes/11310> (in Russ.).
3. Military Law: in 3 vols / under the general editorship of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin. Vol. I: History and theory of Military Law (with a preface). M., 2021. P. 397, 398 (in Russ.).
4. Military Law: in 3 vols / under the general editorship of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin. Vol. II: The current state of Military Law (institutes of Military Law). M., 2021 (in Russ.).
5. Military Law: in 3 vols / under the general editorship of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin. Vol. III: The main problems and promising areas of military legal research. M., 2022 (in Russ.).
6. Law and space in the era of global social and economic changes / under the general editorship of V.V. Blazheev, O.A. Yastrebov, G.P. Tolstopyatenko. M., 2021 (in Russ.).

Authors' information

BLAZHEEV Viktor V. — Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSLA); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 125993 Moscow, Russia; Co-Chairman of the Association of Lawyers of Russia

ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОЙ УНИФИКАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

© 2023 г. И. М. Рагимов¹, *, Х. Д. Аликперов², **

¹Ассоциация юристов стран Черноморско-Каспийского региона, г. Баку, Азербайджанская Республика

²Центр правовых исследований, г. Баку, Азербайджанская Республика

*E-mail: professorilhamragimov@gmail.com

**E-mail: xan_alikperov@hotmail.com

Поступила в редакцию 11.11.2022 г.

Аннотация. В статье анализируются проблемы унификации на глобальном уровне минимального возраста наступления уголовной ответственности, видов и категорий преступлений, совершаемых физическими лицами, а также вопросы гармонизации видов и верхних границ уголовного наказания. Данная проблема имеет давнюю историю. Она была предметом перманентного обсуждения еще в начале XX в. Так, начиная с 1928 г. вопрос об унификации уголовной ответственности периодически рассматривался в стенах Лиги Наций. Но, как показывает анализ, они не увенчались успехом, в том числе и по причине того, что эти попытки носили избирательный характер и касались лишь отдельных видов преступлений. В современном глобализирующемся мире, когда фундаментальные права и свободы человека и гражданина являются предметом регулирования не только национального законодательства, но и международного права, возникла насущная потребность в глобальной унификации не только всех видов и категорий преступлений, совершаемых физическими лицами, но и минимального возраста уголовной ответственности, видов уголовных наказаний, их сроков (размеров) и границ.

Ключевые слова: возраст, преступление, наказание, эвтаназия, дети, аборт, унификация, телесные наказания, женщины, смертная казнь.

Цитирование: Рагимов И. М., Аликперов Х. Д. Проблемы глобальной унификации уголовной ответственности физических лиц // Государство и право. 2023. № 2. С. 43–53.

DOI: 10.31857/S102694520024340-5

PROBLEMS OF UNIFICATION OF CRIMINAL LIABILITY INDIVIDUALS GLOBALLY

© 2023 I. M. Ragimov¹, *, Kh. J. Alikperov², **

¹Association of Lawyers of the Countries of the Black Sea-Caspian Region, Baku, Republic of Azerbaijan

²Center for Legal Research, Baku, Republic of Azerbaijan

*E-mail: professorilhamragimov@gmail.com

**E-mail: xan_alikperov@hotmail.com

Received 11.11.2022

Abstract. The article analyzes the problems of unification at the global level of the minimum age of criminal responsibility, types and categories of crimes committed by an individual, as well as issues of standardization of the types, nature and upper limits of criminal punishment. The problem posed has a long history. It was the subject of permanent discussion in the early twentieth century. So, starting Since 1928, the question of the unification of criminal responsibility has been periodically considered within the walls of the League of Nations. But, as the analysis shows, they were unsuccessful, including because these attempts were selective in nature and concerned only certain types of crimes. In today's globalizing world, when the fundamental rights and freedoms of man and citizen are the subject of regulation not only national legislation, but also International Law, there is an urgent need for global unification of not only all types and categories of crimes committed by

individuals, but also the minimum age of criminal responsibility, types of criminal penalties, its upper limits and methods of implementation.

Key words: age, crime, punishment, euthanasia, children, abortion, unification, corporal punishment, women, death penalty.

For citation: Ragimov, I.M., Alikperov, Kh. J. (2023). Problems of unification of criminal liability individuals globally // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 43–53.

Постановка проблемы

10 декабря 2023 г. исполнится 75 лет со дня принятия Организацией Объединенных Наций Всеобщей декларации прав человека (далее – Декларация). В этом документе впервые международное сообщество определило неотъемлемые права и свободы, которыми в равной степени наделен каждый человек, провозгласило всеобъемлющий принцип, согласно которому, «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и неотъемлемых правах» (ст. 1), закрепило минимальный перечень фундаментальных прав и свобод, которыми должен обладать каждый человек. Причем в ней особо указывается, что эти права должны признаваться во всех странах без какого бы то ни было различия, вне зависимости от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения¹. Так, в ст. 2 Декларации подчёркивается, что «не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, несамоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете».

Развивая эту мысль, в ст. 5 Декларации закреплена еще одно принципиальное положение: «Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации». Другой не менее важный принцип отражен в ст. 13, согласно которому каждый человек имеет право свободно перемещаться и выбирать себе место жительства в пределах каждого государства.

Для предмета нашего исследования важное значение имеет и положение, закреплённое в ч. 2 ст. 29 Декларации: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом

исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе». При этом, как отмечается в литературе, «права и свободы человека и гражданина, провозглашённые в Декларации, не являются наградой за хорошее поведение. Они не присущи какой-то определённой эпохе или социальной группе, а представляют собой неотъемлемые права всех людей во все времена и на всех континентах, людей с любым цветом кожи, любого расового и этнического происхождения, являющихся или не являющихся инвалидами, гражданами или мигрантами, независимо от их пола, вероисповедания, возраста и т.д.»².

В дальнейшем, развивая идею о высшей ценности человека и неотъемлемости его прав и свобод, 16 декабря 1966 г. ООН приняла Международный пакт о гражданских и политических правах (вступил в силу 23 марта 1976 г.), в котором внесла важные дополнения к существующему к тому времени перечню основополагающих прав и свобод человека. В частности, в этом Пакте было провозглашено, что «ни одно лицо не должно без его свободного согласия подвергаться медицинским или научным опытам» (ст. 7); «никто не должен быть лишён свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом» (ч. 1 ст. 9); «каждый имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона» (ст. 14); «никто не может быть лишён свободы на том только основании, что он не в состоянии выполнить какое-либо договорное обязательство» (ст. 11); «каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений» (ч. 1 ст. 19) и т.д.

Этот далеко не полный перечень международных актов в области прав человека свидетельствует, что фундаментальные права и свободы человека являются не только высшей ценностью, но и предметом регулирования международного права. Поэтому никакие ограничения фундаментальных прав человека и основных свобод не могут оправдываться законодателем со ссылкой на суверенный статус своего национального законодательства или

¹ Всеобщая декларация прав человека переведена на 360 языков. См. подр.: Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.un.org/ru/udhrbook/foreword.shtml> (дата обращения: 28.10.2022).

² См.: там же.

обосновываться морально-нравственными устоями, традициями, менталитетом, этнопсихологией и другими особенностями, господствующими в том или ином обществе.

Однако, как показывает законодательная и правоприменительная деятельность государств — членов ООН, в некоторых из них отдельные положения Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах, других базовых международных актов в области защиты прав человека и основных свобод часто не соблюдаются или искажены до такой степени, что в них порой трудно обнаружить дух идеала свободной человеческой личности, всеобщего уважения и соблюдения прав человека и основных свобод.

К примеру, невзирая на перечисленные выше общепризнанные нравственно-правовые парадигмы, во многих странах мира царит давно преданное забвению древнегреческое изречение “*Quod licet Jovi, non licet bovi*” («*Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку*»), а приоритет фундаментальных прав человека, закреплённых в перечисленных актах ООН в области прав человека, открыто либо завуалированно нарушается³.

Суть поставленной проблемы

Проведённый нами сравнительный анализ уголовных кодексов ряда стран Восточной и Западной Европы, Северной Америки и Дальнего Востока, Центральной Азии и Ближнего Востока показывает, что провозглашённый ООН принцип: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и неотъемлемых правах» — на практике часто не соблюдается. Как результат, одно и то же деяние в одном государстве:

карается смертной казнью (например, прелюбодеяние, наказываемое побоем камнями до наступления смерти⁴), а в другом — не запрещено;

не признается преступлением, а в другом — криминализировано (к примеру, потребление спиртных напитков⁵);

³ Между тем в криминологии давно установлено, что неравенство перед уголовным законом является одним из источников ухудшения криминогенной обстановки в мире.

⁴ Так, ст. 119 УК Ирана гласит: «При наказании в виде забрасывания камнями до смерти камни не должны быть слишком большими, чтобы осуждённый не умирал от одного или двух ударов».

⁵ В 2020 г. мужчина-мусульманин был казнён в тюрьме Мешхеда (Иран) после того, как в шестой раз был признан виновным в употреблении алкоголя [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://star-wiki.ru/wiki/Alcohol_in_Iran (дата обращения: 15.03.2022).

приводит к солидарной ответственности в виде «наказания трех поколений», в других — это не разрешается⁶;

наказывается лишением свободы только лишь на том основании, что человек не в состоянии выполнить какое-либо договорное обязательство (банкротство, болезнь, девальвация и т.д.), хотя в других странах оно не криминализировано⁷;

влечёт для несовершеннолетних наказание в виде пожизненного лишения свободы, а в других — не более десяти лет лишения свободы, причем, даже если они совершили особо тяжкое преступление, повлёкшие смерть пострадавшего⁸;

влечёт наказание в виде лишения свободы на срок от трех месяцев до тридцати пяти лет (к примеру, в Российской Федерации), а в других — свыше ста тысяч лет⁹;

приводит к назначению телесного наказания (отсечение кисти руки, обезглавливание и т.д.¹⁰), а в других — такие виды наказания запрещены¹¹;

⁶ То есть за преступление одного члена семьи могут приговорить и кровных родственников (родителей и детей, бабушек и дедушек) (см.: *Сабитов Т.Р., Жилко И.А., Гилёв А.А.* Уголовный кодекс Корейской Народно-Демократической Республики: последние тенденции // *Всеросс. криминологический журнал*. 2021. № 1; Материал о местах заключения в КНДР [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://2017-2021.state.gov/wp-content/uploads/2019/03/Prisons-of-North-Korea-Russian.pdf> (дата обращения: 21.03.2022)).

⁷ К примеру, ст. 196 «Умышленное уклонение от погашения кредиторской задолженности» УК Азербайджанской Республики.

⁸ К примеру, в некоторых штатах США по сей день продолжают выносить приговоры о пожизненном заключении, причем без права на УДО (см. подр.: Пожизненное заключение [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://cdn.penalreform.org/wp-content/uploads/2018/04/%D0%BF%D0%BE%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B5-%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf> (дата обращения: 21.03.2022)).

⁹ Так, в Книгу рекордов Гиннеса попала мошенница из Таиланда Чамой Тхипьясо. В 1989 г. суд в Бангкоке приговорил ее и каждого из семерых ее пособников к 141 078 годам лишения свободы за масштабные махинации при банковских операциях. Самый же длинный тюремный срок получил в 1972 г. почтальон из Пальма-де-Майорки (Испания) Габриэль Марч Грандос. Он был приговорён к 384 912 годам тюрьмы (см. подр.: *Клещенко Алина*. Самые длинные тюремные сроки и суровые приговоры в истории [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://aif.ru/society/law/37825> (дата обращения: 30.10.2022)).

¹⁰ О практике применения этого вида телесного наказания см.: Сомалийское правосудие: украл — лишился руки. 20 мая 2009 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.bbc.com/russian/international/2009/05/090520_somalia_punishment (дата обращения: 19.03.2022).

¹¹ Например, в Ливии, Мавритании, Иране, Судане, Пакистане, Йемене, Объединённых Арабских Эмиратах, Саудовской Аравии и т.д. (см.: *Додонов В.Н.* Сравнительное уголовное право. Общая часть / под общ. ред. С.П. Щербы. М., 2009. С. 13).

является основанием для привлечения женщин к уголовной ответственности и наказания вплоть до смертной казни, хотя в других государствах применение этого вида наказания в отношении женщин не допускается¹²;

влечёт уголовную ответственность виновного по достижении им шести лет¹³, в других – с 14, а в некоторых странах – с 18 лет¹⁴.

Этот перечень слишком длинный. Но, думается, что и приведённых примеров достаточно для вывода о том, что во многих государствах права и свободы человека, вовлеченного в уголовный процесс, искусственно сужаются в зависимости от государства его проживания, вероисповедания, пола и т.д. Между тем очевидно, что биосоциальная сущность человека, его жизнь, здоровье, достоинство и права не могут определяться в зависимости от территории проживания или возраста, национальности, цвета кожи и т.д., так как человек имеет одинаковую высшую ценность в любой стране мира. Но на практике наблюдается принципиально иная картина.

Так, в Иране инцест, содомия, свинг¹⁵, супружеская измена и т.д. признаются тяжким преступлением и караются смертной казнью (в том числе посредством побиения камнями¹⁶), хотя во многих

¹² См. подр.: В США состоялась первая «федеральная казнь» женщины с 1953 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.interfax.ru/world/744931> (дата обращения: 24.10.2022).

¹³ В 34 штатах США нет минимального возраста для привлечения к уголовной ответственности, в то время как в большинстве остальных штатов он составляет 10 лет. Поэтому в некоторых штатах дети привлекаются к уголовной ответственности с семи, восьми, девяти лет (см.: 30 000 за 5 лет: почему в США арестовывают школьников младше 10 лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.forumdaily.com/30-000-za-5-let-rochemu-v-ssha-arestovuyayut-shkolnikov-mladshe-10-let/> (дата обращения: 20.03.2022)). Достаточно низкие границы возраста наступления уголовной ответственности установлены в Египте, Ираке, Ливане и ряде других стран Северной Африки и Ближнего Востока – семь лет (см. подр.: *Фрис П.Л.* Уголовное право Украины. Общая часть: учеб. для студ. высших учебных заведений. Киев, 2004).

¹⁴ Так, ст. 228 Конституции Бразилии гласит, что «лица, не достигшие восемнадцати лет, не могут подлежать уголовному преследованию и являются субъектом правил особого законодательства» (см.: Минимальный возраст наступления уголовной ответственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://cdn.penalreform.org/wp-content/uploads/2013/05/Justice-for-Children-Briefing-4_MACR_Russian.pdf (дата обращения: 04.02.2022)).

¹⁵ Или «шведская семья», «шведский грех». Форма полиамории, в процессе которой осуществляется обмен партнёрами для сексуальных игр (оргии) внутри нескольких пар (см. подр.: Шведская семья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/seksolog/2316> (дата обращения 23.02.2022)).

¹⁶ Это – вид высшей меры наказания, при котором группа людей бросает камни в человека до тех пор, пока он не умрёт от многочисленных тупых травм.

других государствах они хотя и осуждаются большей частью социума, тем не менее не считаются даже административным правонарушением. Более того, некоторые из приведённых выше девиантных поступков (к примеру, инцест) в ряде стран легализованы на законодательном уровне¹⁷. Сказанное можно повторить и относительно аборта – в одних государствах он не запрещён и является предметом свободы воли женщины, а в других рассматривается как преступление против внутриутробной жизни и приравнивается к убийству¹⁸.

Наши исследования показывают, что в ряде стран некоторые преступления, совершаемые физическими лицами, обусловлены исключительно политической или идеологической мотивацией. Например, публичное отрицание, преуменьшение, одобрение или оправдание преступлений, совершенных нацистами, уголовно наказуемо в Австрии, Бельгии, Германии, Канаде, Люксембурге, Литве, Молдове, Израиле, Польше, Российской Федерации, Словении, Франции, Швейцарии, а в других государствах это не считается преступлением, так как такая криминализация вступает в грубое противоречие с международно признанным фундаментальным правом человека на свободное выражение своих взглядов¹⁹. Так, согласно ч. 2 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах «каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно, посредством печати или художественных форм выражения либо иными способами по своему выбору».

Именно на этой основе, к примеру, в США отрицание Холокоста ненаказуемо, поскольку свободное выражение своих взглядов защищено также

¹⁷ К примеру, с 2019 г. в штате Нью-Джерси легализован брак между родными братом и сестрой. Об этом подробно см.: В Нью-Джерси легализован брак между родными братом и сестрой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cosmo.kz/v-nyyu-dzhersi-legalizirovan-brak-mezhdu-rodnybratom-i-sestroy/> (дата обращения: 28.01.2022).

¹⁸ В частности, с 1998 г. аборт в Сальвадоре запрещён – прерывать беременность невозможно даже в случаях изнасилования и инцеста. За совершение аборта предусмотрено наказание в виде тюремного заключения от двух до восьми лет; в Египте женщина, сделавшая аборт, получает три года тюрьмы. Врачи, медсестры или акушерки, производящие аборт, наказываются сроком тюремного заключения до пятнадцати лет; в Ирландии вопрос об абортах определён ст. 58 и 59 Акта преступлений против личности. За искусственное прерывание беременности грозит срок до пяти лет заключения и т.д. (см. подр.: 10 стран, где за аборт могут посадить в тюрьму [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.playbuzz.com/lifesy10/9-28-2016-8-46-06-am10> (дата обращения: 12.12.2021)).

¹⁹ Аналогичные законы действуют в Португалии, Чехии, Словакии и т.д. (см.: URL: <https://www.newsru.co.il/world/10mar2010/laszlo456.html> (дата обращения: 12.01.2022)).

Первой поправкой к Конституции. Аналогичный подход реализован в Дании, Испании и Норвегии, в которых криминализация отрицания Холокоста запрещена.

Этот дискриминационный список можно было бы и продолжить, однако, учитывая ограниченный объём статьи, остановимся лишь на некоторых из них.

*Начнём с криминализации эвтаназии*²⁰. Если исходить из требований национального законодательства некоторых государств, то приходится признать, что, увы, их законодатели присвоили себе патерналистское право, хотя ни одна Конституция стран Содружества не наделяет законодательную власть такими дискреционными полномочиями в аспекте распоряжения человеком своей жизнью. Но вопреки этому, к примеру, в Азербайджане (ст. 135 УК АР)²¹ и в некоторых других странах ближнего²² и дальнего зарубежья предусмотрена уголовная ответственность за активную и пассивную эвтаназию, т.е. за помощь заведомо неизлечимому больному человеку (например, последняя стадия рака гортани), испытывающему моральные и физические страдания, в достойном уходе из жизни²³.

Если следовать логике этих законодателей, то страдания безнадежно больного человека от адских болей и изнуряющих курсов химиотерапии надо продлевать настолько, насколько позволяют его организм, слезы и отчаяние его родных и близких, а также их финансовые средства на обезболивающие и дорогостоящие лекарства, которые невозможно получить бесплатно.

Нравственно ли это? Отвечают ли столь чудовищная жестокость и ригоризм законодателей этих государств фундаментальным нравственным ценностям? Не лучше ли позволить таким больным

²⁰ Анализ исторических источников свидетельствует, что начало эвтаназии было заложено еще в Спарте, где поощрялись акты убийства больных и немощных грудных детей путем оставления их в горах за городом на поживу хищникам. Такая же судьба ожидала и старых, неспособных к военным действиям людей. Однако легализация эвтаназии на законодательном уровне впервые состоялась в законах XII таблиц, где была закреплена возможность лишать жизни новорожденных, отличающихся исключительной уродливостью (подробно об этом см.: Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997. С. 6).

²¹ См.: Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. Баку, 2020.

²² В Уголовном кодексе РФ (ст. 105) эвтаназия считается разновидностью умышленного убийства, хотя здравый смысл подсказывает, что эвтаназию нельзя приравнять к убийству.

²³ По мнению ряда авторов, эвтаназия является самостоятельной, не тождественной самоубийству формой реализации правомочия гражданина по распоряжению своей жизнью (см.: Тасаков С. В. Запрет эвтаназии унижает человеческое достоинство // Росс. юстиция. 2003. № 2. С. 8–11; Малеина М. Н. О праве на жизнь // Государство и право. 1992. № 2. С. 50–59).

с достоинством покинуть сей бранный мир? Ведь есть предел мук, которые человек может выдерживать, сохранив при этом свое достоинство...

На наш взгляд, разумная эвтаназия, как и право на жизнь, — естественное право каждого Homo sapiens, дарованное ему природой, в силу чего свобода выбора между жизнью и смертью принадлежит ему по рождению. Вот — суть, остальное — демагогия, прикрытая зонтом трансцендентности и барочного милосердия. Поэтому считаем, что отказ от разумных форм эвтаназии в некоторых странах есть не что иное, как пренебрежение к человеческому достоинству.

Помимо нравственных аспектов рассматриваемой проблемы есть немало вопросов и сугубо правового характера. К примеру, как при отсутствии уголовной ответственности за самоубийство может существовать уголовная ответственность за эвтаназию как разновидности за соучастие в самоубийстве безнадежно больного человека?

Одновременно с этим следует затронуть и проблемы этического, медицинского и правового характера легализации эвтаназии. К примеру, а кто будет судьёй? На основе каких критериев он будет выносить вердикт о продлении или прекращении жизни безнадежно больного человека? Какие защитные механизмы должны быть выработаны против ошибок или злоупотреблений в этом вопросе? Какова медицинская и правовая характеристика понятия «безнадежно больной человек»? Как юридически оформить согласие больного на эвтаназию, если он в коме или парализован? Вправе ли родственники решать данный вопрос за такого больного? Если да, то кто именно из них? А если нет консенсуса между родственниками больного?

Словом, вопросов больше, чем конструктивных ответов на них. Но, полагаем, что при наличии политической воли все они разрешимы. Ведь решились ли же их многие страны мира, где эвтаназия легализована. В качестве примера можно сослаться на положительный опыт таких государств, как Бельгия, Великобритания, Германия, Италия, Канада, США (более 10 штатов), Франция, Швейцария и т.д., в которых легализована эвтаназия²⁴.

Полагаем, что позитивный пример этих государств достоин повсеместного подражания. Ведь жизнь человека — его естественная собственность, дарованная природой. Поэтому в рассматриваемой проблеме государство не вправе проявлять по отношению к человеку патернализм или, заняв позицию домостроя, решать за него вопрос — продолжать ему жить или прервать свой жизненный путь.

²⁴ Отметим, что на 01.01.2022 г. эвтаназия легализована в 34 странах мира.

Криминализация потребления наркотиков. Существует немало вопросов и относительно правомерности существования уголовной ответственности за немедицинское потребление наркотиков. В ряде стран, в том числе и в бывших советских республиках, предусмотрена уголовная ответственность за немедицинское потребление наркотиков²⁵, хотя наркомания является болезнью. Поэтому вряд ли есть польза от наказания наркомана²⁶ за употребление им наркотиков, если мы уверены в том, что в подавляющем большинстве случаев лишение его свободы не принесёт пользы, в силу чего больные наркоманией нуждаются не в тюремных нарах, а в лечебных койках в специализированных медицинских учреждениях²⁷.

Однако законодатели ряда государств не хотят понять, что уголовный закон, наказание и места лишения свободы — не панацея от этой болезни, в силу чего они не в состоянии вылечить осужденных, страдающих физической наркотической зависимостью. Напротив, как доказывает жизнь, колония чаще всего еще больше усугубляет проблему наркоманов. Ведь, находясь в местах лишения свободы, многие из них не только приобщаются к криминальной субкультуре, обучаются преступному ремеслу, становятся носителями идеологии преступного мира и т.д., но и продолжают употреблять наркотики. Об этом свидетельствуют и данные статистики ряда стран, согласно которой ежегодно в местах лишения свободы у осужденных

²⁵ Согласно польскому Закону о наркотиках в этой стране любое хранение наркотиков, даже небольшого количества для личного пользования, наказывается лишением свободы на срок до трех лет (см. подр.: Польша [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://www.emcdda.europa.eu/countries/drug-reports/2019/poland/drug-laws-and-drug-law-offences_en (дата обращения: 18.03.2022)).

²⁶ Уместно отметить, что болезнь под названием «наркомания» включена в медицинские справочники и каталоги наряду с любыми другими заболеваниями (см. подр.: О заболеваниях [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://gbuzpkknd.ru/patsientu/o-zabolevaniyakh/narkomaniya> (дата обращения: 13.04.2022)).

²⁷ Отметим, что число людей, содержащихся в исправительных колониях Российской Федерации для взрослых за преступления, связанные с наркотиками, на начало 2022 г. составляло около 104 тыс. человек. При этом доля лишённых свободы за преступления, связанные с наркотиками, в общей численности контингента исправительных колоний для взрослых продолжает расти, увеличившись с 7.1% в 2004 г. до 29.0% в 2020–2021 гг. Если учесть, что на 01.03.2022 г. число содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы составляло 466.6 тыс. человек, то получается, что каждый четвертый из них осуждён за незаконный оборот наркотиков (см.: Шербакова Екатерина. Преступность в России, 2021 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0943/barom06.php> (дата обращения: 30.10.2022)).

и посещающих их лиц изымается большое количество различных видов наркотиков²⁸.

В результате чрезмерного применения судами за это деяние лишения свободы (во многих государствах рассматриваемое деяние отнесено законодателем к категории менее тяжких преступлений) пенитенциарные учреждения переполнены наркоманами, в силу чего они постепенно превращаются в специализированное общежитие для наркоманов и участников наркобизнеса. К примеру, удельный вес лиц, осужденных в Азербайджане к лишению свободы за незаконный оборот наркотиков, составляет в местах лишения свободы не менее $\frac{1}{3}$ от общего числа отбывающих в них наказание.

Как показывают исследования, такое положение дел в сфере противодействия наркомании порой крайне выгодно органам уголовной юстиции, в том числе пенитенциарным обсервациям. В частности, органам внутренних дел как доминирующей силе в противодействии с преступностью весьма на руку криминализация потребления наркотиков, так как она позволяет уровень раскрываемости зарегистрированных преступлений регулировать в ручном режиме.

Здесь суть заключается в следующем:

во-первых, посредством задержания наркоманов органы внутренних дел отдельных стран ближнего и дальнего зарубежья искусственно повышают раскрываемость зарегистрированных преступлений. К примеру, в городе «Х» зарегистрировано одно умышленное преступление, одно разбойное нападение и одна кража, ни одно из которых не раскрыто. В этом случае раскрываемость преступлений равна нулю, что, естественно, крайне отрицательно влияет на показатели деятельности УВД этого города. Так вот, чтобы избежать этого, запускается «охота» на наркоманов — задерживают трех-четырёх больных этим недугом (благо, у инспектора всегда под рукой их адреса, телефоны, места сбора и т.д.), возбуждают уголовные дела (как правило, у наркоманов или в их жилище всегда есть определённая доза наркотиков), после чего кривая раскрываемости с нулевой отметки автоматически поднимается до 57%;

во-вторых, в рассматриваемом вопросе крайне заинтересованы и исправительные колонии отдельных стран, так как постоянное пополнение числа осужденных является для их руководителей «золотой жилой» — способом незаконного обогащения посредством предоставления заключённым «пенитенциарного сервиса» (поборы

²⁸ Об этой проблеме см. подр.: Красоткин П.Н., Красильникова М.С. Наркопреступность в России и в учреждениях уголовно-исполнительной системы: криминологический анализ // Вестник Сибирского юрид. ин-та МВД России. Право. 2018. № 4. С. 98, 99.

за предоставление свидания, телефона, «помощь» в условно-досрочном освобождении, переводе осуждённого в медицинский бокс и т.д.) и орудием «распила» пенитенциарного бюджета (путем систематического урезания питания осужденных, хищения лекарств, предназначенных для больных заключенных, и т.д.).

Наконец, еще один негативный аспект криминализации немедицинского потребления наркотиков связан с древнеримской презумпцией знания закона: “*Error vel ignorantia juris non excusat*” («Незнание не освобождает от соблюдения закона»). Не затрагивая определенных издержек этого принципа, он вызывает ряд вопросов и сугубо правового характера²⁹. К примеру, не лишён логики такой вопрос: подлежит ли уголовной ответственности иностранный пассажир, задержанный в транзитной зоне аэропорта с наркотиками, потребление которых не запрещено как у него в стране, так и в государстве, куда он летит? Ведь по большому счету он не обязан знать закон, который не был официально опубликован в его стране³⁰.

Ответ на поставленный вопрос однозначен — нет, так как *незнание официально неопубликованного закона освобождает от ответственности за его несоблюдение*.

Краткий экскурс в историю унификаторского движения. Идея об унификации уголовной ответственности получила широкое распространение. Она была выдвинута еще в 1926 г. на Брюссельском конгрессе Международной ассоциации уголовного права, где было положено начало международному объединению криминалистов — конференциям по унификации уголовного законодательства. Эта организация оказалась весьма активной. Так, первая конференция по унификации уголовного законодательства состоялась в Варшаве в 1927 г., вторая — в Риме в 1928 г., третья — в Брюсселе в 1930 г., четвертая — в Париже в 1931 г., пятая — в Мадриде в 1933 г., шестая — в Копенгагене в 1935 г. Однако каких-либо ощутимых результатов эта деятельность не дала³¹.

Цели движения «унификаторов» были сформулированы в 1926 г. в резолюции Брюссельского

конгресса Международной ассоциации уголовного права, ставшей, по сути, учредительным документом этого движения. В ней, в частности, предусматривалось «рассмотреть и унифицировать принципы, положенные в основу разрабатываемых проектов уголовных кодексов, вводя туда по возможности общие начала применения репрессий»³². В ходе конференций «унификаторы» готовили рекомендации, на базе которых государства-участники могли бы привести к общему знаменателю свое национальное законодательство, в том числе по вопросам борьбы с воздушным и морским пиратством, фальшивомонетничеством, терроризмом, распространением наркотиков, работоторговлей, а также наметить пути сотрудничества с целью наказания виновных в этих преступлениях лиц.

Представитель Бельгии на IV Конференции по унификации уголовного законодательства Н. Гансбург сформулировал задачи «унификаторов» следующим образом: «Идея конференции — включить в кодексы участвующих в ней государств сходные, если не идентичные, определения таким образом, чтобы было возможно как можно проще предусмотреть сходные наказания и обеспечить эффективность международного преследования»³³. На конференции по унификации уголовного права ее Генеральная ассамблея приняла текст, в котором среди преступлений, таких как пиратство, перевозка наркотиков, торговля женщинами и рабами, указывалось и «преднамеренное использование средств, способных вызвать общую опасность». В подготовленном на основе доклада Гансбурга проекте резолюции конференции предлагалось в качестве преднамеренного применения средств, способных вызвать «общую опасность», рассматривать действия, угрожающие жизни, физической неприкосновенности, здоровью человека, а также уничтожение ценного имущества³⁴.

Этот краткий анализ истории становления и развития идеи глобальной унификации уголовного закона показывает, что её основоположники преследовали целью унификацию уголовной ответственности лишь за отдельные виды преступлений (терроризм, фальшивомонетничество, торговля людьми, пиратство и т.д.), что, естественно, при всей своей значимости в противостоянии транснациональной преступности имеет отдалённое отношение к предмету настоящего исследования.

³² *Трайнин А.Н.* Защита мира и уголовный закон // *Трайнин А.Н.* Избр. произв. / под общ. ред. Р.А. Руденко. М., 1969. С. 18.

³³ *Цит. по: Змеевский А.В.* Проблемы борьбы с терроризмом на международных конференциях по унификации уголовного законодательства (1927–1933 гг.) // *Московский журнал международного права.* М., 1993. № 4. С. 63, 64.

³⁴ *См.: там же.*

²⁹ Отметим, что в нем нет указания на механизм доведения до сведения граждан текста закона, без чего сегодня во многих странах мира такие законы считаются нелегитимными.

³⁰ В качестве примера можно сослаться на уголовное дело, возбуждённое против американской баскетболистки Бриттни Грайнер, которая была арестована 17.02.2022 г. в аэропорту Шереметьево за контрабанду и хранение наркотиков (в её багаже нашли картриджи для вейпа с запрещённым в России гашишным маслом. Это вещество запрещено к обороту в России, но не запрещено в некоторых штатах США).

³¹ *См.: Карпец И.И.* Международная преступность. М., 1988. С. 55, 56.

Возможные пути решения поставленной проблемы. На наш взгляд, одним из оптимальных путей предупреждения нарушений прав человека в системе уголовной юстиции национальных государств может стать принятие на глобальном уровне Свода уголовной ответственности физических лиц, в котором необходимо унифицировать минимальный возраст уголовной ответственности, виды и категории преступлений, совершаемых физическими лицами, а также уголовное наказание, его виды и сроки (размеры), применяемые к ним.

Мы специально избегаем использования словосочетания «Международный Уголовный кодекс», так как полагаем, что это будет вступать в противоречие с принципами государственного суверенитета независимых стран — членов ООН. Как писал Ж.-Ж. Руссо, «суверенитет, который есть только осуществление общей воли, не может никогда отчуждаться, и что суверен, который есть не что иное, как коллективное существо, может быть представляем только самим собою. Передаваться может власть, но никак не воля»³⁵.

Помимо этого, как известно, Уголовный кодекс регулирует не только вопросы возраста уголовной ответственности физических лиц, определяет формы и виды преступлений, устанавливает виды и сроки (размеры) наказания, но и решает широкий круг иных концептуальных проблем уголовной ответственности и наказания (принципы уголовного права; понятие «преступление», «вина», «рецидив преступлений»; институт необходимой обороны и соучастия; освобождение от уголовной ответственности и т.д.).

Наконец, унификация уголовного права в части уголовной ответственности физических лиц «состоит не в коренном изменении национальных школ уголовного права и устоявшихся правовых моделей, а в универсализации общих подходов разрешения однотипных задач»³⁶ и разработки единых стандартов в вопросах уголовной ответственности физических лиц³⁷.

³⁵ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права (1762 г.). Кн. 2. С. 19. URL: http://www.civis-book.ru/files/File/Russo_O_dogovore.pdf

³⁶ Хилота В.В. Философия глобализации уголовного права // Росс. журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 2 (19). С. 74.

³⁷ Вместе с тем «преобладание интеграционных тенденций в современном мире свидетельствует о том, что эпоха абсолютно автономного существования национального уголовного права и независимой юстиции, не подверженной влиянию извне, заканчивается» (об этом см. подр.: Рапог А.И. Сближение уголовно-правовых систем в эпоху глобализации // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 586).

Другой вопрос — фундаментальные права и свободы человека и гражданина, которые, как было отмечено выше, сегодня не признаются прерогативой только национальных государств, так как являются одновременно и предметом регулирования международного права. Поэтому принятие международным сообществом предложенного Свода не будет вступать в противоречие с государственными и национальными интересами того или иного государства, но станет важным шагом для дальнейшего укрепления прав и свобод человека и гражданина, усиления международного контроля за признанием, соблюдением и защитой прав лиц, попавших в орбиту уголовной юстиции.

Естественно, в рамках одной статьи невозможно подробно раскрыть как архитектуру предложенного Свода, так и содержательную сторону его положений. Помимо этого для создания такого глобального Свода в сфере уголовной юстиции необходима международная команда экспертов, состоящая не только из авторитетных специалистов в области уголовного права и криминологии, уголовно-исправительного права из различных стран мира, но и специалистов в области социологии, девиантологии, конфликтологии и т.д.

Но одно бесспорно — в этом Своде должны быть унифицированы не только все виды и категории преступлений, совершаемых физическими лицами, но и минимальный возраст уголовной ответственности, наказание, его виды и сроки (размеры), а также перечень бесчеловечных наказаний, которые должны быть запрещены во всех странах — членах ООН. На наш взгляд, предложенный Свод должен содержать как минимум следующие императивные положения, имплементированные в национальные уголовные кодексы. Так, в уголовном законодательстве всех государств — членов ООН должно быть закреплено Положение, согласно которому:

1. Нет уголовной ответственности для иностранного гражданина, временно прибывшего в другую страну, за деяние, которое не признается преступлением в государстве, гражданином (постоянным жителем) которого он является или из которого он прибыл.

2. Нижний возрастной порог привлечения к уголовной ответственности устанавливается с 16 лет³⁸. Дети в возрасте 14–15 лет могут быть

³⁸ В настоящее время возраст уголовной ответственности принципиально различается в зависимости от страны. Так, в УК Бельгии для подростков с 12 до 16 лет максимальный срок лишения свободы — двадцать лет, а для подростков с 16 до 17 — до тридцати лет; в Албании и Греции — двадцать лет; Англии — от семнадцати до двадцати; Дании и Нидерландах — шестнадцать лет; в Грузии, Казахстане, Молдове — двенадцать лет лишения свободы (см. подр.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

привлечены к уголовной ответственности только за тяжкие преступления против жизни, повлекшие смерть или тяжкие увечья для потерпевших³⁹.

3. Не признается преступлением осуществление дееспособной женщиной по своему желанию аборта медицинским путем или иным неопасным для жизни и здоровья способом, если срок беременности не превышает 12 недель. Не является преступлением и прерывание беременности на сроке от 12 до 22 недель, если это осуществляется по медицинским показаниям.

4. Запрещается криминализация ношения и хранения наркотиков для личного потребления⁴⁰.

5. Не является преступлением активная и пассивная форма эвтаназии, осуществлённой по воле больного или с согласия его близких родственников.

6. Исключается уголовная ответственность за деяния, совершенные клептоманами и лицами в состоянии лунатизма, при наличии на то заключения специалистов (экспертов).

7. Не является преступлением кража, совершенная вследствие крайней нужды (голод, нищета и т.д.).

8. Рецидив преступления не является основанием для признания этого деяния квалифицированным составом, но может быть признан как обстоятельство, отягчающее наказание.

9. Запрещаются такие виды уголовного наказания, как членовредительство (за исключением медицинской или хирургической кастрации педофилов), зеркальная парализация виновного хирургическим путем (Саудовская Аравия⁴¹), линчевание,

URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%BB%D0%B8%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D1%8B (дата обращения: 18.02.2022).

³⁹ В этой связи Генеральная Ассамблея ООН должна внести коррективу в словесную конструкцию ст. 37 Конвенции о правах ребёнка в части, завалированно допускающей применение к лицам, не достигшим 18 лет, смертной казни и пожизненного тюремного заключения. Так, в данной статье сказано: «Ни смертная казнь, ни пожизненное тюремное заключение, не предусматривающее возможности освобождения, не назначаются за преступления, совершенные лицами моложе 18 лет». Иными словами, если предусматривает, то можно назначить несовершеннолетним наказание в виде смертной казни.

⁴⁰ Перечень наркотиков устанавливается Всемирной организацией здравоохранения.

⁴¹ Наглядным примером реализации зеркального наказания является судьба Али Аль-Хавахира (Саудовская Аравия), который попал в тюрьму за то, что ткнул ножом в спину своего друга. Пострадавший выжил, но оказался на всю жизнь прикованным к кровати и инвалидному креслу — оружие повредило позвоночник. В результате суд постановил, чтобы Аль-Хавахир выплатил пострадавшему круглую сумму. Если же он не сможет ее собрать, то будет целенаправленно парализован

отсечение руки, избивание розгами, палкой, цепью, железным прутом и другие бесчеловечные или унижающие достоинство его виды.

10. Верхняя граница наказания в виде срочного лишения свободы не должна превышать пятнадцати лет, а по совокупности преступлений или приговоров — двадцати лет.

11. Запрещается любая форма публичного исполнения уголовного наказания в виде смертной казни или других разновидностей телесных наказаний (обезглавливание, побивание камнями до наступления смерти виновного и т.д.).

12. Размер морального ущерба, причиненного преступлением, определяется потерпевшим в рамках Таблицы максимального размера морального ущерба за преступления небольшой тяжести, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие, закреплённой в национальном Уголовном кодексе, который не может быть снижен судом без согласия на то потерпевшего.

13. Каждое национальное уголовное законодательство должно содержать поощрительную норму в виде искупления вины посредством чтения осуждёнными художественной литературы в период отбывания наказания, что влечёт фиксированное снижение сроков (размеров) назначенного наказания⁴², установленное национальным законодательством.

14. Ходатайство осуждённого о представлении ему УДО должно предварительно рассматриваться Общественной комиссией при пенитенциарном учреждении, состоящей из представителей гражданского общества, которая при рассмотрении такого обращения вправе не учитывать позицию руководства исправительного учреждения и рекомендовать суду об удовлетворении ходатайства осуждённого.

хирургическим путем. Он должен прочувствовать то же, что ежедневно чувствует его жертва (см.: Пять самых странных, невероятных и даже чудовищных наказаний для современных преступников [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://novate.ru/blogs/270415/31019/> (дата обращения: 23.12.2021)).

⁴² К примеру, в четырех бразильских тюрьмах в 2012 г. был запущен эксперимент под названием «Искупление через чтение». Суть этого проекта заключается в попытке привить заключённым стремление к лучшей жизни при помощи книг. В этих тюрьмах каждая прочитанная узником книга позволит ему сократить свой срок заключения на четыре дня. Всего в год может засчитываться максимум двенадцать книг. Жанры и направления выбора практически не ограничены. Это могут быть художественные произведения (правда, без детективов, любовных романов и прочей беллетристики), книги по философии, науке или истории. Заключённому нужно прочитать книгу и написать небольшое сочинение, какие мысли он вынес во время знакомства с этим произведением. Специальная комиссия изучает его эссе и принимает решение, следует ли сократить узнику четыре дня тюремного срока (см.: там же).

15. Запрещается содержание осужденных в исправительных колониях в спальных помещениях барачного типа. Все страны – члены ООН обязуются в течение пяти лет после подписания настоящего Свода перейти на камерную систему содержания осужденных, в которой им будет обеспечено минимальное личное пространство (не менее 2 м²).

Естественно, приведённый выше примерный перечень императивных положений, которые должны быть включены в предложенный Свод, может быть дополнен и другими позитивными положениями, направленными на глобальную унификацию прав человека, попавшего в орбиту уголовной юстиции.

Что же касается вопросов уголовной ответственности и наказания юридических лиц, то полагаем, что они должны и далее оставаться предметом регулирования национального законодательства.

Заключение

Ограниченные рамки статьи не позволили нам даже схематично отразить все грани поставленной проблемы, в силу чего в ней осталось немало белых пятен (к примеру, перечень унифицированных преступлений, пересмотренная пятиступенчатая категоризация преступлений, сроки наказания в виде лишения свободы, исчисляемые неделями, месяцами и годами, и т.д.). Поэтому публичное обсуждение проблем унификации уголовной ответственности физических лиц на глобальном уровне позволит выявить немало других граней рассматриваемого вопроса, которые откроют новые горизонты для решения этой глобальной проблемы современного уголовного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аликперов Х.Д.* Новый взгляд на преступление и наказание. СПб., 2022.
2. *Додонов В.Н.* Сравнительное уголовное право. Общая часть / под общ. ред. С.П. Щербы. М., 2009. С. 13.
3. *Змеевский А.В.* Проблемы борьбы с терроризмом на международных конференциях по унификации уголовного законодательства (1927–1933 гг.) // Московский журнал междунар. права. М., 1993. № 4. С. 63, 64.
4. *Карпец И.И.* Международная преступность. М., 1988. С. 55, 56.
5. *Клещенко Алина.* Самые длинные тюремные сроки и суровые приговоры в истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://aif.ru/society/law/37825> (дата обращения: 30.10.2022).
6. *Красоткин П.Н., Красильникова М.С.* Наркопреступность в России и в учреждениях уголовно-исполнительной системы: криминологический анализ // Вестник Сибирского юрид. ин-та МВД России. Право. 2018. № 4. С. 98, 99.
7. *Малеина М.Н.* О праве на жизнь // Государство и право. 1992. № 2. С. 50–59.

8. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997. С. 6.
9. Пять самых странных, невероятных и даже чудовищных наказаний для современных преступников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://novate.ru/blogs/270415/31019/> (дата обращения: 23.12.2021).
10. *Рагимов И.М.* Религия и наказание. СПб., 2020.
11. *Рарог А.И.* Сближение уголовно-правовых систем в эпоху глобализации // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 586.
12. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Принципы политического права (1762 г.). Кн. 2. С. 19. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Russo.O_dogovore.pdf
13. *Сабитов Т.Р., Жилко И.А., Гилёв А.А.* Уголовный кодекс Корейской Народно-Демократической Республики: последние тенденции // Всеросс. криминологический журнал. 2021. № 1.
14. *Тасаков С.В.* Запрет эвтаназии унижает человеческое достоинство // Росс. юстиция. 2003. № 2. С. 8–11.
15. *Трайнин А.Н.* Защита мира и уголовный закон // Трайнин А.Н. Избр. произв. / под общ. ред. Р.А. Руденко. М., 1969. С. 18.
16. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. Баку, 2020.
17. *Фрис П.Л.* Уголовное право Украины. Общая часть: учеб. для студ. высших учебных заведений. Киев, 2004.
18. *Хиллота В.В.* Философия глобализации уголовного права // Росс. журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 2 (19). С. 74.
19. *Шербакова Екатерина.* Преступность в России, 2021 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0943/barom06.php> (дата обращения: 30.10.2022).

REFERENCES

1. *Alikperov Kh. J.* A new look at crime and punishment. SPb., 2022 (in Russ.).
2. *Dodonov V.N.* Comparative Criminal Law. General part / under the general editorship of S.P. Shcherba. M., 2009. P. 13 (in Russ.).
3. *Zmeevsky A. V.* Problems of combating terrorism at international conferences on the unification of criminal legislation (1927–1933) // Moscow Journal of International Law. M., 1993. No. 4. P. 63, 64 (in Russ.).
4. *Karpets I. I.* International crime. M., 1988. P. 55, 56 (in Russ.).
5. *Kleshchenko Alina.* The longest prison sentences and harsh sentences in history [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://aif.ru/society/law/37825> (accessed: 30.10.2022) (in Russ.).
6. *Krasotkin P.N., Krasilnikova M.S.* Drug crime in Russia and in institutions of the penal system: criminological analysis // Herald of the Siberian Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Law. 2018. No. 4. P. 98, 99 (in Russ.).

7. *Maleina M.N.* On the right to life // State and Law. 1992. No. 2. P. 50–59 (in Russ.).
8. Monuments of Roman Law: Laws of the XII tables. Guy's institutions. Digests of Justinian. M., 1997. P. 6 (in Russ.).
9. Five of the strangest, most incredible and even monstrous punishments for modern criminals [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://novate.ru/blogs/270415/31019/> (accessed: 23.12.2021) (in Russ.).
10. *Ragimov I.M.* Religion and punishment. SPb., 2020 (in Russ.).
11. *Rarog A.I.* Convergence of criminal legal systems in the era of globalization // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2015. Vol. 9. No. 3. P. 586 (in Russ.).
12. *Rousseau J.-J.* On the Social Contract, or the Principles of Political Law (1762). Book 2. P. 19. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Russo.O_dogovore.pdf (in Russ.).
13. *Sabitov T.R., Zhilko I.A., Gilev A.A.* The Criminal Code of the Democratic People's Republic of Korea: recent trends // All-Russian Journal of Criminology. 2021. No. 1 (in Russ.).
14. *Tasakov S.V.* The ban on euthanasia humiliates human dignity // Russ. Justice. 2003. No. 2. P. 8–11 (in Russ.).
15. *Trainin A.N.* Protection of peace and criminal law // Trainin A.N. Selected works / under the general editorship of R.A. Rudenko. M., 1969. P. 18 (in Russ.).
16. Criminal Code of the Republic of Azerbaijan. Baku, 2020 (in Russ.).
17. *Fris P.L.* Criminal Law of Ukraine. General part: textbook for students of higher educational institutions. Kiev, 2004 (in Russ.).
18. *Khilyuta V.V.* Philosophy of globalization of Criminal Law // Russ. Journal of Legal Studies. 2019. Vol. 6. No. 2 (19). P. 74 (in Russ.).
19. *Shcherbakova Ekaterina.* Crime in Russia, 2021 [Electronic resource]. – Access mode: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0943/barom06.php> (accessed: 30.10.2022) (in Russ.).

Сведения об авторах

РАГИМОВ Ильгам Мамедгасанович – иностранный член Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, Президент Ассоциации юристов стран Черноморско-Каспийского региона; Азербайджанская Республика, г. Баку

АЛИКПЕРОВ Ханлар Джафарович – доктор юридических наук, профессор, директор Центра правовых исследований; Азербайджанская Республика, г. Баку

Authors' information

RAGIMOV Ilgam M. – Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Azerbaijan Republic, President of the Association of Lawyers of the Black Sea-Caspian Region; Baku, Azerbaijan Republic

ALIKPEROV Khanlar J. – Doctor of Law, Professor, Director of the Center for Legal Research; Baku, Azerbaijan Republic

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ – СРЕДСТВО ИЛИ СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ?

© 2023 г. А. К. Жарова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: anna_jarova@mail.ru

Поступила в редакцию 17.07.2022 г.

Аннотация. Постановка проблемы. Несмотря на пользу, которую получает общество от применения искусственного интеллекта (ИИ), его использование создает риски и угрозы, например, как средства совершения преступления. Определение понятия «искусственный интеллект» сводится к описанию совокупности отдельных информационных технологий, которые могут собирать и анализировать данные, а также имитировать когнитивную функцию человека. В научной литературе ведутся дискуссии о том, можно ли ИИ рассматривать как способ, предмет или средство совершения преступления. В статье доказывается, что ИИ нужно рассматривать как средство совершения преступления.

Цели и задачи исследования. Целью исследования являлся анализ возможностей использования ИИ в качестве средства совершения мошенничества в сфере компьютерной информации. В статье анализируются основные способы противоправных деяний, которые определены в ст. 159⁶ УК РФ, судебная практика квалификации преступлений по ст. 159⁶ УК РФ, положения Постановления Пленума Верховного Суда от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 29.06.2021 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Смоделированы предполагаемые преступные деяния, которые могут быть квалифицированы по ст. 159⁶ УК РФ, учитывающие способы совершения преступных деяний.

Ключевые слова: искусственный интеллект, мошенничество, средство совершения преступления, Уголовный кодекс РФ, модель преступления.

Цитирование: Жарова А. К. Искусственный интеллект – средство или способ совершения мошенничества в сфере компьютерной информации? // Государство и право. 2023. № 2. С. 54–61.

DOI: 10.31857/S102694520021177-5

ARTIFICIAL INTELLIGENCE – A MEANS OR METHOD OF COMMITTING FRAUD IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION?

© 2023 A. K. Zharova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: anna_jarova@mail.ru

Received 17.07.2022

Abstract. Problem statement. Despite the benefits that society receives from the use of artificial intelligence (AI), its use creates risks and threats, for example, as a means of committing a crime. The definition of “artificial intelligence” is reduced to the description of a set of individual information technologies that can collect and analyze data, as well as simulate human cognitive function. There are discussions in the scientific literature about whether and can be considered as a method, object or means of committing a crime. The article proves that it should be considered as a means of committing a crime.

Goals and objectives of the study. The purpose of the study was to analyze the possibilities of using AI as a means of committing fraud in the field of computer information. The article analyzes the main methods of illegal acts, which are defined in Article 159⁶ of the Criminal Code of the Russian Federation, judicial practice of qualifying crimes under Article 159⁶ of the Criminal Code of the Russian Federation, the provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of November 30, 2017 No. 48 (ed. dated 29.06.2021) “On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement”. The alleged criminal acts that can be qualified under art. 159⁶ of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the methods of committing criminal acts.

Key words: artificial intelligence, fraud, means of committing a crime, Criminal Code of the Russian Federation, crime model.

For citation: Zharova, A.K (2023). Artificial intelligence – a means of method committing fraud in the field of computer information? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 54–61.

Введение

Тема признания искусственного интеллекта (ИИ) средством совершения противоправных деяний все больше привлекает ученых.

Понятие ИИ является собирательным и обобщает отдельные информационные технологии, которые могут обрабатывать и анализировать данные, а также имитировать когнитивную функцию человека. Алгоритмы ИИ могут содержать различные алгоритмы анализа данных, которые позволяют создавать цифровой профиль человека, определять тип используемого программного обеспечения и возможные его уязвимости, например алгоритмы машинного обучения на основе анализа данных создают прогнозные модели.

Российскими исследователями предпринимаются попытки систематизировать отдельные случаи наступления уголовной ответственности за ряд деяний, совершенных с применением ИИ¹. Некоторые ученые предлагают в уголовном праве рассматривать ИИ как «предмет, способ или средство его совершения»².

В данной статье ИИ будет рассматриваться как средство совершения преступления, поскольку под способом совершения преступления понимается прием, образ действий или метод поведения лица во время совершения преступления³. ИИ не может быть отнесен ни к приему, ни образу действий

или методу поведения лица, поскольку ИИ является программным обеспечением⁴. Под средствами совершения преступления понимают предметы, вещества, энергию и приспособления, свойства которых (физические, химические и иные) используются для совершения преступления⁵.

ИИ как программное обеспечение, используемое для совершения преступления, позволяет рассматривать его в предметном, вещном качестве как средство совершения преступления. Однако признание ИИ предметом выглядит дискуссионным, поскольку это требует признания информации (программного обеспечения как совокупности информации) материальной.

По Гражданскому кодексу РФ программное обеспечение – это «представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения» (ст. 1261).

Таким образом, ИИ – это совокупность информации и запрограммированных информационных процессов.

Дискуссии о материальности информации ведутся до сих пор. Некоторыми авторами подчеркивается нематериальность информации⁶, другие настаивают на том, что информация материальна, поскольку она может передаваться волновым способом, овеществляется в предметах и является

¹ См.: Ефремова М.А., Лопатина Т.М. Робототехника в уголовном законодательстве Российской Федерации // Росс. следователь. 2021. № 11. С. 55–58. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-11-55-58; Бегишев И.Р. Международно-правовые основы регулирования искусственного интеллекта и робототехники // Междунар. публичное и частное право. 2021. № 1. С. 37–40. DOI: 10.18572/1812-3910-2021-1-37-40

² Грачева Ю.В., Арямов А.А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы рос. права. 2020. № 6. С. 169–178. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.169–178

³ См.: Воеводкина К.М. Обман в составе незаконного получения кредита по УК РФ: функция и значение // Росс. следователь. 2020. № 5. С. 37. DOI: 10.18572/1812-3783-2020-5-33-37; Владыкина Т.А. Изменение категории преступления // Уголовное право. 2018. № 5. С. 11–17.

⁴ См.: Жарова А.К. Правовое обеспечение цифрового профилирования деятельности человека // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Право. 2020. Т. 20. № 2. С. 80–87.

⁵ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. М., 2021. С. 18.

⁶ См.: Сеницын С.А. Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // Законодательство и экономика. 2016. № 11. С. 16; Пучков В.О. Информация – объект гражданского права? // Арбитражные споры. 2020. № 2. С. 138.

формализованным отражением объективной реальности в ее разнообразии форм распространения и изменчивости⁷. Мы придерживаемся позиции авторов, признающих материальность информации.

Применение ИИ в ИКТ-сфере в целях модификации информации, воздействия на информационные технологии (ИТ) позволяет совершать мошенничества. Однако квалификация таких преступлений, как мошенничество в сфере компьютерной информации, поднимает вопросы о составе преступления, определенного в ст. 159⁶ УК РФ, для этого необходимо изучить возможные угрозы общественным отношениям при применении ИИ, оценить степень общественной опасности, риски и угрозы, возникающие при использовании ИИ.

Диспозиция нормы 159⁶ УК РФ раскрывает мошенничество в сфере компьютерной информации как «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей».

Мы имеем право поставить знак равенства между «функционированием средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей» и «информационными технологиями», поскольку в соответствии с п. 2 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁸ «информационные технологии – процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов». Таким образом, функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей и есть информационные технологии. В связи с данным выводом мы можем сделать заключение, что в ст. 159⁶ УК РФ речь идет о хищении чужого имущества или приобретении права на чужое имущество, реализованное технологическим способом в ИКТ-сфере.

Эту мысль подтверждает постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 29.06.2021 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»⁹ (далее – Постановление № 48), в котором под «вмешательством

в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей признается целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) – ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него» (п. 20).

Ю.В. Грачева, С.В. Маликов, А.И. Чучаев считают, что такая форма хищения не может называться мошенничеством¹⁰, поскольку в ст. 159⁶ УК РФ «предусмотрен иной способ хищения, не совпадающий с мошенничеством». Однако с точки зрения теории уголовного права хищение может «совершаться открыто (грабеж), тайно (кража), путем обмана (мошенничество), с использованием насилия или угрозы насилия (грабеж, разбой)»¹¹. Таким образом, мошенничество выступает одним из способов хищения имущества.

Некоторые авторы полагают, что объективная сторона данного преступления характеризуется таким способом его совершения, как «обман путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации...»¹². Понимание совершения преступления через обман, несмотря на отсутствие этого способа совершения преступления в ст. 159⁶ УК РФ, объяснимо, поскольку мошенничество как обман определено в ст. 159 Кодекса.

По мнению других авторов, «рассматриваемое преступление характеризуется незаконным изъятием чужого имущества путем вмешательства в функционирование компьютерной информации или информации телекоммуникационных сетей»¹³. Сложно согласиться с данным мнением, поскольку в диспозиции ст. 159⁶ УК РФ отсутствует такой способ совершения преступления, как изъятие.

¹⁰ См.: Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И. Предупреждение девиаций в цифровом мире уголовно-правовыми средствами // Право. Журнал ВШЭ. 2020. № 1. С. 188–210. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.1.188.210

¹¹ Уголовное право России: учеб. для бакалавров / под ред. А.И. Плотникова. Оренбург, 2016. С. 96.

¹² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. С. 102.

¹³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. Испр., доп., перераб. М., 2013. С. 127.

⁷ См.: Елин В.М. Мошенничество в сфере компьютерной информации как новый состав преступления // Бизнес-информатика. 2013. № 2 (24). С. 72.

⁸ См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3448.

⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

Такое противоречие в понимании способов совершения преступления свидетельствует о том, что диспозиция данной статьи является сложной для оценки технологических процессов и сформулирована неоднозначно. Так, с точки зрения В.М. Елина, диспозиция данной статьи заимствована из Европейской конвенции о киберпреступности¹⁴, в связи с этим ее формулировка не соответствует в полной мере правилам и традициям уголовного законодательства Российской Федерации.

Общественная опасность деяний согласно ст. 159⁶ УК РФ связана с реализацией преступными информационными процессами, иными словами, с применением информационных технологий в ИКТ-сфере для достижения преступных целей.

Виновным может быть признан, например, пользователь информационных технологий или разработчик программного обеспечения – ИИ, программной среды, нейросети, которые позволяют достичь желаемого преступного результата – похитить чужое имущество или приобрести право на чужое имущество. Разработчик или программист такой информационной технологии может быть признан виновным только тогда, когда он, имея цель похищения имущества, создает программную разработку с функционалом, позволяющим внести изменения в функционирование ИТ.

Однако если программист дополнил функционал своей технологии вредоносными свойствами или определил ее целью нарушение работы критической информационной инфраструктуры, то потребуется дополнительная квалификация деяний по ст. 272, 273 или 274¹ УК РФ.

Преступные деяния, представленные в диспозиции ст. 159⁶ УК РФ, нельзя отнести к классическому пониманию мошенничества, как оно представлено в ст. 159 УК РФ. В ст. 159⁶ Кодекса отсутствуют такие деяния, как обман или злоупотребление доверием, например, они сформулированы в ст. 159¹, 159² («предоставление заведомо ложных и (или) недостоверных сведений»), ст. 159⁵ УК РФ («хищение чужого имущества путем обмана»).

В соответствии с п. 1 Постановления № 48 в случае, если «способами хищения чужого имущества **при мошенничестве являются обман или злоупотребление доверием**, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом, то квалификация преступлений должна осуществляться в соответствии со ст. ст. 158.1–159.5 УК РФ».

¹⁴ См.: Елин В.М. Указ. соч. С. 71.

Можно сформулировать вывод, что отсутствие в ч. 1 ст. 159⁶ УК РФ свидетельствует о том, что в ст. 158¹–159⁵ Кодекса присутствуют способы совершения преступления – обман, злоупотребление доверием, которые отсутствуют в ст. 159⁶, а также о том, что воздействие одних ИТ на другие ИТ не рассматривается в ст. 158¹–159⁵ УК РФ в качестве средств совершения преступления, которые позволяют незаконно передать имущество или право на него другому лицу, либо не препятствовать изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом.

Мошенничеству в сфере компьютерной информации посвящен п. 20 Постановления № 48, в соответствии с которым «мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное посредством неправомерного доступа к компьютерной информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, требует дополнительной квалификации по статьям 272, 273 или 274.1 УК РФ».

Пленум Верховного Суда РФ правильно подчеркнул, что вмешательство в функционирование каких-либо ИТ является сугубо технологическим процессом. Вывод Пленума Верховного Суда РФ согласуется с пониманием функционирования ИТ как корректным выполнением функций, предусмотренных в ИТ.

В связи с отсутствием в ст. 159⁶ УК РФ обмана как способа совершения преступления владелец имущества или иное лицо может и не знать, что его имущество незаконно передано другому лицу. А.А. Лаврушкина делает верный вывод, что состав ст. 159⁶ УК РФ «представляет собой лишь форму хищения с использованием специфических средств, которые обозначены в диспозиции статьи»¹⁵, поскольку мошенничество – это один из способов хищения.

Возможности ИИ немного шире, чем тех программных технологий, в которых не реализован алгоритм принятия решений на основе анализа данных. ИИ может также содержать алгоритм накопления знаний и самообучения на основе накопленной информации. В общих словах, эти алгоритмы позволяют определить условия, при удовлетворении которых будет запущено выполнение определенных программных действий и операций. Этими условиями могут быть образ конкретного человека, препятствие на дороге, повышение температуры, движение в комнате, зафиксированное датчиками, и др.

В научной литературе высказывается мысль, что «самообучаемая программа может причинять

¹⁵ Лаврушкина А.А. Проблемы применения статьи 159.6 УК РФ с позиции теории и практики // Контентус. 2018. № 3 (68).

вред человеку и самостоятельно, не выступая орудием или средством совершения преступления». В качестве примера приводится случай «причинения смерти человеку беспилотным транспортным средством, которое во время испытания, передвигаясь в автономном режиме, не смогло или не пыталось вовремя затормозить, что привело к наезду на пешехода»¹⁶. Хотелось бы отметить ошибочность этой мысли, самообучаемая программа не может причинить вред человеку самостоятельно, нарушив заложенные в ней алгоритмы поведения. За совершенным преступлением стоит конкретный человек. В приведенном примере преступление могло случиться по вине разработчика, тестирующего или пользователя программной технологии. Вероятно, ситуация причинения смерти человеку беспилотным транспортным средством могла произойти потому, что программная технология была недостаточно протестирована, поскольку любая технология должна проходить этап тестирования, в котором выявляются ошибки в ее работе. Может быть, программист не предусмотрел и не реализовал алгоритм дополнительной проверки на наличие препятствий или распознавания образа человека, или не использовал при разработке надежные алгоритмы ИИ. Вероятно также ситуация, когда пользователь машины использовал ее не в той среде, для которой машина была протестирована.

Однако существуют ситуации, когда мы можем говорить об отсутствии вины разработчика программного обеспечения, например, если произошел удаленный доступ к технологии в связи с существующей в ней уязвимостью, вследствие чего машина вышла из-под контроля и был совершен наезд. Должны сразу оговориться, что уязвимости — это свойства любой технологии и борьба с ними заключается в их выявлении и программном решении.

В таких обстоятельствах необходимо определить, кто именно создал ту часть кода, которая позволила совершить противоправные деяния, поскольку сложный программный код зачастую разрабатывается группой специалистов¹⁷. Поиск ответа на этот вопрос — кто же является ответственным за произошедшие нарушения, непростой, особенно если программная технология создавалась на основании открытого программного кода. Эта сложность приводит некоторых авторов к мысли, что использование ИИ следует

¹⁶ Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования. Киров, 2020.

¹⁷ См.: Жарова А. К. Вопросы обеспечения безопасности цифрового профиля человека // Юрист. 2020. № 3. С. 55–61.

запретить¹⁸. Такое предложение является непродуманным, поскольку ИИ — одна из технологий, которая может на основании анализа данных принимать решение. Поэтому такой запрет приведет к ограничению использования ИИ. Для минимизации технологических рисков и угроз необходимо развивать стандартизацию ИИ, включая в стандарты требования к разработчикам и программистам разрабатывать или использовать алгоритмы, подтвердившие свою надежность, а также предусматривать обязательное тестирование разработанных технологий, особенно если их использование может нанести вред человеку.

Казалось бы, в качестве примера совершения преступления, совершенного при воздействии одних ИТ на другие ИТ, без осуществления обмена владельцем имущества можно привести хищение имущества с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи¹⁹. Например, когда неизвестный оформил усиленную квалифицированную электронную подпись (далее — УКЭП) за другого человека — Р.С., а затем «подарили» его московскую квартиру жителю Уфы. Эту электронную сделку зарегистрировали в Росреестре. О смене собственника пострадавший узнал лишь после того, как получил очередную квитанцию с неизвестной фамилией²⁰.

Можно привести другой пример преступных деяний, когда преступление совершалось в целях незаконного завладения чужими денежными средствами. Так, «группой лиц по предварительному сговору, используя электронно-цифровую подпись, изготавливались с целью сбыта и сбывались посредством систем дистанционного банковского обслуживания поддельные электронные платежные документы, обеспечивающие безналичные расчеты между юридическими лицами, т.е. совершались незаконные банковские операции, связанные с обналичиванием денежных средств. Данное преступление совершалось в том числе от имени ООО «ПРОМАЛЪЯНС»²¹.

Приведенные примеры из судебной практики показывают возможность реализации преступления в сфере компьютерной информации, без совершения обмана собственников имущества,

¹⁸ См.: ООН хочет ввести мораторий на использование ИИ: зачем это нужно и к чему приведет? URL: <https://hightech.fm/2021/09/16/moratorium-ai>

¹⁹ См.: Через электронную подпись крадут квартиры и бизнес: способы защититься. URL: <https://pravo.ru/story/213752/>

²⁰ См.: Информация по делу № 02-3237/2019. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/babushkiNeskiij/services/cases/civil/details/7ae9082f-aeec-49b9-9822-2bd1eae932e0?participants=салтовский>

²¹ См.: Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 17.09.2015 г. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ciAsAD5qaVd9/>

поскольку они не знали о происходящих действиях. Однако эти примеры нельзя квалифицировать по ст. 159⁶ УК РФ, поскольку в данных преступлениях не выполняется способ, сформулированный в Постановлении № 48, – «оказание незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети». В приведенных примерах не происходит незаконного воздействия на программное обеспечение УКЭП, а также не происходит перехвата ключа УКЭП, в связи с высоким уровнем криптографии. Преступники использовали пробелы в законодательстве об электронной подписи и оформляли на себя УКЭП, совершая подмену личности и получая ключ УКЭП.

В представленных примерах средством совершения преступления является ИТ – УКЭП, но происходят они при непосредственном участии человека, который обязан идентифицировать владельца сертификата УКЭП. В связи с этим квалификация данного преступления согласно ст. 159⁶ УК РФ невозможна.

Зачастую суды квалифицируют преступные деяния, связанные с «умышленными действиями, с целью тайного хищения чужого имущества, с причинением значительного ущерба гражданину, посредством имеющегося у лица компьютера, с использованием ранее найденной банковской карты и мобильного телефона» по ст. 159⁶ УК РФ. Такие преступления могли совершаться с использованием сети Интернет, услуги «мобильный банк», путем ввода данных карты, имитированной на имя пострадавшего, и списания денежных средств с лицевого счета потерпевшего²².

В другом примере гражданин ХХ был признан виновным по ст. 159⁶ УК РФ в том, «что он, используя принадлежащий потерпевшей мобильный телефон, а также сим-карту с абонентским номером, посредством направления СМС-сообщения по услуге денежных переводов, действуя умышленно, незаконно, перевел со счета банковской карты ПАО «Сбербанк России» принадлежащие ФИО денежные средства на счет банковской карты ПАО «Сбербанк России», зарегистрированной на имя ХХ, тем самым похитив денежные средства»²³.

В приведенных примерах происходит хищение денежных средств посредством реализации различных схем использования ИТ, например «путем использования учетных данных собственника или иного

владельца имущества независимо от способа получения доступа к таким данным (тайно либо путем обмана преступник воспользовался телефоном потерпевшего, подключенным к услуге «мобильный банк», авторизовался в системе интернет-платежей под известными ему данными другого лица и т.п.)».

Однако для таких случаев в Постановлении № 48 дано разъяснение, что преступление должно квалифицироваться как кража, «если виновным **не было оказано незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети. При этом изменение данных о состоянии банковского счета и (или) о движении денежных средств, происшедшее в результате использования виновным учетных данных потерпевшего, не может признаваться таким воздействием».**

Таким образом, в Постановлении № 48 Пленума Верховного Суда РФ выделены следующие признаки преступления, описанные в ст. 159⁶ УК РФ: 1) отсутствие обмана; 2) незаконное воздействие на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети; 3) хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество.

Можно предположить, что преступлением, удовлетворяющим этим признакам, будет, например, использование уязвимости, связанной с недостатками проверки вводимых данных в целях хищения имущества.

ФСТЭК России в Банке данных угроз безопасности информации²⁴ описал эту уязвимость и известные способы ее эксплуатации²⁵. Уязвимости данного типа связаны с ошибками, позволяющими нарушителю осуществить несанкционированное внедрение кода в различные элементы, используемые в составе веб-приложений: веб-страницы; запросы; заголовки; команды; сообщения; электронные документы, которые позволяют нарушителю получить несанкционированный доступ к запрашиваемому элементу веб-приложения.

Таким образом, можно представить следующую модель преступления, удовлетворяющего вышеуказанным признакам: злоумышленник, воспользовавшись уязвимостью проверки вводимых данных, получил доступ к сохраненным в браузере паролям, например к паролю от входа в банковское приложение, а далее похитил денежные средства. В таком примере изменение данных о состоянии банковского счета, происшедшее в результате использования виновным учетных данных пострадавшего, происходит в связи с незаконным воздействием на программное

²² См.: Приговор суда по ч. 2 ст. 159.6 УК РФ № 1-417/2017 | Мошенничество в сфере компьютерной информации. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/548118.html>

²³ Приговор суда по ч. 2 ст. 159.6 УК РФ № 1-336/2017 | Мошенничество в сфере компьютерной информации. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/414374.html>

²⁴ См.: Банк данных угроз безопасности информации. URL: <https://bdu.fstec.ru/webvulns>

²⁵ См.: там же.

обеспечение компьютера — браузер и незаконным собиранием информации, хранимой в нем.

В общем случае уязвимости, связанные с недостатками контроля доступа и защиты данных, могут быть использованы нарушителем с помощью специально сформированного запроса или путем перехвата трафика.

Можно также предложить сценарий, когда в качестве средства осуществления преступления будет выступать ИИ. Поскольку на данный момент времени судебная практика по уголовным делам, в которых ИИ является средством совершения преступлений, еще не сложилась, смоделируем предполагаемые преступные деяния, которые могут быть квалифицированы по ст. 159^б УК РФ. Так, допустим, ИИ, включающий алгоритм машинного обучения, за счет проникновения в информационные системы пользователя, собирает всю информацию об активности конкретного человека в сети Интернет, распознавая его среди множества других пользователей, анализирует ее и передает злоумышленнику, который, используя эту информацию, совершает хищение имущества пользователя.

Рассуждая о вредоносности ИИ, можно представить следующие сценарии его реализации. Первый — это самостоятельное объединение ИИ в нейросеть, которая самостоятельно (например, на основе алгоритмов машинного обучения выбирает модель поведения) и определяет себе цель, учитывая особенности активности каждого человека в ИКТ-сфере, против которого она совершает противоправные действия. Однако в настоящее время математический инструментарий ИИ не может реализовать такой сценарий.

Второй сценарий — использование определенной технологии ИИ, не объединенной в нейросеть, как средства совершения преступлений. Сегодня ИИ применяется в области больших неструктурированных данных, разнообразных операций. Функционирование ИИ определяется логикой его разработчика. ИИ уже сейчас может найти уязвимости ИТ, преодолеть некоторые защиты и внести изменения в установленное на компьютере программное обеспечение. Однако ИИ не может самостоятельно определять свою цель функционирования и действует по заложенному разработчиком алгоритму. В связи с этим мы можем, учитывая различные обстоятельства, признать разработчика ИИ преступником.

Третий сценарий — это объединение ИИ в нейросеть с логической бомбой, которая сработает при наступлении заложенных в нее условий. После этого нейросеть может осуществить вредоносные действия. Для закладки логической бомбы могут использоваться уязвимости ИТ, которые

сопровожают любую ИТ, либо может быть произведена закладка в аппаратно-программное решение.

Например, в 2018 г. IBM представила общественности вредоносное программное обеспечение DeepLocker, использующее технологии ИИ. DeepLocker не был обнаружен средствами безопасности, включая средства антивирусного ядра и вредоносных программных сред. Благодаря встроенному условию запуска DeepLocker сопровождал процесс видеоконференции до тех пор, пока не распознал лицо цели²⁶. Для распознавания цели DeepLocker был оснащен арсеналом средств распознавания геолокации, лица и голоса человека, анализа данных о человеке, собранных из открытых источников. Ключом срабатывания данного вируса являлось изображение лица конкретного человека.

Заключение

Мошенничество выступает одним из способов хищения имущества. В ст. 159^б УК РФ отсутствуют такие деяния, как обман или злоупотребление доверием, и хищение имущества должно быть реализовано аппаратно-программным или программным способом в ИКТ-сфере.

В связи с возможностями применения ИИ как средства совершения преступления необходима проработка отдельного правового регулирования применения ИИ в различных областях жизнедеятельности человека. На данном этапе развития математического инструментария и программирования ИИ — это одно из технологических решений, которое может выполнять когнитивные функции человека, но не может задавать самостоятельно свои цели. Однако дальнейшее технологическое развитие может привести к переходу ИИ на новый уровень с постановкой перед собой новых целей и их реализации. В связи с этим необходимо обращать внимание на стандартизацию технологий ИИ, определение надежных алгоритмов ИИ и борьбу с уязвимостями, присущими ИИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бегишев И. П.* Международно-правовые основы регулирования искусственного интеллекта и робототехники // *Междунар. публичное и частное право.* 2021. № 1. С. 37–40. DOI: 10.18572/1812-3910-2021-1-37-40
2. *Владыкина Т. А.* Изменение категории преступления // *Уголовное право.* 2018. № 5. С. 11–17.
3. *Воеводкина К. М.* Обман в составе незаконного получения кредита по УК РФ: функция и значение // *Росс. следователь.* 2020. № 5. С. 37. DOI: 10.18572/1812-3783-2020-5-33-37

²⁶ См.: Почему DeepLocker AI лучше других вредоносных ПО. URL: <https://www.make-it-fo.com/deeplocker-ai-malware/>

4. *Грачева Ю.В., Арямов А.А.* Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы рос. права. 2020. № 6. С. 169–178. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.169-178
5. *Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И.* Предупреждение девиаций в цифровом мире уголовно-правовыми средствами // Право. Журнал ВШЭ. 2020. № 1. С. 188–210. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.1.188.210
6. *Елин В.М.* Мошенничество в сфере компьютерной информации как новый состав преступления // Бизнес-информатика. 2013. № 2 (24). С. 71, 72.
7. *Ефремова М.А., Лопатина Т.М.* Робототехника в уголовном законодательстве Российской Федерации // Росс. следователь. 2021. № 11. С. 55–58. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-11-55-58
8. *Жарова А.К.* Вопросы обеспечения безопасности цифрового профиля человека // Юрист. 2020. № 3. С. 55–61.
9. *Жарова А.К.* Правовое обеспечение цифрового профилирования деятельности человека // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Право. 2020. Т. 20. № 2. С. 80–87.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. М., 2021. С. 18, 102.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. Испр., доп., перераб. М., 2013. С. 127.
12. *Лаврушкина А.А.* Проблемы применения статьи 159.6 УК РФ с позиции теории и практики // Контентус. 2018. № 3 (68).
13. *Мосечкин И.Н.* Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования. Киров, 2020.
14. *Пучков В.О.* Информация – объект гражданского права? // Арбитражные споры. 2020. № 2. С. 138.
15. *Синицын С.А.* Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // Законодательство и экономика. 2016. № 11. С. 16.
16. Уголовное право России: учеб. для бакалавров / под ред. А.И. Плотникова. Оренбург, 2016. С. 96.
2. *Vladykina T.A.* Changing the category of crime // Criminal Law. 2018. No. 5. P. 11–17 (in Russ.).
3. *Voevodkina K.M.* Deception as part of the illegal receipt of a loan under the Criminal Code of the Russian Federation: function and meaning // Russ. investigator. 2020. No. 5. P. 37. DOI: 10.18572/1812-3783-2020-5-33-37 (in Russ.).
4. *Gracheva Yu. V., Aryamov A.A.* Robotization and artificial intelligence: criminal law risks in the field of public security // Actual problems of Russ. law. 2020. No. 6. P. 169–178. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.169-178 (in Russ.).
5. *Gracheva Yu. V., Malikov S.V., Chuchayev A.I.* Prevention of deviations in the digital world by criminal legal means // Law. HSE Journal. 2020. No. 1. P. 188–210. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.1.188.210 (in Russ.).
6. *Elin V.M.* Fraud in the field of computer information as a new crime // Business Informatics. 2013. No. 2 (24). P. 71, 72 (in Russ.).
7. *Efremova M.A., Lopatina T.M.* Robotics in the criminal legislation of the Russian Federation // Russ. investigator. 2021. No. 11. P. 55–58. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-11-55-58 (in Russ.).
8. *Zharova A.K.* Issues of ensuring the security of a digital profile of a person // Lawyer. 2020. No. 3. P. 55–61 (in Russ.).
9. *Zharova A.K.* Legal support of digital profiling of human activity // Herald of the South Ural State University. Ser.: Law. 2020. Vol. 20. No. 2. P. 80–87 (in Russ.).
10. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article by article) / ed. by G.A. Esakov. 9th ed., reprint and add. M., 2021. P. 18, 102 (in Russ.).
11. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article by article) / ed. by A.I. Chuchayev. Corrected, supplemented, revised. M., 2013. P. 127 (in Russ.).
12. *Lavrushkina A.A.* Problems of application of Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation from the standpoint of theory and practice // Contentus. 2018. No. 3 (68) (in Russ.).
13. *Mosechkin I.N.* Artificial intelligence in criminal law: prospects for improving protection and regulation. Kirov, 2020 (in Russ.).
14. *Puchkov V.O.* Information – an object of civil law? // Arbitration disputes. 2020. No. 2. P. 138 (in Russ.).
15. *Sinitsyn S.A.* A thing as an object of civil rights: possible and proper identification criteria // Legislation and Economics. 2016. No. 11. P. 16 (in Russ.).
16. Criminal Law of Russia: textbook for bachelors / ed. by A.I. Plotnikov. Orenburg, 2016. P. 96 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Begishev I.R.* International legal bases of regulation of artificial intelligence and robotics // International Public and Private Law. 2021. No. 1. P. 37–40. DOI: 10.18572/1812-3910-2021-1-37-40 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЖАРОВА Анна Константиновна – доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0002-2981-3369

Authors' information

ZHAROVA Anna K. – Doctor of Law, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПЛАВУЧИХ АТОМНЫХ ТЕПЛОЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ В АРКТИКЕ

© 2023 г. Д. Д. Барамидзе

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

E-mail: baramidze.david12@gmail.com

Поступила в редакцию 30.05.2022 г.

Аннотация. Согласно Энергетической стратегии Российской Федерации выработка электрической энергии атомными электростанциями за последнее десятилетие увеличилась на 25%. Плавающие атомные электростанции (или ПАТЭС) – перспективная технология в области использования атомной энергии на ядерных установках малой мощности. Компактность и мобильность – главные преимущества ПАТЭС, позволяющие предоставлять теплоэлектроэнергию потребителю в самых отдаленных территориях, в том числе в Российской Федерации, без необходимости строительства комплексной атомной инфраструктуры. Единственный в мире российский ПЭБ «Академик Ломоносов» дислоцирован в г. Певеке Чукотского автономного округа. В строительстве собственных ПАТЭС заинтересованы отдельные страны ЕС и Китай. Российская Федерация запланировала строительство новых ПАТЭС для обеспечения работы Баимского ГОКа. Появление многогранного и относительно нового объекта использования атомной энергии предопределяет необходимость анализа действующего международного и национального законодательства, способного обеспечить экологически безопасную эксплуатацию.

Ключевые слова: Арктика, Арктическая зона Российской Федерации, Арктический совет, экологическая безопасность, экологический риск, плавающая атомная электростанция, ПАТЭС «Академик Ломоносов».

Цитирование: Барамидзе Д.Д. Правовое обеспечение экологической безопасности плавающих атомных теплоэлектростанций в Арктике // Государство и право. 2023. № 2. С. 62–71.

DOI: 10.31857/S102694520024320-3

LEGAL PROVISION OF ENVIRONMENTAL SAFETY OF FLOATING NUCLEAR POWER PLANTS IN THE ARCTIC

© 2023 D. D. Baramidze

Udmurt State University, Izhevsk

E-mail: baramidze.david12@gmail.com

Received 30.05.2022

Abstract. According to the Energy Strategy of the Russian Federation, the generation of electric energy by nuclear power plants has increased by 25% over the past decade. Floating nuclear power plants (or FNPP) are promising technology in the field of using atomic energy in low-power nuclear installations. Compactness and mobility are the main advantages of the NPP, which make it possible to provide thermal power to consumers in the most remote territories, including in the Russian Federation, without the need to build an integrated nuclear infrastructure. The only Russian FNPP in the world, «Academic Lomonosov», is stationed in Pevek, Chukotka Autonomous Okrug. EU countries and China are interested in building their own thermal power plants. Russian Federation has planned the construction of several new FNPPs to ensure the operation of the Baimsky GOK. The emergence of a multifaceted and relatively new facility for the use of atomic energy calls for the need to analyze the current international and national legislation capable of ensuring environmentally safe operation.

Key words: Arctic, Arctic zone of the Russian Federation, Arctic Council, environmental safety, environmental risk, floating nuclear power plant, Akademik Lomonosov FNPP.

For citation: Baramidze, D.D. (2023). Legal provision of environmental safety of floating nuclear power plants in the Arctic // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 62–71.

Освоение ресурсного потенциала Арктики немислимо вне применения безопасных источников электроэнергии. Осуществляемые работы и приоритетные проекты поставили перспективные задачи поиска и апробации высокоэффективных и мобильных энергоблоков. В конце 2019 г. в России впервые введен в эксплуатацию плавучий энергоблок (далее – ПЭБ или ПАТЭС) «Академик Ломоносов», составляющий комплексную систему ПЭБ и береговых гидротехнических сооружений. Мировой опыт привлечения ПЭБ к особенно крупным проектам продемонстрировал высокую результативность. К примеру, в XX в. электроснабжение строительства Панамского канала практически полностью обеспечивалось американской плавучей атомной станцией¹. ПЭБ «Академик Ломоносов» способен всецело покрыть потребность отдаленных северных территорий Российской Федерации в электроэнергии.

Особое внимание в Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года² отводится задачам в сфере социально-экономического развития. Учитывая масштабы Арктической зоны Российской Федерации, особенно удаленные субъекты государства напрямую зависят от системы государственной поддержки завоза в населенные пункты. К примеру, в отдельные населенные пункты Чукотского автономного округа регулярно осуществляется доставка дизельного топлива. Однако в 2018 г. из-за низкого уровня воды в реке Анадырь в село Усть-Белое была осуществлена лишь половина от запланированного завоза угля³.

Появление в Арктике настолько комплексного объекта использования атомной энергии, представленного, с одной стороны, стационарной атомной электростанцией, с другой стороны, плавучим атомным энергоблоком, апеллирует к подробному исследованию его экологической безопасности.

Традиционно, рассматривая объекты использования атомной энергии, Федеральным законом от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ (ред. от 26.07.2019 г.) «Об использовании атомной энергии»⁴ употребляется термин «обеспечение безопасности при

использовании атомной энергии». Вообще «безопасность» понимается как «отсутствие необоснованного риска, связанного с возможностью причинения вреда и (или) нанесения ущерба»⁵. Именно через приемлемый или обоснованный риск национальным законодательством определяется, в частности, безопасность ядерной деятельности, т.е. «условия функционирования ядерного объекта, ядерной установки, пункта хранения ядерных материалов, предотвращающие недопустимый риск...»⁶. Практически всякая хозяйственная (и иная) деятельность несет риск возникновения неблагоприятных последствий.

В российском законодательстве не рассматривается понятие радиационной безопасности именно как состояния защищенности субъекта. Однако термин «радиационная безопасность» используется применительно к объектам использования атомной энергии, т.е. как основное свойство объекта как такового. Возникает ситуация, когда «радиационная безопасность», «ядерная безопасность» и «безопасность при использовании атомной энергии» воспринимаются идентично. Например, Основами государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу не проводится разграничений между рассматриваемыми понятиями⁷. Федеральный закон от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ (ред. от 19.07.2011 г.) «О радиационной безопасности населения»⁸ рассматривает «радиационную безопасность» относительно конкретного субъекта – населения (настоящего и будущего поколения). «Ядерная безопасность» в законодательстве равным образом используется применительно конкретного объекта, в частности ядерная безопасность исследовательского реактора⁹. Следовательно

⁵ См.: соглашение Правительств государств – членов Евразийского экономического сообщества от 25.01.2008 г. (ред. от 19.05.2011 г., с изм. от 10.10.2014 г.) «О проведении согласованной политики в области технического регулирования, санитарных и фитосанитарных мер» // Бюллетень междунар. договоров. 2012. № 8.

⁶ См.: распоряжение Минтранса России от 02.08.2001 г. № ВР-69-р «Об утверждении РД 31.2.01–2001 “Положение об обеспечении физической защиты судов с ядерными энергетическими установками и судов атомно-технологического обслуживания”» // В официальных источниках опубликовано не было.

⁷ Утв. Указом Президента РФ от 13.10.2018 г. № 585 (см.: СЗ РФ. 2018. № 42 (ч. II), ст. 6447).

⁸ См.: СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 141.

⁹ См.: приказ Ростехнадзора от 04.08.2017 г. № 295 «Об утверждении федеральных норм и правил в области использования атомной энергии “Правила ядерной безопасности

¹ См.: Родионова В.Г. Экономика и технологии плавучих атомных тепловых электростанций: ПАТЭС «Академик Ломоносов» // Гуманитарный вестник. 2017. № 10. С. 8.

² Утв. Указом Президента РФ от 05.03.2020 г. № 164.

³ См.: ЧТК завершает завоз угля в прибрежные села Чукотки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.prochukotku.ru/20180928/7081.html> (дата обращения: 20.05.2022).

⁴ См.: СЗ РФ. 1995. № 48, ст. 4552.

но, в российском законодательстве (прямо не разграничивающим рассматриваемые понятия) «ядерная безопасность» выступает свойством объекта, использующего атомную энергию. Схожим определением располагает Глоссарий МАГАТЭ по вопросам безопасности 2007 г., понимающий под «ядерной безопасностью» «достижение надлежащих условий эксплуатации, предотвращение аварий или смягчение последствий аварии, благодаря чему обеспечивается защита работников, населения и окружающей среды от чрезмерной радиационной опасности»¹⁰.

Вопреки теоретическим расхождениям относительно синонимичности рассматриваемых определений, «ядерная безопасность», «радиационная безопасность», равно как и «экологическая безопасность», выступают составными элементами многоаспектной категории «национальная безопасность». В соответствии с Федеральным законом от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 26.07.2019 г.) «Об охране окружающей среды»¹¹ под «экологической безопасностью» понимается «состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий». Равным образом принципом правового регулирования использования атомной энергии выступает защита отдельных лиц, населения и окружающей среды от радиационной опасности. Иначе понятие экологической безопасности раскрывается в ст. 1 Модельного закона «Об экологической безопасности»¹² — «система политических, правовых, экономических, технологических и иных мер, направленных на обеспечение гарантий защищенности окружающей среды и жизненно важных интересов человека и гражданина от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности и угроз возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в настоящем и будущем времени».

исследовательских реакторов» (вместе с «НП-009-17. Федеральные нормы и правила...») (Зарегистрировано в Минюсте России 31.08.2017 г. № 48033) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 31.08.2017.

¹⁰ Глоссарий МАГАТЭ по вопросам безопасности. Терминология, используемая в области ядерной безопасности и радиационной защиты // Международное агентство по атомной энергии. 2007. С. 283.

¹¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133.

¹² См.: Модельный закон об экологической безопасности (новая редакция) (Принят в г. Санкт-Петербурге 15.11.2003 г. Постановлением 22-18 на 22-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников СНГ. 2004. № 33. С. 291–329.

Меры, направленные на обеспечение экологической безопасности, по сути, предназначаются для устранения экологической опасности или причин возникновения экологической опасности. К сожалению, в российском законодательстве не содержится легального определения «экологической опасности», однако несложно догадаться, что под «опасностью» понимается наличие угрозы. Применительно к экологической безопасности и благоприятной окружающей среде как публичному благу угрозой выступает возможность причинения вреда окружающей среде, в результате которого последняя теряет свои качественные свойства, обеспечивающие её «благоприятность». Однозначный научный интерес вызывает определение понятия «субъект экологической опасности» — это юридическое или физическое лицо, в том числе должностное лицо, деятельность которого может создать экологически опасную ситуацию¹³. Получается, что возникновения экологической опасности есть угроза возникновения экологически опасной ситуации, причем реальная угроза её возникновения. Понятие «угроза» широко применяется государственными программными документами. Например, в гл. III Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года¹⁴ установлен целый перечень основных глобальных и внутренних вызовов экологической безопасности государства. Среди прочего называется загрязнение атмосферного воздуха и водных объектов вследствие трансграничного переноса загрязняющих, в том числе токсичных и радиоактивных, веществ с территорий других государств.

Первоочередной задачей экологической безопасности как комплекса правовых мер выступает минимизация экологических рисков и недопущение причинения экологического вреда. В силу ст. 1079 ГК РФ юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, независимо от наличия вины, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы. Помимо перечисленных в вышеназванной статье видов деятельности постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде»¹⁵ обозначены

¹³ См.: Модельный экологический кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств (общая часть) (Принят в г. Санкт-Петербурге 16.11.2006 г. Постановлением 27-8 на 27-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ) // Там же. 2007. № 39 (ч. 1). С. 377–434.

¹⁴ Утв. Указом Президента РФ от 19.04.2017 г. № 176 (см.: СЗ РФ. 2017. № 17, ст. 2546).

¹⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

примеры опасных и особо опасных производств. Таковым в соответствии с п. 1 ст. 86 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ¹⁶ выступает перевозка опасного груза. Перечень видов грузов повышенной опасности устанавливается Правительством РФ, однако подобный подзаконный акт отсутствует. Тем не менее, согласно Европейскому соглашению о международной дорожной перевозке опасных грузов (ДОПОГ/ADR)¹⁷, к которому Российская Федерация присоединилась в 1994 г.¹⁸, к опасным грузам относятся радиоактивные материалы. Под радиоактивным материалом следует понимать ядерные материалы, радиоактивные вещества, содержащие их радиоактивные источники, и радиоактивные отходы, оборот которых подлежит контролю в соответствии с национальным законодательством¹⁹. Принимая во внимание использование атомной энергии ПАТЭС на базе ПЭБ с реакторной установкой КЛТ-40С, следует признать ее объектом повышенной опасности. Таким образом, деятельность, осуществляемая с применением ПЭБ в Арктическом регионе по многим критериям, носит потенциально опасный характер, и, следовательно, законодательно должны быть проработаны эффективные механизмы минимизации экологических рисков.

Организация работы ПАТЭС носит комплексный характер. В первую очередь ключевым элементом ПАТЭС выступает несамостоятельное судно с ядерными установками, выдающими электроэнергию и тепло через береговую инфраструктуру²⁰. Гидротехнические сооружения способствуют закреплению и раскреплению несамостоятельного судна. Береговая инфраструктура, в свою очередь, предназначена для приема и передачи электроэнергии и тепла потребителям при совместной работе с ПЭБ. Получается сложная конструкция, представляющая собой, с одной стороны, несамостоятельное

судно с реакторной установкой (судно ядерное)²¹, с другой – в связке с гидротехническими и береговыми сооружениями, стационарную АЭС малой мощности. Таким образом, правовое регулирование обеспечения экологической безопасности ПАТЭС представлено рядом нормативных правовых актов, включая федеральные законы и отдельные подзаконные акты, а также международных соглашений в области радиационной и ядерной безопасности.

Определяющее значение в области обеспечения ядерной безопасности имеет одноименная Конвенция о ядерной безопасности 1994 г.²², установившая основные понятия в рассматриваемой сфере, например «ядерная установка», «лицензия» и т.д. В соответствии со ст. 7 Конвенции в целях реализации положений каждая Договаривающаяся Сторона обеспечивает законодательную и регулируемую основу для обеспечения безопасности ядерных установок, включая соответствующие национальные требования, системы лицензирования в отношении ядерных установок, системы регулирующего контроля и оценки ядерных установок. Кроме того, международным соглашением предусматривается система мер, направленных на обеспечение безопасности ядерной установки на различных этапах эксплуатации объекта, включая самые ранние – выбор площадки и проектирование.

Однако если мы обратимся к понятию ядерной установки, закрепленному в Конвенции о ядерной безопасности, под которой следует понимать «любую наземную гражданскую атомную станцию...», включая такие хранилища и установки для обработки и переработки радиоактивных материалов, которые находятся на этой же площадке и непосредственно связаны с эксплуатацией данной атомной станции», возникает вопрос – подходят ли плавучие атомные электростанции под данное определение? С одной стороны, плавучая атомная электростанция становится таковой после присоединения к береговым гидротехническим сооружениям, образующим, по сути, наземную атомную электростанцию, отвечающую характеристикам и признакам ядерной установки. С другой – плавучие атомные электростанции являются несамостоятельными буксируемыми судами, ядерная установка которых не выполняет функции двигателя объекта.

Подобная коллизия складывается при анализе положений Венской конвенции о гражданской

¹⁶ См.: СЗ РФ. 2001. № 11, ст. 1001.

¹⁷ Заключено в г. Женеве 30.09.1957 г. (В официальных источниках опубликовано не было).

¹⁸ См.: постановление Правительства РФ от 03.02.1994 г. № 76 «О присоединении Российской Федерации к Европейскому соглашению о международной дорожной перевозке опасных грузов» // САПП РФ. 1994. № 7, ст. 508.

¹⁹ См.: Модельный закон о контроле за оборотом радиоактивных материалов (Принят в г. Санкт-Петербурге 04.12.2004 г. Постановлением 24-5 на 24-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ. 2005. № 35 (ч. 1). С. 184–212.

²⁰ См.: Реакторные установки КЛТ-40С для атомных станций малой мощности. Акционерное общество «Опытное конструкторское бюро машиностроения имени И.И. Африкантова». URL: <https://www.rosenergoatom.ru/upload/iblock/68d/68d2a9ecbfe31ad79ea5efa0e45526b3.pdf>

²¹ См.: Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 года (СОЛАС/SOLAS) (Заключена в г. Лондоне 01.11.1974 г.) // Бюллетень междунар. договоров. 2011 (приложение № 1, ч. 1). С. 3–211.

²² Заключена в г. Вене 17.06.1994 г. (см.: Бюллетень междунар. договоров. 2007. № 9. С. 3–14).

ответственности за ядерный ущерб 1977 г.²³ Так, «ядерная установка» рассматривается в нескольких вариантах. Во-первых, как «любой ядерный реактор, за исключением реактора, которым оборудовано средство морского или воздушного транспорта в целях использования его в качестве источника энергии для приведения в движение этого средства транспорта или *для любой другой цели*». Во-вторых, как «любой завод, использующий ядерное топливо для производства ядерного материала, или любой завод по обработке ядерного материала, включая любой завод по переработке облученного ядерного топлива». Следует согласиться с мнением Jakub Handrlica о невозможности расширительного толкования положений Венской конвенции применительно плавучих атомных электростанций²⁴. ПАТЭС «Академик Ломоносов» выполняет основные функции атомной электростанции малой мощности, исключительно будучи пришвартованным к береговым сооружениям специальными гидротехническими сооружениями, т.е., по сути, выступает «базирующейся на земле» атомной электростанцией. Однако закрепляемое Венской конвенцией исключение морского транспорта, использующего ядерный реактор для приведения судна в движение *или других задач*, прямо ограничивает применение к ПАТЭС положений указанной Конвенции. Следует, соответственно, не соглашаться с мнением В.П. Кучинова и М.Н. Лысенко, отмечающих, что «в случае эксплуатирующейся на суше малой АЭС с ММР... данная АЭС будет соответствовать имеющемуся в Конвенции определению ядерной установки»²⁵.

Принимая во внимание возрастающую заинтересованность Российской Федерации и зарубежных государств в привлечении и использовании потенциала плавучих атомных электростанций²⁶, международному сообществу необходимо выработать определенные положения, касающиеся обеспечения экологической безопасности всего жизненного цикла будущих ПАТЭС. Российская Федерация, председательствующая в Арктическом совете с 2021 г., вполне может инициировать принятие подобного регионального соглашения

²³ См.: Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб (Заключена в г. Вене 21.05.1963 г. (вступила в силу 12.11.1977 г.)) // СЗ РФ. 2005 г. № 35, ст. 3588.

²⁴ См. подр.: Handrlica J. Transportable nuclear power plants: an enigma of international nuclear liability law // Journal of World Energy Law and Business. 2019. No. 12. P. 465–479.

²⁵ Кучинов В.П., Лысенко М.Н. Международно-правовое регулирование использования плавучих атомных электростанций: проблемные вопросы // Междунар. публичное и частное право. 2021. № 5. С. 22.

²⁶ См.: В Росатоме предложили установить малые плавучие АЭС ряду зарубежных стран. ТАСС. 7 декабря 2020 г. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10187759>

в целях обеспечения экологической безопасности экосистем Арктического региона. Опыт принятия международных общеобязательных соглашений Арктическим советом, фактически не являющимся международной организацией, имеется. Например, в 2013 г. государствами – участниками Арктического совета приняты Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана²⁷.

В отсутствие положений, непосредственно регламентирующих обеспечение безопасности жизненного цикла плавучих атомных электростанций в Арктическом регионе, при привлечении указанных объектов к разнообразным проектам в первую очередь необходимо руководствоваться выработанными на международном уровне принципами обеспечения ядерной и экологической безопасности. Так, в соответствии со ст. 10 Конвенции о ядерной безопасности 1994 г. закрепляется приоритетность безопасности ядерных установок, т.е. недопущение возникновения чрезвычайных ситуаций, создающих угрозу нанесения вреда персоналу ПАТЭС, населению и окружающей среде.

Следует ознакомиться с Конвенцией о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации²⁸ и Конвенцией об оперативном оповещении о ядерной аварии²⁹. Положения конвенций направлены на минимизацию негативных последствий ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации преимущественно посредством международного сотрудничества и взаимопомощи государств. Помимо распространения принципов предотвращения «трансграничных радиационных последствий» закрепляемая ст. 1 сфера применения Конвенции об оперативном оповещении о ядерной аварии включает и ПАТЭС, так как расположение и предназначение ядерного реактора несущественно.

Представляет интерес место двусторонних международных соглашений, в наибольшей степени отражающих индивидуальные потребности договаривающихся сторон. В целях использования мирного атома Соглашением между Правительством РФ и Правительством Республики Индонезия предусматриваются разработка, проектирование, строительство и эксплуатация атомных электростанций, включая электростанции малой

²⁷ См.: распоряжение Правительства РФ от 31.08.2018 г. № 1822-р «О подписании Соглашения о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана» // СЗ РФ. 2018. № 37, ст. 5768.

²⁸ Заключена в г. Вене 26.09.1986 г. (см.: Ведомости ВС СССР. 1988. № 11, ст. 169).

²⁹ Заключена в г. Вене 26.09.1986 г. (см.: Ведомости ВС СССР. 1988. № 11, ст. 168).

мощности³⁰. К сожалению, данное Соглашение направлено исключительно на расширение сотрудничества и не содержит проработанную правовую регламентацию эксплуатации перспективных технологий, например, ПАТЭС в территориальных водах Индонезии, включая отношения, возникающие в связи с возможной гражданско-правовой ответственностью сторон и ликвидацией негативных последствий. Вдобавок не закреплены принципы или механизмы обеспечения безопасной эксплуатации подобных объектов. Фрагментами отмечаются задачи проведения консультаций по научно-техническим вопросам и взаимодействие между органами власти Российской Федерации и Индонезии. В иных двусторонних международных соглашениях подобного рода, направленных на развитие международного энергетического сотрудничества, затруднительно встретить какие-либо конкретные требования, касающиеся эксплуатации плавучих атомных электростанций. Подробные аспекты эксплуатации, включая буксирование ПЭБ, строительство, реконструкцию и обслуживание береговых гидротехнических сооружений, системно представляющих собой ПАТЭС, должны быть урегулированы именно на уровне двусторонних международных соглашений. На универсальном уровне международно-правового регулирования целесообразным представляется выработка единых стандартов или правил эксплуатации столь комплексных объектов. Исходя из единообразных требований эксплуатации, подразумевающих, помимо прочего, обеспечение экологической безопасности, можно будет разрабатывать двусторонние соглашения о применении ПАТЭС.

Значительного внимания заслуживают положения Международного кодекса для судов, эксплуатируемых в полярных водах³¹ (далее – Полярный кодекс), принятого в 2014 г. Согласно постановлению Правительства РФ от 18 сентября 2020 г. № 1487 «Об утверждении Правил плавания в акватории Северного морского пути»³² выдача разрешений на плавание судна в акватории Северного морского пути осуществляется на основании заявления, к которому, помимо прочего, «прилагается копия свидетельства судна полярного плавания, предусмотренного Международным кодексом для судов, эксплуатируемых в полярных водах». Непосредственно Полярный кодекс следует

рассматривать как дополнение к имеющимся документам ИМО с целью усиления безопасности эксплуатации судов и снижения негативного воздействия судоходства на человека и окружающую среду в отдаленных и уязвимых полярных водах. В Преамбуле Полярного кодекса отмечается, что деятельность человека, такая как эксплуатация судов, с большой вероятностью может нанести вред акватории и прибрежным сообществам Арктики.

Существенным элементом эксплуатации ПАТЭС выступает транспортировка и утилизация отработанного ядерного топлива. Международно-правовое регулирование использования отработанного ядерного топлива основывается на положениях Объединенной конвенции о безопасности обращения с отработавшим топливом и безопасности обращения с радиоактивными отходами³³ (далее – Объединенная конвенция). В первую очередь Объединенная конвенция под «ядерной установкой» понимает гражданскую установку и относящиеся к ней землю, строения и оборудование, где образуются, обрабатываются, используются, подвергаются физическому манипулированию, хранятся или захораниваются радиоактивные материалы в таких масштабах, при которых требуется учитывать фактор безопасности. В целом, исходя из того, что в определение входит понятие «гражданская установка», положения Объединенной конвенции следует считать применимыми к правовому регулированию жизненного цикла ПАТЭС.

Ведущей площадкой международного взаимодействия и сотрудничества арктических государств выступает Арктический совет, созданный Декларацией об учреждении Арктического совета от 19 сентября 1996 г. в Оттаве³⁴ (далее – Оттавская декларация). Определяющей целью создания Арктического совета в соответствии с положениями Оттавской декларации выступает защита арктической окружающей среды. Однако правовой статус Совета – это именно определенный координирующий центр сотрудничества арктических государств. Однако наметившиеся тенденции свидетельствуют о расширении масштабов его деятельности, так как постоянными наблюдателями становятся неарктические государства, например Китай, обозначивший в национальных государственных программах весьма существенные задачи освоения арктических пространств. Несмотря на, казалось бы, рекомендательный характер деятельности Арктического совета, в последнее

³⁰ См.: постановление Правительства Российской Федерации от 16.08.2003 г. № 502 «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индонезии о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии» // СЗ РФ. 2003. № 34, ст. 3378.

³¹ См.: Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 26.12.2017.

³² См.: СЗ РФ. 2020. № 39, ст. 6064.

³³ Заключена в г. Вене 05.09.1997 г. (см.: Бюллетень междунар. договоров. 2006. № 8. С. 3–24).

³⁴ См.: Барамидзе Д.Д. Международное экологическое сотрудничество в Арктике // Вестник Удмуртского ун-та. Сер.: Экономика и право. 2016. Т. 26. Вып. 4. С. 100.

десятилетие им разработано и принято несколько международных договоров, обладающих обязательной юридической силой. Впервые подобный международный договор – Нуукское соглашение 2011 г.³⁵ – был принят в целях регламентации сотрудничества в авиационном и морском поиске и спасении в арктических водах. Следующим международным договором является Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике 2013 г.³⁶ Относительно недавно перечень международных договоров пополнился Соглашением о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана 2018 г.³⁷ Особое внимание, помимо важных для сохранения естественных экологических систем Арктики задач, привлекает распределение т.н. зон ответственности каждого арктического государства. По сути, названные международные соглашения позволяют государствам Арктического региона выходить за пределы национальной юрисдикции в строго определенных актах случаях и пределах. В подобной направленности международного сотрудничества прослеживается некогда существовавший принцип секторального деления арктической акватории, прекративший существование с принятием Конвенции по морскому праву 1982 г.³⁸

Применительно к правовому регулированию обеспечения экологической безопасности ПАТЭС разрабатываемые и принимаемые Арктическим советом международные соглашения способны стать основой эксплуатации объектов в арктических широтах. Следует определить зоны ответственности арктических государств, обладающих необходимыми финансовыми и техническими возможностями сопровождения ПАТЭС до точки расположения.

Анализируя международно-правовые основы обеспечения экологической безопасности

³⁵ См.: Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасении в Арктике (Вместе со «Сферой применения...», «Компетентными органами», «Поисково-спасательными ведомствами», «Спасательно-координационными центрами») (Заключено в г. Нууке 12.05.2011 г.) // Бюллетень междунар. договоров. 2013. № 9. С. 21–32.

³⁶ См.: Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике (Вместе с «Компетентными национальными органами», «Национальными круглосуточными оперативными пунктами связи», «Органами, имеющими право обращаться за помощью или принимать решение об оказании запрашиваемой помощи», «Практическим руководством», «Сотрудничеством и обменом информацией») (Заключено в г. Кируне 15.05.2013 г.) // Бюллетень междунар. договоров. 2016. № 7. С. 3–11.

³⁷ См.: распоряжение Правительства РФ от 31.08.2018 г. № 1822-р «О подписании Соглашения о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана» // СЗ РФ. 2018. № 37, ст. 5768.

³⁸ См.: СЗ РФ. 1997. № 48, ст. 5493.

жизненного цикла ПАТЭС, необходимо обратиться к национальному законодательству Российской Федерации. Именно оно в первую очередь выступает основанием выработки правовых средств пресечения чрезвычайных экологических ситуаций на самых ранних этапах. Как отмечает С.А. Боголюбов, «мягкость международных принципов в экологической сфере может быть переложена в конкретность требований национального права»³⁹.

Прежде всего нормативно-политическим актом общерегулирующего действия выступает Конституция РФ, закрепившая правовые основы национальной безопасности государства. Некоторые статьи Конституции РФ, например ст. 58, установили обязанность бережного отношения к природным богатствам. Несмотря на отсутствие конкретизации адресата, первостепенная обязанность сохранять природу и окружающую среду принадлежит органам публичной власти. Именно органы государственной власти и местного самоуправления обладают необходимыми техническими и финансовыми возможностями реального воздействия на окружающую среду.

Системообразующим нормативным правовым актом в области использования атомной энергии выступает Федеральный закон от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии». Согласно преамбуле указанный Закон определяет правовую основу и принципы регулирования отношений, возникающих при использовании атомной энергии, направлен на защиту здоровья и жизни людей, охрану окружающей среды, защиту собственности при использовании атомной энергии, призван способствовать развитию науки и техники, содействовать укреплению международного режима безопасного использования атомной энергии. Следующим нормативным правовым актом, направленным на регулирование отношений в области обеспечения радиационной безопасности, выступает Федеральный закон от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения». Данный Закон устанавливает основные принципы и требования в области обеспечения радиационной безопасности населения и окружающей среды.

Значимость названных нормативных правовых актов заключается в установлении федеральных норм и правил в области использования атомной энергии. Они разрабатываются органами государственного регулирования безопасности и / или органами управления использованием атомной энергии в соответствии с их компетенцией на основании Положения о разработке и утверждении

³⁹ Боголюбов С.А. Соотношение экологических политик России и других государств // Экологическое право. 2016. № 4. С. 27.

федеральных норм и правил в области использования атомной энергии⁴⁰. В отношении судов с ядерными реакторами применяются, помимо прочего, НП-022-17 (далее – Положения). В тексте Положений сказано, что они распространяются на суда и другие плавсредства с ядерными реакторами, включая ПЭБ, на всех этапах их жизненного цикла, т.е. проектирования, строительства, эксплуатации и вывода из эксплуатации судна с ядерной энергетической установкой, и определяют критерии достижения ядерной и радиационной безопасности. Таким критерием выступает радиационное воздействие на экипаж судна и специальный персонал, население и окружающую среду при нормальной эксплуатации, нарушениях нормальной эксплуатации до проектных и при запроектных авариях ЯЭУ. Вообще, согласно проведенным исследованиям, степень допустимого риска возникновения аварийных ситуаций крайне мала и составляет менее 10^{-6} событий (запроектных аварий) в год⁴¹.

В соответствии с Федеральным законом от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»⁴² уполномоченным органом разрабатываются и утверждаются санитарные нормы и правила. Применительно к плавучим атомным теплоэлектростанциям применяются СП 2.6.1.2612-10 «Основные санитарные правила обеспечения радиационной безопасности (ОСПОРБ-99/2010)»⁴³ и СП 2.6.1.45-03 «Обеспечение радиационной безопасности при проектировании, строительстве, эксплуатации и выводе из эксплуатации атомных теплоэлектростанций малой мощности на базе плавучего энергетического блока (СП АТЭС-2003)»⁴⁴ (далее – санитарные правила). Согласно санитарно-эпидемиологическому заключению проект санитарно-защитной зоны ПАТЭС в г. Певек Чукотского автономного округа соответствует вышеназванным государственным

⁴⁰ Утв. Постановлением Правительства РФ от 01.12.1997 г. № 1511 (ред. от 06.12.2012 г.) (см.: СЗ РФ. 1997. № 49, ст. 5600).

⁴¹ См.: Кудинович И.В. Обоснование ядерной и радиационной безопасности атомного судна при внешних воздействиях // Труды Крыловского ГНЦ. 2019. Т. 1. № 387. С. 139.

⁴² См.: СЗ РФ. 1999. № 14, ст. 1650.

⁴³ См.: постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 26.04.2010 г. № 40 (ред. от 16.09.2013 г.) «Об утверждении СП 2.6.1.2612-10 “Основные санитарные правила обеспечения радиационной безопасности (ОСПОРБ-99/2010)” // В официальных источниках опубликовано не было.

⁴⁴ См.: постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.10.2003 г. № 158 «О введении в действие Санитарных правил СП 2.6.1.45-03 “Обеспечение радиационной безопасности при проектировании, строительстве, эксплуатации и выводе из эксплуатации атомных теплоэлектростанций малой мощности на базе плавучего энергетического блока СП АТЭС-2003” // В официальных источниках опубликовано не было.

санитарно-эпидемиологическим правилам и нормам⁴⁵. Санитарными правилами подробно регламентированы требования к проектированию и строительству, включая выбор места расположения ПАТЭС, безопасной эксплуатации, ремонта и ликвидации последствий радиационных аварий.

В целях минимизации экологических рисков исследователями предлагается применять институт перманентного государственного надзора на ПАТЭС. Так, Н.В. Абросимова отмечает, что постоянное присутствие «экологических уполномоченных» на объектах использования атомной энергии будет способствовать прогнозированию экологической безопасности⁴⁶. Заметим, аналогичная инициатива прорабатывается законодателем в отношении плавучих атомных электростанций. В законопроекте подчеркивается невозможность постоянного присутствия государственного инспектора на буксируемом ПЭБ. Задача реализуема исключительно на объекте, пришвартованном к береговым конструкциям, в совокупности представляющем полноценную наземную АЭС. Действительно, реализация перманентного государственного надзора необходима в отношении объектов, по сути, являющихся новинкой в атомной энергетике. Равным образом на ПАТЭС постоянно присутствуют специалисты, в трудовые функции которых включается обеспечение безопасной эксплуатации объекта. Минтруда подготовило пакет документов, установивший профессиональный стандарт в области технической эксплуатации ПАТЭС⁴⁷.

Вследствие отсутствия специального правового регулирования охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации особую значимость приобретают государственные арктические программы. К сожалению, Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской

⁴⁵ См.: Экспертное заключение на «Проект санитарно-защитной зоны в районе размещения атомной теплоэлектростанции малой мощности на базе плавучего энергоблока с реакторными установками КЛТ-40С в г. Певек Чукотского автономного округа». Выпуск № 47044. Выдано ФГУП НИИ ПММ (Научно-исследовательский институт промышленной и морской медицины) 17.07.2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://e-ecolog.ru/crc/87.01.01.000.%D0%A2.000049.12.13> (дата обращения: 20.05.2022).

⁴⁶ См.: Абросимова Н.В. Правовые аспекты экологической безопасности эксплуатации АЭС // Глобальная ядерная безопасность. 2013. № 1 (6).

⁴⁷ См.: приказ Минтруда России от 15.09.2015 г. № 638н «Об утверждении профессионального стандарта “Специалист по организации технической эксплуатации плавучих атомных станций” // В официальных источниках опубликован не был.

Федерации»⁴⁸ практически не содержит правовых норм, рассматривающих особый экологический режим Арктической зоны, с присущими суровыми природно-климатическими условиями, уязвимой природной средой, широкими нетронутыми экологическими системами и эндемичными представителями флоры и фауны. Федеральный закон сконцентрирован на регулировании социально-экономических отношений, направленных на развитие инфраструктуры Арктического региона. Однако подобный подход игнорирует принцип устойчивого развития, согласно которому «защита окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от него»⁴⁹. Несомненно, Арктическая зона — северная территория Российской Федерации, где действует экологическое, энергетическое, градостроительное, санитарно-эпидемиологическое и иное законодательство. Следует согласиться с мнением М. Н. Лысенко, что пока ПАТЭС «Академик Ломоносов» находится в пределах акватории Российской Федерации, в отношении него действует все отечественное законодательство⁵⁰. Однако нахождение нового перспективного объекта в особо уязвимой территории значительно повышает риски возникновения негативных трудноликвидируемых последствий.

Таким образом, приходится обращаться к государственным арктическим программам, содержащим основные цели и задачи краткосрочной и долгосрочной арктической политики. Применение ПАТЭС в Арктической зоне Российской Федерации предполагает наличие дополнительных правовых способов охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Возможно, такие способы повлекут повышение определенных административных барьеров, особенно для арктических резидентов. Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» не случайно направлен на поддержание осуществления предпринимательской деятельности в непростом Арктическом регионе. Подобный экологический демпинг в Арктике способен привести исключительно к снижению и социально-экономических выгод освоения Арктики. Вдобавок в арктических программах и законодательстве особое место занимает Северный морской путь — исторически сложившаяся национальная

транспортная коммуникация России⁵¹, по которой осуществлялась буксировка ПАТЭС «Академик Ломоносов» в г. Певек⁵².

* * *

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на появление комплексного объекта использования атомной энергии как ПАТЭС, российское и международное законодательство способно своевременно среагировать на создающиеся вызовы научно-технического прогресса. Однако нельзя обойти стороной встречающиеся неурегулированные пласты законодательства, направленные специально на обеспечение экологически безопасного функционирования ПАТЭС в Арктическом регионе и мире на протяжении всего жизненного цикла. Систему правовых основ экологической безопасности ПАТЭС следует обозначить следующим образом:

1. *Универсальный уровень* международно-правового регулирования, представленный разнообразием международно-правовых актов, закрепляющих общемировые правовые основы ядерной, радиационной и экологической безопасности. В отдельных случаях ПАТЭС не подпадает в область правового воздействия международного соглашения, однако общая направленность правового регулирования остается аналогичной. Необходимо предусмотреть разработку и принятие международного соглашения, охватывающего минимальные требования к безопасной эксплуатации ПАТЭС.

2. На *региональном уровне* — в арктических природно-климатических условиях основой безопасного сосуществования является взаимовыгодное сотрудничество, направленное на минимизацию негативного, прежде всего трансграничного радиационного воздействия возможного использования ПАТЭС, включая этапы транспортировки. Целесообразно подготовить в рамках Арктического совета региональное соглашение, определяющие правовые основы безопасной эксплуатации ПАТЭС, буксировки и скорого реагирования на возможные аварии.

3. *Уровень двусторонних соглашений* вполне возможно станет преимущественным в плане правового регулирования эксплуатации ПАТЭС странами-выгодоприобретателями. Принимая во внимание предыдущие два уровня международно-правового регулирования обеспечения

⁴⁸ См.: СЗ РФ. 2020. № 29, ст. 4503.

⁴⁹ Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 г. // Действующее международное право: в 3 т. М., 1996.

⁵⁰ См.: *Lysenko M.N., Bedenko V.M., Dalnoki-Veress F. (J.) International legal regulations of floating nuclear power plants: problems and prospects // Moscow Journal of International Law. 2019. No. 3. P. 62.*

⁵¹ См.: Федеральный закон от 31.07.1998 г. № 155-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3833.

⁵² См.: *Хвостова М.С. Экологические проблемы эксплуатации плавучей атомной теплоэлектростанции в Арктическом регионе // Российская Арктика. 2018. № 1.*

безопасной и эффективной эксплуатации ПАТЭС, договаривающиеся государства способны уделить особое внимание разнообразным вопросам (например, ставка платы за предоставление электроэнергии и тепла, обеспечение государственного надзора в отношении пришвартованного судна). Особое внимание необходимо уделить нераспространению ядерных материалов, способных быть использованными для разработки ядерного оружия. В этой связи в двустороннем соглашении может быть предусмотрена обязанность страны-выгодприобретателя обеспечить охрану объекта.

4. *Национальный уровень* правового регулирования экологической безопасности ПАТЭС важен тем, что на международном уровне нельзя в полной мере законодательно отразить весь жизненный цикл, начиная со стадии проектирования. Поэтому в российском законодательстве применяются федеральные нормы и правила, санитарно-эпидемиологические правила и нормы, направленные на обеспечение безопасной и эффективной эксплуатации ПАТЭС с самых ранних стадий. Кроме того, эксплуатируя ПАТЭС в территориальных водах, объект подпадает под действие законодательства Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абросимова Н.В.* Правовые аспекты экологической безопасности эксплуатации АЭС // Глобальная ядерная безопасность. 2013. № 1 (6).
2. *Барамидзе Д.Д.* Международное экологическое сотрудничество в Арктике // Вестник Удмуртского ун-та. Сер.: Экономика и право. 2016. Т. 26. Вып. 4. С. 100.
3. *Боголюбов С.А.* Соотношение экологических политик России и других государств // Экологическое право. 2016. № 4. С. 27.
4. Глоссарий МАГАТЭ по вопросам безопасности. Терминология, используемая в области ядерной безопасности и радиационной защиты // Международное агентство по атомной энергии. 2007. С. 283.
5. *Кудинович И.В.* Обоснование ядерной и радиационной безопасности атомного судна при внешних воздействиях // Труды Крыловского ГНЦ. 2019. Т. 1. № 387. С. 139.
6. *Кучинов В.П., Лысенко М.Н.* Международно-правовое регулирование использования плавучих атомных электростанций: проблемные вопросы // Междунар. публичное и частное право. 2021. № 5. С. 22.

7. *Родионова В.Г.* Экономика и технологии плавучих атомных теплоэлектростанций: ПАТЭС «Академик Ломоносов» // Гуманитарный вестник. 2017. № 10. С. 8.
8. *Хвостова М.С.* Экологические проблемы эксплуатации плавучей атомной теплоэлектростанции в Арктическом регионе // Российская Арктика. 2018. № 1.
9. *Handrlica J.* Transportable nuclear power plants: an enigma of international nuclear liability law // Journal of World Energy Law and Business. 2019. No. 12. P. 465–479.
10. *Lysenko M.N., Bedenko V.M., Dalnoki-Veress F. (J.)* International legal regulations of floating nuclear power plants: problems and prospects // Moscow Journal of International Law. 2019. No. 3. P. 62.

REFERENCES

1. *Abrosimova N.V.* Legal aspects of environmental safety of NPP operation // Global nuclear safety. 2013. No. 1 (6) (in Russ.).
2. *Baramidze D.D.* International ecological cooperation in the Arctic // Herald of the Udmurt University. Ser.: Economics and Law. 2016. Vol. 26. Issue 4. P. 100 (in Russ.).
3. *Bogolyubov S.A.* Correlation of environmental policies of Russia and other states // Environmental Law. 2016. No. 4. P. 27 (in Russ.).
4. The IAEA Glossary on Safety Issues. Terminology used in the field of nuclear safety and radiation protection // International Atomic Energy Agency. 2007. P. 283 (in Russ.).
5. *Kudinovich I.V.* Substantiation of nuclear and radiation safety of an atomic vessel under external influences // Proceedings of the Krylovsky Scientific Research Center. 2019. Vol. 1. No. 387. P. 139 (in Russ.).
6. *Kuchinov V.P., Lysenko M.N.* International legal regulation of the use of floating nuclear power plants: problematic issues // International Public and Private Law. 2021. No. 5. P. 22 (in Russ.).
7. *Rodionova V.G.* Economics and technologies of floating nuclear thermal power plants: PATES “Academician Lomonosov” // Humanitarian Herald. 2017. No. 10. P. 8 (in Russ.).
8. *Khvostova M.S.* Ecological problems of operation of a floating nuclear thermal power plant in the Arctic region // Russian Arctic. 2018. No. 1 (in Russ.).
9. *Handrlica J.* Transportable nuclear power plants: an enigma of international nuclear liability law // Journal of World Energy Law and Business. 2019. No. 12. P. 465–479.
10. *Lysenko M.N., Bedenko V.M., Dalnoki-Veress F. (J.)* International legal regulations of floating nuclear power plants: problems and prospects // Moscow Journal of International Law. 2019. No. 3. P. 62.

Сведения об авторе

БАРАМИДЗЕ Давид Давидович — кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, природоресурсного и трудового права Удмуртского государственного университета; 426034 г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1

Authors' information

BARAMIDZE David D. — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Environmental, Natural Resource and Labor Law of Udmurt State University; 1 Universitetskaya str., 426034 Izhevsk, Russia

ПРАВОВАЯ ОХРАНА И РАЦИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ГЕОПАРКАХ

© 2023 г. Е. В. Лунева

Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: vilisa_yilisa@mail.ru

Поступила в редакцию 28.02.2022 г.

Аннотация. На мировом уровне разработана целостная концепция о геопарках как о формах устойчивого управления в области охраны и использования объектов геологического наследия международного значения, обеспечения георазнообразия. Однако во многих государствах остаются не урегулированными отношения по созданию и функционированию геопарков, появились только первые попытки закрепления соответствующих правил в национальном законодательстве. В России выявлен узкий подход к правовой охране природной среды, строящийся на сохранении и восстановлении биологического, реже ландшафтного разнообразия. Действующих норм об особо охраняемых геологических объектах, особо охраняемых природных территориях недостаточно для сохранения и восстановления георазнообразия. Слово «георазнообразии» упоминается в одном-единственном программном документе. В нормативных правовых актах не закрепляются термины и определения «георазнообразии», «геологическое наследие», «геопарк», а также иные специальные дефиниции в сфере охраны уникальных и редких геологических объектов, что затрудняет развитие правовых норм о геопарках в соответствии с мировыми тенденциями. В качестве передового опыта представлено законодательство стран с наибольшим количеством глобальных геопарков ЮНЕСКО: Китай, Испания и Италия. В указанных странах охрана и использование геологического наследия осуществляются по-разному. Выделен наиболее удачный зарубежный опыт управления в области охраны и использования объектов геологического наследия, который может быть заимствован российским законодателем. Приведены возможные варианты рецепции правовых моделей создания и функционирования геопарков в России.

Ключевые слова: геопарк, глобальный геопарк ЮНЕСКО, георазнообразии, геологическое наследие, геозит, особо охраняемые геологические объекты, особо охраняемые природные территории, геотуризм, рациональное использование.

Цитирование: Лунева Е. В. Правовая охрана и рациональное использование геологического наследия в геопарках // Государство и право. 2023. № 2. С. 72–82.

DOI: 10.31857/S102694520018992-2

LEGAL PROTECTION AND RATIONAL USE OF GEOLOGICAL HERITAGE IN GEOPARKS

© 2023 E. V. Luneva

Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: vilisa_yilisa@mail.ru

Received 28.02.2022

Abstract. At the world level, a holistic concept of geoparks has been developed as a form of sustainable management in the field of protection and use of objects of geological heritage of international importance, ensuring geodiversity. However, in many states relations on the creation and operation of geoparks remain unsettled, and only the first attempts to consolidate the relevant rules in national legislation have appeared. In Russia, a narrow approach to the legal protection of the natural environment has been identified, based on the conservation and restoration of biological, less often landscape, diversity. The current norms on specially protected geological objects, specially protected natural areas are not sufficient for the conservation and

restoration of geodiversity. The word “geodiversity” is mentioned in a single policy document. Normative legal acts do not fix the terms and definitions of “geodiversity”, “geological heritage”, “geopark”, as well as other special definitions in the field of protection of unique and rare geological objects, which makes it difficult to develop legal norms on geoparks in accordance with global trends. The legislation of the countries with the largest number of UNESCO Global Geoparks is presented as best practice: China, Spain and Italy. In these countries, the protection and use of geological heritage is carried out in different ways. The most successful foreign management experience in the field of protection and use of geological heritage objects, which can be borrowed by the Russian legislator, is highlighted. Possible options for the reception of legal models for the creation and operation of geoparks in Russia are given.

Key words: geopark, UNESCO Global Geopark, geodiversidad, geological heritage, geosite, specially protected geological objects, specially protected natural areas, geotourism, rational use.

For citation: Luneva, E.V. (2023). Legal protection and rational use of geological heritage in geoparks // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 72–82.

Обнаруженная сравнительно недавно тенденция по устойчивому управлению в области охраны и использования геологических объектов, имеющих особое научное, культурное, эстетическое значение, обоснованию их международной ценности активно набирает обороты. На глобальном уровне обозначен курс «геонаследие для устойчивого развития»¹. С 2021 по 2024 г. реализуется новый проект Международного союза геологических наук и Международной комиссии по геонаследию “IUGS Global Geosites”, направленный на проведение всемирной инвентаризации объектов геологического наследия международного значения². Следовательно, на передовые позиции выходят вопросы правового обеспечения охраны и рационального использования объектов геологического наследия.

Объекты геологического наследия (уникальные геологические формации, геологические ландшафты, горные породы и иные ценные геологические объекты) образуют составную часть природной среды. Они являются природными богатствами страны, поэтому подпадают под объекты, отношения по поводу которых регулируются экологическим и природоресурсным правом. Объекты геологического наследия не перечисляются российским законодателем среди компонентов природной среды и не используются им в легальной терминологии³. Тем не менее очевидно, что «объекты геологического наследия» как более узкое понятие имеют области пересечения с такими более широкими категориями, как «компонент природной среды», включающий «недра» (когда речь идёт об особо охраняемых геологических объектах), «природный объект» (когда речь идёт о геологических ландшафтах), «природно-антропогенный объект»

(когда речь идёт об уникальном геологическом объекте, образованном под воздействием человеческого фактора). Поэтому место объектов геологического наследия в системе иных объектов, отношения по поводу которых регулируются экологическим и природоресурсным правом, определяется их принадлежностью к компонентам природной среды, природным объектам или природно-антропогенным объектам. Как свидетельство эволюции, а также как определяющие факторы будущего устойчивого развития⁴ объекты геологического наследия заслуживают самостоятельной правовой охраны и требуют особого внимания ученых.

Правовая охрана и рациональное использование геологического наследия международного значения. Значимость устойчивого управления в области охраны и использования ценных геологических объектов и ландшафтов на международном уровне была признана в 2015 г., когда 195 государств – членов ЮНЕСКО на 38-й Генеральной конференции утвердили Устав Международной программы по геонаукам и геопаркам и Руководящие принципы деятельности глобальных геопарков ЮНЕСКО, определившие категорию объектов ЮНЕСКО – глобальные геопарки ЮНЕСКО⁵. С этого момента началось развитие и сохранение геологического наследия международного значения на основе глобальных геопарков ЮНЕСКО как механизма международного сотрудничества⁶.

⁴ См.: Пункт 1 Руководящих принципов работы глобальных геопарков ЮНЕСКО от 17.11.2015 г. URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/SC/pdf/IGGP_UGG_Statutes_Guidelines_RU.pdf

⁵ См.: Акты Генеральной конференции, 38-я сессия, Париж, 3–18 ноября 2015 г. Т. 1: Резолюции. С. 36. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000243325_rus/PDF/243325rus.pdf.multi

⁶ См.: Статья 1 ч. В «Глобальные геопарки ЮНЕСКО» Устава Международной программы по геонаукам и геопаркам от 17.11.2015 г.; п. 2.1, 2.2 Руководящих принципов работы глобальных геопарков ЮНЕСКО от 17.11.2015 г. URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/SC/pdf/IGGP_UGG_Statutes_Guidelines_RU.pdf

¹ IGCP 731 IUGS Geological Heritage sites. Project Updates-2021. URL: <https://en.unesco.org/international-geoscience-programme/projects/731>

² См.: *ibid.*

³ См.: Статья 1 Федерального закона от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133.

Организация и функционирование глобальных геопарков ЮНЕСКО базируются на концепции устойчивого развития. Одновременно осуществляется популяризация науки, образования, культуры, охрана природы и использование уникальных геологических объектов в качестве экономического ресурса в рамках геотуризма⁷.

Велика роль геопарков в обеспечении георазнообразия. В науке обосновано, что классификация и оценка геонаследия составляют основу и содержание геопарков⁸. Пункт 1 Руководящих принципов работы глобальных геопарков ЮНЕСКО⁹ фундаментом всех экосистем и основой взаимодействия человека с ландшафтом признаёт именно георазнообразие. Одна из идей функционирования геопарков, закреплённых нормативно, — сохранение и повышение ценности районов, имеющих существенное геологическое значение в истории планеты Земля¹⁰. В документах ЮНЕСКО геопарки рассматриваются в качестве территорий, содержащих объекты особой геологической значимости, редкости или красоты, отражающие историю геологического развития, события и процессы, принимавшие участие в её формировании¹¹. Приходим к выводу о том, что цель создания сети геопарков — сохранение и восстановление георазнообразия в условиях рационального рекреационного, научного, образовательного использования объектов геологического наследия. Геопарки выводят охрану геологического наследия стран на новый уровень.

Применительно к глобальным геопаркам ЮНЕСКО нормативно закреплёны понятие, значение, критерии, требования к географической представленности, оценка геонаследия, процедура присвоения особого статуса, процедура и срок повторной

аттестации, рекомендации о создании национальных комитетов по геопаркам, сетевое взаимодействие геопарков, последствия отказа от присвоенного международного статуса и другие положения, в том числе содержащие отсылки к национальному законодательству¹². Однако практика показывает, что национальные и местные органы власти, администрации геопарков по-разному понимают и толкуют критерии для глобальных геопарков ЮНЕСКО¹³. Получается, что на мировом уровне разработана целостная концепция геопарков как форм устойчивого управления в области охраны и использования объектов геологического наследия международного значения, обеспечения георазнообразия. В то же время в документах ЮНЕСКО не определена структура управления глобальными геопарками¹⁴, что даёт простор импровизации для национального законодательства.

Несмотря на относительно подробные требования к глобальным геопаркам ЮНЕСКО, во многих государствах, включая большинство стран Европейского Союза, нет специального законодательства, отведённого для геопарков¹⁵. В государственной политике и национальном законодательстве только предпринимаются первые попытки регулирования создания и функционирования геопарков¹⁶.

Правовое регулирование охраны и рационального использования геологического наследия в Российской Федерации. В экологической политике и природоохранном законодательстве государства использован узкий подход к охране природы. Он сконцентрирован на охране преимущественно биологического¹⁷, реже ланд-

⁷ См.: Статья 1 ч. В «Глобальные геопарки ЮНЕСКО» Устава Международной программы по геонаукам и геопаркам от 17.11.2015 г.; п. 2.1, 2.2 Руководящих принципов работы глобальных геопарков ЮНЕСКО от 17.11.2015 г. URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/SC/pdf/IGGP_UGG_Statutes_Guidelines_RU.pdf

⁸ См.: Jia Z. et al. Geoheritage Classification and Assessment in Longyan Aspiring Geopark (China) // *Geoheritage*. 2022. Vol. 14. No. 1. P. 19. DOI: 10.1007/s12371-022-00653-4

⁹ См.: URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/SC/pdf/IGGP_UGG_Statutes_Guidelines_RU.pdf

¹⁰ См.: Пункт 1 Руководящих принципов работы глобальных геопарков ЮНЕСКО от 17.11.2015 г. URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/SC/pdf/IGGP_UGG_Statutes_Guidelines_RU.pdf

¹¹ См.: Документ 156 EX/II Rev., принятый в 1999 г. на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО «О содействии развитию сети геопарков» // UNESCO Geoparks Programme — a new initiative to promote a global network of geoparks safeguarding and developing selected areas having significant geological features // Hundred and fifty-sixth Session. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization: Executive Board. Paris, 1999. P. 3. Par. 7. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0011/001151/115177e.pdf>

¹² См.: Руководящие принципы работы глобальных геопарков ЮНЕСКО. URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/SC/pdf/IGGP_UGG_Statutes_Guidelines_RU.pdf

¹³ См.: Zhang J. Interpretation of the criteria of UNESCO global geopark // *GEOLOGICAL REVIEW*. 2020. Vol. 66. No. 4. P. 880. DOI: 10.16509/j.georeview.2020.04.006

¹⁴ См.: Briggs A., Newsome D. and Dowling R. A proposed governance model for the adoption of geoparks in Australia // *International Journal of Geoheritage and Parks*. 2021. P. 2. DOI: 10.1016/j.ijgeop.2021.12.001

¹⁵ См.: Nikolova V., Sinnyovsky D. Geoparks in the legal framework of the EU countries // *Tourism management perspectives*. 2019. Vol. 29 P. 143. DOI: 10.1016/j.tmp.2018.11.007

¹⁶ См.: Lukáč M., Širba L., Černega A., Khouri S. Recent State Policy and Its Impact on Geopark Establishment and Operation in Slovakia // *Land*. 2021. 10:1069. P. 14. DOI: 10.3390/land10101069

¹⁷ См., напр.: Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19.04.2017 г. № 176) // СЗ РФ. 2017. № 17, ст. 2546; Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р) // СЗ РФ. 2019. № 7 (ч. II), ст. 702; Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 (ред. от 21.07.2020 г.) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20, ст. 2817; преамбула, ст. 1, 3, 35, 40 Федерального

шафтного разнообразия¹⁸. Практически не развиты нормы об обеспечении геологического разнообразия. Единственное на федеральном уровне упоминание о сохранении и восстановлении георазнообразия встречается в Концепции развития аграрной науки и научного обеспечения АПК России до 2025 года¹⁹.

Российское законодательство о природных объектах, находящихся под особой охраной, также сфокусировано на биотических компонентах экосистемы — флоре и фауне. В Федеральном законе от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ (ред. от 11.06.2021 г.) «Об особо охраняемых природных территориях»²⁰ (далее — Федеральный закон об ООПТ) речь идёт исключительно о биологическом разнообразии (ст. 2, п. «а» ст. 7) или о разнообразии растительного мира (п. 1 ст. 28). А как же сохранение и восстановление геологического разнообразия?

Законодательства о недрах, фрагментарно регулирующие охрану и использование особо охраняемых геологических объектов, не хватает для сохранения и восстановления геологического разнообразия России. Образование особо охраняемых геологических объектов, имеющих научное, культурное, эстетическое, санитарно-оздоровительное и иное значение, п. 5 ст. 6 Закона РФ от 21 февраля 1992 № 2395-1 (ред.

закона от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) «Об охране окружающей среды»; абз. 1 п. 1 ст. 3 Федерального закона от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) «Об отходах производства и потребления» // СЗ РФ. 1998. № 26, ст. 3009; п. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 62 Лесного кодекса РФ от 04.12.2006 г. № 200-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) // СЗ РФ. 2006. № 50, ст. 5278; постановление Правительства РФ от 21.09.2021 г. № 158 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 40, ст. 6818; распоряжение Правительства РФ от 29.05.2019 г. № 1124-р (ред. от 19.10.2021 г.) «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2019. № 23, ст. 2995; распоряжение Правительства РФ от 27.12.2019 г. № 3227-р (ред. от 29.04.2021 г.) «Об утверждении плана реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2020. № 1 (ч. II), ст. 142; Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 г. № 2765-р) // В официальных источниках опубликован не был.

¹⁸ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400) // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351; Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Правительством РФ) // В официальных источниках опубликован не был; Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012 г.) // В официальных источниках опубликованы не были.

¹⁹ Утв. Приказом Минсельхоза России от 25.06.2007 г. № 342 (В официальных источниках не публиковался).

²⁰ См.: СЗ РФ. 1995. № 12, ст. 1024.

от 11.06.2021 г.) «О недрах»²¹ признано самостоятельным видом пользования недрами. Рассматриваемая норма к особо охраняемым геологическим объектам относит научные и учебные полигоны, геологические заповедники, заказники, памятники природы, пещеры и другие подземные полости. Статья 33 Закона РФ «О недрах» предоставляет возможность использовать для сохранения редких и уникальных участков недр следующие формы особой охраны: геологические заповедники, заказники, памятники природы, памятники культуры. В этой же статье содержится запрет на деятельность, нарушающую сохранность указанных заповедников, заказников и памятников, а также обязанность недропользователей приостановить пользование недрами и сообщить²² в орган, предоставивший лицензию, при обнаружении редких геологических и минералогических образований, метеоритов, палеонтологических, археологических и других объектов, представляющих интерес для науки или культуры. Других специальных норм в Законе РФ «О недрах», связанных с охраной редких и уникальных геологических объектов, не содержится.

В подзаконных нормативных правовых актах разъясняется, что признание геологических объектов особо охраняемыми осуществляется в порядке и на условиях, которые установлены Федеральным законом об ООПТ²³. Однако применительно к сохранению особо ценных геологических, минералогических и палеонтологических объектов данный Закон содержит всего две нормы: 1) наличие таких объектов является критерием создания особо охраняемых природных территорий (далее — ООПТ) (п/п. «в» п. 1 ст. 2); 2) профиль заказника — палеонтологический или геологический (п/п. «в», «д» п. 4 ст. 22). К сожалению, ни самого термина «особо охраняемые геологические объекты», ни особенностей их режима в Федеральном законе об ООПТ не установлено. Ситуацию осложняет отсутствие согласованности норм указанного Закона с нормами Закона РФ «О недрах» о редких и уникальных геологических объектах²⁴.

²¹ См.: СЗ РФ. 1995. № 10, ст. 823.

²² В науке признаётся декларативность приведённой нормы, поскольку порядок и сроки уведомления уполномоченных органов о факте обнаружения редкого или ценного геологического объекта действующим законодательством до сих пор не регламентируются (см.: *Агафонов В.Б.* Правовое регулирование охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности при пользовании недрами: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 142).

²³ См.: постановление Правительства РФ от 26.12.2001 г. № 900 «Об особо охраняемых геологических объектах, имеющих научное, культурное, эстетическое, санитарно-оздоровительное и иное значение» // СЗ РФ. 2001. № 53 (ч. II), ст. 5189.

²⁴ См.: *Ибрагимов В.Б.* Участки недр и особо охраняемые природные территории в действующем законодательстве // *Экологическое право*. 2020. № 3. С. 22; *Злотникова Т.В.* Современные тенденции правового регулирования охраны и использования

К сожалению, концепция геопарков в Российской Федерации получила признание только среди учёных, а на государственном уровне она поддерживается мало²⁵. В федеральном законодательстве не закреплено определения «геопарк», да и сам термин практически не используется. В 2018 г. в Государственной программе РФ «Воспроизводство и использование природных ресурсов»²⁶ в перечне научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям изучения и освоения недр появилась формулировка «научное обоснование создания сети геопарков и естественных геологических лабораторий на территории Российской Федерации»²⁷. Однако 1 января 2022 г. вступила в силу новая редакция²⁸ указанной программы, в которой обозначенное положение утратило силу.

В научной литературе признаётся, что отсутствие установленного законом режима геопарков создаёт трудности в практическом использовании их экологического потенциала, снижается возможность эффективной эксплуатации ценных геологических объектов²⁹. Высказывается предложение закрепить в законодательных актах понятие геопарков как «разновидности ООПТ»³⁰, «дополнительной самостоятельной категории ООПТ»³¹.

В результате пробельности федерального законодательства о геопарках возникла существенная

особо охраняемых природных территорий // Экологическое право. 2019. № 2. С. 14; *Ибрагимов В.Б.* Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и Закон Российской Федерации «О недрах»: проблема согласования эколого-правовых норм // Экологическое право. 2015. № 1. С. 34.

²⁵ См.: *Mammadova A. et al.* Community Engagement in UNESCO Biosphere Reserves and Geoparks: Case Studies from Mount Hakusan in Japan and Altai in Russia // *Land*. 2022. Vol. 11. No. 2 (227). P. 13. DOI: 10.3390/land11020227

²⁶ Утв. Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 322 (см.: СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. III), ст. 2168).

²⁷ См.: постановление Правительства РФ от 30.03.2018 г. № 373 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Воспроизводство и использование природных ресурсов”» // СЗ РФ. 2018. № 15 (ч. III), ст. 2140.

²⁸ См.: постановление Правительства РФ от 18.12.2021 г. № 2358 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Воспроизводство и использование природных ресурсов” и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. II), ст. 9187.

²⁹ См.: *Арутюнян М.С., Хисматуллин О.Ю.* Некоторые проблемы определения правового режима геопарков // *Аграрное и земельное право*. 2021. № 12 (204). С. 11.

³⁰ *Шаганова Р.А.* Территориальное зонирование как инструмент правового режима геопарков // *Экологическое право*. 2021. № 4. С. 4.

³¹ *Злотникова Т.В.* Международный и региональный опыт развития геопарков как правовая основа изменения экологического законодательства // *Правовое государство: теория и практика*. 2021. № 4 (66). С. 42.

региональная вариативность регулирования соответствующих отношений. Выделяется четыре модели организации и функционирования «региональных» геопарков, характеризующихся спецификой их правового режима: 1) туристско-рекреационная зона, в границах которой расположены ООПТ регионального значения; 2) как элемент управления в области охраны и использования сети ООПТ регионального значения без правового режима туристско-рекреационной зоны; 3) палеонтологический, минералогический или геологический заказник регионального значения; 4) самостоятельная категория ООПТ, вводимая нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации³². Нормативные правовые акты в сфере развития геопарков представлены неоднородно и фрагментарно, в основном связаны с созданием отдельных геопарков в субъектах Российской Федерации³³.

Зарубежный опыт правовой охраны и рационального использования геологического наследия. При исследовании зарубежного законодательства необходимо выбирать страны с прогрессивным правовым регулированием соответствующих общественных отношений. По данным официального сайта Глобальной сети геопарков³⁴, по состоянию на 26 февраля 2022 г. наибольшее число глобальных геопарков ЮНЕСКО создано и функционирует в Китае – 41, далее идёт Испания – 15, Италия – 11, Япония – 9 геопарков и т.д. В Российской Федерации статус глобального геопарка ЮНЕСКО получил пока только один геопарк – геопарк «Янган-Тау», геопарк «Торатау» стал кандидатом на включение в Глобальную сеть геопарков ЮНЕСКО³⁵, а другие геопарки только планируют получить особый международный статус.

Интереснее всего обратиться к законодательству стран с наибольшим количеством глобальных геопарков ЮНЕСКО, которое свидетельствует о сравнительной зрелости общественных отношений по сохранению и рациональному использованию геологического наследия как национального, так и международного значения. Указанным обстоятельством объясняется выбор исследования китайского, испанского и итальянского законодательства, которые могут быть применимы для частичного заимствования и дальнейшего развития

³² См. об этом подр.: *Лулева Е.В.* Организация геопарков в России и особенности их правового режима // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 9. С. 37. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.032-043

³³ См.: там же.

³⁴ См.: Global Geoparks Network. URL: <http://www.globalgeopark.org/aboutGGN/MemberList/index.htm>

³⁵ См.: Башкирский геопарк «Торатау» попал в список кандидатов на получение охранного статуса ЮНЕСКО. URL: <https://utv.ru/material/bashkirskij-geopark-toratau-popal-v-spisok-kandidatov-na-poluchenie-ohrannogo-statusa-yunesko>

законодательства Российской Федерации в заявленной области.

Китай. Закреплён широкий подход к правовой охране уникальных и редких природных достопримечательностей, базирующийся не только на сохранении биотической, но и абиотической составляющей природы. Принято Положение об управлении в области охраны геологического наследия от 4 мая 1994 г.³⁶, которое распространяется на все виды геологического наследия, включая геологическое наследие в морских акваториях (ст. 2). Введено легальное определение «геологическое наследие», под которым понимается ценное и невозобновляемое природное наследие, возникшее в результате различных внутренних и внешних динамических геологических воздействий в течение длительного периода эволюции планеты Земля. Охраняемые геологические объекты изъяты из оборота (ст. 4), а их охрана строится на принципе «особая охрана и рациональное развитие» (ст. 5). Введён открытый перечень подлежащих охране геологических объектов: типичные стратиграфические профили, окаменелости, карст, вулканы, айсберги, метеориты, своеобразные геологические ландшафты, имеющие особую научную и декоративную ценность камни и минералы, реликты типичных геологических катастроф и другие геологические реликвии, нуждающиеся в охране (ст. 7). Предусмотрено создание ООПТ геологического наследия (гл. 3) национального, провинциального и префектурного / окружного уровня (ст. 9), куда отнесены и геопарки (ст. 8).

В стране имеются подробные требования к созданию, управлению и развитию национальных геопарков как эффективного механизма защиты ценных геологических объектов. Приняты Технические требования к подготовке плана национального геопарка от 15 июля 2016 г. (ред. от 03.01.2019 г.)³⁷, где закреплены принципы планирования и разработки геопарка, требования к его границам, площади (должна быть не менее 10 км²), функциональному зонированию, регистрации и учёту геологического наследия, видам уровней его защиты (включая запреты и ограничения), инфраструктуре и акциям по популяризации геологической науки, научным исследованиям, информатизации, мониторингу природных объектов, системе управления, кадровому составу и другие положения.

В Технических требованиях к подготовке плана национального геопарка установлено, что разделение функциональных зон геопарка должно

основываться на различиях в функциях землепользования, охраны геологического наследия и туристической деятельности. Могут быть выделены следующие функциональные зоны: охранные зоны геологического наследия (ООПТ, охранные зоны первого класса, охранные зоны второго класса и охранные зоны третьего класса), природно-экологическая зона, зона научно-популярного образования, зона обслуживания туристов, зона управления, зона жилой застройки и др.

Как уже указывалось, геологическое наследие в стране делится на четыре уровня: мировой, национальный, провинциальный (региональный), префектурный / окружной (местный)³⁸. Будучи одним из первых создателей геопарков, КНР имеет обширную внутреннюю сеть, включающую местные, региональные и национальные геопарки³⁹. Поэтому на региональном и муниципальном уровне принимаются свои нормативные документы. Так, действуют Временные меры Департамента земельных ресурсов провинции Гуандун для администраций провинциальных геопарков Гуандун⁴⁰, где закреплены процедура создания, требования к управлению, системе и стандартам оценки, а также меры контроля за провинциальными геопарками. С 1 августа 2021 г. (ст. 39) вступило в силу Положение об охране национальных геопарков в городе Яньань⁴¹, где в том числе устанавливаются охрана, использование, управление, контроль и юридическая ответственность. В документах регионального и муниципального уровня нормы в основном дублируются (например, правила о функциональных зонах), однако есть и особенности (размеры штрафов). Например, в ст. 34 Положения об охране национальных геопарков в городе Яньань за нарушение соответствующего законодательства предусмотрен штраф в размере не менее 100, но не более 5000 юаней.

В научной литературе описываются меры по сохранению объектов геологического наследия в зависимости от их природных особенностей в границах конкретных геопарков. Например, в глобальном геопарке ЮНЕСКО «Хуаншань» для минимизации рисков разрушения геологических объектов, состоящих из крупнозернистого гранита (гранитная скала может треснуть после удара молнией), были установлены устройства для перехвата

³⁸ См.: *ibid.*

³⁹ См.: *Briggs A., Newsome D. and Dowling R. Op. cit. P. 3.*

⁴⁰ См.: 广东省国土资源厅省级地质公园管理暂行办法 URL: http://www.gd.gov.cn/zwgk/lsgb/content/post_157220.html

⁴¹ См.: 延安市国家地质公园保护条例 URL: <http://policy.mof.com.gov.cn/claw/clawContent.shtml?id=91308>

³⁶ См.: 《地质遗迹保护管理规定》地质矿产部令第21号 URL: <https://www.waizi.org.cn/doc/112738.html>

³⁷ См.: 国土资发〔2016〕83号《国土资源部关于印发〈国家地质公园规划编制技术要求〉的通知》 URL: <http://www.global-geopark.org.cn/news/notify/10438.htm>

молнии⁴². Почвы, происходящие из крупнозернистого гранита, сильно подвержены эрозии, поэтому в геопарке введён запрет на вырубку лесов, а облесение активно поощряется⁴³. На основании научного расчёта используется ограничение потока туристов с разным пределом количества посетителей в хорошую и плохую погоду⁴⁴. В глобальном геопарке ЮНЕСКО «Яньцин» на древние окаменелости, содержащие следы динозавров, наносят специальные реагенты и водонепроницаемые покрытия с целью защиты от выветривания⁴⁵. Получается, что объекты геологического наследия в геопарках охраняются как от природных, так и антропогенных негативных воздействий.

Таким образом, геопарки в КНР признаны ООПТ геологического наследия, которые могут быть национального, регионального и местного уровня. Создание и функционирование геопарка регламентировано на всех уровнях.

Испания. Как член Европейского Союза государство руководствуется Рекомендацией (2004)3 о сохранении геологического наследия и территорий, представляющих особый геологический интерес⁴⁶. В этом документе европейским государствам рекомендуется определять на своих территориях районы особого геологического интереса, сохранение и устойчивое использование которых может способствовать охране и обогащению национального и европейского геологического наследия⁴⁷. В Испании охрана и рациональное использование георазнообразия регулируется не как в Китае самостоятельным нормативным правовым актом. Соответствующие положения включаются в нормативные правовые акты о сохранении биоразнообразия, ООПТ, сельских территориях.

Принципы Закона Испании о природном наследии и биоразнообразии⁴⁸ направлены на сохранение геологического разнообразия, его уникальности

⁴² См.: *Han J. et al.* From geopark to sustainable development: Heritage conservation and geotourism promotion in the Huangshan UNESCO Global Geopark (China) // *Geoheritage*. 2018. Vol. 10. No. 1. P. 83. DOI: 10.1007/s12371-017-0227-2

⁴³ См.: *ibid.*

⁴⁴ См.: *Cai Y. et al.* Characteristics of geoparks in China and Japan: similarities and differences // *Geoheritage*. 2021. Vol. 13. No. 4. P. 12. DOI: 10.1007/s12371-021-00628-x

⁴⁵ См.: *ibid.* P. 11.

⁴⁶ См.: Recommendation Rec(2004)3 on conservation of the geological heritage and areas of special geological interest, adopted by the Committee of Ministers on the 5th May 2004. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805dd15a

⁴⁷ См.: *ibid.*

⁴⁸ См.: Ley 42/2007, de 13 de diciembre, del Patrimonio Natural y de la Biodiversidad (redacción 31.12.2020). URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2007-21490>

и красоты. В них отражена необходимость сохранения и восстановления не только биоразнообразия, но и георазнообразия (п. “b”, “d” ст. 2). Закрепляется термин «георазнообразие» / «геологическое разнообразие», под которым понимается разнообразие геологических элементов, включая горные породы, минералы, окаменелости, почвы, формы рельефа, геологические образования и объекты, а также ландшафты, которые являются продуктом и свидетельством эволюции планеты Земля (п. 18 ст. 3). Слово «георазнообразие» используется в определении природных ресурсов (п. 30 ст. 3), а словосочетание «георазнообразие, имеющее природоохранную, ландшафтную, научную или культурную ценность» – в определении природного наследия (п. 27 ст. 3).

Помимо природного наследия испанский законодатель выделяет и геологическое наследие. Под ним понимается совокупность природных геологических ресурсов, имеющих научную, культурную и / или образовательную ценность: геологические образования и структуры, формы рельефа, минералы, горные породы, метеориты, окаменелости, почвы и другие геологические проявления (п. 38 ст. 3). К геологическому наследию относятся природные геологические ресурсы, демонстрирующие: 1) происхождение и эволюцию планеты Земля; 2) процессы, смоделировавшие её; 3) климат и ландшафты прошлого и настоящего; 4) происхождение и эволюцию жизни.

В Законе Испании о природном наследии и биоразнообразии в перечне ООПТ геопарк не заявлен (ст. 30). В то же время в нормативном правовом акте чётко просматривается необходимость сохранения абиотической составляющей природы. В определении «парки» (п. 1 ст. 31) содержится указание на геологическое разнообразие, в том числе геоморфологические образования. Применительно к заповедникам предусмотрен частичный запрет на сбор геологического материала (п. 2 ст. 32). Памятниками природы признаются в том числе уникальные и монументальные геологические образования, палеонтологические и минералогические отложения, стратотипы и другие элементы земного шара (п. 2 ст. 34). В Законе Испании о национальных парках⁴⁹ в определении национальных парков также имеется указание на геологию и геоморфологические образования (разд. II ст. 4). В п. 1 приложения к Закону Испании о национальных парках перечислены испанские наземные природные системы для представления в сети национальных парков, среди которых числятся уникальные формы рельефа и геологические элементы Иберийского массива и горные хребты Альп, уникальные

⁴⁹ См.: Ley 30/2014, de 3 de diciembre, de Parques Nacionales (redacción 07.07.2021). URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2014-12588&tn=1&p=20210707>

горные и высокогорные образования и рельефы, единичные природные системы ледникового и перигляциального происхождения, единичные природные комплексы карстового происхождения. Получается, что в стране геологические объекты могут охраняться путём включения их и в границы ООПТ.

Определение «геопарки» содержится в п. 19 ст. 3 Закона Испании о природном наследии и биоразнообразии, где под ними понимаются территории, представляющие уникальные геологические формы, имеющие особое научное значение, уникальность или красоту, отражающие историю геологической эволюции, события и процессы, которые их сформировали. К геопаркам приравниваются места, выделяющиеся археологическими, экологическими или культурными ценностями, связанными с планетой Земля. Геопарк по определению не является объектом охраны в целом, хотя в некоторых случаях он может совпадать с ООПТ или охватывать их⁵⁰. Возможность получения ООПТ статуса глобального геопарка ЮНЕСКО предоставляет п. 4 ст. 1 Закона Испании об ООПТ, согласно которому охрана ООПТ должна сочетаться с их оптимальным использованием в образовательных, научных, культурных, рекреационных, туристических или социально-экономических целях. Примером совпадения геопарка с ООПТ может служить глобальный геопарк ЮНЕСКО «Сьерра-Норте-де-Севилья», являющийся одним из крупнейших природных парков в Андалусии⁵¹.

Пункт 1 ст. 50 Закона Испании о природном наследии и биоразнообразии посвящён территориям, охраняемым международными договорами. В нём закрепляется правило, что все природные пространства, которые обозначены в соответствии с положениями международных конвенций и соглашений, стороной которых является Испания, считаются охраняемыми территориями в соответствии с международными договорами, включая геопарки, объявленные ЮНЕСКО (п/п. «е» п. 1 ст. 50). Следовательно, по законодательству Испании глобальные геопарки ЮНЕСКО признаются охраняемой территорией. При этом указанное правило не распространяется на геопарки, не обладающие особым международным статусом, за исключением ООПТ.

Обеспечение георазнообразия заложено в нормах о развитии сельских территорий. В Законе Испании об устойчивом развитии сельской среды⁵²

георазнообразии учитывается в экологическом планировании, признаётся необходимость защиты и устойчивого использования геологического, горнодобывающего и биологического наследия в качестве научного, культурного и туристического ресурса (ст. 19). Для стимулирования экономической диверсификации в сельских районах должны предусматриваться меры, направленные на использование геологических ресурсов сельской местности для устойчивого развития при приоритете сохранения окружающей среды, ландшафта, природного и культурного наследия (п. «g» ст. 20). В целях содействия созданию и сохранению рабочих мест в сельских районах поддерживаются инициативы, облегчающие участие сельских жителей, в том числе в организации геологического туризма (ст. 22). В геопарках есть местные ассоциации развития сельских районов, которые способствуют возрождению местных сообществ⁵³.

Региональное законодательство Испании конкретизирует редкие национальные нормативные положения о геопарках, вводит дополнительные правила, касающиеся критериев и процедуры их создания. Например, в Законе Автономного сообщества Галисия о природном наследии и биоразнообразии Галисии⁵⁴ содержится бланкетная норма к установленным ЮНЕСКО стандартам, которыми необходимо руководствоваться при выборе участков для объявления их геопарками (ст. 77). В указанном региональном документе прописывается порядок подготовки предложения о декларации геопарка: субъекты, иницилирующие процедуру, требования, обязанности, согласования, особенности управления (ст. 78).

Таким образом, в Испании на национальном уровне отсутствует специальный нормативный правовой акт о геопарках, геологическом наследии. Нормы о геопарках, сохранении геологического наследия и обеспечении георазнообразия интегрированы в нормативные правовые акты об охране биоразнообразия. Положения о георазнообразии закреплены также в документах об ООПТ и сельских территориях. Схожесть ООПТ, созданных для охраны и рационального использования геологических и геоморфологических объектов, с концепцией геопарка предоставляет возможность получить таким ООПТ статус глобальных геопарков ЮНЕСКО. На региональном уровне имеются нормы, регулирующие процедуру создания геопарков.

⁵⁰ См.: URL: <https://geoparques.es/que-son-los-geoparques/>

⁵¹ См.: SIERRA NORTE DE SEVILLA UNESCO GLOBAL GEOPARK. URL: <http://www.globalgeopark.org/GeoparkMap/geoparks/Spain/12583.htm>

⁵² См.: Ley 45/2007, de 13 de diciembre, para el desarrollo sostenible del medio rural (redacción 21.10.2009). URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2007-21493>

⁵³ См.: Ruiz Pulpón, Á.R., Cañizares Ruiz, M.d.C. Enhancing the Territorial Heritage of Declining Rural Areas in Spain: Towards Integrating Top-Down and Bottom-Up Approaches // Land. 2020. No. 9 (216). P. 20. DOI: 10.3390/land9070216

⁵⁴ См.: Ley 5/2019, de 2 de agosto, del patrimonio natural y de la biodiversidad de Galicia. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2019-13519>

Италия. В развитие документов Европейского Союза в стране разработаны специальные правовые инструменты для защиты и сохранения геологического наследия. Оно осуществляется в рамках двух направлений: 1) нормы о культурном наследии и ландшафте и 2) нормы об ООПТ.

В первом случае в Кодексе культурного наследия и ландшафта⁵⁵ провозглашено, что культурное наследие состоит из культурных объектов и ландшафтов (п. 1 ст. 2). Под ландшафтом понимаются территории, обладающие выразительной идентичностью, сложившейся под действием природных, человеческих факторов и их взаимодействии (п. 1 ст. 131). Охране подлежат такие ландшафты, как горы на участке, превышающем 1600 м над уровнем моря для Альпийской цепи и 1200 м над уровнем моря для Апеннинской цепи, ледники и ледниковые цирки, вулканы, представляющие археологический интерес районы и другие природные объекты (п. 1 ст. 142). Предусмотрены ландшафтное планирование как рациональное использование территории (гл. III), меры по контролю и управлению в области охраны и использования подлежащих охране ландшафтов (гл. VI) и другие положения.

Во втором случае геологическое наследие защищается Законом Италии об ООПТ⁵⁶. Геологические и геоморфологические образования, имеющие значительную ценность, включены в природное наследие Италии (п. 2 ст. 1). Сохранение ценных геологических и геоморфологических образований осуществляется путём создания национального парка (п. 1 ст. 2). Ландшафтное разнообразие сохраняется с помощью региональных парков (п. 2 ст. 2). Национальные и региональные заповедники «заточены» под сохранение биологического разнообразия (п. 3 ст. 2).

Цели деятельности национальных (ст. 11) и региональных (ст. 25) парков пересекаются с мировой концепцией геопарков, что позволяет им получать статус глобального геопарка ЮНЕСКО. Так, в 2015 г. статус глобального геопарка ЮНЕСКО получил национальный парк «Чиленто и Валло-ди-Диано»⁵⁷, в 2021 г. — национальный парк «Майелла»⁵⁸, подтвер-

див на международном уровне богатое геологическое наследие. К региональным ООПТ, получившим статус глобального геопарка ЮНЕСКО, относятся региональный парк «Апуанские Альпы», региональный природный парк «Бейгуа», региональный природный парк «Мадони»⁵⁹.

Существуют глобальные геопарки ЮНЕСКО, образованные из нескольких ООПТ Италии, с сохранением их природоохранного режима. Например, в границах глобального геопарка «Сезия-Валь-Гранде» расположен национальный парк «Валь-Гранде», природные парки «Монте Фенера», «Альта Вальсезия», а также другие ООПТ⁶⁰. В таких случаях геопарк охраняется в соответствии с общими / конкретными требованиями и / или ограничениями, установленными правилами для той или иной ООПТ⁶¹.

На региональном уровне приняты специальные акты, посвященные сохранению и использованию георазнообразия, в которых закрепляются нормы о геопарках. В административной области Фриули-Венеция-Джулия действует региональный Закон «Положения об охране и приумножении георазнообразия, геолого-спелеологического наследия и карстовых территорий»⁶², который содержит определения «георазнообразия», «геологическое наследие», «геозит» (ценный геобъект), «геопарк», «спелеологическое наследие», «туристическая пещера» и другие специальные термины (ст. 2). Под геопарком понимается территория с определенными границами, обладающая особым геологическим наследием и стратегией устойчивого развития (п/п. «d» п. 1 ст. 2). В нём предусмотрены подробные требования к Региональному кадастру геозитов и региональных геопарков (ст. 3). Установлены запреты, направленные на охрану геозитов (ст. 4). Закреплены две модели управления в области охраны и использования геозитов и функционирования геопарков (п. 2 и 5 ст. 5): 1) если геозиты находятся в пределах ООПТ; 2) если территория геопарка относится к ООПТ.

Таким образом, отсутствие в Италии специальных норм о геопарках на национальном уровне компенсируется региональным регулированием соответствующих отношений. Имеются нормы о сохранении

⁵⁵ См.: DECRETO LEGISLATIVO 22 gennaio 2004, n. 42 “Codice dei beni culturali e del paesaggio, ai sensi dell’articolo 10 della legge 6 luglio 2002, n. 137” (14.09.2020). URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.legislativo:2004-01-22;42>

⁵⁶ См.: LEGGE 6 dicembre 1991, n. 394 “Legge quadro sulle aree protette” (30.12.2020). URL: <https://www.normattiva.it/urires/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1991-12-06;394>

⁵⁷ Valente E. et al. Geotourism in the Cilento, Vallo di Diano and Alburni UNESCO Global Geopark (Southern Italy): The Middle Bussento Karst System // Resources. 2020. Vol. 9. n. 5, 52. P. 3. DOI: 10.3390/resources9050052

⁵⁸ Nicoud E. et al. Géochronologie en contexte karstique dans la Maiella (Abruzzes, Italie). Prospections à visée géochronologique et analyses non invasives de l’art rupestre // Bulletin archéologique des Écoles françaises à l’étranger. 2022. P. 2. DOI: 10.4000/baefe.4881

⁵⁹ Parco Nazionale del Cilento Vallo di Diano e Alburni // Uomo e Natura // Patrimonio Unesco. URL: <http://www.cilentoediano.it/it/geoparco>

⁶⁰ См.: Perotti L. et al. Fieldtrips and virtual tours as geotourism resources: examples from the Sesia Val Grande UNESCO Global Geopark (NW Italy) // Resources. 2020. Vol. 9. n. 6, 63. P. 4. DOI: 10.3390/resources9060063

⁶¹ См.: Nikolova V., Sinnyovskiy D. Op. cit. P. 145.

⁶² См.: Legge regionale 14 ottobre 2016, n. 15 “Disposizioni per la tutela e la valorizzazione della geodiversità, del patrimonio geologico e speleologico e delle aree carsiche” (01.01.2021). URL: <https://lexview-int.regione.fvg.it/FontiNormative/xml/xmlLex.aspx?anno=2016&legge=15&fx=art&lista=0>

геологического наследия и на национальном, и на региональном уровне. Статус глобальных геопарков ЮНЕСКО могут получить национальные и региональные парки.

Выводы и предложения

1. С целью развития российского законодательства о геопарках в соответствии с мировыми тенденциями в первую очередь необходимо расширить подход к правовой охране природы, включив в неё правовую охрану геологического разнообразия. Должны быть введены соответствующие нормы-дефиниции, предусмотрены специальные правовые меры по охране объектов геологического наследия, определены пределы их использования. Система норм об охране георазнообразия, геологического наследия составит основу регулирования создания геопарков, что позволит вовлекать ценные геологические объекты в геотуризм и развивать экономику сельских территорий. Только после правового обеспечения сохранения и восстановления георазнообразия возможно будет ставить вопрос об их рациональном использовании в рамках концепции геопарков.

2. Законодатель Российской Федерации частично мог бы заимствовать прогрессивный зарубежный опыт по созданию и функционированию геопарков. В нормативную правовую базу могут быть интегрированы нормы о геопарках разными путями: 1) в качестве самостоятельной категории ООПТ с соответствующей дифференцированной системой правовых ограничений и запретов на всей территории геопарка (КНР); 2) путём придания региональным и национальным ООПТ дополнительного статуса геопарка (Испания, Италия); 3) как способ управления в области охраны и рационального использования сети ООПТ геологического и иного профиля (Италия). В Российской Федерации можно закрепить гибкий подход, установив вариативность перечисленных правовых моделей создания и функционирования геопарков. В таком случае концепция геопарков сможет реализоваться и для геологического наследия в границах ООПТ, имеющих схожие цели с целями создания и функционирования геопарков.

3. Дальнейшее развитие российского законодательства о геопарках должно быть связано с введением учёта объектов геологического наследия. В зависимости от модели создания и функционирования геопарка указанный учёт может осуществляться как в виде самостоятельного кадастра геопарков, так и при выделении соответствующего подраздела в кадастре ООПТ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонов В.Б. Правовое регулирование охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности при пользовании недрами: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 142.
2. Арутюнян М.С., Хисматуллин О.Ю. Некоторые проблемы определения правового режима геопарков // Аграрное и земельное право. 2021. № 12 (204). С. 11.
3. Злотникова Т.В. Международный и региональный опыт развития геопарков как правовая основа изменения экологического законодательства // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 4 (66). С. 42.
4. Злотникова Т.В. Современные тенденции правового регулирования охраны и использования особо охраняемых природных территорий // Экологическое право. 2019. № 2. С. 14.
5. Ибрагимов В.Б. Участки недр и особо охраняемые природные территории в действующем законодательстве // Экологическое право. 2020. № 3. С. 22.
6. Ибрагимов В.Б. Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и Закон Российской Федерации «О недрах»: проблема согласования эколого-правовых норм // Экологическое право. 2015. № 1. С. 34.
7. Лулева Е.В. Организация геопарков в России и особенности их правового режима // Lex russica. 2021. Т. 74. № 9. С. 37. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.032-043
8. Шаганова Р.А. Территориальное зонирование как инструмент правового режима геопарков // Экологическое право. 2021. № 4. С. 4.
9. Briggs A., Newsome D. and Dowling R. A proposed governance model for the adoption of geoparks in Australia // International Journal of Geoheritage and Parks. 2021. P. 2, 3. DOI: 10.1016/j.ijgeop.2021.12.001
10. Cai Y. et al. Characteristics of geoparks in China and Japan: similarities and differences // Geoheritage. 2021. Vol. 13. No. 4. P. 11, 12. DOI: 10.1007/s12371-021-00628-x
11. Han J. et al. From geopark to sustainable development: Heritage conservation and geotourism promotion in the Huangshan UNESCO Global Geopark (China) // Geoheritage. 2018. Vol. 10. No. 1. P. 83. DOI: 10.1007/s12371-017-0227-2
12. Jia Z. et al. Geoheritage Classification and Assessment in Longyan Aspiring Geopark (China) // Geoheritage. 2022. Vol. 14. No. 1. P. 19. DOI: 10.1007/s12371-022-00653-4
13. Lukáč M., Štrba L., Černega A., Khouri S. Recent State Policy and Its Impact on Geopark Establishment and Operation in Slovakia // Land. 2021. 10:1069. P. 14. DOI: 10.3390/land10101069
14. Mammadova A. et al. Community Engagement in UNESCO Biosphere Reserves and Geoparks: Case Studies from Mount Hakusan in Japan and Altai in Russia // Land. 2022. Vol. 11. No. 2 (227). P. 13. DOI: 10.3390/land11020227
15. Nicoud E. et al. Géoarchéologie en contexte karstique dans la Maiella (Abruzzes, Italie). Prospections à visée géoarchéologique et analyses non invasives de l'art rupestre // Bulletin archéologique des Écoles françaises à l'étranger. 2022. P. 2. DOI: 10.4000/baefe.4881
16. Nikolova V., Sinnyovsky D. Geoparks in the legal framework of the EU countries // Tourism management perspectives. 2019. Vol. 29. P. 143, 145. DOI: 10.1016/j.tmp.2018.11.007
17. Perotti L. et al. Fieldtrips and virtual tours as geotourism resources: examples from the Sesia Val Grande UNESCO Global Geopark (NW Italy) // Resources. 2020. Vol. 9. n. 6, 63. P. 4. DOI: 10.3390/resources9060063

18. Ruiz Pulpón, Á.R., Cañizares Ruiz, M.d.C. Enhancing the Territorial Heritage of Declining Rural Areas in Spain: Towards Integrating Top-Down and Bottom-Up Approaches // *Land*. 2020. No. 9 (216). P. 20. DOI: 10.3390/land9070216
19. Valente E. et al. Geotourism in the Cilento, Vallo di Diano and Alburni UNESCO Global Geopark (Southern Italy): The Middle Bussento Karst System // *Resources*. 2020. Vol. 9. n. 5, 52. P. 3. DOI: 10.3390/resources9050052
20. Zhang J. Interpretation of the criteria of UNESCO global geopark // *GEOLOGICAL REVIEW*. 2020. Vol. 66. No. 4. P. 880. DOI: 10.16509/j.georeview.2020.04.006
9. Briggs A., Newsome D. and Dowling R. A proposed governance model for the adoption of geoparks in Australia // *International Journal of Geoheritage and Parks*. 2021. P. 2, 3. DOI: 10.1016/j.ijgeop.2021.12.001
10. Cai Y. et al. Characteristics of geoparks in China and Japan: similarities and differences // *Geoheritage*. 2021. Vol. 13. No. 4. P. 11, 12. DOI: 10.1007/s12371-021-00628-x
11. Han J. et al. From geopark to sustainable development: Heritage conservation and geotourism promotion in the Huangshan UNESCO Global Geopark (China) // *Geoheritage*. 2018. Vol. 10. No. 1. P. 83. DOI: 10.1007/s12371-017-0227-2
12. Jia Z. et al. Geoheritage Classification and Assessment in Longyan Aspiring Geopark (China) // *Geoheritage*. 2022. Vol. 14. No. 1. P. 19. DOI: 10.1007/s12371-022-00653-4
13. Lukáč M., Štrba L., Černega A., Khouri S. Recent State Policy and Its Impact on Geopark Establishment and Operation in Slovakia // *Land*. 2021. 10:1069. P. 14. DOI: 10.3390/land10101069
14. Mammadova A. et al. Community Engagement in UNESCO Biosphere Reserves and Geoparks: Case Studies from Mount Hakusan in Japan and Altai in Russia // *Land*. 2022. Vol. 11. No. 2 (227). P. 13. DOI: 10.3390/land11020227
15. Nicoud E. et al. Géoarchéologie en contexte karstique dans la Maiella (Abruzzes, Italie). Prospections à visée géoarchéologique et analyses non invasives de l'art rupestre // *Bulletin archéologique des Écoles françaises à l'étranger*. 2022. P. 2. DOI: 10.4000/baefe.4881
16. Nikolova V., Sinnyovsky D. Geoparks in the legal framework of the EU countries // *Tourism management perspectives*. 2019. Vol. 29. P. 143, 145. DOI: 10.1016/j.tmp.2018.11.007
17. Perotti L. et al. Fieldtrips and virtual tours as geotourism resources: examples from the Sesia Val Grande UNESCO Global Geopark (NW Italy) // *Resources*. 2020. Vol. 9. n. 6, 63. P. 4. DOI: 10.3390/resources9060063
18. Ruiz Pulpón, Á.R.; Cañizares Ruiz, M.d.C. Enhancing the Territorial Heritage of Declining Rural Areas in Spain: Towards Integrating Top-Down and Bottom-Up Approaches // *Land*. 2020. No. 9 (216). P. 20. DOI: 10.3390/land9070216
19. Valente E. et al. Geotourism in the Cilento, Vallo di Diano and Alburni UNESCO Global Geopark (Southern Italy): The Middle Bussento Karst System // *Resources*. 2020. Vol. 9. n. 5, 52. P. 3. DOI: 10.3390/resources9050052
20. Zhang J. Interpretation of the criteria of UNESCO global geopark // *GEOLOGICAL REVIEW*. 2020. Vol. 66. No. 4. P. 880. DOI: 10.16509/j.georeview.2020.04.006

REFERENCES

1. Agafonov V.B. Legal regulation of environmental protection and environmental safety in the use of mineral resources: theory and practice: dis. ... Doctor of Law. M., 2014. P. 142 (in Russ.).
2. Arutyunyan M.S., Khismatullin O. Yu. Some problems of determining the legal regime of geoparks // *Agrarian and Land Law*. 2021. No. 12 (204). P. 11 (in Russ.).
3. Zlotnikova T.V. International and regional experience in the development of geoparks as a legal basis for changing environmental legislation // *The Rule of Law: Theory and Practice*. 2021. No. 4 (66). P. 42 (in Russ.).
4. Zlotnikova T.V. Modern trends in the legal regulation of the protection and use of specially protected natural territories // *Environmental Law*. 2019. No. 2. P. 14 (in Russ.).
5. Ibragimov V.B. Subsurface areas and specially protected natural territories in the current legislation // *Environmental Law*. 2020. No. 3. P. 22 (in Russ.).
6. Ibragimov V.B. Federal Law "On Specially Protected Natural Territories" and the Law of the Russian Federation "On Subsoil": the problem of harmonization of environmental and legal norms // *Environmental Law*. 2015. No. 1. P. 34 (in Russ.).
7. Luneva E.V. Organization of geoparks in Russia and features of their legal regime // *Lex russica*. 2021. Vol. 74. No. 9. P. 37. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.032-043 (in Russ.).
8. Shagapova R.A. Territorial zoning as a tool of the legal regime of geoparks // *Environmental Law*. 2021. No. 4. P. 4 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЛУНЕВА Елена Викторовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета; 420008 г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18

Author's information

LUNEVA Elena V. — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Ecological, Labor and Civil Procedure Law, Kazan (Volga Region) Federal University; 18 Kremlevskaya str., 420008 Kazan, Russia

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

ОТНОШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ
КАК РАЗНОВИДНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ
ОТНОШЕНИЙ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ХАРАКТЕРИСТИКА

© 2023 г. М. Н. Кобзарь-Фролова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: adminlaw@igpran.ru

Поступила в редакцию 29.07.2022 г.

Аннотация. Традиционно вопросы правового регулирования охраны и защиты человека и гражданина рассматриваются как один из аспектов правоохранительной деятельности. Социальные реалии позволяют утверждать, что в силу Конституции РФ сложился круг специфических общественных отношений административно-правовой охраны. Эти отношения регулируются нормами административного права, но пока не получили достаточного освещения и теоретического обоснования в научных трудах отечественных административистов.

Исследуемая проблематика представляет интерес как синтез правоприменительной практики (практической деятельности субъектов, уполномоченных в сфере административно-правовой охраны, в том числе в области охраны труда, здоровья человека, санитарно-эпидемиологического благополучия населения и проч.) и теории административно-правового отношения, где связи между органами публичной власти и человеком гармоничны и основаны на оптимальном балансе публичных и частных интересов.

Последовательно проводя соотношение понятий терминов «охрана» и «защита», основываясь на исторических и теоретико-правовых представлениях о данных терминах, формулируется вывод о том, что их содержание и назначение различные. А объект административно-правовой охраны иной, нежели объект полицейской защиты. Также он имеет отличия от деятельности органов юстиции.

Использование сравнительно-правового, системно-аналитического, формально-логического и иных методов научного познания позволило обозначить систему административно-правовых мер, способов и приемов, посредством которых Правительство РФ обеспечивает охрану конституционных прав и свобод человека и гражданина, создает гарантии их реализации и осуществляет контроль (надзор) за исполнением соответствующих обязанностей, возложенных на уполномоченные органы публичной власти. В статье проанализированы назначение и содержание административно-охранительной деятельности, определен круг уполномоченных органов (субъектов) административно-правовой охраны, выделены элементы административно-правовой охраны, приведен перечень мер административно-правовой охраны.

Ключевые слова: охрана, защита, права и свободы, правовые отношения, административное право, объект и субъекты административно-правовой охраны, баланс публичного и частного интереса, обеспечение охраны конституционных прав и свобод.

Цитирование: Кобзарь-Фролова М. Н. Отношения административно-правовой охраны как разновидность административно-правовых отношений: понятие, содержание, характеристика // Государство и право. 2023. № 2. С. 83–97.

DOI: 10.31857/S102694520024324-7

RELATIONS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROTECTION
AS A VARIETY OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL RELATIONS:
CONCEPT, CONTENT, CHARACTERISTICS

© 2023 M. N. Kobzar-Frolova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: adminlaw@igpran.ru

Received 29.07.2022

Abstract. Traditionally, the issues of legal regulation of the protection and protection of man and citizen are considered as one of the aspects of law enforcement. Social realities allow us to assert that, by virtue of the Constitution of the Russian Federation, a circle of specific public relations of administrative and legal protection has developed. These relations are regulated by the norms of administrative law, but have not yet received sufficient coverage and theoretical justification in the scientific works of domestic administrationists. The studied problems are of interest as a synthesis of law enforcement practice (the practical activities of subjects authorized in the field of administrative and legal protection, including in the field of labor protection, human health, sanitary and epidemiological welfare of the population, etc.) and the theory of administrative and legal relations, where the relations between public authorities and a person are harmonious, and based on an optimal balance of public and private interests.

Consistently carrying out the correlation of the concepts of the terms “protection” and “protection”, based on historical and theoretical-legal ideas about these terms, the conclusion is formulated that their content and purpose are different. And the object of administrative and legal protection is different from the object of police protection. It also has differences from the activities of the judicial authorities.

The use of comparative-legal, system-analytical, formal-logical and other methods of scientific cognition made it possible to identify a system of administrative-legal measures, methods and techniques through which the Government of the Russian Federation ensures the protection of constitutional rights and freedoms of man and citizen, creates guarantees for their implementation and exercises control (supervision) over the performance of the relevant duties assigned to authorized public authorities. The article analyzes the purpose and content of administrative and protective activities, defines the circle of authorized bodies (subjects) of administrative and legal protection, identifies elements of administrative and legal protection, provides a list of administrative and legal protection measures.

Key words: protection, protection, rights and freedoms, legal relations, Administrative Law, object and subjects of administrative and legal protection, balance of public and private interests, ensuring the protection of constitutional rights and freedoms.

For citation: Kobzar-Frolova, M.N. (2023). Relations of administrative and legal protection as a variety of administrative and legal relations: concept, content, characteristics // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 83–97.

Введение

Долгое время административное право развивалось как отрасль права, регулирующая управленческие отношения¹, или как отношения, «складывающиеся в сфере государственного управления»², среди которых весьма скромное место отводилось отношениям административно-правовой охраны. Традиционно вопросы правового регулирования охраны и защиты человека и гражданина рассматриваются как один из аспектов правоохранительной деятельности³. Видный ученый, теоретик административного права К.С. Бельский при исследовании функций исполнительной власти, опираясь на труды Г. Гегеля⁴ и Н.М. Коркунова, писал, что в её

функциях воплощается основное назначение государства — охранять внутренний и внешний мир общества⁵. А в качестве основной выделял функцию охраны общественного порядка и обеспечения безопасности, реализовать которую призваны правоохранительные органы⁶. Продолжая свои исследования в данной тематике, К.С. Бельский доказывал, что указанная группа отношений охватывается нормами полицейского права⁷.

На заре зарождения советского административного права (начало XX в.) разработчики его основ (А.И. Елистратов, А.Ф. Евтихийев⁸, В.Л. Кобалевский⁹ и др.) среди видов административно-правовых отношений специально не выделяли такую их разновидность, как отношения административно-правовой охраны. К примеру, А.И. Елистратов писал: «Административное право задается целью упорядочить отношения между людьми в сфере

¹ См., напр.: *Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М.* Административное право Российской Федерации. М., 1996; *Старилов Ю.Н.* Курс общего административного права: в 3 т. Т. I: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. М., 2002; *Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н.* Административное право: учеб. 3-е изд., пересмотр. и доп. М., 2008.

² *Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров Ю.Н.* Административное право России: учеб. М., 2010. С. 55 (абз. 2).

³ См., напр.: *Галузо В.Н.* Теория правоохраны в Российской Федерации: pro et contra // Государство и право. 2012. № 11. С. 110–113; *Его же.* Теория правоохраны Российской Федерации. М., 2022; *Редкоус В.М.* Теоретическое обоснование правоохраны в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Государство и право. 2022. № 5. С. 188–192.

⁴ См.: *Гегель Г.Ф.* Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 3. С. 357.

⁵ См.: *Бельский К.С.* О функциях исполнительной власти // Государство и право. 1997. № 3. С. 14–19.

⁶ См.: там же. С. 15, 16.

⁷ См.: *Бельский К.С.* К вопросу о предмете административного права // Государство и право. 1997. № 11. С. 19.

⁸ См.: *Евтихийев А.Ф.* Основы советского административного права. Харьков, 1925.

⁹ См.: *Кобалевский В.Л.* Очерки советского административного права. Харьков, 1924.

государственного управления»¹⁰. Советское государство ставит перед собой задачи и несет в связи с этим обязанности, направленные на обеспечение безопасности страны, охранение народного здоровья, попечение о народном образовании, вмешательство в экономику и проч. Задачи и обязанности государства многообразны¹¹. То, что имело отношение к проблемам правовой защиты человека, А.И. Елистратов связывал с деятельностью органов юстиции. Он писал о том, что акты органов юстиции служат важнейшим элементом правового порядка, исключая возможность произвола и усмотрения в административных отношениях. Органы административной юстиции имеют своей целью проверить содержание и правомерность актов управления и констатировать на этой основе факт нарушения субъективного права гражданина¹².

В конце 30-х — начале 40-х годов прошлого столетия С.С. Студеникин, будучи научным сотрудником Института государственного права АН СССР (ныне — Институт государства и права РАН), по заданию А.Я. Вышинского, разрабатывая основы теории советского административного права, опирался на нормы Конституции СССР 1936 г., впервые закрепившей права и свободы советских граждан. Предмет административного права С.С. Студеникин однозначно связывал с охраной прав граждан. В этом он усматривал действие принципа социалистической законности, проявление которого и есть охрана и защита прав и интересов трудящихся¹³. Уместно уточнить, что вопросы охраны конституционных прав граждан С.С. Студеникин соотносил с воплощением в жизнь идей социализма, достижениями социалистического строительства и теми ориентирами, которые были провозглашены Конституцией СССР 1936 г. В его научных работах немалое место отведено проблемам обеспечения охраны прав советских граждан. Ученый писал о том, что обеспечение охраны прав граждан достигается методами, приемами и способами, выработанными административным правом. К важнейшим из них ученый относил меры, обеспечивающие исполнительно-распорядительную деятельность: административно-правовое регулирование, меры, обеспечивающие законность, включая меры административного принуждения, контроль (надзор), административную юстицию¹⁴.

¹⁰ Елистратов А.И. Основные начала административного права. 2-е изд., испр. и доп. М., 1917. С. 2, 3.

¹¹ См.: там же.

¹² См.: там же. С. 4–7.

¹³ См.: Студеникин С.С. Советское административное право: учеб. М., 1945.

¹⁴ См.: там же. С. 26–36.

А.Е. Лунев, В.Ф. Коток и другие представители советской науки административного права эффективным способом обеспечения гарантий прав граждан признавали судебную защиту¹⁵.

Административное право — одна из наиболее динамично развивающихся отраслей системы российского права. Оно тесно связано прежде всего с конституционным правом, поскольку его нормы направлены на претворение в жизнь государственной политики, реализацию положений, закрепленных в Конституции РФ, и в первую очередь охрану конституционных прав и свобод человека и гражданина. Достаточно обратиться к нормам Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в ст. 1 которого прямо сказано: *задачами законодательства об административных правонарушениях являются защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина* и др.¹⁶

Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г.¹⁷ были качественно обновлены отдельные положения Основного Закона, соответствующие тем политическим и экономическим реалиям, которые уже существуют, и стратегическим ориентирам развития общества и государства на долгосрочную перспективу. Принятие поправки не могло не отразиться на законодательстве, по сути, содержании и разнообразии административно-правовых отношений.

Однако многие наши современники — теоретики административного права придерживаются консервативных взглядов на характер и пути развития административно-правовых отношений и неохотно признают, что предмет административного права эволюционирует вместе с теми отношениями, которые регулируются нормами административного права¹⁸.

Между тем социальные реалии российского общества позволяют утверждать, что в силу требований Конституции РФ сложился и набирает вес круг специфических общественных отношений административно-правовой охраны. Эти отношения

¹⁵ См., напр.: Личность, общество и государство / отв. ред.: В.Ф. Коток и В.С. Тадевосян. М., 1966. С. 220–224; Лунев А.Е. Обеспечение законности в советском государственном управлении. М., 1963. С. 59–69.

¹⁶ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I), ст. 1.

¹⁷ См.: Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

¹⁸ См., напр.: Кобзарь-Фролова М.Н. Традиционные и модернизированные подходы к сути и содержанию предмета и метода административного права // Административное право и процесс. 2019. № 11. С. 13–20; Её же. Административное правоотношение: понятие, эволюция взглядов // Государство и право. 2022. № 4. С. 90–102.

регулируются нормами административного права, но пока не получили достаточного освещения и теоретического обоснования в научных трудах ответственных административистов.

Постановка проблемы

Общеизвестно, когда в правоприменительной практике органов юстиции возникает терминологическая проблема, то особая роль в ее разрешении отводится юридической науке, основная задача которой — познание объективной реальности. В результате на основе полученных новых знаний появляется возможность передать правоприменителю, прежде всего судье и законодателю, правильное понимание позитивного права, продемонстрировать существенные черты реальности либо показать обществу различие между социальной реальностью и законами природы.

Изучение публикаций, близких к избранной теме статьи, выявило тот факт, что ученых и специалистов интересует преимущественно практико-ориентированная сторона охраны (защиты) конституционных прав, в том числе реализация государственных гарантий на охрану социально значимых прав и свобод (например, охрану здоровья, образования, семейных ценностей, охрану труда и др.). Более всего проблемы правовой охраны и защиты, включая охрану и защиту прав и свобод человека и гражданина, анализируются в рамках изучения правоохранительной деятельности органов внутренних дел, в отдельных работах, посвященных полицейским отношениям. Специальных комплексных (системных) административно-правовых исследований по данной проблематике обнаружить не удалось.

Между тем исследуемая проблематика представляет интерес как синтез правоприменительной практики (практической деятельности субъектов, уполномоченных в сфере охраны, в том числе в области охраны труда, здоровья человека, санитарно-эпидемиологического благополучия населения и проч.) и теории административно-правового отношения, где общественные связи между органами публичной власти и человеком гармоничны и основаны на оптимальном балансе публичных и частных интересов. О важности синтеза науки и практики в свое время писал О.С. Иоффе: такой синтез «способствует укреплению законности, усилению охраны прав граждан, укреплению правопорядка»¹⁹. Таким образом, есть веские основания утверждать, что заявленная тема статьи актуальна.

Теоретики права рассматривают отношения правовой охраны во взаимосвязи с действием

¹⁹ Иоффе О.С. Спорные вопросы учения о правоотношении / Очерки по гражданскому праву: сб. статей [К 70-летию со дня рождения и 45-летию науч.-пед. деятельности А.В. Венедиктова] / отв. ред. О.С. Иоффе. Л., 1957. С. 21–64.

регулятивной функции государства и применением мер юридической ответственности. Так, С.С. Алексеев среди функций регулятивной нормы полагал возможным выделить охранительную, суть которой — закрепить в правовой норме меры государственного принуждения, определять процессуальный порядок, условия наказания и условия освобождения от ответственности и проч.²⁰

Здесь уместно подчеркнуть, что публично-правовая охрана и защита личных прав — это достояние демократии, неотъемлемый атрибут демократического общества. Никакое иное общество не ставило перед собой цели и задач обеспечения защиты и охраны прав и свобод своих граждан. Конституция РФ 1993 г. признает: человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2), и закрепляет универсальную для всех органов публичной власти конституционную обязанность эти права и свободы признавать (ч. 1 ст. 17) и гарантировать, нести ответственность за их необеспечение (ст. 113).

Конституционная триада *обязанность — гарантии — ответственность* осуществляется в различных формах, разными органами публичной власти, на всех уровнях. Несоблюдение данной формулы, игнорирование или бездеятельность караются мерами государственного принуждения. Таким образом, Конституция РФ установила правило (требование) о том, что права и свободы человека, их осуществление — это сфера не только личной заинтересованности человека — это сфера обязанностей государства, прежде всего органов исполнительной власти и органов местного самоуправления. В.Д. Зорькин выразил мнение, что Конституцией РФ закреплена система гарантий гражданско-правового, уголовно-правового, административно-правового и процессуального характера. Все это позволяет дать человеку и гражданину средства эффективной правовой защиты его прав и свобод в отношениях с государством и органами государства²¹.

По данному вопросу высказывались и многие известные административисты, научные сотрудники Института государства и права РАН. К примеру, Б.М. Лазарев писал, что отношения гражданина и государства должны выстраиваться согласно конституционным принципам — «уважение личности, охрана прав и свобод граждан». Это есть «обязанность всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц»²².

²⁰ См.: Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд., перераб. М., 1995. С. 285–287.

²¹ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М., 2011.

²² Лазарев Б.М. Что такое правовое государство? // Право в нашей жизни. 1990. № 1. С. 120.

В 2001 г. Ю.А. Тихомиров подметил: «симпатии» постсоветского административного права повернулись от управления в чистом виде к регулированию, к созданию определенных рамок и требований, к «сугубо нормативным способам воздействия» на граждан и общество²³. Н.Ю. Хаманева соглашалась с тем, что административные правоотношения, возникают в регулятивной и охранительной административной деятельности²⁴.

Д.Н. Бахрах выделял три объемные по своему содержанию группы общественных отношений: 1) регулятивные (связанные с созидательной деятельностью публичной администрации); 2) охранительные; 3) отношения административного судопроизводства. Охранительную деятельность государства он называл частью организующей функции исполнительной власти. «Охранительная работа — это защита прав личности, собственности, нормальных условий существования государства, общества, граждан». Рассуждая о предмете административного права, Д.Н. Бахрах писал: «Предметом административного права являются обе стороны функционирования публичной администрации: созидательная (“активная администрация”) и охранительная (“пассивная администрация”)²⁵. Вместе с тем значение охранительной функции ученый отождествлял с юрисдикционной деятельностью органов исполнительной власти, которые в силу закона «наделены полномочиями по применению к юридическим и физическим лицам мер государственного (административного) принуждения в случае, если указанными лицами нарушаются нормы законодательства»²⁶.

Ю.Н. Стариков убежден в том, что охранительная функция государственного управления присуща т.н. принуждающему управлению и является необходимым элементом демократического правового порядка. Классифицируя разновидности административно-правовых отношений, ученый выделил из них две группы: охранительные и регулятивные. При этом охранительные административно-правовые отношения он сопоставил с деликтными²⁷.

Наиболее основательны и аргументированы, как представляется, суждения П.И. Кононова и А.И. Стахова. Рассматривая предмет административного права начала XXI в., они прямо

называют в качестве его составной части нормы, которые «регулируют посредством использования специальных методов общественные отношения в сфере административно-распорядительной и административно-охранительной деятельности государства, складывающиеся по поводу обеспечения исполнения физическими лицами и организациями, органами государственной власти и органами местного самоуправления, их должностными лицами норм законодательства»²⁸.

Изучение научных работ по полицейскому праву, посвященных проблемам защиты и охраны граждан, показало, что они опираются главным образом на нормы Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021 г.) «О полиции»²⁹. В нормах данного нормативного правового акта определено основное предназначение российской полиции: *защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности*. Комментируя нормы указанного Федерального закона, Ю.Е. Аврутин, С.П. Булавин, Ю.П. Соловей и В.В. Черников делают акцент на социальное предназначение полиции³⁰. Они, в частности, пишут: «Жизнь, здоровье, права и свободы граждан есть самостоятельный объект полицейской защиты независимо от того, угрожают ли охраняемым ценностям преступные и иные противоправные посягательства». Со ссылкой на Конституцию РФ авторы утверждают: защита здоровья выступает одним из высших благ человека, без которого могут утратить значение многие другие блага, возможность пользоваться другими правами, в этом есть приоритеты социального назначения полиции. Защита прав и свобод человека и гражданина осуществляется полицейскими мерами, предусмотренными Федеральным законом «О полиции»³¹. Из приведенного комментария ученых правомерен вывод о том, что объектом полицейской защиты являются сам человек, его жизнь, физическое состояние и здоровье, а также связанные с ними права и свободы граждан.

Осмелимся предположить, что объект административно-правовой охраны в Российской Федерации все же несколько иной — это основанные на конституционных принципах права и свободы, гарантированные человеку, в том числе те, что связаны с жизнью, здоровьем, благополучием и проч.

²³ См.: Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс: полный курс. М., 2001. С. 59.

²⁴ См.: Административное право России: курс лекций / под ред. Н.Ю. Хаманевой. М., 2007. С. 3.

²⁵ Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Указ. соч. С. 64–66.

²⁶ Там же. С. 53.

²⁷ См.: там же. С. 172, 173.

²⁸ Стахов А.И., Кононов П.И. Административное право России: учеб. для бакалавров. М., 2014. С. 29.

²⁹ См.: СЗ РФ. 2011. № 7, ст. 900.

³⁰ См.: Аврутин Ю.Е., Булавин С.П., Соловей Ю.П., Черников В.В. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный). М., 2012. С. 4–7.

³¹ Там же.

Следует сказать, что для русского литературного языка термин «охрана» является относительно недавно возникшим. До середины XIX в. ни в одном толковом словаре он не встречается. В старославянских морфемах попадаются корни -хорон-, -хран-, употребляемые в словах «хоронить», «похороны», но не в современном их значении, а применительно к созданию условий безопасного состояния вещи или человека (людей). Впервые характеристику существительного «охрана» и действия (по глаголу) «охранять» в 1881 г. дал В.И. Даль. В качестве примеров названы: охранное войско; охранный лист, данный властью; отдать деньги под охрану; врачебная охрана (в обширном значении)³².

Учитывая изложенное, есть основание выразить убежденность в том, что отношения административно-правовой охраны имеют место в тех случаях, когда необходимо *создать условия и обеспечить* гарантии реализации прав и свобод граждан в первую очередь на охрану их жизнедеятельности (здоровья, труда, обучения, природы и проч.). В полной мере следует согласиться с В.И. Далем в том, что размещение финансовых средств в кредитных организациях обеспечено охраной сберегательного права граждан. Сводить отношения административно-правовой охраны к области административной юрисдикции, значит сделать их примитивными, «бедными». Круг этих отношений намного шире и многообразнее.

Основоположники зарубежного полицейского права (Ф. Моль, Якоб и др.) полагали, что под полицией разумеются учреждения в государстве, имеющие целью отстранять и удалять возникшие препятствия, стоящие на пути ко всестороннему развитию человеком его способностей, которые собственными его силами удалены быть не могут. Известный дореволюционный государствовед и полицейист И.Е. Андриевский писал, что такая позиция не вполне точна. Он утверждал, что смысл полицейской деятельности заключается в наблюдении за деятельностью хозяйствующих субъектов, предприятий, организаций и прочих с целью обеспечить защиту и условия безопасности и благополучия человеку. Поскольку именно это есть два основных условия жизни, развития человека и обладания некими возможностями³³. При этом под обеспечением условий безопасности ученый понимал удаление опасностей. Условиями безопасности обеспечивается предупреждение и пресечение

³² См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. М., 1881. Т. 2. С. 802.

³³ См.: *Андриевский И.* Полицейское право. Соч. СПб., 1871. Т. 1. Введение. Понятие полицейского права. С. 1–5.

опасностей, могущих грозить как от злой воли людей, так и от силы природы³⁴.

Учитывая изложенное, сложилось стойкое представление о том, что социальное назначение терминов «охрана» и «защита» различно. *Правовая охрана отношений требуется в целях создания условий их безопасности*, тогда как правовая защита необходима в случае, если возникли обстоятельства или условия, создающие угрозу жизни гражданина, его здоровью, охраняемым отношениям и интересам.

Правовое регулирование отношений административно-правовой охраны в условиях эпидемии и угрозы заражения новыми инфекциями, в особенности правоприменение, складывается конфликтно. Это подтверждается посредством анализа норм, в которых закрепляли запреты, ограничения, отдельные защитные меры, вводимые законодателем и органами местного самоуправления и направленные на предупреждение распространения случаев заражения, обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Нередки случаи противодействия применяемым административно-правовым мерам охраны со стороны малообразованных, недостаточно информированных лиц и особенно убежденных ярых противников вводимых ограничений и запретов. Часто недовольные граждане, ковид-диссиденты, ссылались на незаконность вводимых мер и ограничений их свободы. Было очевидно, что у органов публичной власти и их должностных лиц не было достаточного и, главное — убедительного и аргументированного правового обоснования вводимых мер и ограничений. Во многом это объясняется отсутствием теоретико-правовых исследований, недостаточной пропагандой и существующими пробелами в механизме административно-правового регулирования отношений по обеспечению охраны граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия на определенной территории, в том числе в условиях эпидемий и распространения различных инфекций. Вот почему большая роль в такой ситуации отводится юридической науке.

Представляется возможным согласиться с мнением А.И. Стахова и П.И. Кононова³⁵ в том, что при существующем уровне юридической науки и состоянии действующего законодательства в Российской Федерации появилась необходимость развивать исследование обозначенной группы (разновидности) общественных отношений. Прежде всего следует предложить и обосновать концептуальный подход к пониманию сути «административно-охранительных отношений» как составной части административно-правовых отношений. Что это значит?

³⁴ См.: там же. С. 1.

³⁵ См.: *Стахов А.И., Кононов П.И.* Указ. соч. С. 29.

Думается, это связано с необходимостью: 1) исследовать содержание, дать характеристику данной группы правовых отношений; 2) выявить особенности и продемонстрировать связи с иными видами административно-правовых отношений; 3) изучить (административно-правовой) механизм их действия, в т.ч. по обеспечению охраны и защиты человека в условиях действия эпидемий и разновидностей инфекционных заболеваний; 4) выработать научно обоснованные рекомендации, направленные на эффективность действия мер административно-правовой охраны.

Назначение и содержание административно-охранительной деятельности

А.И. Стахов и Н.В. Ландерсон предприняли попытку описать сферу административно-охранительной деятельности государства и определить ее содержание. Вместе с тем уместно обратить внимание на то, что ученые раскрывают этот вид деятельности, вводя новый термин — «защищенность». Его содержанием являются как охрана, так и защита. Под административно-охранительной деятельностью государства А.И. Стахов и Н.В. Ландерсон предлагают понимать систему общественных отношений, в которой публичная администрация на основании и в соответствии с нормами административного права осуществляет от имени публичных образований (Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований) деятельность по обеспечению исполнения норм законодательства Российской Федерации в целях обеспечения защищенности (охраны и защиты) публичных и частных прав³⁶. Защита законных интересов граждан и их объединений осуществляется «посредством выполнения таких административно-публичных функций, как административное санкционирование, противодействие административным деликтам и административным казусам, разрешение споров, имеющих административно-публичное значение, административно-принудительное исполнение публичных обязательств»³⁷. Ценность научной позиции А.И. Стахова и Н.В. Ландерсон заключается в том, что они отграничивают данный вид деятельности органов публичной власти от более узкого понимания, принятого в науке ранее, — от сферы применения мер административной ответственности. Указанные авторы наполняют сферу административно-охранительной деятельности ее истинным содержанием, демонстрируют ее многофункциональность, связывая с выполнением публичными органами различных функций, направленных на

обеспечение исполнения норм законодательства, в целях обеспечения защищенности (охраны и защиты) публичных и частных прав. Они находят подтверждение правильности своих умозаключений в положениях Конституции РФ (ст. 10, 12, 18, 118). На основании чего они формулируют вывод о том, что данный вид государственной деятельности осуществляют: Президент РФ, суды, прокуратура, иные государственные органы самостоятельно и во взаимодействии с публичной администрацией. Президент РФ издает нормативные правовые акты соответствующей направленности; судебная власть осуществляет отправление правосудия по делам об административных деликтах и делам об урегулировании споров. Прокуратуре отводится особая роль — обеспечение законности в деятельности публичной администрации.

Выделение в группе административно-правовых отношений особой группы отношений административно-правовой охраны и их описание необходимо по многим причинам. Среди них на первое место следует поставить вполне объективную причину, а именно качественное обновление отдельных положений Конституции РФ в результате принятия Закона РФ о поправке к Конституции Российской Федерации в 2020 г. Особо следует отметить то, что теперь на конституционном уровне на Правительство РФ возложена обязанность по обеспечению и проведению единой социально ориентированной государственной политики, в том числе реализация мер по обеспечению и охране прав и свобод граждан (п. «в» ч. 1 ст. 114). В этой части полномочия Правительства РФ закреплены в нормах Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»³⁸.

В соответствии с указами, распоряжениями и поручениями Президента РФ Правительство РФ координирует деятельность федеральных министерств и иных федеральных органов исполнительной власти. За ним закреплена обязанность организовать работу подведомственных органов исполнительной власти, осуществляя их взаимодействие и обеспечивая контроль за результатами их деятельности. Правительство РФ наделено правом участия в формировании единых правовых основ обеспечения безопасности и охраны прав и свобод граждан. Задача выработки мер по реализации гражданами своих конституционных прав и гарантий также возложена на Правительство РФ, которое обязано обеспечить их соблюдение. Все это новые аспекты работы Правительства РФ и подведомственных федеральных органов исполнительной власти, которую они осуществляют во взаимодействии с органами исполнительной

³⁶ См.: Стахов А.И., Ландерсон Н.В. Публичная администрация в России: понятие, система и структура // Административное право и процесс. 2021. № 10. С. 4–15.

³⁷ Там же.

³⁸ См.: СЗ РФ. 2020. № 45, ст. 7061.

власти субъектов Российской Федерации, а также исполнительными органами местного самоуправления. Роль науки административного права здесь имеет особое значение ввиду того, что в вопросах теоретико-правового обоснования сложившегося положения, включая выработку понятийного аппарата, в определенной мере пока существует вакуум, который необходимо заполнить.

Еще одна причина обусловлена угрозой возникновения и молниеносного распространения нового, ранее неизвестного человечеству вируса COVID-19 и иных негативных явлений, связанных с влиянием вирусных заболеваний³⁹. Конечно, острота проблемы по большей части уже сошла на нет, но риск возникновения новых подобных угроз остается весьма высоким.

Важно заметить, что юридическая сторона проблемы и ее решение связаны не с вопросами о тяжести течения заболевания, а с необходимостью выработки административно-правового механизма предотвращения угрозы действующей системе здравоохранения Российской Федерации и каждому человеку в отдельности. Потери, которые понес бюджет государства в целом, бюджеты субъектов Российской Федерации и местного самоуправления, опосредованные затратами, направленными на предотвращение угрозы пандемии и последствиями заболевания, весьма существенны. Мероприятия, которые были введены правительствами большинства государств, где распространялась пандемия, не только дали положительный эффект в борьбе с угрозой заболевания, но и привели к разорению огромного количества предприятий малого и среднего бизнеса, возросла безработица, нарушились транспортно-логистические связи и многие другие.

Путем проб и ошибок ситуацию удалось стабилизировать и взять под контроль. Правительство РФ применило самые разнообразные меры административно-правовой охраны: организационно-правовые, санитарно-эпидемиологические, информационные, финансово-правовые меры и проч.

Нормативно-правовое регулирование в сфере административно-правовой охраны обеспечено федеральным законодательством и таковым же субъектов Российской Федерации, актами Президента РФ и Правительства РФ, актами исполнительных органов субъектов Российской Федерации, актами органов местного самоуправления, направленными на обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина; обеспечение

гарантий конституционных прав и свобод, их соблюдения, контроля (надзора) за своевременным и полным исполнением возложенных на уполномоченные органы обязанностей по обеспечению конституционных прав и свобод граждан и их объединений.

Особо следует выделить такие **меры административно-правовой охраны**, как правовое регулирование и регламентация действий и процедур (т.е. меры, обеспечивающие исполнительно-распорядительную деятельность); введение обязательных требований, запретов и ограничений; меры, обеспечивающие законность, включая контроль (надзор), административную юстицию; установление мер ответственности и многие другие.

Использование сравнительно-правового, системно-аналитического, формально-логического и иных методов научного познания сделало возможным обозначить систему административно-правовых мер, способов и приемов, посредством которых Правительство РФ обеспечивает охрану конституционных прав и свобод человека и гражданина, создает гарантии их реализации и осуществляет контроль (надзор) за своевременным и полным исполнением соответствующих обязанностей, возложенных на уполномоченные органы публичной власти.

Исследовательский интерес вызвал анализ норм законодательства, обеспечивающих право граждан на образование, охрану труда и здоровье россиян. Этот анализ позволяет сделать вывод, что законодательно уже разработана система мер, направленных на охрану основных конституционных прав и свобод граждан и их объединений в соответствующих отраслях. Например: государственное нормативное правовое регулирование, включая такие меры, как стандартизация, нормирование, лицензирование, регистрация и прочие; предупреждение правонарушений и профилактика; контроль (надзор), в том числе за соблюдением требований, запретов, ограничений; мониторинг; ведение статистики; установление мер информационной безопасности, соблюдение тайны и неразглашение сведений; введение Единых государственных информационных систем (ЕГИС) и др.

К примеру, конституционное право граждан на труд в безопасных условиях, охрана здоровья и медицинская помощь обеспечиваются такими мерами, как установление безопасных и благоприятных условий труда; создание условий для ведения здорового образа жизни и обеспечение быта и отдыха, воспитания и обучения граждан; организация лечебного питания, проведение профилактических медицинских осмотров, диспансеризация; социальное и медицинское страхование; охрана окружающей среды и др.

³⁹ См. об этом: Полянко Н.И., Галузо В.Н. О роли права в предупреждении пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) в Российской Федерации // Актуальные исследования. 2020. № 8. С. 8–14.

Особое место среди мер административно-правовой охраны занимают меры ответственности. В Российской Федерации сформировалась система мер ответственности органов государственной власти и органов местного самоуправления, должностных лиц организаций за необеспечение и / или ненадлежащее соблюдение конституционных прав и свобод человека. К ним относятся меры гражданско-правовой, административной, дисциплинарной и уголовной ответственности.

Так, Трудовой кодекс РФ⁴⁰ закрепляет систему гарантий охраны труда работников (например, ст. 185¹, 209 и проч.). Основными принципами обеспечения безопасности труда являются: предупреждение и профилактика опасностей; минимизация повреждения здоровья работников. Государственное управление охраной труда осуществляется непосредственно Правительством РФ, а также по его поручению Минтрудом России и иными федеральными органами исполнительной власти в пределах их полномочий (часть первая ст. 211 ТК РФ). Государственными нормативными требованиями охраны труда устанавливаются правила, процедуры, критерии и нормативы, направленные на сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности (ст. 212 ТК РФ)⁴¹.

Гражданским законодательством установлена обязанность возмещения вреда при его причинении и / или неисполнении контрагентом договорных либо иных обязательств.

Именно таким образом проявляется специфика отношения административно-правовой охраны. Она заключается в переплетении норм административного права и норм иных отраслей права (конституционного, гражданского, трудового, уголовного и др.). Нормами административного права обеспечиваются и гарантируются принципы конституционного права и достоинства гражданского, трудового, семейного права и иных отраслей⁴². И здесь уместно вспомнить труды одного из

классиков российского административного права – Ю.М. Козлова. Ученый относил охрану прав и свобод человека к элементам механизма, обеспечивающего гарантии юридических прав, и законных интересов граждан⁴³.

Элементы отношений административно-правовой охраны

На основании изложенного можно утверждать, что отношения административно-правовой охраны есть разновидность административно-правовых отношений. Они урегулированы нормами административного права, каждый из участников отношений наделяется правовой нормой правами и обязанностями, – следовательно, между участниками возникают правовые отношения. Это публичные отношения в сфере административно-правового регулирования. Причем охранительная норма есть составная часть нормы регулятивной, исходящей от публичной власти.

Следуя классической формуле о том, что каждое правовое отношение имеет неотъемлемые элементы: объект, предмет, содержание, – рассмотрим их. А.И. Елистратов к основным элементам публично-правоотношения относил следующие: 1) правовая обязанность; 2) субъективное право или правомочия (т.е. долженствования и возможности), которые создаются правовыми нормами для участников (субъектов); 3) субъекты; 4) объекты⁴⁴. При этом ученый особо подчеркивал: субъектом можно признавать только юридически самостоятельное лицо, определяющее свою жизнь собственной жизнедеятельностью⁴⁵. Субъектом публичных обязанностей и прав называют дееспособных участников публично-правовых отношений, призванных к осуществлению публичных правомочий и обязанностей⁴⁶.

Отношения административно-правовой охраны – это двусторонние (и более) отношения. Каждая из сторон обладает правами, обязанностями, несет ответственность. В отношениях административно-правовой охраны не может быть двух граждан. Дело в том, что один гражданин не может охранять права и свободы другого гражданина. Он может только признавать и соблюдать их, тем самым не нарушая прав и свобод другого человека. Инициатором отношений может быть человек (группа людей), например, когда его права и свободы не обеспечены или не соблюдаются. Поэтому одной из сторон отношений административно-правовой

⁴⁰ См.: СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I), ст. 3.

⁴¹ Проблемы соблюдения трудового законодательства и защиты трудовых прав административно-правовыми средствами (государственный контроль (надзор)) поднимались А.А. Гришковцом (см.: *Гришковец А.А.* Государственный контроль за соблюдением трудового законодательства как характерный пример системного регулирования трудовых отношений нормами публичного и частного права (новое в государственном контроле в сфере труда) // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества: материалы VI Всеросс. науч.-практ. конф. (г. Нижний Новгород, 1 июля 2021 г.) / отв. ред. А.В. Мартынов. Н. Новгород, 2021. С. 266–279).

⁴² См.: *Виноградова Е.В.* Конституционно-правовые и международно-правовые основы обеспечения безопасности // Взаимодействие правоохранительных органов и специальных служб государств – участников СНГ в сфере борьбы с преступностью: сб. науч. тр. М., 2021. С. 34–37.

⁴³ См.: *Козлов Ю.М.* Административные правоотношения. М., 1976. С. 33–35.

⁴⁴ См.: *Елистратов А.И.* Указ. соч. С. 69, 70.

⁴⁵ См.: там же. С. 76, 77.

⁴⁶ См.: там же. С. 78, 79.

охраны всегда выступает орган публичной власти, наделенный полномочиями в области охраны основных (прежде всего конституционных) прав и свобод человека.

Субъектный состав представляет особый интерес. К субъектам отношений административно-правовой охраны относятся: Президент РФ как глава государства, гарант Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина; Правительство РФ, орган исполнительной власти, который координирует деятельность федеральных министерств и иных федеральных органов исполнительной власти. Субъектами являются федеральные министерства и иные федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, которые в первую очередь уполномочены на обеспечение охраны прав и свобод граждан и находятся в ведении Правительства РФ. Например, Министерство здравоохранения РФ как уполномоченный орган в сфере здравоохранения, охраны здоровья человека, профилактики заболеваний, в том числе инфекционных, санитарно-эпидемиологического благополучия населения⁴⁷.

Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор) — осуществляет охрану здоровья граждан, разрабатывает правила и типовые положения, принимает стандарты в сфере здравоохранения, осуществляет функции по контролю и надзору в сфере здравоохранения и др. К полномочиям Росздравнадзора отнесено осуществление проверок соблюдения органами государственной власти Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами, осуществляющими медицинскую и фармацевтическую деятельность, организациями и индивидуальными предпринимателями прав граждан в сфере охраны здоровья граждан (п. 5.1.7, 5.8).

Федеральная служба в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор) — действует в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 322. Роспотребнадзор, осуществляя охранительную деятельность, обладает полномочиями по организации и осуществлению федерального государственного санитарно-эпидемиологического контроля (надзора), федерального государственного лицензионного контроля (надзора) за деятельностью в области использования возбудителей инфекционных заболеваний человека и иными. Роспотребнадзор осуществляет контроль (надзор) за

исполнением обязательных требований законодательства Российской Федерации в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защиты прав потребителей и проч.

Мероприятия, проводимые указанными федеральными исполнительными органами и иными публичными органами, наделенными полномочиями в сфере охраны здоровья, осуществляются на основе признания, соблюдения и защиты прав граждан и в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Охрану здоровья осуществляют также исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы управления в сфере охраны здоровья и иные, а также медицинские и фармацевтические организации, организации здравоохранения по обеспечению надзора в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, судебно-экспертные учреждения, иные организации и их обособленные подразделения, осуществляющие деятельность в сфере охраны здоровья. На муниципальном уровне охрану здоровья осуществляют органы местного самоуправления и их подведомственные медицинские и фармацевтические организации.

Министерство науки и высшего образования РФ совместно с Министерством труда и социальной защиты РФ — осуществляет охрану в сфере науки и образования посредством обеспечения условий образования, контроля и надзора за подведомственными предприятиями, лицензирования, проведения аттестации работников, занимающих должности педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, и др.

Минтруд России — охрану труда граждан в соответствии с Трудовым кодексом РФ, государственными стандартами, государственными нормативными требованиями охраны труда, требованиями к организации безопасного труда и проч. Понятие охраны труда закреплено в Трудовом кодексе РФ как система мер, направленных на сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия.

Министерство финансов РФ — осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной налоговой службы, Федеральной таможенной службы и иных. Деятельность финансовых органов напрямую связана с контролем за своевременным и полным поступлением в доход государства налогов, сборов, таможенных платежей для целей выполнения государством своих основных задач и функций. Из

⁴⁷ См.: Редкоус В. М. Трансформация форм и методов государственного регулирования в области экономики в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Государственная служба и кадры. 2020. № 2. С. 166–170.

бюджета государства финансируются расходы на деятельность исполнительных органов власти, которые в свою очередь наделены полномочиями по обеспечению исполнения законодательства, включая охрану прав и свобод человека и гражданина.

К субъектам охраны относятся иные федеральные органы, названные в разд. II Указа Президента РФ от 21 января 2020 г. № 21 (ред. от 12.07.2022 г.) «О структуре федеральных органов исполнительной власти»⁴⁸, а также уполномоченные органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления.

Весьма важно отметить, что в отношениях административно-правовой охраны не принимают участие правоохранительные органы. Отношения административно-правовой охраны обеспечиваются уполномоченными гражданскими органами и учреждениями. Это не исключает, что правоохранительные органы не могут при определенных обстоятельствах стать участниками (сторонней) правовой охраны. Без сомнения, вполне прав Ю. П. Соловей, утверждая, что функции полиции универсальны, они заключаются не только в применении мер административного принуждения, но и в оказании помощи населению⁴⁹. Здесь вопрос не только правового регулирования, но и этики, морали, воспитания и проч.

В свое время Н. М. Коркунов, исследуя характерные признаки различных правоотношений, писал о том, что каждое юридическое отношение определяется частично фактическими условиями, частично юридическими нормами. Нет таких отношений, которые всецело определялись бы только правом, в котором бы участники отношений делали бы только то, что определено правовой нормой, на что они уполномочены и что определено законом⁵⁰.

Таким образом, субъектами отношений административно-правовой охраны являются, с одной стороны, уполномоченные государством публичные органы, с другой — гражданин, объединение граждан. Интересен тот факт, что гражданин правовой нормой наделяется субъективным правом, а вот уполномоченному государством публичному органу в данных отношениях правовой нормой вменяется публичная юридическая обязанность — обеспечить охрану конституционных прав и свобод человека и гражданина; обеспечить гарантии конституционных прав и свобод, их соблюдение, осуществлять контроль (надзор) за своевременным и полным исполнением возложенных

на уполномоченные органы обязанностей по обеспечению конституционных прав и свобод граждан и их объединений.

Судьи, судебная система не являются субъектами отношений административно-правовой охраны. Их задача в ином — отправление правосудия (ст. 118 Конституции РФ). В публичных отношениях суд защищает права и свободы граждан, в тех случаях, когда они нарушены публичным органом, — это юстиционная деятельность.

Интересным является то обстоятельство, что в отдельных, прямо предусмотренных законом случаях обязанности по охране своего здоровья, по соблюдению мер охраны труда, противопожарной безопасности и проч. возложены на самих граждан. Например, законодательно закреплено требование о том, что граждане обязаны заботиться о сохранении своего здоровья. Это означает то, что граждане должны проходить медицинские осмотры, обследование и лечение, заниматься профилактикой заболеваний.

Это обстоятельство не осталось незамеченным Н. М. Коркуновым: «Раз мои интересы по отношению к другим людям определены правом, осуществление моих интересов становится в зависимости не только от фактических условий, но также и от моих правообязанностей. Юридические правоотношения предполагают юридическую связь зависимости в форме правообязанности и обусловленное этой зависимостью правопритязание или полномочие»⁵¹. Таким образом, в отношениях административно-правовой охраны граждане наравне с субъективными правами наделяются юридическими правообязанностями. И в этом данный вид правоотношений отличается от иных административно-правовых.

Сложившееся из субъективных прав и юридических обязанностей отношение есть юридическое отношение (правоотношение). «Юридические нормы, разграничивая людские интересы, неизбежно ограничивают осуществление отдельных интересов, налагая обязанности, ради обеспечения возможности осуществления чужих интересов»⁵². Вряд ли можно согласиться с теми авторами, сделавшими уточнение о том, что это властные отношения. Это отношения, основанные, обусловленные демократическими преобразованиями. В рассматриваемых отношениях проявляется баланс публичного и частного интереса, забота государства о гражданах. Представляется возможным пояснить: государство заинтересовано иметь здоровую, образованную, трудоспособную нацию. В свою очередь, граждане заинтересованы в том, чтобы права и свободы, гарантированные им на

⁴⁸ См.: СЗ РФ. 2020. № 4, ст. 346.

⁴⁹ См.: Соловей Ю. П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации. Омск, 1993. С. 17, 91.

⁵⁰ См.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. Серия «Антология мысли». 8-е изд. СПб., 1909. С. 141, 142.

⁵¹ Там же. С. 139, 140.

⁵² Там же. С. 139–141.

высшем конституционном уровне, были не только задекларированы, но и реально предоставлены и обеспечены. Граждане должны иметь уверенность: если их личное право будет нарушено публичным органом, они могут защищать себя, свои права и интересы любыми законными средствами.

П.И. Кононов, обращаясь к вопросу об административно-правовой охране, выразил мнение о том, что нормами административного права могут быть урегулированы отдельные общественные отношения непубличного властного характера. Это такая группа отношений, которая имеет место при взаимодействии физических лиц и (или) организаций без непосредственного участия в них субъектов исполнительной власти, иных административно-публичных органов, но осуществляется под контролем (надзором) государства. Ученый выделил две группы таких отношений: 1) административные внутренние охранительно-обеспечительные отношения; 2) административные внешние охранительно-обеспечительные отношения. Отношения из первой группы часто возникают в трудовом коллективе между руководящим составом и работниками, например, по поводу обеспечения исполнения и соблюдения установленных публично-правовых обязанностей, требований, ограничений и проч. Вторая группа отношений — это отношения между физическими лицами и (или) организациями либо между организациями, например, при проведении массовых публичных мероприятий⁵³. Данный подход П.И. Кононова применим к отношениям административно-правовой охраны, возникающим в трудовом коллективе по поводу требований руководителя о соблюдении профилактических мер: соблюдении дистанции, ношении масок, наличии санитайзеров, о соблюдении правил противопожарной безопасности, охраны труда и проч.

Объектом отношений административно-правовой охраны следует *признать отношения, которые образуют общественные связи, возникающие по поводу: обеспечения охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина; обеспечения гарантий конституционных прав и свобод граждан, их соблюдения, контроля (надзора) за своевременным и полным исполнением возложенных на уполномоченные органы обязанностей по обеспечению конституционных прав и свобод граждан и их объединений.*

Объект отношений административно-правовой охраны есть составная часть объекта административно-правового отношения. Объект подразумевает наличие общественных связей, вне которых нет административно-правового отношения вообще.

⁵³ См.: Кононов П.И. О некоторых дискуссионных вопросах понимания предмета современного российского административного права // Административное право и процесс. 2013. № 2. С. 4–8.

Предметом отношений административно-правовой охраны выступают урегулированные нормами административного права общественные связи, которые возникают по поводу обеспечения охраны конституционных прав человека и гражданина, обеспечения гарантий конституционных прав и свобод граждан, их соблюдения, контроля (надзора) за своевременным и полным исполнением возложенных на уполномоченные органы обязанностей по обеспечению конституционных прав и свобод граждан и их объединений и др.

Предмет — все, что служит средством достижения публичного интереса, — обеспечение охраны граждан, создание условий для обеспечения их охраны, в том числе выработка мер и реализация мероприятий административно-правового регулирования.

Выводы

Осуществленное исследование позволяет сформулировать несколько выводов.

1. Отношения административно-правовой охраны — это правовые отношения, урегулированные материальной юридической нормой (регулятивной административно-правовой нормой). Отношения административно-правовой охраны — это отношения, в которых проявляется баланс публичного и частного интереса и имеющие направленность на обеспечение охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина.

2. Отношения административно-правовой охраны — это разновидность административно-правовых отношений, имеющих свою специфику, которая позволяет выделить их в отдельную группу. Специфика проявляется в: направленности (охрана обеспечивает, прежде всего, конституционные права и свободы граждан); содержании — объеме субъективных прав и юридических обязанностей участников; субъектном составе; объекте (объект — правоотношение, которое принадлежит гражданину в силу законодательства и подлежащее охране); предмете правового регулирования; системе вырабатываемых и применяемых мер и форм обеспечения охраны; целях и задачах, в наличии общественной социальной потребности и государственного интереса; конвергенции публично-правового и частно-правового интереса; том, что это внесудебные правовые отношения; том, что норма права, которая регулирует отношения, — материальная.

Выделенные специфические особенности отношений административно-правовой охраны дают основание ставить вопрос о необходимости формирования самостоятельной системы научных знаний с собственным предметом исследования, которые подлежат изучению.

3. В данной группе отношений как минимум две стороны (участники): гражданин, любые, установленные гражданским законодательством формы объединения граждан, учреждения, местное самоуправление и другие участники – все те, на кого направлена охрана, и представитель публичной власти (государственный орган, должностное лицо, т.е. те, кто в силу своих полномочий обязан обеспечить охрану).

4. Административно-правовые меры охраны прав и свобод человека и гражданина отличаются от иных мер защиты тем, что: 1) регулируются материальными нормами (преимущественно нормами административного права); 2) основаны на разных принципах; 3) их действие регламентируется разными нормативными правовыми актами; 4) субъекты охраны и защиты разные (исполнительные органы); 5) перечень мер охраны и мер защиты различный; 6) соблюдение мер административно-правовой охраны обеспечивается административной ответственностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврутин Ю.Е., Булавин С.П., Соловей Ю.П., Черников В.В. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный). М., 2012. С. 4–7.
2. Административное право России: курс лекций / под ред. Н.Ю. Хаманевой. М., 2007. С. 3.
3. Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд., перераб. М., 1995. С. 285–287.
4. Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации. М., 1996.
5. Андриевский И. Полицейское право. Соч. СПб., 1871. Т. 1. Введение. Понятие полицейского права. С. 1–5.
6. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: учеб. 3-е изд., пересмотр. и доп. М., 2008. С. 53, 64–66, 172, 173.
7. Бельский К.С. К вопросу о предмете административного права // Государство и право. 1997. № 11. С. 19.
8. Бельский К.С. О функциях исполнительной власти // Государство и право. 1997. № 3. С. 14–19.
9. Виноградова Е.В. Конституционно-правовые и международно-правовые основы обеспечения безопасности // Взаимодействие правоохранительных органов и специальных служб государств – участников СНГ в сфере борьбы с преступностью: сб. науч. тр. М., 2021. С. 34–37.
10. Галузо В.Н. Теория правоохраны в Российской Федерации: pro et contra // Государство и право. 2012. № 11. С. 110–113.
11. Галузо В.Н. Теория правоохраны Российской Федерации. М., 2022.
12. Гегель Г.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 3. С. 357.
13. Гришковец А.А. Государственный контроль за соблюдением трудового законодательства как характерный пример системного регулирования трудовых отношений нормами публичного и частного права (новое в государственном контроле в сфере труда) // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества: материалы VI Всеросс. науч.-практ. конф. (г. Нижний Новгород, 1 июля 2021 г.) / отв. ред. А.В. Мартынов. Н. Новгород, 2021. С. 266–279.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. М., 1881. Т. 2. С. 802.
15. Евтихийев А.Ф. Основы советского административного права. Харьков, 1925.
16. Елистратов А.И. Основные начала административного права. 2-е изд., испр. и доп. М., 1917. С. 2–7, 69, 70, 76–79.
17. Иоффе О.С. Спорные вопросы учения о правоотношении / Очерки по гражданскому праву: сб. статей [К 70-летию со дня рождения и 45-летию науч.-пед. деятельности А.В. Венедиктова] / отв. ред. О.С. Иоффе. Л., 1957. С. 21–64.
18. Кобалевский В.Л. Очерки советского административного права. Харьков, 1924.
19. Кобзарь-Фролова М.Н. Административное правоотношение: понятие, эволюция взглядов // Государство и право. 2022. № 4. С. 90–102.
20. Кобзарь-Фролова М.Н. Традиционные и модернизированные подходы к сути и содержанию предмета и метода административного права // Административное право и процесс. 2019. № 11. С. 13–20.
21. Козлов Ю.М. Административные правоотношения. М., 1976. С. 33–35.
22. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М., 2011.
23. Кононов П.И. О некоторых дискуссионных вопросах понимания предмета современного российского административного права // Административное право и процесс. 2013. № 2. С. 4–8.
24. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Серия «Антология мысли». 8-е изд. СПб., 1909. С. 139–142.
25. Лазарев Б.М. Что такое правовое государство? // Право в нашей жизни. 1990. № 1. С. 120.
26. Личность, общество и государство / отв. ред. В.Ф. Коток и В.С. Тадевосян. М., 1966. С. 220–224.
27. Лунев А.Е. Обеспечение законности в советском государственном управлении. М., 1963. С. 59–69.
28. Полянок Н.И., Галузо В.Н. О роли права в предупреждении пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) в Российской Федерации // Актуальные исследования. 2020. № 8. С. 8–14.
29. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров Ю.Н. Административное право России: учеб. М., 2010. С. 55.
30. Редкоус В.М. Теоретическое обоснование правоохраны в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Государство и право. 2022. № 5. С. 188–192.
31. Редкоус В.М. Трансформация форм и методов государственного регулирования в области экономики в усло-

виях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Государственная служба и кадры. 2020. № 2. С. 166–170.

32. *Соловей Ю.П.* Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации. Омск, 1993. С. 17, 91.
33. *Стариков Ю.Н.* Курс общего административного права: в 3 т. Т. I: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. М., 2002.
34. *Стахов А.И., Кононов П.И.* Административное право России: учеб. для бакалавров. М., 2014. С. 29.
35. *Стахов А.И., Ландерсон Н.В.* Публичная администрация в России: понятие, система и структура // Административное право и процесс. 2021. № 10. С. 4–15.
36. *Студеникин С.С.* Советское административное право: учеб. М., 1945. С. 26–36.
37. *Тихомиров Ю.А.* Административное право и процесс: полный курс. М., 2001. С. 59.

REFERENCES

1. *Avrutin Yu. E., Bulavin S.P., Solovey Yu. P., Chernikov V.V.* Commentary on the Federal Law “On Police” (article by article). М., 2012. P. 4–7 (in Russ.).
2. Administrative Law of Russia: course of lectures / ed. by N. Yu. Khamaneva. М., 2007. P. 3 (in Russ.).
3. *Alekseev S.S.* Theory of law. 2nd ed., rev. М., 1995. P. 285–287 (in Russ.).
4. *Alekhin A.P., Karmolitsky A.A., Kozlov Yu.M.* Administrative Law of the Russian Federation. М., 1996 (in Russ.).
5. *Andrievsky I.* Police Law. St. Petersburg, 1871. Vol. 1. Introduction. The concept of Police Law. P. 1–5 (in Russ.).
6. *Bakhrakh D.N., Rossinsky B.V., Starilov Yu.N.* Administrative Law: textbook. 3rd ed., rev. and supplemented. М., 2008. P. 53, 64–66, 172, 173 (in Russ.).
7. *Belsky K.S.* On the question of the subject of Administrative Law // State and Law. 1997. No. 11. P. 19 (in Russ.).
8. *Belsky K.S.* On the functions of executive power // State and Law. 1997. No. 3. P. 14–19 (in Russ.).
9. *Vinogradova E.V.* Constitutional-legal and international-legal bases of ensuring security // Interaction of law enforcement agencies and special services of the CIS member states in the field of combating crime: collection of scientific works. М., 2021. P. 34–37 (in Russ.).
10. *Galuzo V.N.* Theory of law enforcement in the Russian Federation: pro et contra // State and Law. 2012. No. 11. P. 110–113 (in Russ.).
11. *Galuzo V.N.* Theory of law enforcement of the Russian Federation. М., 2022 (in Russ.).
12. *Hegel G.F.* Encyclopedia of Philosophy of Sciences. М., 1977. Vol. 3. P. 357 (in Russ.).
13. *Grishkovets A.A.* State control over compliance with labor legislation as a characteristic example of the systemic regulation of labor relations by the norms of public and private law (new in state control in the sphere of labor) // Actual issues of control and supervision in socially significant spheres of society: materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod Novgorod, July 1,

2021) / ed. A.V. Martynov. N. Novgorod, 2021. P. 266–279 (in Russ.).

14. *Dal V.I.* Explanatory Dictionary of the living Great Russian language. 2nd ed. М., 1881. Vol. 2. P. 802 (in Russ.).
15. *Evtikhiev A.F.* Fundamentals of Soviet Administrative Law. Kharkov, 1925 (in Russ.).
16. *Elistratov A.I.* Basic principles of Administrative Law. 2nd ed., rev. and add. М., 1917. P. 2–7, 69, 70, 76–79 (in Russ.).
17. *Ioffe O.S.* Controversial issues of the doctrine of legal relations // Essays on Civil Law: collection of articles [On the 70th anniversary of his birth and the 45th anniversary of the scientific-pedagogical activities of A.V. Venediktov] / res. ed. O.S. Ioffe. L., 1957. P. 21–64 (in Russ.).
18. *Kobalevsky V.L.* Essays of Soviet Administrative Law. Kharkov, 1924 (in Russ.).
19. *Kobzar-Frolova M.N.* Administrative legal relationship: concept, evolution of views // State and Law. 2022. No. 4. P. 90–102 (in Russ.).
20. *Kobzar-Frolova M.N.* Traditional and modernized approaches to the essence and content of the subject and method of Administrative Law // Administrative Law and process. 2019. No. 11. P. 13–20 (in Russ.).
21. *Kozlov Yu.M.* Administrative legal relations. М., 1976. P. 33–35 (in Russ.).
22. Commentary to the Constitution of the Russian Federation (article by article) / ed. by V.D. Zorkin. 2nd ed., rev. М., 2011 (in Russ.).
23. *Kononov P.I.* On some controversial issues of understanding the subject of modern Russian Administrative Law // Administrative Law and process. 2013. No. 2. P. 4–8 (in Russ.).
24. *Korkunov N.M.* Lectures on the General theory of law. The Anthology of Thought series. 8th ed. St. Petersburg, 1909. P. 139–142 (in Russ.).
25. *Lazarev B.M.* What is a legal state? // The right in our life. 1990. No. 1. P. 120 (in Russ.).
26. Personality, society and the state / ed.: V.F. Kotok and V.S. Tadevosyan. М., 1966. P. 220–224 (in Russ.).
27. *Lunev A.E.* Ensuring legality in Soviet state administration. М., 1963. P. 59–69 (in Russ.).
28. *Polyanko N.I., Galuzo V.N.* On the role of law in preventing the pandemic of coronavirus infection (COVID-19) in the Russian Federation // Actual research. 2020. No. 8. P. 8–14 (in Russ.).
29. *Popov L.L., Migachev Yu. I., Tikhomirov Yu. N.* Administrative Law of Russia: textbook. М., 2010. P. 55 (in Russ.).
30. *Redkous V.M.* Theoretical justification of law enforcement in the Russian Federation: state and prospects of development // State and Law. 2022. No. 5. P. 188–192 (in Russ.).
31. *Redkous V.M.* Transformation of forms and methods of state regulation in the field of economics in the conditions of the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) // Public service and personnel. 2020. No. 2. P. 166–170 (in Russ.).
32. *Solovey Yu.P.* Legal regulation of police activity in the Russian Federation. Омск, 1993. P. 17, 91 (in Russ.).
33. *Starilov Yu.N.* Course of General Administrative Law: in 3 vols. Vol. I: History. The science. Subject. Norms. Subjects. М., 2002 (in Russ.).

34. *Stakhov A. I., Kononov P. I.* Administrative Law of Russia: textbook for bachelors. M., 2014. P. 29 (in Russ.).
35. *Stakhov A. I., Landerson N. V.* Public administration in Russia: concept, system and structure // Administrative Law and process. 2021. No. 10. P. 4–15 (in Russ.).
36. *Studenikin S. S.* Soviet Administrative Law: textbook. M., 1945. P. 26–36 (in Russ.).
37. *Tikhomirov Yu. A.* Administrative Law and process: complete course. M., 2001. P. 59 (in Russ.).

Сведения об авторе

КОБЗАРЬ-ФРОЛОВА *Маргарита Николаевна* — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, и.о. заведующей сектором административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Author's information

KOBZAR-FROLOVA *Margarita N.* — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Acting Head of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ИСТОРИЯ ПРАВА В ЖИЗНИ ПРОФЕССОРА НИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ КРАШЕНИННИКОВОЙ: К 95-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

© 2023 г. П. В. Крашенинников^{1, *}, Е. Н. Трикоз^{2, **}

¹Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, г. Москва
²Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации;
Российский университет дружбы народов, г. Москва

*E-mail: juristpersona1964@yandex.ru

**E-mail: alena_trikoz@mail.ru

Поступила в редакцию 23.01.2023 г.

Аннотация. В юбилейный год своего 95-летия легендарная профессор по истории права и крупный юрист-востоковед из Московского университета, основатель собственной научной школы с многочисленными учениками и последователями Нина Александровна Крашенинникова снова встает перед нашими глазами с ее неповторимым и ярким научным миром всеобщей правовой истории. В данной статье описывается начало ее долгого научного пути сначала в редакторской среде московских учреждений, параллельно с подготовкой диссертационного исследования по английскому праву. Затем показан этап формирования в рамках научно-педагогической деятельности в университете «восточного направления» ее научных исследований и пристального изучения колониальной правовой культуры, подготовка докторской диссертации по традиционно-индусскому и постколониальному индийскому праву. На протяжении всей своей жизни профессор занималась последовательным учебно-методическим обновлением курса по всеобщей истории права, обретая новых сподвижников и учеников, участвуя вместе со своими аспирантами и коллегами в больших научно-исследовательских и просветительских проектах, включая антологию мировой правовой мысли, коллекции переведенных документов и др.

Ключевые слова: индусское право, история права, английское общее право, ориенталистика, дхармашастры, индийское государство, правовая культура, колониализм, права человека, *habeas corpus*, кодификация, инновации и традиционализм в праве, научная жизнь.

Цитирование: Крашенинников П. В., Трикоз Е. Н. История права в жизни профессора Нины Александровны Крашенинниковой: к 95-летию юбилею // Государство и право. 2023. № 2. С. 98–110.

DOI: 10.31857/S102694520024163-0

THE HISTORY OF LAW IN THE LIFE OF PROFESSOR NINA A. KRASHENINNIKOVA: TO THE 95th ANNIVERSARY

© 2023 P. V. Krasheninnikov^{1, *}, E. N. Trikoz^{2, **}

¹State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow
²Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation (MGIMO University);
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

*E-mail: juristpersona1964@yandex.ru

**E-mail: alena_trikoz@mail.ru

Received 23.01.2023

Abstract. On the anniversary of the 95th anniversary, the legendary professor of legal history and a prominent orientalist lawyer from Moscow University, the founder of her own scientific school with numerous students and followers, Nina A. Krasheninnikova again stands before our eyes with her unique and bright scientific world of universal legal history. This article describes the beginning of her long scientific journey, first in the editorial environment of Moscow institutions, in parallel with the preparation of a dissertation research in English law. Then the stage of

formation within the framework of scientific and pedagogical activity at the university of the “eastern direction” of her scientific research and close study of the colonial legal culture, preparation of a doctoral dissertation on traditional Hindu and post-colonial Indian Law is shown.

Throughout her life, the professor has been engaged in consistent educational and methodological updating of the course on the General history of law, gaining new associates and direct students, participating, together with her graduate students and colleagues, in large research and educational projects, including an anthology of world legal thought, collections of translated documents and etc.

Key words: Hindu Law, legal history, English common law, Oriental studies, Dharmashastras, Indian state, legal culture, colonialism, human rights, habeas corpus, codification, innovation and traditionalism in law, scientific life.

For citation: *Krasheninnikov, P.V., Trikoz, E.N. (2023). The history of law in the life of Professor Nina A. Krasheninnikova: to the 95th anniversary // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 98–110.*

Введение. Начало научного пути длиной в жизнь

Нина Александровна Крашенинникова (1928–2021) была известным учёным-правоведом, крупным историком права и юристом-индологом, признанным специалистом в области всеобщей истории государства и права. Она являлась одним из основателей российской научной историко-правовой школы, в рамках которой, по сути, возглавила новое направление в отечественном правоведении — исследование религиозного персонального права (на примере индусского права) и феномена колониальной правовой культуры (на примере отдельных стран Британской империи). Более полувека монографии, статьи, учебники и лекции известного ученого открывают научный мир всеобщей истории права и государства многотысячной студенческой и профессиональной аудитории.

Вначале необходимо сказать несколько слов биографического порядка. Нина Александровна родилась 6 января 1928 г. в г. Пензе. В трудные военные годы успешно училась в средней школе. После ее окончания в победный для страны 1945 год поступила в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Конкуренция была высокой, с фронта возвращались военнослужащие, а шансов у них, по понятным причинам, было гораздо больше. Закончила обучение с красным дипломом.

В период с 1950 по 1952 г. Нина Александровна начала свою профессиональную карьеру в Верховном Суде РСФСР в должности научного консультанта. Первоначально ей приходилось совмещать работу на кафедре истории государства и права с обучением в аспирантуре юридического факультета МГУ¹. Здесь в течение ряда лет она разрабатывала тему исследований под научным руководством профессоров П.Н. Галанзы и С.Ф. Кечекьяна, который заведовал кафедрой с 1954 по 1967 г. Параллельно несколько лет посвятила редакционно-издательской деятельности,

работая референтом в бюллетене Общества «Знание» РСФСР (1955–1957 гг.) и в редакции журнала «Советское государство и право» (1958–1961 гг.).

В молодые годы Нина Александровна разрабатывала историко-правовую проблематику неприкосновенности личности по английскому праву. Занималась анализом конституционных гарантий этого важнейшего принципа, начиная от самых истоков английской конституции и древней англосаксонской процедуры *habeas corpus* (в пер. с лат. — предоставь личность арестованного в суд). Как известно, этот институт был впервые статифицирован в правозащитных положениях Великой хартии вольностей 1215 г. (в частности, ст. 39), закреплявших незаконность ограничений личной свободы и неприкосновенности без соблюдения надлежащей правовой процедуры (процессуальных норм общего права). Закрепленная в этом институте презумпция незаконности задержания предоставляла каждому арестованному право подавать прошение о выдаче судебного приказа *writ of habeas corpus*, обязательного для тюремщика или шерифа в части доставки арестованного в суд для подтверждения законности и обоснованности ареста.

Посвятив этой специфической проблематике свою диссертацию, исследователь детально изучила богатую дореволюционную историографию как на английском², так и на русском языке³, а также

² См.: *Carpenter A.H. Habeas Corpus in the Colonies // The American Historical Review. 1902. Vol. 8. No. 1. P. 18–27; Church W.S. A Treatise of the writ of Habeas Corpus, including Jurisdiction, false imprisonment, writ of error, extradition etc. St. Francisco, 1886; Jenks E. The Story of the Habeas Corpus // Law Quarterly Review. 1902. Vol. XVIII. P. 64–77; Hurd R. A Treatise on the Right of personal liberty and on the writ of Habeas Corpus and the Practice connected with it. Albany, 1876; Paterson J. Commentaries on the liberty of the subject and the laws of England relating to the security of the person. London, 1877; Pollard A.F. The evolution of the Parliament. London, 1920; Sharpe R.J. The law of Habeas Corpus. Oxford, 1876; Stubbs W. The Select Charters of the Magna Carta Libertatum. Oxford, 1879.*

³ См.: *Дайси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции / пер. с англ. под ред. П.Г. Виноградова. М., 1907; Дерюжинский В.Ф. Habeas Corpus Act и его приостановка по английскому праву. Очерк*

¹ См.: *Новицкая Т.Е., Томсинов В.А. Кафедра истории государства и права юридического факультета МГУ // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 2001. № 4. С. 87–95.*

использовала современные ей работы зарубежных коллег, в частности изданный в тот период во Франции критический труд проф. Б. Делиньера⁴ и др.

В 1955 г. по итогам проведенного исследования Нина Александровна защищает кандидатскую диссертацию «*Habeas Corpus Act 1679 г. и практика его применения в Англии*». Она преподает в МГУ историю государства и права. Спустя два года после защиты опубликована её первая монография «Ограничение гарантий неприкосновенности личности в английском праве: *Habeas Corpus Act 1679 года и чрезвычайное законодательство в Англии*»⁵. Здесь автор исследовала генезис и развитие этого института процессуального права, гарантии свободы английских подданных, феномен чрезвычайного законодательства и практику приостановок Закона о *habeas corpus* в Англии и её колониях. Она также выступила с критикой Великой хартии вольностей как некоего «незыблемого фундамента свободы» и на примере Ирландии, которая первой начала национально-освободительную борьбу с британским господством, показала ограниченность и недейственность процедуры *habeas corpus*, забвение конституционных гарантий неприкосновенности личности. В последующие годы именно эти две проблематики — права человека и колониальная правовая культура — будут занимать особое место в её научных изысканиях.

Формирование «восточного направления» научных исследований

В период с 1961 по 1973 г. доц. Н.А. Крашенинникова осуществляла научно-педагогическую деятельность в Университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы (ныне — Российский университет дружбы народов). В эти годы на кафедре теории и истории государства и права, которую с 1960 по 1971 г. возглавлял проф. А.Ф. Шибанов, первый декан факультета экономики и права Университета, она впервые

основных гарантий личной свободы в Англии и их временного ограничения. Юрьев (б. Дерпт), 1895; *Его же*. Гарантии личной свободы в Англии // Юридический вестник. 1884. № 12. С. 606–657; *Коркунов Н.* Рец. на: Дерюжинский В.Ф. *Habeas Corpus Act* и его приостановка по английскому праву. Очерк основных гарантий личной свободы в Англии и их временного ограничения. Юрьев, 1895 // Журнал Министерства Юстиции. 1895. № 8. С. 142–145; *Фримен Э.* Развитие английской конституции с древнейших времен / пер. с англ. С.Г. Замойского. М., 1905; *Ясинский А.Н.* История Великой хартии в XIII веке. Киев, 1888; см. также: *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937; *Скрипичев Е.А.* Английский “*habeas corpus act*” в русской литературе XVIII–XIX веков // Историко-юридические исследования: Россия и Англия. М., 1990. С. 14–23.

⁴ См.: *Delignières B.* Le writ d’habeas corpus ad subjiciendum en droit anglais. Paris, 1952.

⁵ *Кострицына [Крашенинникова] Н.А.* Ограничение гарантий неприкосновенности личности в английском праве. *Habeas Corpus Act* и чрезвычайное законодательство в Англии. М., 1957.

познакомилась со своим будущим соавтором классического университетского учебника по истории государства и права — доц. О.А. Жидковым, который в 1962 г. возвратился на кафедру из г. Томска.

С учетом специфики Университета в научном коллективе кафедры Нина Александровна продолжила анализ проблематики колониального управления в странах смешанной (англосаксонской и религиозной) правовой традиции, были изданы её первые научные статьи по этой проблематике⁶. Важным научно-методическим достижением стал выход в свет первых учебных пособий Н.А. Крашенинниковой по ее авторским спецкурсам в Университете дружбы народов и самостоятельной главы в учебнике по истории государства и права зарубежных стран⁷.

Первое из этих пособий было посвящено государственно-правовой истории Кубы и исследованию феномена социалистической правовой традиции⁸. Во втором пособии уже была заметна увлеченность автора вопросами историко-правового развития Индии в период британско-голландского господства и после обретения независимости. В книге также уделялось отдельное внимание сравнению английской и французской колониальных систем, правовому развитию на Цейлоне, в Бирме, Индокитае и Индонезии⁹.

С этого периода формируется «восточное направление» научных исследований Н.А. Крашенинниковой и детальное изучение правового наследия Индии. Полагаем, что этому способствовало её возвращение в *alma mater* — на кафедру истории

⁶ См.: *Крашенинникова Н.А.* О мерах борьбы с религиозным влиянием на детей // Молодой коммунист. 1960. № 6. С. 97–98; *Ее же*. Английский суд присяжных // Сов. юстиция. 1962. № 22. С. 25–26; *Ее же*. Влияние идей Октябрьской революции на идеологию национально-освободительного движения в странах Азии: теорет. конф. фак-та экономики и права УДН им. П. Лумумбы (тезисы докладов). М., 1967. С. 55–57; *Ее же*. Некоторые вопросы национально-освободительного движения и конституционного развития Индии // Труды УДН. Сер. «Экономика и право». М., 1968. Т. XXXI. Вып. 3; *Ее же*. Система колониального управления в Нидерландской Индии во второй половине XIX — первой половине XX века // Ученые труды УДН им. П. Лумумбы. Проблемы государства и права стран Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1971. С. 32–46.

⁷ См.: *Крашенинникова Н.А.* Возникновение независимых государств в странах Юго-Восточной и Южной Азии // История государства и права зарубежных стран: учеб. для студ. юрид. ин-тов и фак-тов / под ред. П.Н. Галанзы, О.А. Жидкова. М., 1969. Т. 2.

⁸ См.: *Крашенинникова Н.А.* История государства и права Кубы: учеб. пособие. М., 1966.

⁹ См.: *Крашенинникова Н.А.* Колониальные системы управления в Южной и Юго-Восточной Азии: учеб. пособие по спецкурсу. М., 1972; см. также: *Чиркин В.Е.* Рец. на: Крашенинникова Н.А. Колониальные системы управления в Южной и Юго-Восточной Азии. Изд-во УДН, 1972 // Правоведение. 1974. № 6. С. 137–138.

государства и права юридического факультета МГУ, сначала в должности доцента (1973–1985 гг.), а затем профессора (1985–2021 гг.). Здесь, наряду с преподаванием, Нина Александровна скрупулезно изучала предмет своей будущей докторской диссертации — индусское право как одна из древнейших религиозных персональных юридических систем. Она методично разрабатывала фундаментальные историко-теоретические основы нового в отечественном правоведении направления по исследованию традиционно-религиозных правовых систем¹⁰. В 1980 г. приняла участие в подготовке университетского учебника по истории государства и права зарубежных стран, где выступила в качестве автора двух глав по общей характеристике феодального государства и права в странах Востока и по феодальному государству и праву Индии¹¹.

Важным итогом на этом научном пути стала защищенная в 1982 г. докторская диссертация Н.А. Крашенинниковой на тему «Индусское право и его модификация в Республике Индия», где она впервые в отечественной юридической науке осуществила системное изложение традиционного права Индии. Параллельно была подготовлена к печати монография «Индусское право: история и современность», предисловие к которой написал д-р юрид. наук, проф. О.А. Жидков¹². Эта монография стала плодом многолетнего изучения автором индийских историко-юридических источников

¹⁰ См.: Крашенинникова Н.А. Источники индусского права и их модификация в колониальной Индии // Вестник Московского ун-та. Сер. «Право». 1975. № 1; *Ее же*. К вопросу о кодификации права в колониальной Индии во второй половине XIX века // Там же. № 2; *Ее же*. Вопросы истории государства и права стран Востока в эпоху Средневековья // Актуальные проблемы истории государства и права. М., 1976. С. 56–62; *Ее же*. Происхождение права в Древней Индии // Правоведение. 1977. № 1; *Ее же*. Индусское право: историческая преемственность и границы применения // Вестник Московского ун-та. Сер. «Право». 1978. № 5; *Ее же*. Реформа индусского брачного права в Республике Индия // Там же. 1980. № 2; *Ее же*. Источники древнеиндийского права и их развитие в современной Индии // Правоведение. 1980. № 1; *Ее же*. О некоторых актуальных вопросах истории обычного права // Методология историко-правовых исследований. М., 1980. С. 59–67; Крашенинникова Н.А., Сосна С.А. Рец. на: Мозолин В.П. Личность, право, экономика современной Индии. М.: Наука, 1979. — 225 с. // Сов. государство и право. 1980. № 7. С. 153–155; Крашенинникова Н.А. Реформа брачно-семейного права в независимой Индии // Проблемы советского семейного права: материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1980. С. 73–76; *Ее же*. Становление национальных систем права в развивающихся странах и идеологическая борьба // Право и борьба идей в современном мире (Критика современных буржуазных концепций права). М., 1980. С. 144–151.

¹¹ См.: История государства и права зарубежных стран (Рабовладельческое и феодальное государство и право): учеб. пособие / под ред. П.Н. Галанзы, Б.С. Громокова. М., 1980. С. 469–475, 495–513.

¹² См.: Крашенинникова Н.А. Индусское право: история и современность. [Предисл. О. Жидкова]. М., 1982.

(дхармашастр, смрити, вед и др.) и актов законодательства колониальной и постколониальной Индии. В первом разделе книги разъяснялась сущность традиционного религиозного права, понятия «индусское право» как уникального феномена, пережившего свое «родительское» государство и воспринятого новой политической властью на более высокой ступени исторического развития. Поэтому автор детально характеризует специфику происхождения индусского права, правогенез в Древней Индии, его источники, границы применения и др. Во втором разделе работы освещается роль индусского права в колониальной Индии, воздействие на его модификацию практики колониальных судов и законодательства, что привело к трансформации индусского права под влиянием англосаксонского права. В то же время обосновывается важный тезис, что традиционные институты вещного и обязательственного индусского права избежали прямого и существенного влияния общего права метрополии. Несмотря на модификацию под влиянием колониальных судов, индусское право существенно не изменилось в XX в. по своей форме или содержанию, оставшись в рамках традиционной социальной организации — неразделенной индусской семьи, общины и / или кастовой группы. Последний раздел монографии был посвящен анализу частично модифицированного права индусов в независимой Индии, изучению отдельных аспектов Конституции 1950 г., истории кодификации и создания т.н. индусского кодекса, вопросам эволюции традиционного брачно-семейного права индусов и проч.¹³

Учебно-методическое обеспечение курса истории права

После получения профессорской должности на кафедре истории государства и права МГУ начинается новый период в научно-методической и собственно педагогической деятельности Н.А. Крашенинниковой. Она руководила диссертационными исследованиями аспирантов, соискателей и докторантов кафедры, подготовила несколько десятков выпускников и создала вокруг своего творческого наследия сообщество учеников-последователей. В 1996 г. за многолетнюю научно-педагогическую деятельность и выдающиеся достижения в педагогической практике Н.А. Крашенинниковой была присуждена «Ломоносовская

¹³ См.: Коваленко А.И., Томсинов В.А. Рец. на: Исследование проблем развития индусского права. (Крашенинникова Н.А. Индусское право: история и современность. М., 1982. — 192 с.) // Вестник Московского ун-та. Сер. «Право». 1983. № 1. С. 83–85; Грацианский П.С. Рец. на: Крашенинникова Н.А. Индусское право: история и современность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. — 192 с. // Сов. государство и право. 1982. № 9. С. 151–153.

премия» и вручен нагрудный знак «Лауреат премии Михаила Ломоносова».

В 1990–2000-е годы проф. Н.А. Крашенинникова проводила большую методическую работу, будучи председателем Секции учебно-методического объединения по общеметодическим вопросам, активно рецензировала как глубокий и тонкий критик новую историко-правовую литературу¹⁴, кардинально обновляла учебно-методическую часть курса по истории государства и права¹⁵. Большое внимание уделялось обеспечению учебной литературой различных разделов курса, в частности по истории права Востока¹⁶.

В связи с этим Нина Александровна выпустила в свет авторский курс лекций по эволюции государства и права Востока, содержащий анализ источников и институтов права древнейших государств Месопотамии, традиционно-религиозных государств Индии и Китая¹⁷. Важным научным событием для юристов-историков и в целом для отечественной юридической науки становится выход в свет в 1999 г. при поддержке Национального общественно-научного фонда многотомного издания «Антология мировой правовой мысли». Н.А. Крашенинникова выступила ответственным редактором второго тома «Европа в V–XVII вв.» (соредакторы: д-р ист. наук С.П. Карпов, д-р юрид. наук В.А. Томсинов). При составлении тома она руководствовалась формационным и цивилизационным подходами, обозначая средневековую Западную Европу как «относительное целостное историко-культурное, социополитическое, цивилизационное сообщество, как региональную, феодальную романо-германскую христианскую

¹⁴ См.: Крашенинникова Н.А. Рец. на: Карбонье Ж. Юридическая социология // Вестник Московского ун-та. Сер. «Право». 1986. № 6; *Ее же*. Рец. на: Давид Р. Основные правовые системы современности // Там же. 1988. № 3; *Ее же*. Рец. на: Берман Дж. Западная традиция права // Там же. 1995. № 5; *Ее же*. Рец. на: Рулан Н. Юридическая антропология. М.: Норма, 1999. – 301 с. // Там же. 1999. № 6. С. 108–113; *Ее же*. Рец. на: Сафонов В.Н. Верховный суд США: социальные права и социальное законодательство // Там же. 2005. № 4.

¹⁵ В числе ее наиболее важных методологических статей: Крашенинникова Н.А. Цивилизационные подходы к изучению истории государства и права // Методологические проблемы правоведения. М., 1994; *Ее же*. К вопросу о методологии изучения истории права // Вестник Московского ун-та. Сер. II «Право». 2007. № 6. С. 3–27.

¹⁶ См.: Крашенинникова Н.А. О некоторых теоретико-методологических вопросах истории государства и права стран зарубежного Востока (в свете изучения средневековой истории Индии и Китая) // Методологические и теоретические проблемы юридической науки: сб. науч. тр. / под ред. М.Н. Марченко. М., 1986. С. 225–239; *Ее же*. Право и религиозно-общинные противоречия в Индии // Вестник Московского ун-та. Сер. II «Право». 1986. № 2.

¹⁷ См.: Крашенинникова Н.А. История права Востока: курс лекций. М., 1994.

цивилизацию»¹⁸. Профессор была автором ряда тематических разделов в этом томе антологии, подготовив к публикации и прокомментировав ряд важнейших документов и первоисточников (литературные политико-правовые произведения, трактаты философов-правоведов, своды обычного права, законодательные акты и др.). В них нашло отражение развитие правовых идей о сути государства и права, политики и закона в странах Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. В предисловии к тому она приходит к выводу о крайней противоречивости содержания и корпоративности средневекового права, мозаичности средневековых правовых форм, выделяя законы светских государей, декреталии римских пап, постановления церковных соборов, хартии горожан, уставы монастырей и церковных орденов, университетов, цехов и гильдий, торговые обыкновения и неписаные обычаи и др.

Особенно ценен вклад Н.А. Крашенинниковой в подготовку в течение 2003–2005 гг. обновленной версии двухтомного учебника «История государства и права зарубежных стран», вышедшего впервые в 1988 г. Этот учебник со временем будет признан классическим академическим учебником и до сих пор пользуется большой востребованностью в университетах России и ближнего зарубежья¹⁹. В нем она выступила как автор предисловия и ответственный редактор совместно с проф. О.А. Жидковым, а также написала многие вводные разделы и большинство страноведческих глав (в т. 1 – 15 глав; в т. 2 – 5 глав)²⁰.

Важным дополнением к данному учебнику стали два новых учебно-методических пособия, подготовленные в 2003 г. Н.А. Крашенинниковой при участии её коллег-учеников, – это была двухтомная хрестоматия по древности и средневековью и по современной эпохе²¹, а также практическое

¹⁸ Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 2. Европа. V–XVII вв. / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 1999. С. 5.

¹⁹ См.: История государства и права зарубежных стран / под ред. О.А. Жидкова, Н.А. Крашенинниковой. 3-е изд., перераб. и доп. Т. I. Древний мир и средние века. М., 2004; История государства и права зарубежных стран / под ред. Н.А. Крашенинниковой. 3-е изд., перераб. и доп. Т. II. Современная эпоха. М., 2005.

²⁰ См.: Захаров В.В., Алентьева Т.В., Сафонов В.Н. Рец. на: История государства и права зарубежных стран. Т. 2. Современная эпоха / Отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М.: Норма, 2005 // Государство и право. 2006. № 5. С. 124–125; *Соломатин А.Ю.* Рец. на: История государства и права зарубежных стран. Учебник для вузов. Том I: Древний мир и средние века; Том II: Современная эпоха / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. 720, 816 с. // Правоведение. 2006. № 2. С. 199–201.

²¹ См.: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. Т. 1 / сост.: Е.Н. Трикоз, О.Л. Лысенко; под ред. Н.А. Крашенинниковой. Т. 2 / сост. Н.А. Крашенинникова. М., 2003.

пособие к семинарским занятиям по истории государства и права зарубежных стран²². Спустя десятилетия оба этих издания продолжают выходить большими тиражами, составляя необходимую основу подготовки к семинарским занятиям по курсу всеобщей истории права и смежных дисциплин. Они были составлены с учетом новейших достижений развития историко-правовой мысли, содержали научно обоснованные рекомендации по изучению исторически значимых юридических документов и памятников права, отражающих главные тенденции развития государственно-правовых институтов европейских, американских и восточных стран в эпоху древности, Средневековья и современности.

Наконец, в 2015 г. необходимым завершением этого «джентльменского набора» учебных пособий, по меткому выражению самой Нины Александровны, стало научно-методическое издание «Избранные памятники права. Древность и Средневековье», подготовленное совместно с коллегами и содержащее детальные комментарии и добротную библиографию по наиболее важным памятникам права в странах Востока и Европы²³. Авторские главы в этой книге Н.А. Крашенинникова написала на основе нового для того периода цивилизационного подхода и с учетом социокультурного контекста развития ведущих памятников права Древнего Востока и средневековой Европы²⁴. Так, здесь было представлено новое прочтение Великой хартии вольностей 1215 г., критически оценены подходы советских историков к этому конституционно-правовому документу, на содержание которого оказали решающее влияние временно сплотившиеся сословные группы свободного населения Англии, а также предложено иное толкование ряда важнейших статей Хартии (в частности, ст. 34 и 39)²⁵.

²² См.: История государства и права зарубежных стран: учеб.-метод. пособие / Лысенко О.Л., Нагих С.И., Трикоз Е.Н. и др.; отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2003.

²³ См.: История государства и права зарубежных стран. Избранные памятники права. Древность и Средневековье: учеб. пособие / Д.В. Зорилэ, Л.Л. Кофанов, О.Л. Лысенко и др.; под науч. ред. Н.А. Крашенинниковой. М., 2015.

²⁴ Некоторые новые идеи и прочтения Н.А. Крашенинниковой заранее обсуждались в кругу специалистов (см., напр.: Крашенинникова Н.А. Древний памятник права «Законы Хаммурапи»: цивилизационный метод исследования // Межцивилизационные контакты «Восток – Запад»: история, современность: материалы науч. межвуз. семинара. М., 2012).

²⁵ См.: Крашенинникова Н.А. Великая хартия вольностей 1215 г.: современная интерпретация // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 2002. № 3. С. 86–107; *Ее же*. Великая хартия вольностей 1215 г.: новое прочтение // Источники (форумы) права: вопросы теории и истории: материалы Всеросс. науч. конф. Краснодар, 2002.

Участие в академической жизни и индийской проблематике

На рубеже XXI в. проф. Н.А. Крашенинникова по результатам исследования социокультурных и историко-юридических аспектов развития Индии приступает к подготовке очередной монографии, серии научных докладов и статей²⁶. Свои историко-теоретические обобщения она докладывает на научных форумах²⁷, выступая как активный участник академического сообщества историков права и компаративистов.

Так, Н.А. Крашенинникова была постоянным участником ежегодных конференций в Российском университете дружбы народов – «Жидковские чтения»²⁸, ведь именно здесь в 1970-е годы начинался ее путь в творческом союзе с основателем научной школы кафедры, проф. О.А. Жидковым. В этот же период Нина Александровна активно сотрудничала с Институтом государства и права РАН, где вышла с ее участием коллективная монография «Права человека: итоги века, тенденции, перспективы»²⁹. Ее привлекает проблематика прав человека как гуманитарного измерения современной цивилизации, в особенности правозащитный аспект в восточных правовых культурах (на примере индийской т.н. непрерывной цивилизации), а также идеи молодого научного течения под названием «правовой полицентризм». Однако характерный для Индии крайний правовой плюрализм до сих пор не получал должного внимания в отечественной исторической науке и правоведении.

Поэтому закономерно, что в 2009 г. выходит в свет уже пятая монография проф. Н.А. Крашенинниковой

²⁶ См.: Крашенинникова Н.А. Брачно-семейное право Индии: современный и традиционный аспекты // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 2000. № 4. С. 64–78; *Ее же*. Права человека в Индии: традиционализм и современность [Тезисы доклада] // Права человека: итоги века, тенденции, перспективы // Государство и право. 2001. № 5.

²⁷ См.: Крашенинникова Н.А. Специфические черты правовой культуры Индии: история и современность // Диалог культур и партнерство цивилизаций, становление глобальной культуры: X Междунар. Лихачевские науч. чтения (г. Санкт-Петербург, 13–14 мая 2010 г.). СПб., 2010. С. 394–396; *Ее же*. Права человека в Индии: традиционализм и современность [Тезисы доклада].

²⁸ Крашенинникова Н.А. Роль закона и традиции в современной правовой системе Индии // Жидковские чтения «Правовые традиции»: материалы Междунар. науч. конф. М., 2013. С. 319–326; *Ее же*. Законы Хаммурапи – древнейший памятник права: цивилизационный метод исследования // Жидковские чтения «Сравнительное правоведение»: материалы Всеросс. науч. конф. М., 2014. С. 207–216.

²⁹ Крашенинникова Н.А. Глава X. Права человека в Индии: традиционализм и современность // Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2002; *Ее же*. Противостояние консервативного традиционализма и современного законодательства в Индии // Всеобщая декларация прав человека и гражданина: универсализм и многообразие опытов: сб. ст. М., 2009.

на тему «Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты», посвященная формированию религиозно-философской традиции и ее модернизации в рамках правовой системы Индии³⁰. В этой книге ученый делает важный вывод, подкрепленный почти полувековым ее научным интересом к исследуемой области индологии: в историческом развитии этой древнейшей и многоликой правовой цивилизации «суперрелигия» индуизма остается ведущей соционормативной базой. Здесь Н.А. Крашенинникова продолжила исследовать гуманитарный дискурс в преломлении проблематики прав человека в контексте этнического, религиозного и полового неравенства в Индии и пришла к заключению о сосуществовании конституционно-правовой и религиозно-философской трактовки прав человека, описывая систему «обычно-панчаятного правосудия» как доминирующую в рамках правовой культуры Индии.

В своей работе автор уделила отдельное внимание «гендерной проблематике», которая в тот момент находилась в тренде новейших исследований историков и компаративистов³¹, критически проанализировав актуальную научную и комментаторскую литературу по правовой системе Индии. Н.А. Крашенинникова исследовала вопрос эволюции статуса женщин в традиционно-религиозной среде индийского общества, проблему искоренения институализированного неравенства индийских женщин, в том числе с помощью законодательных инструментов и судебной практики. Она попыталась вывести основные парадигмальные и одновременно противоречивые, размытые понятия «модернизация традиционной системы», «правовая культура», «полиюридизм» и «правовой легализм». Ей удалось вписать пеструю цивилизацию Индии со смешанной правовой системой в принятую типологию региональных цивилизаций, адаптировав подходы востоковедов к средневековым многоукладным обществам (на примере классического религиозного индусского права) и описав путь гармонизации и сосуществования двух противоположных право порядков — традиционно индийского и англосаксонского.

Как отмечал акад. РАН В.С. Степин, встреча разных культур всегда приводит к инновационным всплескам и великим творениям. К таковым по заслугам можно отнести творение великого историка, государствоведа и кодификатора права лорда Т.Б. Маколея, служившего в 30–40-е годы XIX в. в колониальной Индии. Юридический талант и просвещенные либеральные взгляды Маколея

позволили ему создать на перекрестке трех великих культур непревзойденный образец уголовно-правовой техники и доктринальной кодификации. Именно его крупная фигура увлекла за собой проф. Н.А. Крашенинникову, которая в последние годы своей жизни увлеченно исследовала проекты Маколея и его сподвижников по просвещению индийского общества и кодификации права Индии. Он был главным создателем уникального Кодекса о преступлениях и наказаниях для всей Индии, принятого в 1860 г. и действующего в этой стране на протяжении уже более полутора веков. Н.А. Крашенинникова еще в своей монографии 2009 г. посвятила отдельный параграф анализу феномена кодификации индийского права как таковой и ее роли в становлении современной правовой культуры Индии.

Развивая данное направление научных исследований в 2017–2021 гг., Нина Александровна подготовила совместно со своей ученицей — доц. Е.Н. Трикоз более 10 научных статей³² и выпустила в свет учебное пособие по истории и доктрине уголовно-правовой кодификации в Индии³³. Этой проблематике уделено специальное внимание не только в авторских научных разработках Н.А. Крашенинниковой, но и в статьях ее ближайших коллег — выходцев «научной школы» профессора и соавторов-исследователей³⁴.

³² См., напр.: Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н. Уголовный кодекс Индии 1860 года: история создания и характерные черты // Правоведение. 2017. № 4. С. 183–206; Их же. Цели и система наказаний в Уголовном кодексе Индии 1860 г. // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 2018. № 1. С. 23–43; Их же. Формирование института соучастия в уголовном праве Индии XIX в. // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 66–90; Их же. Институт наказания в Уголовном кодексе Индии 1860 г.: пенологические теории // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12 (3). С. 431–443; Их же. Типология обстоятельств, исключающих ответственность, в уголовном праве Индии // Междунар. уголовное право и международн. юстиция. 2018. № 5. С. 19–22; Их же. Система исключающих ответственность обстоятельств в Уголовном кодексе Индии (статья первая) // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 2018. № 5. С. 26–49; Их же. Система исключающих ответственность обстоятельств в Уголовном кодексе Индии (статья вторая) // Там же. С. 68–85; Их же. Древневосточная проблематика в научном наследии профессора О.А. Жидкова // История государства и права. 2021. № 4. С. 9–15.

³³ См.: Трикоз Е.Н., Крашенинникова Н.А. Сравнительное уголовное право (Индия): учеб. пособие для вузов. М., 2020.

³⁴ См.: Трикоз Е.Н., Труш Д.Е. Отражение уголовной политики метрополии в колониальном законодательстве Индии конца XVIII–XIX века // Правоохранительные и правозащитные функции государства на различных стадиях его существования: сб. ст. М., 2017; Трикоз Е.Н., Швец А.А. Уголовная политика в Британской Индии накануне кодификации уголовного права (кон. XVIII – сер. XIX вв.) // Право, государство и экономика: проблемы теории, истории и практики. Краснодар, 2017. С. 125–131; Трикоз Е.Н. Уголовный кодекс Индии 1860 г.: эволюция целей наказания // История государства и права. 2018. № 1.

³⁰ См.: Крашенинникова Н.А. Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. М., 2009.

³¹ См., в частности: Mukherjee A. Marriage, Separation, Divorce. 3^{ed}. Kolkata, 2002.

* * *

За многолетний период своей научно-педагогической деятельности Н.А. Крашенинникова воспитала не одно поколение исследователей, специалистов и преподавателей по истории права. Несколькими десятками ее выпускников обрели ученые степени кандидата и доктора наук. В их числе не только научные сотрудники, доценты и профессора вузов, но и практикующие юристы (банковские работники, адвокаты и госслужащие). Ряд из них объединились под руководством авторитетного профессора и любимого учителя в творческое сообщество исследователей истории «общего права» (Великобритания, США, Австралия, Канада, Индия и др.) и иных правовых систем – профессора В.Н. Сафонов, С.И. Нагих, доценты С.В. Чиркин, О.Л. Лысенко, Е.Н. Трикоз, Д.В. Зорилэ, С.А. Кокотов, К.И. Шинкаренко и др.

Высокие профессиональные требования Нина Александровна всегда предъявляла не только к себе самой, но и ко всем своим ученикам. Наше научное сообщество будет помнить дорогого учителя и наставника, которую при жизни всегда отличали твердость в отстаивании научных взглядов и новых идей, нетерпимость к дезорганизованности в научном процессе и нарушениям этических норм в науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 2. Европа. V–XVII вв. / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 1999. С. 5.
2. *Грацианский П.С.* Рец. на: Крашенинникова Н.А. Индусское право: история и современность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 192 с. // Сов. государство и право. 1982. № 9. С. 151–153.
3. *Дэйси А.В.* Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции / пер. с англ. под ред. П.Г. Виноградова. М., 1907.
4. *Дерюжинский В.Ф.* Гарантии личной свободы в Англии // Юридический вестник. 1884. № 12. С. 606–657.
5. *Дерюжинский В.Ф.* Habeas Corpus Act и его приостановка по английскому праву. Очерк основных гарантий личной свободы в Англии и их временного ограничения. Юрьев (б. Дерпт), 1895.
6. *Захаров В.В., Аленьева Т.В., Сафонов В.Н.* Рец. на: История государства и права зарубежных стран. Т. 2. Современная эпоха / Отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М.: Норма, 2005 // Государство и право. 2006. № 5. С. 124–125.
7. История государства и права зарубежных стран / под ред. О.А. Жидкова, Н.А. Крашенинниковой. 3-е изд., перераб. и доп. Т. I. Древний мир и средние века. М., 2004.
8. История государства и права зарубежных стран / под ред. Н.А. Крашенинниковой. 3-е изд., перераб. и доп. Т. II. Современная эпоха. М., 2005.
9. История государства и права зарубежных стран. Избранные памятники права. Древность и Средневековье: учеб. пособие / Д.В. Зорилэ, Л.Л. Кофанов, О.Л. Лысенко и др.; под науч. ред. Н.А. Крашенинниковой. М., 2015.
10. История государства и права зарубежных стран (Рабовладельческое и феодальное государство и право): учеб. пособие / под ред. П.Н. Галанзы, Б.С. Громокова. М., 1980. С. 469–475, 495–513.
11. История государства и права зарубежных стран: учеб.-метод. пособие / Лысенко О.Л., Нагих С.И., Трикоз Е.Н. и др.; отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2003.
12. *Коваленко А.И., Томсинов В.А.* Рец. на: Исследование проблем развития индусского права. (Крашенинникова Н.А. Индусское право: история и современность. М., 1982. – 192 с.) // Вестник Московского ун-та. Сер. «Право». 1983. № 1. С. 83–85.
13. *Коркунов Н.* Рец. на: Дерюжинский В.Ф. Habeas Corpus Act и его приостановка по английскому праву. Очерк основных гарантий личной свободы в Англии и их временного ограничения. Юрьев, 1895 // Журнал Министерства Юстиции. 1895. № 8. С. 142–145.
14. *Кострицына [Крашенинникова] Н.А.* Ограничение гарантий неприкосновенности личности в английском праве. Habeas Corpus Act и чрезвычайное законодательство в Англии. М., 1957.
15. *Крашенинникова Н.А.* Английский суд присяжных // Сов. юстиция. 1962. № 22. С. 25–26.
16. *Крашенинникова Н.А.* Брачно-семейное право Индии: современный и традиционный аспекты // Вестник Московского ун-та. Сер. II «Право». 2000. № 4. С. 64–78.
17. *Крашенинникова Н.А.* Великая хартия вольностей 1215 г.: новое прочтение // Источники (формы) права: вопросы теории и истории: материалы Всеросс. науч. конф. Краснодар, 2002.
18. *Крашенинникова Н.А.* Великая хартия вольностей 1215 г.: современная интерпретация // Вестник Московского ун-та. Сер. II «Право». 2002. № 3. С. 86–107.
19. *Крашенинникова Н.А.* Влияние идей Октябрьской революции на идеологию национально-освободительного движения в странах Азии: теорет. конф. фак-та экономики и права УДН им. П. Лумумбы (тезисы докладов). М., 1967. С. 55–57.
20. *Крашенинникова Н.А.* Возникновение независимых государств в странах Юго-Восточной и Южной Азии // История государства и права зарубежных стран: учеб. для студ. юрид. ин-тов и фак-тов / под ред. П.Н. Галанзы, О.А. Жидкова. М., 1969. Т. 2.
21. *Крашенинникова Н.А.* Вопросы истории государства и права стран Востока в эпоху Средневековья // Актуальные проблемы истории государства и права. М., 1976. С. 56–62.
22. *Крашенинникова Н.А.* Глава X. Права человека в Индии: традиционализм и современность // Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2002.
23. *Крашенинникова Н.А.* Древний памятник права «Законы Хаммурапи»: цивилизационный метод исследования // Межцивилизационные контакты «Восток – За-

- пад»: история, современность: материалы науч. межвуз. семинара. М., 2012.
24. Крашенинникова Н.А. Законы Хаммурапи — древнейший памятник права: цивилизационный метод исследования // Жидковские чтения «Сравнительное правоведение»: материалы Всеросс. науч. конф. М., 2014. С. 207–216.
 25. Крашенинникова Н.А. Индусское право: историческая преемственность и границы применения // Вестник Московского ун-та. Сер. «Право». 1978. № 5.
 26. Крашенинникова Н.А. Индусское право: история и современность. [Предисл. О. Жидкова]. М., 1982.
 27. Крашенинникова Н.А. История государства и права Кубы: учеб. пособие. М., 1966.
 28. Крашенинникова Н.А. История права Востока: курс лекций. М., 1994.
 29. Крашенинникова Н.А. Источники древнеиндийского права и их развитие в современной Индии // Правоведение. 1980. № 1.
 30. Крашенинникова Н.А. Источники индусского права и их модификация в колониальной Индии // Вестник Московского ун-та. Сер. «Право». 1975. № 1.
 31. Крашенинникова Н.А. К вопросу о кодификации права в колониальной Индии во второй половине XIX века // Вестник Московского ун-та. Сер. «Право». 1975. № 2.
 32. Крашенинникова Н.А. К вопросу о методологии изучения истории права // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 2007. № 6. С. 3–27.
 33. Крашенинникова Н.А. Колониальные системы управления в Южной и Юго-Восточной Азии: учеб. пособие по спецкурсу. М., 1972.
 34. Крашенинникова Н.А. Некоторые вопросы национально-освободительного движения и конституционного развития Индии // Труды УДН. Сер. «Экономика и право». М., 1968. Т. XXXI. Вып. 3.
 35. Крашенинникова Н.А. О мерах борьбы с религиозным влиянием на детей // Молодой коммунист. 1960. № 6. С. 97–98.
 36. Крашенинникова Н.А. О некоторых актуальных вопросах истории обычного права // Методология историко-правовых исследований. М., 1980. С. 59–67.
 37. Крашенинникова Н.А. О некоторых теоретико-методологических вопросах истории государства и права стран зарубежного Востока (в свете изучения средневековой истории Индии и Китая) // Методологические и теоретические проблемы юридической науки: сб. науч. тр. / под ред. М.Н. Марченко. М., 1986. С. 225–239.
 38. Крашенинникова Н.А. Права человека в Индии: традиционализм и современность [Тезисы доклада] // Права человека: итоги века, тенденции, перспективы // Государство и право. 2001. № 5.
 39. Крашенинникова Н.А. Право и религиозно-общинные противоречия в Индии // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 1986. № 2.
 40. Крашенинникова Н.А. Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. М., 2009.
 41. Крашенинникова Н.А. Происхождение права в Древней Индии // Правоведение. 1977. № 1.
 42. Крашенинникова Н.А. Противостояние консервативного традиционализма и современного законодательства в Индии // Всеобщая декларация прав человека и гражданина: универсализм и многообразие опытов: сб. ст. М., 2009.
 43. Крашенинникова Н.А. Реформа брачно-семейного права в независимой Индии // Проблемы советского семейного права: материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1980. С. 73–76.
 44. Крашенинникова Н.А. Реформа индусского брачного права в Республике Индия // Вестник Московского ун-та. Сер. «Право». 1980. № 2.
 45. Крашенинникова Н.А. Рец. на: Берман Дж. Западная традиция права // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 1995. № 5.
 46. Крашенинникова Н.А. Рец. на: Давид Р. Основные правовые системы современности // Вестник Московского ун-та. Сер. «Право». 1988. № 3.
 47. Крашенинникова Н.А. Рец. на: Карбонье Ж. Юридическая социология // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 1986. № 6.
 48. Крашенинникова Н.А. Рец. на: Рулан Н. Юридическая антропология. М.: Норма, 1999. — 301 с. // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 1999. № 6. С. 108–113.
 49. Крашенинникова Н.А. Рец. на: Сафонов В.Н. Верховный суд США: социальные права и социальное законодательство // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 2005. № 4.
 50. Крашенинникова Н.А. Роль закона и традиции в современной правовой системе Индии // Жидковские чтения «Правовые традиции»: материалы Междунар. науч. конф. М., 2013. С. 319–326.
 51. Крашенинникова Н.А. Система колониального управления в Нидерландской Индии во второй половине XIX — первой половине XX века // Ученые труды УДН им. П. Лумумбы. Проблемы государства и права стран Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1971. С. 32–46.
 52. Крашенинникова Н.А. Специфические черты правовой культуры Индии: история и современность // Диалог культур и партнерство цивилизаций, становление глобальной культуры: X Междунар. Лихачевские науч. чтения (г. Санкт-Петербург, 13–14 мая 2010 г.). СПб., 2010. С. 394–396.
 53. Крашенинникова Н.А. Становление национальных систем права в развивающихся странах и идеологическая борьба // Право и борьба идей в современном мире (Критика современных буржуазных концепций права). М., 1980. С. 144–151.
 54. Крашенинникова Н.А. Цивилизационные подходы к изучению истории государства и права // Методологические проблемы правоведения. М., 1994.
 55. Крашенинникова Н.А., Сосна С.А. Рец. на: Мозолин В.П. Личность, право, экономика современной Индии. М.: Наука, 1979. — 225 с. // Сов. государство и право. 1980. № 7. С. 153–155.
 56. Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н. Древневосточная проблематика в научном наследии профессора

- О.А. Жидкова // История государства и права. 2021. № 4. С. 9–15.
57. Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н. Институт наказания в Уголовном кодексе Индии 1860 г.: пенологические теории // Всеросс. криминологический журнал. 2018. Т. 12 (3). С. 431–443.
58. Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н. Типология обстоятельств, исключających ответственность, в уголовном праве Индии // Междунар. уголовное право и междунар. юстиция. 2018. № 5. С. 19–22.
59. Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н. Система исключających ответственность обстоятельств в Уголовном кодексе Индии (статья первая) // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 2018. № 5. С. 26–49.
60. Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н. Система исключających ответственность обстоятельств в Уголовном кодексе Индии (статья вторая) // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 2019. № 3. С. 68–85.
61. Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н. Уголовный кодекс Индии 1860 года: история создания и характерные черты // Правоведение. 2017. № 4. С. 183–206.
62. Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н. Формирование института соучастия в уголовном праве Индии XIX в. // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 66–90.
63. Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н. Цели и система наказаний в Уголовном кодексе Индии 1860 г. // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 2018. № 1. С. 23–43.
64. Новицкая Т.Е., Томсинов В.А. Кафедра истории государства и права юридического факультета МГУ // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 2001. № 4. С. 87–95.
65. Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937.
66. Скрипичев Е.А. Английский “*habeas corpus act*” в русской литературе XVIII–XIX веков // Историко-юридические исследования: Россия и Англия. М., 1990. С. 14–23.
67. Соломатин А.Ю. Рец. на: История государства и права зарубежных стран. Учебник для вузов. Том I: Древний мир и средние века; Том II: Современная эпоха / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. 720, 816 с. // Правоведение. 2006. № 2. С. 199–201.
68. Трикоз Е.Н. Уголовный кодекс Индии 1860 г.: эволюция целей наказания // История государства и права. 2018. № 1.
69. Трикоз Е.Н., Крашенинникова Н.А. Сравнительное уголовное право (Индия): учеб. пособие для вузов. М., 2020.
70. Трикоз Е.Н., Труш Д.Е. Отражение уголовной политики метрополии в колониальном законодательстве Индии конца XVIII–XIX века // Правоохранительные и правозащитные функции государства на различных стадиях его существования: сб. ст. М., 2017.
71. Трикоз Е.Н., Швеиц А.А. Уголовная политика в Британской Индии накануне кодификации уголовного права (кон. XVIII – сер. XIX вв.) // Право, государство и экономика: проблемы теории, истории и практики. Краснодар, 2017. С. 125–131.
72. Фримен Э. Развитие английской конституции с древнейших времен / пер. с англ. С.Г. Замойского. М., 1905.
73. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. Т. 1 / сост.: Е.Н. Трикоз, О.Л. Лысенко; под ред. Н.А. Крашенинникова. Т. 2 / сост. Н.А. Крашенинникова. М., 2003.
74. Чиркин В.Е. Рец. на: Крашенинникова Н.А. Колониальные системы управления в Южной и Юго-Восточной Азии. Изд-во УДН, 1972 // Правоведение. 1974. № 6. С. 137–138.
75. Ясинский А.Н. История Великой хартии в XIII веке. Киев, 1888.
76. Carpenter A.H. Habeas Corpus in the Colonies // The American Historical Review. 1902. Vol. 8. No. 1. P. 18–27.
77. Church W.S. A Treatise of the writ of Habeas Corpus, including Jurisdiction, false imprisonment, writ of error, extradition etc. St. Francisco, 1886.
78. Delignières B. Le writ d’habeas corpus ad subjiciendum en droit anglais. Paris, 1952.
79. Hurd R. A Treatise on the Right of personal liberty and on the writ of Habeas Corpus and the Practice connected with it. Albany, 1876.
80. Jenks E. The Story of the Habeas Corpus // Law Quarterly Review. 1902. Vol. XVIII. P. 64–77.
81. Mukherjee A. Marriage, Separation, Divorce. 3^{ed}. Kolkata, 2002.
82. Paterson J. Commentaries on the liberty of the subject and the laws of England relating to the security of the person. London, 1877.
83. Pollard A.F. The evolution of the Parliament. London, 1920.
84. Sharpe R.J. The law of Habeas Corpus. Oxford, 1876.
85. Stubbs W. The Select Charters of the Magna Carta Libertatum. Oxford, 1879.

REFERENCES

1. Anthology of World legal thought: in 5 vols. Vol. 2. Europe. V–XVII centuries / res. ed. N.A. Krasheninnikova. M., 1999. P. 5 (in Russ.).
2. Gratsiansky P.S. Rev.: Krasheninnikova N.A. Hindu Law: History and Modernity. M.: Moscow Publishing House. un-ta, 1982. – 192 pp. // Soviet State and Law. 1982. No. 9. P. 151–153 (in Russ.).
3. Daisi A.V. Fundamentals of State law of England. Introduction to the study of the English Constitution / transl. from English ed. by P.G. Vinogradov. M., 1907 (in Russ.).
4. Deryuzhinsky V.F. Guarantees of personal freedom in England // Legal Herald. 1884. No. 12. P. 606–657 (in Russ.).
5. Deryuzhinsky V.F. Habeas Corpus Act and its suspension under English law. An outline of the basic guarantees of personal freedom in England and their temporary restrictions. Yuryev (B. Dorpat), 1895 (in Russ.).
6. Zakharov V.V., Alentyeva T.V., Safonov V.N. Rev.: History of state and law of foreign countries. Vol. 2. Modern epoch / res. ed. N.A. Krasheninnikova. M.: Norma, 2005 // State and Law. 2006. No. 5. P. 124–125 (in Russ.).

7. History of the state and law of foreign countries / ed. by O.A. Zhidkov, N.A. Krasheninnikova. 3rd ed., reprint and add. Vol. I. The Ancient World and the Middle Ages. M., 2004 (in Russ.).
8. History of the state and law of foreign countries / ed. by N.A. Krasheninnikova. 3rd ed., reprint and add. Vol. II. Modern epoch. M., 2005 (in Russ.).
9. History of the state and law of foreign countries. Selected monuments of law. Antiquity and the Middle Ages: textbook / D.V. Zorile, L.L. Kofanov, O.L. Lysenko et al.; ed. by N.A. Krasheninnikova. M., 2015 (in Russ.).
10. History of the state and law of foreign countries (Slaveholding and feudal state and law): textbook / ed. by P.N. Galanza, B.S. Gromokova. M., 1980. P. 469–475, 495–513 (in Russ.).
11. History of the state and law of foreign countries: educational and methodical manual / Lysenko O.L., Nagikh S.I., Trikoz E.N. et al.; ed. N.A. Krasheninnikova. M., 2003 (in Russ.).
12. *Kovalenko A.I., Tomsinov V.A.* Rev.: Research of problems of development of Hindu Law. (Krasheninnikova N.A. Hindu Law: history and modernity. M., 1982. – 192 pp.) // Herald of the Moscow University. Ser. “Law”. 1983. No. 1. P. 83–85 (in Russ.).
13. *Korkunov N.* Rev.: Deryuzhinsky V.F. Habeas Corpus Act and its suspension under English Law. An outline of the basic guarantees of personal freedom in England and their temporary restrictions. Yuryev, 1895 // Journal of the Ministry of Justice. 1895. No. 8. P. 142–145 (in Russ.).
14. *Kostritsyna [Krasheninnikova] N.A.* Limitation of guarantees of personal inviolability in English law. Habeas Corpus Act and emergency legislation in England. M., 1957 (in Russ.).
15. *Krasheninnikova N.A.* English jury trial // Sov. Justice. 1962. No. 22. P. 25–26 (in Russ.).
16. *Krasheninnikova N.A.* Marriage and Family Law of India: modern and traditional aspects // Herald of the Moscow University. Ser. 11 “Law”. 2000. No. 4. P. 64–78 (in Russ.).
17. *Krasheninnikova N.A.* The Magna Carta of 1215: a new reading // Sources (forms) of law: questions of theory and history: materials of the All-Russian Scientific Conference. Krasnodar, 2002 (in Russ.).
18. *Krasheninnikova N.A.* The Magna Carta of 1215: a modern interpretation // Herald of the Moscow University. Ser. 11 “Law”. 2002. No. 3. P. 86–107 (in Russ.).
19. *Krasheninnikova N.A.* The influence of the ideas of the October Revolution on the ideology of the national liberation movement in Asian countries: theoretical Conf. of the Faculty of Economics and Law of P. Lumumba UDN (abstracts of reports). M., 1967. P. 55–57 (in Russ.).
20. *Krasheninnikova N.A.* The emergence of independent states in the countries of Southeast and South Asia // History of state and law of foreign countries: textbook for students legal institutes and faculties / ed. by P.N. Galanza, O.A. Zhidkova. M., 1969. Vol. 2 (in Russ.).
21. *Krasheninnikova N.A.* Questions of the history of state and law of the countries of the East in the Middle Ages // Actual problems of the history of state and law. M., 1976. P. 56–62 (in Russ.).
22. *Krasheninnikova N.A.* Chapter X. Human rights in India: traditionalism and modernity // Human rights: results of the century, trends, prospects / ed. by E.A. Lukasheva. M., 2002 (in Russ.).
23. *Krasheninnikova N.A.* Ancient monument of law “Laws of Hammurabi”: a civilizational research method // Inter-civilizational contacts “East – West”: history, modernity: materials of scientific research. inter-university. M., 2012 (in Russ.).
24. *Krasheninnikova N.A.* The laws of Hammurabi – the oldest monument of law: a civilizational research method // Zhidkov readings “Comparative Jurisprudence”: materials of the All-Russian Scientific Conference. M., 2014. P. 207–216 (in Russ.).
25. *Krasheninnikova N.A.* Hindu Law: Historical continuity and limits of application // Herald of the Moscow University. Ser. “Law”. 1978. No. 5 (in Russ.).
26. *Krasheninnikova N.A.* Hindu Law: History and Modernity. [Preface by O. Zhidkov]. M., 1982 (in Russ.).
27. *Krasheninnikova N.A.* History of the State and law of Cuba: textbook. M., 1966 (in Russ.).
28. *Krasheninnikova N.A.* The history of the law of the East: a course of lectures. M., 1994 (in Russ.).
29. *Krasheninnikova N.A.* Sources of ancient Indian Law and their development in modern India // Pravovedenie. 1980. No. 1 (in Russ.).
30. *Krasheninnikova N.A.* Sources of Hindu law and their modification in colonial India // Herald of the Moscow University. Ser. “Law”. 1975. No. 1 (in Russ.).
31. *Krasheninnikova N.A.* On the question of the codification of law in colonial India in the second half of the XIX century // Herald of the Moscow University. Ser. “Law”. 1975. No. 2 (in Russ.).
32. *Krasheninnikova N.A.* On the methodology of studying the history of law // Herald of the Moscow University. Ser. 11 “Law”. 2007. No. 6. P. 3–27 (in Russ.).
33. *Krasheninnikova N.A.* Colonial management systems in South and Southeast Asia: studies handbook on a special course. M., 1972 (in Russ.).
34. *Krasheninnikova N.A.* Some issues of the national liberation movement and constitutional development of India // Proceedings of the UDN. Ser. “Economics and Law”. M., 1968. Vol. XXXI. Issue 3 (in Russ.).
35. *Krasheninnikova N.A.* On measures to combat religious influence on children // Young Communist. 1960. No. 6. P. 97–98 (in Russ.).
36. *Krasheninnikova N.A.* On some topical issues of the history of customary law // Methodology of historical and legal research. M., 1980. P. 59–67 (in Russ.).
37. *Krasheninnikova N.A.* On some theoretical and methodological issues of the history of the state and law of the countries of the Foreign East (in the light of the study of the medieval history of India and China) // Methodological and theoretical problems of legal science: collection of scientific works / ed. by M.N. Marchenko. M., 1986. P. 225–239 (in Russ.).
38. *Krasheninnikova N.A.* Human rights in India: traditionalism and modernity [Theses of the report] // Human rights: results of the century, trends, prospects // State and Law. 2001. No. 5 (in Russ.).

39. *Krasheninnikova N.A.* Law and religious-communal contradictions in India // Herald of the Moscow University. Ser. 11 "Law". 1986. No. 2 (in Russ.).
40. *Krasheninnikova N.A.* Legal culture of modern India: innovative and traditional features. M., 2009 (in Russ.).
41. *Krasheninnikova N.A.* The origin of law in ancient India // Jurisprudence. 1977. No. 1 (in Russ.).
42. *Krasheninnikova N.A.* Opposition of conservative traditionalism and modern legislation in India // Universal Declaration of Human and Civil Rights: universalism and diversity of experiences: collection of arts. M., 2009 (in Russ.).
43. *Krasheninnikova N.A.* Reform of Marriage and Family Law in independent India // Problems of Soviet Family Law: materials of the All-Union. Scientific and Practical Conf. M., 1980. P. 73–76 (in Russ.).
44. *Krasheninnikova N.A.* Reform of Hindu Marriage Law in the Republic of India // Herald of the Moscow University. Ser. "Law". 1980. No. 2 (in Russ.).
45. *Krasheninnikova N.A.* Rev.: Berman J. The Western tradition of Law // Herald of the Moscow University. Ser. 11 "Law". 1995. No. 5 (in Russ.).
46. *Krasheninnikova N.A.* Rev.: David R. Basic legal systems of modernity // Herald of the Moscow University. Ser. "Law". 1988. No. 3 (in Russ.).
47. *Krasheninnikova N.A.* Rev.: Carbonnier Zh. Legal Sociology // Herald of the Moscow University. Ser. "Law". 1986. No. 6 (in Russ.).
48. *Krasheninnikova N.A.* Rev.: Rulan N. Legal anthropology. M.: Norma, 1999. – 301 pp. // Herald of the Moscow University. Ser. 11 "Law". 1999. No. 6. P. 108–113 (in Russ.).
49. *Krasheninnikova N.A.* Rev.: Safonov V.N. The Supreme Court of the USA: social rights and social legislation // Herald of the Moscow University. Ser. 11 "Law". 2005. No. 4 (in Russ.).
50. *Krasheninnikova N.A.* The Role of Law and tradition in the modern legal system of India // Zhidkov readings "Legal traditions": materials of the International Scientific Conference. M., 2013. P. 319–326 (in Russ.).
51. *Krasheninnikova N.A.* The system of colonial administration in Dutch India in the second half of the XIX – first half of the XX century // Scientific works of P. Lumumba UDN. Problems of state and law in Asia, Africa and Latin America. M., 1971. P. 32–46 (in Russ.).
52. *Krasheninnikova N.A.* Specific features of the legal culture of India: history and modernity // Dialogue of cultures and partnership of civilizations, formation of global culture: X International. Likhachevsky scientific readings (St. Petersburg, May 13–14, 2010). SPb., 2010. P. 394–396 (in Russ.).
53. *Krasheninnikova N.A.* Formation of national legal systems in developing countries and ideological struggle // Law and the struggle of ideas in the modern world (Criticism of modern bourgeois concepts of law). M., 1980. P. 144–151 (in Russ.).
54. *Krasheninnikova N.A.* Civilizational approaches to the study of the history of state and law // Methodological problems of jurisprudence. M., 1994 (in Russ.).
55. *Krasheninnikova N.A., Sosna S.A.* Rev.: Mozolin V.P. Personality, law, Economy of modern India. M.: Nauka, 1979. – 225 pp. // Soviet State and Law. 1980. No. 7. P. 153–155 (in Russ.).
56. *Krasheninnikova N.A., Trikoz E.N.* Ancient Eastern problems in the scientific heritage of Professor O.A. Zhidkov // History of the state and law. 2021. No. 4. P. 9–15 (in Russ.).
57. *Krasheninnikova N.A., Trikoz E.N.* Institute of punishment in the Criminal Code of India 1860: penological theories // All-Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12 (3). P. 431–443 (in Russ.).
58. *Krasheninnikova N.A., Trikoz E.N.* Typology of circumstances excluding liability in Indian criminal law // International Criminal Law and International Law Justice. 2018. No. 5. P. 19–22 (in Russ.).
59. *Krasheninnikova N.A., Trikoz E.N.* The system of circumstances excluding liability in the Criminal Code of India (Article one) // Herald of the Moscow University. Ser. 11 "Law". 2018. No. 5. P. 26–49 (in Russ.).
60. *Krasheninnikova N.A., Trikoz E.N.* The system of circumstances excluding liability in the Criminal Code of India (Article two) // Herald of the Moscow University. Ser. 11 "Law". 2019. No. 3. P. 68–85 (in Russ.).
61. *Krasheninnikova N.A., Trikoz E.N.* The Criminal Code of India of 1860: the history of creation and characteristic features // Jurisprudence. 2017. No. 4. P. 183–206 (in Russ.).
62. *Krasheninnikova N.A., Trikoz E.N.* Formation of the institute of complicity in the criminal law of India of the 16th century // Herald of the RUDN. Ser.: Legal Sciences. 2018. Vol. 22. No. 1. P. 66–90 (in Russ.).
63. *Krasheninnikova N.A., Trikoz E.N.* Goals and the system of punishments in the Criminal Code of India in 1860 // Herald of the Moscow University. Ser. 11 "Law". 2018. No. 1. P. 23–43 (in Russ.).
64. *Novitskaya T.E., Tomsinov V.A.* Department of History of State and Law of the Faculty of Law of Moscow State University // Herald of the Moscow University. Ser. 11 "Law". 2001. No. 4. P. 87–95 (in Russ.).
65. *Petrushesky D.M.* Essays from the history of the English state and society in the Middle Ages. M., 1937 (in Russ.).
66. *Skripilev E.A.* English "habeas corpus act" in Russian literature of the XVIII–XIX centuries // Historical and legal studies: Russia and England. M., 1990. P. 14–23 (in Russ.).
67. *Solomatina A. Yu.* Rev.: History of the state and law of foreign countries. Textbook for universities. Volume I: The Ancient World and the Middle Ages; Volume II: The Modern Era / ed. by N.A. Krasheninnikova. 3rd ed., reprint and add. M.: Norma, 2005. 720, 816 pp. // Pravovedenie. 2006. No. 2. P. 199–201 (in Russ.).
68. *Trikoz E.N.* The Indian Criminal Code of 1860: the evolution of the goals of punishment // History of the state and law. 2018. No. 1 (in Russ.).
69. *Trikoz E.N., Krasheninnikova N.A.* Comparative Criminal Law (India): textbook for universities. M., 2020 (in Russ.).
70. *Trikoz E.N., Trush D.E.* Reflection of the criminal policy of the metropolis in the colonial legislation of India at the end of the XVIII–XIX century // Law enforcement and human rights functions of the state at various stages of its existence: collection of arts. M., 2017 (in Russ.).

71. *Trikoz E.N., Shvets A.A.* Criminal policy in British India on the eve of the codification of Criminal Law (late 18th – mid 19th centuries) // Law, state and economy: problems of theory, history and practice. Krasnodar, 2017. P. 125–131 (in Russ.).
72. *Freeman E.* The development of the English Constitution since ancient times / transl. from the English by S.G. Zamoyiski. M., 1905 (in Russ.).
73. Anthology on the history of state and law of foreign countries: in 2 vols. Vol. 1 / comp.: E.N. Trikoz, O.L. Lysenko; ed. by N.A. Krasheninnikova. Vol. 2 / comp. N.A. Krasheninnikova. M., 2003 (in Russ.).
74. *Chirkin V.E.* Rev.: Krasheninnikova N.A. Colonial management systems in South and Southeast Asia. Publishing house of UDN, 1972 // Pravovedenie. 1974. No. 6. P. 137–138 (in Russ.).
75. *Yasinsky A.N.* History of the Great Charter in the 13th century. Kiev, 1888 (in Russ.).
76. *Carpenter A.H.* Habeas Corpus in the Colonies // The American Historical Review. 1902. Vol. 8. No. 1. P. 18–27.
77. *Church W.S.* A Treatise of the writ of Habeas Corpus, including Jurisdiction, false imprisonment, writ of error, extradition etc. St. Francisco, 1886.
78. *Delignières B.* Le writ d'habeas corpus ad subjiciendum en droit anglais. Paris, 1952.
79. *Hurd R.* A Treatise on the Right of personal liberty and on the writ of Habeas Corpus and the Practice connected with it. Albany, 1876.
80. *Jenks E.* The Story of the Habeas Corpus // Law Quarterly Review. 1902. Vol. XVIII. P. 64–77.
81. *Mukherjee A.* Marriage, Separation, Divorce. 3^{ed}. Kolkata, 2002.
82. *Paterson J.* Commentaries on the liberty of the subject and the laws of England relating to the security of the person. London, 1877.
83. *Pollard A.F.* The evolution of the Parliament. London, 1920.
84. *Sharpe R.J.* The law of Habeas Corpus. Oxford, 1876.
85. *Stubbs W.* The Select Charters of the Magna Carta Libertatum. Oxford, 1879.

Сведения об авторах

КРАШЕНИННИКОВ Павел Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, государственный советник юстиции РФ, председатель Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации; 119019 г. Москва, ул. Моховая, д. 7

ТРИКОЗ Елена Николаевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76; доцент кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов; 117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Authors' information

KRASHENINNIKOV Pavel V. — Doctor in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, State Counselor of Justice of the Russian Federation, Chairman of the Council under the President of the Russian Federation for Codification and Improvement of Civil Legislation, State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation; 7 Mokhovaya str., 119019 Moscow, Russia

TRIKOZ Elena N. — PhD in Law, Associate Professor, Chair of Law Theory and Comparative Jurisprudence, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University); 76 Vernadsky ave., 119454 Moscow, Russia; Senior Lecturer, Chair of History of Law and State, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia; 6 Miklukho-Maklaya, 117198 Moscow, Russia

КОДЕКС ЛИБЕРА

© 2023 г. И. И. Бутрим*, А. И. Чучаев**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: acad.sec@igpran.ru

**E-mail: moksha1@rambler.ru

Поступила в редакцию 19.01.2023 г.

Аннотация. В статье представлена научная биография Фрэнсиса Либера, автора Кодекса, вошедшего в литературу под его именем, показана структура и дана характеристика содержания кодифицированного акта, явившегося основой Гаагских договоров, получившего дальнейшее развитие в международном гуманитарном праве как право войны или право военных конфликтов.

Ключевые слова: гуманитарное право, право войны, Фрэнсис Либер, политико-правовые взгляды Либера, Кодекс Либера, Инструкции для правительства армий Соединенных Штатов в полевых условиях, Гаагские договоры, международное гуманитарное право.

Цитирование: Бутрим И.И., Чучаев А.И. Кодекс Либера // Государство и право. 2023. № 2. С. 111–120.

DOI: 10.31857/S102694520024323-6

THE LIEBER CODE

© 2023 I. I. Butrim*, A. I. Chuchaev**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: acad.sec@igpran.ru

**E-mail: moksha1@rambler.ru

Received 19.01.2023

Abstract. The article presents the scientific biography of Francis Lieber, the author of the Code, which entered the literature under his name, shows the structure and characterizes the content of the codified act, which was the basis of the Hague Treaties, which was further developed in International Humanitarian Law as the law of war or the law of military conflicts.

Key words: Humanitarian Law, the law of war, Francis Lieber, Lieber's political and legal views, the Lieber Code, Instructions for the Government of the Armies of the United States in the field, The Hague Treaties, International Humanitarian Law.

For citation: Butrim, I.I., Chuchaev, A.I. (2023). The Lieber Code // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 111–120.

Фрэнсис (Франц) Либер (1798 или 1800¹–1872) родился в Берлине, в богатой еврейской семье, был десятым из двенадцати детей². Фрэнсисом он стал позднее, после переезда в Соединенные Штаты Америки, а в Прусском королевстве звался Францем. Еще будучи молодым человеком, в составе

прусской армии принял участие в боях при Ватерлоо, где был серьезно ранен.

Вернувшись в Берлин (после 1815 г.), Либер стал готовиться к вступительным экзаменам в Берлинский университет. Но, несмотря на то что он успешно их выдержал, ему было отказано в зачислении. Причиной стало его членство в Burschenschaft (студенческая корпорация)³, участники которой проповедовали либеральные и националистические идеи, а главное – выступали против прусской

¹ Споры о дате рождения, по некоторым сведениям, обусловлены тем, что Ф. Либер изменил свой возраст при поступлении на службу в Кольбергский полк прусской армии. – *Прим. авторов.*

² Здесь и далее, если не оговорено иное, сведения приводятся по данным электронных ресурсов международной информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

³ См.: Balder H.-G. Die Deutsche(n) Burschenschaft(en) Hilden. 2005. P. 168.

монархии. Во время подавления студенческих выступлений в 1819 г. по подозрению в либерализме Франц первый раз был заключен в тюрьму.

В 1820 г. Либер поступил в Йенский университет, где написал диссертацию по математике, получив ученую степень доктора. Затем изучал прикладную математику в университетах Галле и Дрездена, а также в частном порядке в Берлине. В Дрездене под руководством военного теоретика, писателя, майора (в будущем генерала) Карла фон Деккера также намеревался изучать топографию, но его занятия были прерваны греческой революцией 1821 г.⁴, в которой Либер, как и многие европейские студенты, интеллектуалы и литераторы того времени, принял участие, правда, совсем недолго.

На долю Либера выпало немало испытаний. В 1822–1823 гг. он вынужденно находится в Риме, обучая сына прусского посла Бартольда Георга Нибура⁵. В это же время пишет работу, которая в 1823 г. была издана в Амстердаме под названием «Немецкий анахарсис»⁶.

Получив помилование, Либер вернулся в Германию, но вскоре был вновь арестован и помещен в тюрьму в Кёпенике⁷. Во время заключения написал сборник стихов, название которого на русском звучит как «Песни вина и блаженства». После

⁴ Эта революция известна также как греческая война за независимость – вооруженная борьба греческого народа за независимость от Османской империи, начавшаяся в 1821 г. и завершившаяся в 1829 г. Адрианопольским договором, предоставившим Греции автономию (см.: Адрианопольский мирный договор между Россией и Турцией. Архивная копия от 24 февраля 2015 г. Проект Российского военно-исторического общества «100 главных документов российской истории» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://web.archive.org/web/20150224155114/adrianopolskiy-mirnyy-dogovor-mezhdu-rossiey-i-turtsiey/> (дата обращения: 22.06.2022)).

⁵ Бартольд Георг Нибур (1776–1831) – немецкий историк античности, критик и новатор в области филологических исследований исторического исследования (см.: Профиль Б.Г. Нибура на официальном сайте РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.ras.ru/win/db/show_per.asp?P=.id-51483.ln-ru (дата обращения: 22.06.2022)).

⁶ В названии работы использовано имя мифологического персонажа. Анахарсис (неранимый) – скиф сакского происхождения, сын царя Гнура, брат царя Савлия и Кадуита; прославился как мудрец, философ и сторонник умеренности во всем, его причисляли к семи мудрецам, ему приписывали многие изречения, получившие признание современников. По утверждению Геродота, убит родным братом за совершенные иноземного религиозного обряда (см.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907. Т. 82 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/> (дата обращения: 22.06.2022)).

⁷ Кёпеник – исторический город и местность, расположенная в месте слияния рек Даме и Шпрее, в 1920 г. стал районом Берлина. В результате административной реформы в 2001 г. объединен с Трептов (см.: *Маркина Л.Г., Муравлева Е.Н., Муравлева Н.В.* Культура Германии: лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Н.В. Муравлевой. М., 2006. С. 323).

освобождения из тюрьмы с помощью Нибура он смог опубликовать его в Берлине в 1824 г. под псевдонимом Франц Арнольд.

В Германии Либер пробыл недолго и уже в 1825 г. поселился в Лондоне. В течение двух лет перебивался случайными заработками, давал уроки и сотрудничал с немецкими периодическими изданиями. В Лондоне познакомился с Джоном Нилом⁸, изучавшим в Англии т.н. гимнастическое движение, намеревавшимся распространить его в Америке. Нил опубликовал в американских изданиях ряд статей о Либере, представив его читателю как «квалифицированного, почти безупречного учителя гимнастики» и «главного персонажа... профессора Яна»⁹. Сам Либер в это же время публикует трактат о ланкастерской системе обучения¹⁰.

Предпринятые усилия принесли успех. Либер получил приглашение в Бостон руководить тренажерным залом и программой плавания. В Англии он встретил свою будущую жену Матильду Оппенгеймер.

Деятельность Либера в спортивной сфере испытала феерический взлет и сокрушительное падение. В Бостон он прибыл в 1827 г., имея на руках рекомендации уже упоминавшегося Яна и генерала Пфуэля¹¹, руководившего программой плавания в Берлине. Бостонская школа плавания в первое время получила такое признание, что ее даже посетил тогдашний президент Джон Куинси Адамс. Но вскоре ситуация резко изменилась, школа

⁸ Джон Нил (1793–1876) – американский писатель, критик, редактор, лектор, активист. Отстаивал т.н. американский литературный национализм, феминистские идеи, выступал за прекращение рабства и расизма, помогал основать американское движение гимнастики (см.: URL: <http://www.johnneill.net/> (дата обращения: 22.06.2022)).

⁹ Иоганн Фридрих Людвиг Кристоф Ян (1778–1852) – немецкий педагог по гимнастике; с его именем связывают основание движения «Тернерс». Члены этого движения продвигали немецкую культуру вообще и физическую культуру в частности, являлись сторонниками либеральной политики (см.: Friedrich Ludwig Jahn // Энциклопедия Брокгауз (нем.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://Hrsg.: Bibliographisches Institut&F.A. Brockhaus, Wissen Media Verlag> (дата обращения: 22.06.2022)).

¹⁰ Название метода обучения производно от имени его разработчика Джозефа Ланкастера. Метод основан на том, что более способные ученики выступают помощником учителя, передавая полученные знания другим ученикам. В литературе встречается и под иным названием, например «взаимное обучение», «метод Белла–Ланкастера». Эндриу Белл – британский педагог, независимо от Ланкастера также разработавший этот метод (см.: *Телешов С.В.* Ланкастерская школа в России // Педагогика. 2005. № 10. С. 73).

¹¹ Эрнст Генрих Адольф фон Пфуэль (1779–1866) – государственный деятель Пруссии, последняя занимаемая должность – премьер-министр. Был основателем первой в мире военной школы плавания (1810) (см.: URL: <http://prussianmachine.com/prussia/pfuel.htm> (дата обращения: 22.06.2022)).

перестала восприниматься чем-то прорывным в системе физического образования, в газетах стали появляться карикатуры на нее. А всего через два года она вообще закрылась.

Именно с этого времени стала восходить звезда Либера как ученого. Он читает лекции по истории и политике в крупнейших городах США, переводит на английский язык работы французских и немецких социологов, под его редакцией издается 13-томная «Американская энциклопедия». Либера готовит развернутую программу обучения в колледже. В 1835 г. он становится профессором и получает кафедру истории и политической экономии в колледже Южной Каролины, которую непрерывно возглавляет до 1856 г.

В эти же годы Либера публикует ряд фундаментальных исследований, создавших ему имя как политическому философу, в том числе двухтомное «Руководство по политической этике» (Бостон, 1838), использовавшееся Гарвардским колледжем в качестве учебника; «Юридическая и политическая герменевтика, или Принципы толкования и построения в праве и политике» (1839); «Законы о собственности. Очерки о собственности и труде» (Нью-Йорк, 1842); «О гражданской свободе и самоуправлении» в двух томах (Филадельфия, 1853) и др.¹²

По мнению Алана Граймса, идеи Фрэнсиса Либера явились существенным фактором перехода от конституционного подхода к правовому в интерпретации сущности Американского Союза и развития органической концепции нации. Он «искусно синтезировал английский акцент на значении гражданской свободы и важности местных политических институтов с типично немецкой акцентуацией национализма. Таким образом, национализм Либера основан на децентрализованных институтах, которые, в свою очередь, помогают защитить права граждан. Либера верил в то, что такая счастливая комбинация местных институтов и цели нации защищает, и укрепляет гражданскую свободу в современном национальном государстве»¹³.

А.И. Корюшкин подчеркивает общую тональность его научного творчества – обеспечение и развитие действительного самоуправления, поставленного на службу свободе. Его теория институциональной свободы, утверждающая, что свобода граждан может быть основана только на хорошо интегрированной системе самоуправляющихся общественных институтов, подкрепляемых

и защищаемых общественным мнением, вполне может быть отражением его юношеских переживаний в Германии, представлявшей собой в то время набор небольших, зачастую карликовых государств, прозябавших в тени то Франции, то Австрии¹⁴.

История создания и общая характеристика Кодекса. Своим появлением Кодекс ознаменовал начало разработки т.н. гаагского направления права войны, которое, несмотря на наименование, на самом деле берет свое начало вовсе не в Гааге, а в двух других городах – Вашингтоне и Санкт-Петербурге¹⁵.

В Вашингтоне в 1863 г. был обнародован ставший знаменитым приказ «Инструкции для правительства армий Соединенных Штатов в полевых условиях»¹⁶, вошедший в литературу как Кодекс Либера. В годы войны между Севером и Югом Либера был одним из самых сильных в академической среде сторонников Союза, часто консультировал министерство обороны по наиболее важным и актуальным проблемам. В 1863 г. по просьбе президента Авраама Линкольна он написал проект указанной Инструкции, который был обнародован 24 апреля 1863 г. в виде общего приказа № 100 войскам северян¹⁷.

Кодекс Либера содержит 157 статей, объединенных в 10 разделов. Об объеме регулируемых отношений свидетельствуют хотя бы названия последних.

Раздел 1. Военное положение. Военная юрисдикция. Военная необходимость. Возмездие (ст. 1–30).

Раздел 2. Государственная и частная собственность врага. Защита лиц, и особенно женщин, религии, искусств и наук. Наказание преступлений против жителей враждебных стран (ст. 31–47).

Раздел 3. Дезертиры. Военнопленные. Заложники. Добыча на поле боя (ст. 48–80).

¹⁴ См.: там же.

¹⁵ См.: Бутрим И.И., Чучаев А.И. Истоки международного гуманитарного права // Государство и право. 2022. № 6. С. 131.

¹⁶ См.: Instructions for the government of armies of the United States in the field, Prepared by Francis Lieber, promulgated as General Orders No. 100 by President Lincoln, 24 April 1863 (Инструкции для правительства армий Соединенных Штатов в полевых условиях, обнародован в качестве общего приказа № 100 Президентом Линкольном, 24 апреля 1863. – Пер. авторов) // Yale Law School [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://avalon.law.yale.edu/19th_century/lieber.asp (дата обращения: 22.06.2022) (далее – Инструкции...).

В литературе встречаются и несколько иные названия этого документа: «Инструкция для правительства армий Соединенных Штатов на местах», «Инструкция для командования армий Соединенных Штатов на полях сражений» и др. – Прим. авторов.

¹⁷ См. подр.: Корюшкин А.И. Указ. соч. С. 5–19.

¹² См.: Энциклопедия Британика (Encyclopædia Britannica) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.britannica.com/biography/Francis-Lieber> (дата обращения: 22.06.2022).

¹³ Цит. по: Корюшкин А.И. Фрэнсис Либера – первый профессор политологии // Политэкс. 2010. Т. 6. № 3. С. 7.

Раздел 4. Партизаны. Вооруженные враги, не принадлежащие к враждебной армии. Разведчики. Вооруженные бродяги. Война. Повстанцы (ст. 81–85).

Раздел 5. Безопасность. Шпионы. Война. Предатели. Захваченные гонцы. Злоупотребление флагом перемирия (ст. 86–104).

Раздел 6. Обмен пленными. Флаги перемирия. Флаги защиты (ст. 105–118).

Раздел 7. Условно-досрочное освобождение (ст. 119–134).

Раздел 8. Перемирие. Капитуляция (ст. 135–147).

Раздел 9. Покушение (ст. 148).

Раздел 10. Восстание. Гражданская война. Восстание (ст. 149–157).

В Кодексе детально регламентирован широкий круг обстоятельств, связанных с военными действиями. Проводится различие между военным положением и военным угнетением. Статья 4 гласит: «Военное положение — это просто военная власть, осуществляемая в соответствии с законами и обычаями войны». Согласно Кодексу военное положение состоит в приостановлении оккупирующей военной властью уголовного и гражданского права, а также деятельности внутренней администрации правительства на оккупированной территории и в замене их военными правилами, а также «в диктовке общих законов», поскольку военная необходимость требует этого (ст. 3).

Военное угнетение по Кодексу есть злоупотребление властью, которую дает закон. «Поскольку военное положение вводится военной силой, те, кто его вводит, обязаны строго руководствоваться принципами справедливости, чести и гуманности — добродетелями, украшающими солдата даже больше, чем других людей, по той самой причине, что он обладает силой своего оружия против безоружных» (ст. 4).

Военное положение не прекращается во время враждебной оккупации. Для его отмены требуется либо специальный приказ главнокомандующего, либо упоминание об этом в мирном договоре. Таким образом, в этом случае аннулирование рассматриваемого положения выступает условием заключения мира.

Данное положение преследует несколько целей: обеспечение функционирования полиции, сбора налогов (независимо от того, кем они введены — оккупированным государством или захватчиком), эффективности армии, ее безопасности и безопасности проводимых ею операций. Оно может быть более или менее строгим. Последнее характерно для регионов и стран, полностью оккупированных или справедливо завоеванных.

Первое же имеет место там, где существуют или предполагаются реальные военные действия, к которым необходима соответствующая подготовка. Однако «закон войны не только запрещает всякую жестокость и недобросовестность в отношении обязательств, заключенных с врагом во время войны, но и нарушение условий, торжественно заключенных воюющими сторонами в мирное время и явно предназначенных для сохранения в силе в случае войны между договаривающимися державами.

Он отказывается от любых вымогательств и других сделок с целью личной выгоды; от любых актов личной мести или попустительства таким действиям. Нарушения, противоречащие этому, должны строго наказываться, особенно если они совершаются должностными лицами» (ст. 11).

По Кодексу защита «безобидного гражданина» объявляется обязательным правилом, а лишение или нарушение частных отношений признается исключением из данного правила. Но при этом генералы могут заставить магистратов и гражданских чиновников враждебной страны принести клятву временной верности или клятву верности своему победителю. В противном случае первые могут изгнать из страны всех, кто откажется это сделать. Но независимо от указанных обстоятельств население обязано строго подчиняться победителю, пока он властвует над округом или страной, рискуя жизнью своих солдат.

Военное положение может быть объявлено и в собственной стране командующего, что обусловлено первостепенной обязанностью защищать ее от вторжения. «Спасение страны имеет первостепенное значение для всех других соображений» (ст. 5).

Военная юрисдикция на оккупированной территории бывает двух видов: во-первых, определяемая законом; во-вторых, вытекающая из общего права войны. Военные преступления, предусмотренные статутным законом, должны рассматриваться в порядке, им регламентированном; наказуемость деяний аналогичного характера, не подпадающих под статут, определяется законами каждой конкретной страны и правом войны¹⁸.

В Кодексе регламентируется отношение к дипломатическим агентам. При этом в нем сделана специальная оговорка: в американских странах консулы не признаются дипломатическими агентами. Тем не менее их офисы и они сами должны подвергаться ограничениям, предусмотренным военным положением, только в случаях крайней необходимости (определение этих случаев или их перечень не дается). Следует заметить, что имущество

¹⁸ В армии США дела о первых рассматривались военными судами, а о вторых — военными комиссиями. — *Прим. авторов.*

и бизнес консулов не подпадают под эту оговорку, на них распространяются общие правила военного положения. В случае нарушения правового режима последнего допускается возможность применения в отношении консула наказания, однако оно должно быть таким, чтобы не давать «разумных оснований для международной жалобы» (ст. 8).

Функции послов, министров или других дипломатических агентов, аккредитованных нейтральными государствами в оккупированной стране, при введении военного положения автоматически прекращаются. Но в то же время оккупирующее государство может объявить их временно аккредитованными при себе.

Кодекс обстоятельно перечисляет все возможные действия (причинение урона противоборствующей стороне) и их последствия, допускаемые в рамках военной необходимости. В их перечень входят: уничтожение вооруженного врага, причинение увечий воюющим; случайная гибель иных лиц; захват как вооруженного, так и безоружного врага, имеющего значение для враждующего правительства или представляющего особую опасность для захватчика; уничтожение имущества, транспортных коммуникаций, тылового обеспечения и т.д. Однако при этом специально в Кодексе оговорено: «Люди, которые поднимают оружие друг против друга в публичной войне, не перестают из-за этого быть нравственными существами, ответственными друг перед другом и перед Богом» (ст. 15).

Отсюда вытекает и запрет на определенные виды поведения воюющих сторон. Так, военная необходимость не предполагает проявления жестокости, т.е. применения страданий ради страданий или из мести, увечий или ранений, пыток и вымогательства признаний, ядов, бессмысленного опустошения местностей. Военная необходимость не предполагает никаких актов враждебности, которые делают возвращение к миру излишне трудным. «Неприятель, прибегающий в сражении к недозволенным военным средствам, тем самым ставит себя вне законов войны. Он подлежит закону возмездия, в особенности если мщение может постигнуть настоящих виновников», — пишет А.-В. Гефтер¹⁹.

В Кодексе затронуты проблемы возмездия, являющегося, по признанию современников Либера, самой суровой чертой войны. Безрассудный противник зачастую не оставляет другой стороне никаких иных средств обезопасить себя от повторения варварского бесчинства. Однако представляется очевидным: «Несправедливое или необдуманное возмездие уводит воюющие стороны все дальше и дальше от смягчающих правил обычной войны

и быстрыми шагами приближает их к междуособным войнам дикарей» (ст. 28).

Кодекс отвергает установившееся веками правило, согласно которому подданные противника принуждались к службе на стороне победителя. Подобные действия объявлялись серьезным нарушением права войны. Правда, и в данном случае предусматривалось исключение, суть которого состояла в том, что их противоправность исключалась, если это имело место уже после завоевания страны или района и включения в состав государства-завоевателя.

Особое внимание в Кодексе уделено защите ряда категорий лиц, религии, произведений искусства и науки. Так, признается незаконным принуждение подданных противника. Имущество, принадлежащее церквям, больницам или другим учреждениям исключительно благотворительного характера, учебным заведениям или фондам содействия знаниям — государственным школам, университетам, академии наук, обсерваториям, музеям изящных искусств, научным учреждениям, не относится к общественной собственности и, следовательно, не может быть реквизировано победителем. Более того, классические произведения искусства, библиотеки, научные коллекции или драгоценные инструменты (например, астрономические телескопы), а также больницы должны быть защищены от всех возможных повреждений.

Судьба вывезенных из страны произведений искусства, библиотек, коллекций или инструментов должна определяться последующим мирным договором. Однако и в этом случае Кодекс содержит примечательную оговорку: они не могут быть проданы или переданы кому-то, присвоены частными лицами либо уничтожены.

На оккупированных территориях признаются и защищаются религия и мораль, обеспечивается безопасность их жителей, особенно детей и женщин, «святость семейных отношений». Правонарушения, посягающие на указанные ценности, подлежат строгому наказанию. Всякое бессмысленное насилие, совершаемое против лиц в захваченной стране, уничтожение или разграбление имущества, изнасилование, ранение, увечье или убийство мирных жителей запрещается под страхом смертной казни. Кодекс закрепляет правило, согласно которому «солдат, офицер или рядовой, совершивший такое насилие и не подчинившийся приказу начальника воздержаться от него, может быть законно убит на месте таким начальником» (ст. 44).

Солдатам и офицерам запрещается использовать свое положение или власть в оккупированной стране для личной выгоды, в том числе совершение коммерческих сделок. Нарушение этого запрета предполагает: в отношении офицеров — наказание

¹⁹ См.: Гефтер А.-В. Европейское международное право. СПб., 1880. С. 241.

в виде кассирства²⁰ или аналогичной меры в соответствии с тяжестью проступка; в отношении солдат — другие меры воздействия исходя из характера правонарушения. Так называемые общеуголовные преступления, караемые уголовным законодательством воюющих стран (убийство, нанесение увечий, изнасилование, грабеж, кража, мошенничество, поджог, подлог документов), если они совершены против жителей оккупированной страны, предусматривали двойную наказуемость: по месту совершения преступления и по отечественному уголовному праву. При этом рекомендовалось применять к виновным более суровое наказание (кроме смертной казни).

Судьба дезертиров была незавидной. Согласно Кодексу «дезертиры из Американской армии, поступившие на службу к врагу, подвергаются смерти, если они снова попадают в руки Соединенных Штатов, будь то в результате захвата или передачи Американской армии; и если дезертир из противника, поступивший на службу в Армию Соединенных Штатов, захвачен врагом и наказан им смертью или иным образом, это не является нарушением закона и обычаев войны, требующим возмещения ущерба или возмездия» (ст. 48).

Определенный интерес представляет дефиниция понятия военнопленного, содержащаяся в Кодексе: «военнопленный — это враг общества, вооруженный или прикрепленный к вражеской армии для оказания активной помощи, который попал в руки захватчика, сражаясь или раненый, на поле боя или в госпитале, путем индивидуальной сдачи или капитуляции» (ст. 49)²¹. В качестве таких могут быть солдаты любого рода войск; лица, прикрепленные к армии и непосредственно способствующие достижению целей войны; инвалиды; офицеры; враги, бросившие оружие и просящие пощады, и др. К их числу также относятся сатлеры²², редакторы, репортеры, подрядчики. С одной стороны, все они претерпевали невзгоды, обусловленные их пленением, с другой — имели право на привилегии военнопленных. Население, вставшее по призыву властей на защиту своей

родины, в случае пленения признается военнопленным со всеми вытекающими из этого статуса обстоятельствами.

Если, однако, народ страны или любой ее части, уже оккупированной армией, восстает против нее, они являются нарушителями законов войны и не имеют права на их защиту.

«Ни одна воюющая сторона не имеет права заявлять, что она будет относиться к каждому захваченному в плен человеку с оружием в руках *en masse*²³ как к разбойнику или бандиту» (ст. 52). Военнопленный не подлежит наказанию за то, что он является врагом. Мечь в отношении него недопустима в какой бы то ни было форме, в том числе путем умышленного причинения увечий, страданий, позора, жестоким содержанием в тюрьме, другим варварским отношением и т.д. В то же время военнопленный оставался ответственным за преступления, совершенные до пленения; в связи с этим в отношении него принимались карательные меры (если за указанные деяния он не был наказан собственными властями).

Особый статус имели военнопленные, являющиеся монархом или членом царствующей семьи (как мужчины, так и женщины), главным офицером противоборствующего правительства, дипломатическим агентом, а также лицом, представляющим особую и исключительную пользу для враждебной армии.

«Послы и все другие дипломатические агенты нейтральных держав, аккредитованные при неприятеле, могут получать охранные грамоты через территории, занятые воюющими сторонами, если только нет военных причин для обратного и если они не могут добраться до места назначения другим удобным путем. Это не означает никакого международного оскорбления, если охранная грамота отклонена. Такие пропуска обычно выдаются верховной властью государства, а не подчиненными ему офицерами» (ст. 87).

Вражеские капелланы, офицеры медицинского персонала, аптекари, медсестры больниц, если они попадают в руки воюющей стороны, не могут признаваться военнопленными. Из данного общего правила Кодекс содержит одно изъятие, изложенное в нем достаточно широко: «если у командующего нет причин удерживать их» (ст. 53). В этом случае с ними обращаются как с военнопленными, их могут обменять на других военнопленных, если командир сочтет это нужным. Указанные лица могли и добровольно остаться в плену, чтобы быть вместе со своими плененными товарищами.

²⁰ Кассирство, или церемония деградации, представляет собой ритуальное увольнение офицера из армии за нарушение дисциплины. До Первой мировой войны это предполагало церемонию на плацу перед войсками с уничтожением символов офицерского статуса: срыванием знаков различия, снятием наград и элементов отличия, срыванием шапки, ломанием шпаги, разбрасыванием по земле медалей и т.п. — *Прим. авторов.*

²¹ В соответствии с Кодексом к категории военнопленных относились и заложники — лица, принятые «в залог исполнения» соглашения, заключенного между воюющими сторонами во время войны или вследствие войны. — *Прим. авторов.*

²² Сатлер — гражданский торговец, продающий провизию офицерам и солдатам, путешествующий с армией. — *Прим. авторов.*

²³ *En masse* (франц.) — в массовом порядке. — *Пер. авторов.*

Военнопленными признавались и партизаны, но только «солдаты, вооруженные и одетые в форму своей армии..., принадлежащие к корпусу, который действует отдельно от основного корпуса с целью вторжения на территорию, оккупированную врагом...» (ст. 81). Как видим, понятие партизана Кодекс трактовал принципиально иначе, чем в последующие столетия. Например, в годы Великой Отечественной войны партизаном признавалось лицо, добровольно ведущее вооруженную борьбу за свободу и независимость своей страны на территории, оккупированной противником. В соответствии с Кодексом такие лица в случае их пленения не могли рассчитывать на статус военнопленного (ст. 82). «Неприятель нисколько не обязан относиться к этим частным лицам как к солдатам регулярной армии. Они рассматриваются в этих случаях как разбойники..., хотя наименование это неприменимо с нравственной точки зрения ко всем разрядам партизан», — пишет А.-В. Гефтер²⁴.

Такая же участь ожидала шпионов, они подлежали казни через повешение (ст. 83, 88). Аналогичным образом поступали и с изменником (ст. 90). При этом в Кодексе подчеркивается, что «благородные люди, попав в плен, воздержатся от передачи врагу сведений о своей собственной армии, и современный закон войны больше не допускает применения какого-либо насилия к пленным с целью вымогательства желаемых сведений или наказания их за дачу ложных сведений» (ст. 80).

Кодекс постулирует положение, согласно которому закон о войне, как и уголовный закон о других преступлениях, не делает различий по признаку пола в отношении шпиона, военного изменника или военного мятежника (ст. 102).

Заложник определяется в Кодексе как «лицо, принятое в залог исполнения соглашения, заключенного между воюющими сторонами во время войны или вследствие войны» (ст. 54). Ему присваивается статус военнопленного, с ним обращаются в зависимости от обстоятельств, учитывая его звание и состояние.

Военнопленные содержатся под охраной и привлекаются к работе в зависимости от ранга (звания) и состояния здоровья. Это обстоятельство потребовало регламентацию ответственности за побег. Следует заметить, что они карались достаточно сурово — вплоть до лишения жизни. Вместе с тем наказание вообще исключалось, если имела место попытка к бегству. Законы войны не признавали ее преступлением, подобного рода действия влекли за собой ужесточение мер безопасности. Военнопленные, сбжавшие из плена и вновь плененные на поле боя после присоединения

к собственной армии, также не могли быть наказанными за побег, в отношении них лишь применялись более строгие меры изоляции. При наличии же заговора, целью которого являлся общий побег или побег группы лиц, подлежали наказанию вплоть до смертной казни.

Несколько норм Кодекса посвящены вопросам проявления пощады к неприятельским силам. Во-первых, закреплено правило, по которому ни один отряд войск не имеет права заявлять, что он не даст пощады и, следовательно, не будет ожидать жалости для себя. Однако из этого правила сделано исключение: военачальнику разрешается ради спасения собственных сил не брать в плен.

Во-вторых, войска, исключаяющие пощаду, не имеют права убивать врагов, уже выведенных из строя или плененных другими войсками. «Тот, кто намеренно наносит дополнительные раны врагу, уже полностью выведенному из строя, или убивает такого врага, или кто приказывает или поощряет солдат делать это, подлежит смертной казни...» (ст. 71).

В-третьих, закреплен принцип взаимности: коль скоро ты не даешь пощады противоборствующей стороне, то от нее тоже не ожидай милости. Более того, если «американские войска дали пощаду врагу, неправильно поняв его истинный характер, он тем не менее может быть приговорен к смерти» (ст. 66) в случае обнаружения в течение трех суток после сражения, что принадлежит корпусу, который не дает пощады.

В-четвертых, не могут рассчитывать на нее войска, сражающиеся в форме своих врагов, не имеющие какого-либо простого, яркого и единообразного знака отличия. «Если американские войска захватывают поезд с униформой противника, и командир считает целесообразным распределить ее среди своих людей, то должен быть принят какой-нибудь яркий знак или знак, отличающий американского солдата от врага» (ст. 63). Использование вражеского национального штандарта, флага или другой национальной эмблемы с целью обмана противника в бою признается актом вероломства; на такие обстоятельства не распространяются законы войны.

А.-В. Гефтер пишет: «Право войны, тождественное с правом необходимой обороны, не допускает также жестокого обращения с положившим оружие или раненым неприятелем, который может быть взят в плен. Попечение о раненых неприятельской армии есть собственно дело великодушия победителя; но в интересе взаимности он не должен отказываться от этих забот, о предварительном обеспечении участи собственных больных и раненых. Он никогда не должен убивать неприятельских раненых. Подобное зверство извинительно только в одном случае, именно, когда доказано, что солдаты,

²⁴ См.: Гефтер А.-В. Указ. соч. С. 236.

подвергшиеся убиению, виновны в умерщвлении раненых противной стороны»²⁵.

В Кодексе отдельно регламентирован обмен военнопленными. «Происходит обмен пленными — число на число, ранг на ранг, раненые на раненых, с добавленным условием на добавленное условие, например не служить определенный срок» (ст. 105). При обмене определенное количество лиц низшего ранга может быть заменено в качестве эквивалента лицом высшего ранга. Эта замена должна быть санкционирована правительством или командующим армией. Избыточное число военнопленных, оставшихся после обмена, иногда освобождается либо за уплату оговоренной суммы денег, либо в экстренных случаях за провиант, одежду или другие предметы первой необходимости. Однако в Кодексе подчеркивается, что ни одна воюющая сторона не обязана осуществлять обмен военнопленными. Более того, картель, заключенный между противниками, может быть оспорен, как только одна из сторон допустит его нарушение.

Наконец, следует хотя бы абрисно охарактеризовать сущность норм Кодекса, посвященных флагу перемирия. Использование в качестве такового белого флага в литературе связывается с решениями Гаагских конференций. Вероятно, в этом случае речь должна идти об официальном признании данного обстоятельства, фактически же белый флаг, символизирующий факт перемирия, использовался с незапамятных времен, что было зафиксировано еще при правлении восточной династии Хань (202 г. до н.э. — 220 г. н.э.)²⁶.

В Кодексе закреплено несколько правил. Так, парламентар не может настаивать на том, чтобы его впустили в распоряжение армии воюющей стороны, более того, содержится специальное указание о том, что делать это следует с большой осторожностью, избегая ненужной частоты общения. «Если носитель флага перемирия предлагает себя во время сражения, он может быть принят только как очень редкое исключение. Сохранение такого флага перемирия, если оно будет допущено во время боя, не является нарушением доброй воли. Стрельба не обязана прекращаться при появлении флага перемирия в бою» (ст. 112). Убийство или ранение парламентарта во время сражения не дает оснований для жалобы.

Иная точка зрения позднее была высказана в литературе. Так, утверждается, что парламентарты, движущиеся к лагерю другой стороны с соблюдением условных знаков, пользуются неприкосновенностью. Им дается достаточный срок и обеспечивается

необходимая безопасность для свободного возвращения в распоряжение своей части»²⁷.

Использование указанного атрибута для тайного получения соответствующих военных сведений влечет признание переговорщика шпионом. «Флаг перемирия настолько священен и необходим, что... злоупотребление им является особенно тяжким преступлением...» (ст. 115).

Флагами другого цвета (как правило, желтого) в местах, которые обстреливаются, обозначаются больницы, чтобы избежать стрельбы по ним, а также госпитали, располагающиеся в пределах поля боя. Современные ученые отмечают, что «изначальная и главная цель отличительных эмблем заключается в том, чтобы быть хорошим видимым знаком защиты, на которую имеют право медицинский персонал и объекты. Использование отличительных эмблем в целях защиты ограничено медицинскими формированиями и санитарно-транспортными средствами, а также медицинским и духовным персоналом, оборудованием и запасами по смыслу МГП (международного гуманитарного права. — *Авт.*). Более того, такое использование в целях защиты должно всегда получить разрешение заинтересованной воюющей стороны и контролироваться ею»²⁸.

Однако это несомненно гуманное правило содержит исключение. В Кодексе сказано: «Благородный воюющий позволяет себе руководствоваться флагами или сигналами защиты в той мере, в какой это позволяют обстоятельства и необходимость боя» (ст. 116).

Специфичным выглядит содержание разд. VII Кодекса, именуемого «Условно-досрочное освобождение». В российской правовой системе условно-досрочное освобождение относится к уголовному праву (частично — к уголовно-исполнительному) и означает прекращение исполнения назначенного судом наказания до окончания его срока с установлением для освобождаемого лица испытательного срока (ст. 79 УК РФ). В Кодексе Либера, по сути, речь тоже идет об изменении правового состояния, но только связанного с пребыванием в плену, а не в местах лишения свободы. В соответствии со ст. 120 Кодекса «термин “условно-досрочное освобождение” обозначает клятву индивидуальной добросовестности и чести совершать или не совершать определенные действия после того, как тот, кто дает свое условно-досрочное освобождение, будет освобожден, полностью или частично,

²⁵ *Гейтер А.-В.* Указ. соч. С. 242.

²⁶ См.: Военный обзор. Символика. URL: <https://militaryarms.ru/simvolika/belyj-flag/>

²⁷ См.: *Гейтер А.-В.* Указ. соч. С. 242.

²⁸ *Мельцер Н.* Международное гуманитарное право. Общий курс. Комитет Международного Красного Креста. М., 2017. С. 184.

от власти тюремщика»²⁹. Легальная дефиниция рассматриваемого понятия еще больше сближает его с уголовно-правовым понятием условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. «Залог условно-досрочного освобождения всегда является индивидуальным, но не частным актом».

Если обмен военнопленными выступает общим правилом, закрепленным в законах войны, то условно-досрочное освобождение – скорее исключение из него. Оно применяется главным образом к военнопленным, которым разрешается вернуться в свою страну или жить в большей свободе в плену на условиях, указанных в условно-досрочном освобождении. Их нарушение предполагает наказание в виде смертной казни, возможной только в случае, если условно-досрочно освобожденный снова попадет в плен. «Поэтому воюющие стороны должны вести точные списки условно-досрочно освобожденных лиц» (ст. 124); «при выдаче и получении условно-досрочного освобождения должен быть обмен двумя письменными документами, в которых точно и правдиво указаны имя и звание условно-освобожденных...» (ст. 125).

Рассматриваемый вид освобождения из плена относится к прерогативе соответствующих офицеров; такое решение последний мог принять только с разрешения вышестоящего командира. Категорически запрещалось это делать унтер-офицерам и рядовым. «Индивидуальные условно-досрочные освобождения, не предоставленные через офицера, не только недействительны, но и подвергаются лиц, дающих их, смертной казни как дезертиров» (ст. 127). Из этого положения Кодекс предусматривает одно изъятие: могут быть освобождены лица, должным образом отделенные от своих команд, подвергшиеся длительному заключению без возможности условно-досрочного освобождения через соответствующего офицера.

Кодекс исключает условно-досрочное освобождение: 1) на поле боя; 2) целых частей войск; 3) большого числа пленных с общим заявлением о том, что они имеют какую-либо ценность. «Ни

²⁹ Согласно ст. 130 Кодекса «обычное обещание, данное при условно-досрочном освобождении, состоит в том, чтобы не служить во время существующей войны, если только его не обменяют.

Это обещание относится только к активной службе в поле, против условно-досрочного освобождения воюющего или его союзников, активно участвующих в той же войне. Эти случаи нарушения условно-досрочного освобождения являются патентованными актами и могут быть наказаны смертной казнью; но клятва не относится к внутренней службе, такой как вербовка или обучение новобранцев, укрепление мест, не осажденных, подавление гражданских волнений, борьба с воюющими сторонами, не связанными с условно-досрочным освобожденными воюющими сторонами, или к гражданской или военной службе, дипломатической службе, на которую может быть нанят условно-досрочно освобожденный офицер».

один военнопленный не может быть принужден... к условно-досрочному освобождению, и ни одно правительство не обязано освобождать военнопленных...» (ст. 133).

Достаточно много внимания в Кодексе уделено проблемам перемирия, под которым предлагается понимать «прекращение активных военных действий на период, согласованный между воюющими сторонами» (ст. 135); оно не является «частичным или временным миром; это только приостановка военных операций...» (ст. 142). Мотивы такого решения значения не имеют. Оно облекается в согласованную письменную форму и подлежит ратификации высшими властями противоборствующих сторон. Если перемирие объявляется без каких-либо условий, то оно предполагает прекращение военных действий только вдоль линии фронта. Нарушение согласованных условий может повлечь отмену перемирия.

Значение Кодекса. Кодекс Либера, как уже отмечалось ранее, является внутренним документом Соединенных Штатов, был ориентирован на применение в условиях гражданской войны, тем не менее он оказал огромное влияние на развитие гуманитарного международного права, по сути, став основой для приемлемой ряду стран кодификации законов и обычаев войны. «Пропитанный идеями лучших мыслителей XVIII в. и основанный на общей концепции того, что война может быть законна только при условии соответствия методов ее ведения определенным правилам, этот текст... послужил импульсом для последующей кодификации законов и обычаев войны и явился затем основой знаменитых Гаагского и Женевского международных договоров»³⁰.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бутрим И.И., Чучаев А.И.* Истоки международного гуманитарного права // Государство и право. 2022. № 6. С. 131.
2. Военный обзор. Символика. URL: <https://militaryarms.ru/simvolika/belyj-flag/>
3. *Гелфтер А.-В.* Европейское международное право. СПб., 1880. С. 236, 241, 242.
4. *Корюшкин А.И.* Фрэнсис Либер – первый профессор политологии // Политэкс. 2010. Т. 6. № 3. С. 5–19.
5. *Маркина Л.Г., Муравлева Е.Н., Муравлева Н.В.* Культура Германии: лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Н.В. Муравлевой. М., 2006. С. 323.
6. *Мельцер Н.* Международное гуманитарное право. Общий курс. Комитет Международного Красного Креста. М., 2017. С. 184.
7. *Телешов С.В.* Ланкастерская школа в России // Педагогика. 2005. № 10. С. 73.

³⁰ *Корюшкин А.И.* Указ. соч. С. 17.

8. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907. Т. 82 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/> (дата обращения: 22.06.2022).
9. Энциклопедия Британика (Encyclopædia Britannica) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.britannica.com/biography/Francis-Lieber> (дата обращения: 22.06.2022).
10. *Balder H.-G.* Die Deutsche(n) Burschenschaft(en) Hilden. 2005. P. 168.
4. *Koryushkin A. I.* Francis Lieber – the first professor of political science // *Politekh.* 2010. Vol. 6. No. 3. P. 5–19 (in Russ.).
5. *Markina L. G., Muravleva E. N., Muravleva N. V.* Culture of Germany: linguistic and cultural dictionary / under the general editorship of N. V. Muravleva. M., 2006. P. 323 (in Russ.).
6. *Meltzer N.* International Humanitarian Law. General course. Committee of the International Red Cross. M., 2017. P. 184 (in Russ.).
7. *Teleshov S. V.* Lancaster School in Russia // *Pedagogy.* 2005. No. 10. P. 73 (in Russ.).
8. Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 vols. St. Petersburg, 1890–1907. Vol. 82 [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/> (accessed: 22.06.2022).
9. Encyclopedia Britannica (Encyclopædia Britannica) [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.britannica.com/biography/Francis-Lieber> (accessed: 22.06.2022).
10. *Balder H.-G.* Die Deutsche(n) Burschenschaft(en) Hilden. 2005. P. 168.

REFERENCES

1. *Butrim I. I., Chuchaev A. I.* The origins of International Humanitarian Law // *State and Law.* 2022. No. 6. P. 131 (in Russ.).
2. Military review. Symbolism. URL: <https://militaryarms.ru/simvolika/belyj-flag/> (in Russ.).
3. *Gefter A.-V.* European International Law. St. Petersburg, 1880. P. 236, 241, 242 (in Russ.).

Сведения об авторах

БУТРИМ Игорь Иосифович – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ЧУЧАЕВ Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

BUTRIM Igor I. – PhD in Law, Leading Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

CHUCHAEV Alexander I. – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ОТБОР ГЛАВНЫХ ОБВИНЯЕМЫХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЮРНБЕРГСКОГО И ТОКИЙСКОГО МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ

© 2023 А. Б. Мезяев*, А. Е. Лестев**

Университет управления «ТИСБИ», г. Казань

*E-mail: alexmezyaev@gmail.com

**E-mail: lestev@ael-expert.ru

Поступила в редакцию 06.04.2022 г.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о процессе и результатах отбора главных обвиняемых для проведения процессов в Международном военном трибунале и Международном военном трибунале для Дальнего Востока. Прослеживается эволюция критериев, которые были положены в основу такого отбора. Показано, что первым критерием отбора обвиняемых было предложено официальное либо неофициальное положение лица в системе фашистского государства или ближайшего окружения Гитлера. Вторым критерием была предложена фактическая возможность судить такое лицо в его присутствии. Третьим критерием был выдвинут принцип невозможности установления географических рамок этих преступлений. Наконец, выделяется критерий представительства различных секторов государственной машины нацистской Германии и милитаристской Японии. В статье также анализируются критерии, которые первоначально рассматривались в качестве приемлемых, однако от которых было принято решение отказаться на более поздних этапах подготовки обвинительных актов. Делается вывод о сохранении актуальности опыта МВТ и МВТДВ по отбору обвиняемых и для современных органов международной уголовной юстиции.

Ключевые слова: международный трибунал, военный трибунал, международный суд, международная юстиция, международный уголовный процесс, обвиняемые международных трибуналов, военные преступления, отбор обвиняемых.

Цитирование: Мезяев А. Б., Лестев А. Е. Отбор главных обвиняемых в деятельности Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов // Государство и право. 2023. № 2. С. 121–130.

DOI: 10.31857/S102694520024338-2

SELECTION OF PRIMARY DEFENDANTS IN THE WORK OF THE NUREMBERG AND TOKYO INTERNATIONAL MILITARY TRIBUNALS

© 2023 А. В. Mezyaev*, А. Е. Lestev**

University of Management "TISBI", Kazan

*E-mail: alexmezyaev@gmail.com

**E-mail: lestev@ael-expert.ru

Received 06.04.2022

Abstract. The article deals with the issue of the process and results of the selection of the main accused for trials at the International Military Tribunal and the International Military Tribunal for the Far East. The evolution of the criteria that formed the basis of such selection is traced. It is shown that the official or unofficial position of a person in the system of the fascist state or Hitler's inner circle was appeared as the first criterion for the selection of the accused. The second criterion proposed was the actual possibility of trying such a person in

his presence. The third criterion was the principle of the impossibility of establishing an exact geographical framework for these crimes. Finally, the criterion for the representation of various sectors of the state machine of Nazi Germany and militaristic Japan is singled out. The article also analyzes the criteria that were initially considered acceptable, but which were abandoned at a later stage in the preparation of the indictments. Concludes that the experience of the IMT and the IMTFE in the selection of accused remains relevant for modern bodies of international criminal justice.

Key words: International Tribunal, Military Tribunal, International Court, International Justice, International Criminal Process, defendants of international tribunals, war crimes, selection of the accused.

For citation: *Mezyaev, A.B., Lestev, A.E. (2023). Selection of primary defendants in the work of the Nuremberg and Tokyo International Military Tribunals // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 121–130.*

После окончания Второй мировой войны впервые в истории были созданы два международных военных трибунала для суда над главными военными преступниками нацистской Германии и милитаристской Японии: Международный военный трибунал в г. Нюрнберге (далее – МВТ, Нюрнбергский трибунал) и Международный военный трибунал для Дальнего Востока в г. Токио (далее – МВТДВ, Токийский трибунал).

Во время Второй мировой войны военные преступления совершались сотнями тысяч, если не миллионами, лиц. При этом особенно важно отметить и особый характер этой войны. А.Н. Савенков справедливо отмечает, что «это была первая война, целью которой были не только захват территорий и порабощение населения других стран, а уничтожение людей по расовым, этническим, национально-культурным признакам для создания моноэтнического государства с “титულным” этносом арийцев, обладающих мировым господством»¹. Совершенно понятно, что трибуналы не смогли бы рассмотреть дела в отношении всех обвиняемых. По этой причине МВТ и МВТДВ рассмотрели лишь дела в отношении тех лиц, которые несли основную ответственность за совершение наиболее массовых преступлений, а дела о совершении иных преступлений передавались на рассмотрение национальных юрисдикций². В этой связи перед первыми международными трибуналами встали вопросы о том, кто должен оказаться на скамье подсудимых и каким образом будет осуществляться отбор обвиняемых.

¹ Савенков А.Н. Геноцид советского народа: от истории к праву, без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 7–30.

² Исторически первыми такими судебными процессами ещё во время Второй мировой войны стали суды в Харькове, Краснодаре, Смоленске и других городах СССР, освобожденных от немецкой оккупации (см.: Рагинский М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника Нюрнбергского процесса. М., 1986. С. 5). Следует также отметить национальные судебные процессы, проведенные в оккупационных зонах, например процесс, проведенный Великобританией в Люнебурге в отношении охранников концлагерей (сентябрь 1945 г.).

Международный военный трибунал

Впервые идея создания международного трибунала была выдвинута Правительством СССР 14 октября 1942 г.³, в заявлении которого говорилось, что суду должны были быть преданы «главари фашистской Германии» («главари преступной гитлеровской клики»⁴), которые оказались «в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии». Таким образом, первым критерием отбора обвиняемых было предложено официальное либо неофициальное положение лица в системе фашистского государства или ближайшего окружения Гитлера. Вторым критерием была предложена фактическая возможность судить такое лицо в его присутствии. На тот момент возможность проведения заочных судебных процессов не рассматривалась.

Большую работу по предварительному научно-осмыслению и обоснованию уголовного преследования преступлений нацистской Германии провели советские ученые-правоведы⁵. Так, в 1943 г. вышла работа «Гитлеровским преступникам не уйти от ответственности» директора Института права АН СССР А.Н. Трайнина⁶, а в 1944 г. — «Уголовная ответственность гитлеровцев». Именно эта книга оказала значительное влияние не только на формулировки советского обвинения, но и на позиции американских и британских юристов, готовивших обвинения в МВТ⁷. В указанных теоретических работах также появляется еще один критерий для отбора обвиняемых

³ См.: Заявление Правительства СССР // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: в 3 т. М., 1944. Т. 1. С. 277.

⁴ О памятной записке Правительства СССР от 3 ноября 1942 г. см.: Лебедева Н.С. СССР и Нюрнбергский процесс // Нюрнбергский процесс: уроки истории. М., 2007. С. 141.

⁵ См.: Савенков А.Н. Государство. Право. Институт: 95 лет истории в лицах // Государство и право. 2020. № 3. С. 11, 12.

⁶ См.: Жуков В.И. Вклад ученых Института государства и права в разработку норм уголовного права и других отраслей юридической науки в годы Великой Отечественной войны // Государство и право. 2020. № 12. С. 19–21.

⁷ См.: СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории: сб. документов / науч. ред. и сост. Н.С. Лебедева. М., 2012. С. 23, 24.

международного трибунала: невозможность установления географических рамок совершенных преступлений. В случае когда лицо совершило преступления на территории лишь одной страны, то его передавали национальному суду этой страны.

Обсуждение вопроса о том, кто должен подлежать суду, можно условно разделить на две части: кого можно судить, и кто должен быть судимым международным трибуналом.

В Декларации об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства⁸ от 30 октября 1943 г. главами государств и правительств⁹ союзных государств было принято решение о выдаче военных преступников в те государства, в которых они совершили свои преступления¹⁰. Вопрос же о лицах, чьи преступления не связаны с определённым географическим местом, обсуждался на Крымской конференции глав государств и правительств союзных держав. Во время шестого заседания конференции 9 февраля 1945 г. глава правительства Великобритании У. Черчилль предложил составить список таких обвиняемых с правом его пополнения в дальнейшем и расстрелять их, как только они будут задержаны¹¹. Аналогичной позиции придерживалось и правительство США¹².

Однако И.В. Сталин предложил провести судебный процесс¹³. Президент США и премьер-министр Великобритании были вынуждены согласиться. Стенограмма заседания свидетельствует, что, хотя

⁸ См.: *Игнатенко Г.В., Перевалов В.Д. и др.* Международное гуманитарное право: война, память, справедливость (юридические и исторические аспекты): учеб. пособие. М., 2020. С. 226.

⁹ По утверждению У. Черчилля, проект декларации был подготовлен именно им (см.: Крымская конференция руководителей союзных держав – СССР, США и Великобритании. 4–11 февраля 1945 г. М., 1984. С. 169).

¹⁰ См.: Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.): сб. документов. М., 1978. С. 363, 364.

¹¹ См.: Крымская конференция руководителей союзных держав. С. 169, 170.

¹² К сторонникам немедленной казни нацистских преступников относились, в частности, государственные секретари США К. Хэлл и Г. Моргентау (см.: *Пишительский П.* Между виселицей и амнистией. Процессы против военных преступников в зеркале Нюрнберга. М., 1985. С. 33, 34). Отклонив идею расстрела без суда, тем не менее, Уставы МВТ и МВТДВ предусматривали назначение наказания в виде смертной казни. Интересно отметить, что советские судьи в МВТ и МВТДВ заявили в своих особых мнениях к приговорам трибуналов прямо противоположные позиции в отношении смертной казни (см.: *Мезяев А.Б.* Эволюция международно-правовой позиции России в отношении смертной казни // *Росс. юстиция.* 2018. № 2. С. 47–51).

¹³ Среди важнейших последствий Крымской (Ялтинской) конференции союзных держав для международного права особое место занимает Нюрнбергский трибунал и роль СССР в его создании (см.: *Бабурин С.Н.* Ялтинские договоренности великих держав в 1945 г. и их уроки для международного права // *Вестник Омского ун-та. Сер.: Право.* 2015. № 2 (43). С. 54–57).

Рузвельт и Черчилль согласились на проведение процесса, они пытались придать ему внеюрисдикционный характер. Так, У. Черчилль прямо говорил, что это должен быть «не юридический, а политический процесс», а Ф. Рузвельт высказывался о том, что процесс «не должен быть слишком юридическим»¹⁴.

Во время Потсдамской конференции глав государств и правительств союзных держав И.В. Сталин также предложил два вопроса, касавшихся отбора обвиняемых для МВТ: во-первых, вопрос о возможности суда над военнопленными; во-вторых, пределов возможностей привлечения к суду офицеров Генерального штаба Германии. Так, он прямо поставил вопрос о необходимости включения в список обвиняемых «некоторых» офицеров Генерального штаба. При этом он добавил, что «было бы хорошо» судить всех офицеров генштаба, если «возможно найти этому юридические основания»¹⁵.

На Лондонской международной конференции, проходившей в июле-августе 1945 г.¹⁶, был подготовлен список предполагаемых обвиняемых, в который входило 350 человек, в том числе Гитлер и Гиммлер¹⁷.

В процессе формирования советского проекта списка обвиняемых назывались также имена фельдмаршала Ф. Шёрнера¹⁸, вице-адмирала Г.-Э. Фосса¹⁹, генерал-лейтенанта Р. Штагеля²⁰, обергруппенфюрера СА А. Беккерле²¹. Данные об этих лицах были предложены нарком по иностранным делам В.М. Молотову его заместителем А.Я. Вышинским²². Однако Молотов счёл необходимым обсудить этот

¹⁴ Крымская конференция руководителей союзных держав. С. 170.

¹⁵ СССР и Нюрнбергский процесс: сб. документов / науч. ред. и сост. Н.С. Лебедева. С. 172.

¹⁶ Участниками конференции были 15 государств (США, Великобритания, Франция, Канада, Австралия, Бельгия, Китай, Чехословакия, Индия, Люксембург, Норвегия, Польша, Южная Африка, Югославия). СССР в конференции не участвовал.

¹⁷ Подробнее см.: *Лебедева Н.С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975. С. 82–140.

¹⁸ Фердинанд Шёрнер – генерал-фельдмаршал армии Третьего рейха.

¹⁹ Ганс-Эрих Фосс – немецкий вице-адмирал, с 1 марта 1943 г. представитель главнокомандующего ВМФ гросс-адмирала Дёница в Ставке Гитлера.

²⁰ Райнер Штагель – генерал-лейтенант, военный комендант Вильнюса, Варшавы.

²¹ Адольф Беккерле – дипломат; обергруппенфюрер СА. Немецкий посол в Болгарии, неудачный зачинщик депортации болгарских евреев.

²² См.: Докладная записка А.Я. Вышинского В.М. Молотову относительно находящихся в СССР главных немецких военных преступников от 18 августа 1945 г. // СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории: сб. документов / науч. ред. и сост. Н.С. Лебедева. С. 229–231.

список с Л.П. Берией²³, который добавил много других имён, в частности гросс-адмирала Э. Редера²⁴.

Обсуждались и другие имена, в частности Рундштедт²⁵, Мильх²⁶, Дарре²⁷, Вольф²⁸, Браухич²⁹. Однако было принято решение о возможном рассмотрении вопроса о привлечении этих лиц к ответственности на более позднем этапе. Одной из причин данного решения были опасения в затягивании процесса, хотя и признавалось, что «добавление нескольких имён ... не приведут к существенному повышению этого риска»³⁰.

Некоторые сомнения со стороны СССР касательно ряда имён можно обнаружить в черновике записки для министров иностранных дел США и Великобритании, составленной В.М. Молотовым 30 июля 1945 г. В нём оказались вычеркнутыми имена Папена, Франка и Шахта и вставлено имя Деница³¹. В окончательный текст записки

²³ Одним из объяснений этих консультаций с Л.П. Берией является предположение о том, что список, представленный А.Я. Вышинским, вероятно, составлялся на основании материалов, полученных из Главного управления контрразведки СМЕРШ (см.: Примечание к документу № 75 // СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории: сб. документов / науч. ред. и сост. Н.С. Лебедева. С. 231).

²⁴ Эрих Йоханн Альберт Редер — немецкий гросс-адмирал, главнокомандующий Кригсмарине с 1935 по 30 января 1943 г. В мае 1945 г. был взят в плен советскими войсками и переправлен в Москву. По приговору МВТ приговорён к пожизненному заключению, которое отбывал в берлинской тюрьме Шпандау. Об обстоятельствах доставки Редера в Нюрнберг сообщается в: *Александров Г.Н.* Нюрнберг вчера и сегодня. М., 1971. С. 29).

²⁵ Карл Рудольф Герд фон Рундштедт — генерал-фельдмаршал, командовал группой армий «Юг», командующий оккупационными силами во Франции.

²⁶ Эрхард Мильх — генерал-фельдмаршал, заместитель Г. Геринга, генеральный инспектор люфтваффе.

²⁷ Рихард Вальтер Оскар Дарре — руководитель Главного расово-поселенческого управления СС, рейхсминистр продовольствия в 1933–1942 гг., обергруппенфюрер СС.

²⁸ Карл Фридрих Отто Вольф — обергруппенфюрер СС, генерал войск СС.

²⁹ Вальтер Генрих Альфред Герман фон Браухич — главнокомандующий сухопутными войсками в 1938–1941 гг., генерал-фельдмаршал немецкой армии.

³⁰ См.: Протокол встречи четырёх главных обвинителей, проходившей в Черч Хаус во вторник, 23 августа 1945 г. // СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории: сб. документов / науч. ред. и сост. Н.С. Лебедева. С. 236.

³¹ Включение в список Деница вызвало возражения со стороны Великобритании, которая утверждала, что дело против Деница является очень «слабым» и потому якобы он может быть оправдан, что станет «катастрофическим с точки зрения целей всего судебного процесса». В конечном счете Дениц попал в список обвиняемых, но в его отношении не выдвигались обвинения в совершении преступлений против человечности. Впоследствии Дениц был оправдан по одному из пунктов обвинения (планы нацистской партии, включающие агрессию против всего мира).

были включены имена Геринга, Гесса, Риббентропа, Лейя, Кейтеля, Кальтебруннера, Фрика, Штрейхера и Круппа. Впрочем, ряд оборотов речи в записке (например, использование выражения «в первую очередь») говорит о том, что представленный список СССР рассматривал как открытый. При этом критерий официального положения лица при отборе обвиняемых был сформулирован как «главари гитлеровской клики»³² (в то время как в совместных документах союзников применялась формулировка «руководители европейских держав оси и их главных агентов и соучастников»)³³.

На заседании министров иностранных дел союзных держав 30 июля 1945 г. (проходившем во время Потсдамской конференции глав государств и правительств) было решено взять за основу британский проект списка обвиняемых МВТ. Однако англичане и американцы возражали как против утверждения списка на конференции, так и против его опубликования³⁴.

Стенограмма заседания 31 июля показывает, что вопрос о необходимости назвать имена главных обвиняемых МВТ вызвал достаточно длительную дискуссию. Если Трумэн и Черчилль пытались умолчать о конкретных именах, то Сталин долго и настойчиво требовал назвать «хотя бы некоторые имена».

На заседании глав государств и правительств 1 августа 1945 г. президент США и премьер-министр Великобритании предлагали передать вопрос о составлении окончательного списка прокурору МВТ. Нарком по иностранным делам СССР В.М. Молотов выразил готовность дать согласие на такой подход, но с условием, что некоторые имена будут названы немедленно после завершения конференции. И.В. Сталин при этом добавил: «Имена, по-моему, нужны. Это нужно сделать для общественного мнения». Интересно, что И.В. Сталин не настаивал на

³² Предложения В.М. Молотова «О суде над главными военными преступниками», врученные государственному секретарю США Дж. Бирнсу и министру иностранных дел Великобритании Э. Бевину // СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории. С. 212, 213.

³³ А.И. Полторак разъясняет эти критерии следующим образом: «Лицо несомненно должно занимать определенное служебное положение, которое позволяло бы ему: а) быть информированным об общем плане или заговоре на совершение преступлений против человечества; б) оказывать влияние на осуществление целей заговора в любой форме соучастия и в любом качестве соучастника — организатора, подстрекателя, исполнителя, пособника преступления» (см.: *Полторак А.И.* Нюрнбергский процесс (основные правовые проблемы). М., 1966. С. 30).

³⁴ См.: Меморандум «Военные преступления», представленный британской делегацией на Потсдамской конференции с дополнением к нему В.М. Молотова // СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории: сб. документов / науч. ред. и сост. Н.С. Лебедева. С. 214.

включении в список имени Гитлера³⁵, но называл имена Й. Риббентропа, Р. Гесса и Г. Круппа³⁶.

Следует отметить, что для СССР был важным не Крупп лично, но необходимость привлечения к ответственности представителей крупного монополистического капитала (т.н. промышленников). Это видно из замечания И.В. Сталина, что «если Крупп не годится, давайте назовём других [промышленников]». Руководитель концерна «Фридрих Крупп АГ» Густав Крупп, действительно, так и не попал в окончательный список обвиняемых МВТ в связи с тяжелым состоянием здоровья. По этой причине США предложили³⁷ его сыну Альфриду присутствовать на процессе в качестве «представителя» отца³⁸. Однако данное предложение не было поддержано советской и британской сторонами.

Таким образом, следующим важным критерием отбора обвиняемых МВТ становится представительство различных органов и видов деятельности нацистского государства, в том числе представителей промышленного и банковского капитала как составной части государственно-монополистического капитализма Германии.

Для руководства СССР вопрос о привлечении к ответственности представителей «промышленников» имел не только вполне понятное практическое, но и важное теоретическое значение. Кроме представителей государственного механизма в его различных областях было важно привлечь к ответственности и представителей крупного монополистического капитала. В своих теоретических трудах и в отчётных докладах Центрального Комитета ВКП(б) руководство СССР постоянно подчёркивало, что войны являются неизбежным следствием империализма, его системным элементом³⁹. Таким

образом, для руководства СССР Нюрнбергский процесс с теоретической точки зрения виделся не только как суд над фашизмом и нацизмом, но и в значительной степени как суд над империализмом. Требование СССР об обязательном представителе на скамье подсудимых со стороны монополистического капитала было основано на точной оценке советской стороной его роли в развязывании и ведении войны. При этом следует отметить, что даже немецкие исследователи называли германский промышленный капитал «профашистскими боевыми группами»⁴⁰. Однако возможности американского и британского правительств в вопросе о привлечении к суду немецких промышленников имели свои пределы в связи с взаимной зависимостью германского монополистического капитала и своих «собственных» капиталистов⁴¹. Таким образом, совершенно не случайным стало как оправдание МВТ представителя германского капитала Я. Шахта, с одной стороны, так и использование этого решения в качестве «прецедента» на последующих нюрнбергских процессах в отношении промышленников⁴². В конечном счёте на скамье подсудимых Нюрнбергского трибунала оказались всего два представителя монополистического капитала: В. Функ («представитель» от промышленного капитала) и Я. Шахт («представитель» от банковского капитала).

Список обвиняемых Международного военного трибунала был обнародован 29 августа 1945 г. В него вошли: К. Дениц, М. Борман, Г. Геринг, Г. Гиммлер, И. Риббентроп, В. Кейтель, Э. Кальтенбруннер, А. Розенберг, Г. Крупп, Г. Франк, В. Фрик, Ю. Штрейхер, Ф. Заукель, А. Йодль, А. Зейсс-Инкварт, Р. Функ, Э. Редер, Б. Ширах, А. Шпеер, К. Нейрат, Ф. фон Папен, Г. Фриче, Я. Шахт.

Данный список содержит представителей всех основных секторов нацистского государства: *руководители правящей партии* (М. Борман, Р. Гесс, Р. Лей, А. Розенберг, Г. Франк, В. Фрик, Б. Ширах), *руководители карательных органов и спецслужб* (Ф. Заукель, А. Зейсс-Инкварт, Э. Кальтенбруннер, Р. Лей, Г. Франк), *представители правительства* (Г. Геринг, Р. Гесс, М. Борман, К. фон Нейрат, И. фон Риббентроп, В. Функ, Я. Шахт, А. Шпеер), *представители армии* (К. Дёниц, А. Йодль, В. Кейтель, Э. Редер), *руководители и оккупированных, и подведомственных территорий* (А. Зейсс-Инкварт,

³⁵ В ответ на замечание К. Эттли о том, что он считает Гитлера живым и предлагает включить его в список обвиняемых, И.В. Сталин ответил: «Но его нет в наших руках» (см.: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей союзных держав – СССР, США и Великобритании. 17 июля – 2 августа 1945 г. М., 1984. С. 248, 249). Данный факт даёт возможность сделать два интересных вывода: во-первых, в конце июля 1945 г. Сталин не исключал того, что Гитлер находится в живых, и, во-вторых, на тот момент он не считал правильным проведение заочного процесса даже над живым Гитлером.

³⁶ Г. Крупп управлял немецким концерном *Friedrich Krupp AG* с 1909 по 1941 г. С 1939 г. здоровье Круппа ухудшилось, а в 1941 г. из-за инсульта он был частично парализован. Он стал номинальным руководителем, пока в 1943 г. официально не передал управление бизнесом своему сыну Альфриду.

³⁷ По версии И.Д. Гофмана, иначе: «Советский судья предложил судить сына Круппа Альфрида или рассматривать дело Круппа заочно. Трибунал отклонил это предложение» (см.: *Гофман И.Д.* Нюрнберг предостерегает. Полтава, 2007. С. 120).

³⁸ См.: *Overy R.* The Nuremberg Trials: International Law in the Making // From Nuremberg to the Hague. P. 12, 13.

³⁹ См.: *Ленин В.И.* Империализм как новейший этап капитализма. Пг., 1917; История Всесоюзной коммунистической

партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 316–320.

⁴⁰ *Симон В.* Всеислие союзов предпринимателей. Союзы в экономической и политической системе ФРГ / пер. с нем. М., 1979. С. 54–67.

⁴¹ См.: *Румянцев Ф.* Концерн смерти. М., 1969. С. 26–28.

⁴² Итогом данного процесса стало оправдание трёх директоров группы компаний Флика, одного сотрудника компании Круппа и 11 сотрудников «ИГ Фарбен».

А. Розенберг, Г. Франк, В. Фрик, Б. Ширах, Ф. Заукель, К. фон Нейрат, Ю. Штрейхер), *представители крупного монополистического и банковского капитала* (Г. Крупп, В. Функ, Я. Шахт), *дипломаты* (Ф. фон Папен, К. фон Нейрат, И. фон Риббентроп), *представители идеологии и пропаганды* (А. Розенберг, Г. Фриче, Ю. Штрейхер), *организаторы жестокого обращения с военнопленными и заключенными концлагерей* (Б. Ширах, А. Шпеер, В. Функ, В. Фрик, Г. Франк, А. Розенберг, Э. Кальтенбруннер, Ф. Заукель, А. Зейсс-Инкварт). Как видим, некоторые обвиняемые «представляли» сразу несколько секторов нацистского государства и их деятельности.

Говоря о критериях отбора обвиняемых для Нюрнбергского процесса в МВТ, следует рассмотреть и вопрос о критериях отклонения тех или иных потенциальных кандидатов на скамью подсудимых. Кроме уже упомянутого выше критерия управляемости процесса (количество обвиняемых должно было обеспечить условие, закрепленное в ст. 1 Устава МВТ о том, что судебный процесс должен быть «скорым») можно назвать и некоторые другие критерии. К ним, в частности, относится критерий стратегического и тактического планирования представления доказательств на суде. Так, можно предположить, что некоторые высшие руководители Третьего рейха не оказались в списке обвиняемых по соображениям судебной тактики прокурора МВТ, который собирался использовать ряд таких лиц в качестве свидетелей обвинения. Англосаксонская модель уголовного правосудия позволяла бы вызывать обвиняемых в качестве свидетелей, однако с такой процедурой не согласились представители т.н. следственной процессуальной модели (СССР и Франция). К тому же достоверность таких показаний могла быть поставлена международным сообществом под сомнение.

В то же время выступление ряда потенциальных обвиняемых в качестве свидетелей не всегда было причиной их невключения в список подсудимых. Так, например, бывший комендант Аушвица Р. Хёсс хотя и выступил в качестве свидетеля, но не от стороны обвинения, а защиты (Кальтенбруннера). Не были включены в список обвиняемых заместитель начальника IV отдела РСХА (тайной государственной полиции) А. Эйхман, сотрудники СС Тирак и Далюге⁴³, ряд других лиц.

Наконец, следует назвать и ещё один критерий, который имел место в предварительный период составления списка обвиняемых МВТ, однако впоследствии от него отказались. Речь идёт о «представительстве» на скамье подсудимых МВТ государств, участвовавших во Второй мировой войне

на стороне нацистской Германии (каковых было девять). В предварительных списках обвиняемых были представители Венгрии (Хорти), Италии (Муссолини)⁴⁴, а также других государств. Однако в конечном счете от идеи «представительства» иных государств, кроме Германии, было решено отказаться.

Международный военный трибунал по Дальнему Востоку

В отличие от Нюрнбергского трибунала список обвиняемых Международного военного трибунала для Дальнего Востока формировался не на международной основе, а штабом Главнокомандующего армией союзных держав в Японии генерала Д. Макарура. Ответственным за разработку списка лиц, подлежащих аресту, был назначен генерал Э. Торп. Союзникам по коалиции приходилось прилагать дипломатические усилия, чтобы добиться включения в список обвиняемых тех или иных лиц. Тем не менее во время подготовки процесса страны — участницы МВТДВ представили свои предложения по формированию списка обвиняемых⁴⁵.

Первоначально Д. Макарур предлагал применить территориальный и временной принцип и рекомендовал правительству США ограничить уголовную ответственность японских лидеров за развязывание войны только участием в планировании и осуществлении атаки на Пёрл Харбор. По мнению Д. Макарура, только это нападение без объявления войны нарушало нормы международного права⁴⁶. Впоследствии при формировании списка обвиняемых были добавлены и другие критерии. Во-первых, к таким критериям было отнесено ограничение количества обвиняемых. С самого начала было решено ограничить число обвиняемых до 28⁴⁷. В дальнейшем эта цифра не подвергалась какой-либо корректировке на всех последующих этапах подготовки процесса. Так, например, после включения в список обвиняемых по настоянию СССР двух генералов Ё. Умэдзу и М. Сигэмицу из списка были исключены двое других — Н. Абэ и Д. Мадзаки⁴⁸.

Во-вторых, был реализован уже известный принцип представительства различных категорий должностных лиц Японии. В самом начале

⁴⁴ См.: *ibid.* P. 14.

⁴⁵ См.: *Молодяков В. Э.* Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949): дипломат, политик, мыслитель. М.; СПб., 2006. С. 430.

⁴⁶ См.: *MacArthur D.* Reminiscences. 1965. P. 318.

⁴⁷ См.: *Лестев А. Е.* Некоторые предпосылки изучения международно-правового значения Международного военного трибунала для Дальнего Востока // Теория и практика регионоведения. Т. III. Труды II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 14–15 сентября 2019 г. СПб., 2020. С. 168.

⁴⁸ См.: *Молодяков В. Э.* Указ. соч. С. 432.

⁴³ См.: *Overy R.* Op. cit. P. 9, 14.

процесса адвокат Кисоэ в своей речи от имени всех подсудимых Токийского трибунала дал такую классификацию обвиняемых: 1) офицеры армии и флота, 2) гражданские чиновники, 3) дипломаты, 4) писатели⁴⁹. Данная классификация, однако, не вполне точна. Полагаем, что более правильно говорить о представительстве: *армии и флота* (генералы С. Араки, К. Доихара, С. Итагаки, Х. Кимура, К. Коисо, И. Мацуи⁵⁰, Д. Минами, А. Муто, К. Сато, Т. Судзуки, Ё. Умэдзу; адмиралы Т. Ока, С. Симата); *правительства* (премьер-министры О. Кайя, К. Кидо, С. Того, Х. Тодзио, С. Хата, К. Хиранума, К. Хирота, Н. Хосино, О. Нагано, И. Мацуока)⁵¹; *дипломатии* (Х. Осима, М. Сигэмицу, Т. Сиратори); *системы идеологии и пропаганды* (С. Окава, К. Хасимото).

В список обвиняемых не попали руководители японской полиции и карательных органов (в частности, кэмпэйтэй)⁵². Не оказалось на скамье подсудимых представителей промышленного и банковского капитала, несмотря на то что на этом настаивал СССР⁵³. В этой связи любопытно утверждение судьи МВТДВ Б. Ролинга (Нидерланды) о том, что промышленники якобы были против войны, поскольку она угрожала успеху экономической экспансии⁵⁴. Однако данное утверждение не только не подтверждается фактами, представленными во время процесса, но даже самим приговором МВТДВ.

Значимым стало непривлечение к суду императора Японии Хирохито и членов императорской фамилии⁵⁵. Против выдвижения обвинения в отношении императора выступил генерал Макартур. В докладе правительству США он сообщал, что суд над императором «приведет японское общество к глубочайшему эмоциональному потрясению, трагические отголоски которого ощутят

и грядущие поколения страны»⁵⁶. Аналогичное утверждение содержалось в донесении главнокомандующему от 2 октября 1945 г. бригадным генералом Б. Феллерсом, который возглавлял расследование в отношении императора. Феллерс утверждал, что японский народ «безропотно снесет любое другое унижение», однако в случае суда над императором «всеобщее восстание будет неизбежно»⁵⁷. 17 июня 1946 года главный обвинитель трибунала Д. Кинан дал понять, что император к суду привлечён не будет. Впоследствии Хирохито направил президенту США Г. Трумэну письмо с благодарностью за великодушное к нему отношение⁵⁸.

Тем не менее известно, что император Хирохито принимал активное участие в подготовке самых тяжких преступлений. Так, на судебном процессе, проведённом в СССР по делу о военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия, были представлены секретные указы Хирохито по размещению в Маньчжурии подразделений для ведения бактериологической войны⁵⁹. В целом выбор главных обвиняемых в МВТДВ подвергся гораздо большей критике, нежели выбор обвиняемых МВТ. Это связано с тем, что представители США самостоятельно формировали список обвиняемых, неохотно реагируя на предложения и возражения союзников.

Первая критика списка обвиняемых последовала со стороны СССР, настаивавшего на включении промышленников и императора⁶⁰. 5 июня 1946 г. Министр внутренних дел СССР С. Круглов подготовил для руководства СССР совершенно секретную записку, к которой было приложено обращение 782 японских военнопленных. В своём обращении японские военнопленные требовали предать суду МВТДВ руководителя японской

⁴⁹ См.: Стенограмма заседания МВТДВ 24 февраля 1947 г. (цит. по: Николаев А. Н. Токио: суд народов. По воспоминаниям участника процесса: [Международ. Воен. Трибунал для Дальнего Востока, 1946–1948 гг.]. М., 1990. С. 270).

⁵⁰ Мацуи был оправдан по всем пунктам обвинения, кроме «преступлений против обычаев войны», как главный ответственный за «нанкинскую резню», Мацуи командовал всеми экспедиционными силами в Китае, тогда как Нанкин штурмовал принц Асака, дядя императора Хирохито, именно он должен был нести непосредственную ответственность за резню. Асака не попал в число обвиняемых из-за негласного решения не привлекать к суду членов императорской фамилии (см.: Молодяков В. Э. Указ. соч. С. 436).

⁵¹ Среди обвиняемых значился также премьер-министр Ф. Коноэ, но он умер до ареста, приняв яд.

⁵² См.: Молодяков В. Э. Указ. соч. С. 432.

⁵³ См.: Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. М., 1984. С. 37.

⁵⁴ См.: Молодяков В. Э. Указ. соч. С. 433.

⁵⁵ См.: Лестев А. Е. Указ. соч. С. 168.

⁵⁶ Панов А. Н. О Японии. Очерки и исследования дипломата. М., 2014. С. 68.

⁵⁷ Лестев А. Е., Кураמיшина Е. А. Донесение Б. Феллера Д. Макарту как основа принципиальной позиции США относительно судьбы императора Японии Хирохито после окончания Второй мировой войны // Уральское востоковедение. 2020. № 10. С. 71.

⁵⁸ См.: Панов А. Н. О Японии. Очерки и исследования дипломата. С. 69.

⁵⁹ См.: Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950. С. 8; см. также: Савенков А. Н. Хабаровский процесс как важнейший этап реализации Нюрнбергских принципов и формирования международного уголовного правосудия // Государство и право. 2021. № 10. С. 7–40.

⁶⁰ Советский Союз продолжал настаивать на суде над императором Хирохито и уже после окончания Токийского процесса. Так, 1 февраля 1950 г. посол СССР в США вручил государственному секретарю ноту с требованием привлечь императора Японии к суду (см.: Японские военнопленные в СССР: 1945–1956: сб. документов. М., 2013).

политической полиции А. Геики, бывшего премьер-министра и военного министра Т. Хидэки и бывшего премьер-министра и начальника штаба Квантунской армии К. Куниаки⁶¹. Из названных лиц суду МВТДВ не был предан только А. Геики.

В отечественной литературе также можно встретить критическую оценку выбора в качестве обвиняемого бывшего посла Японии в Италии Сиратори Тосио в связи с его явно несоразмерной ролью в преступлениях по сравнению с остальными обвиняемыми. В то же время советскому руководству удалось настоять на исключении из списка обвиняемых МВТДВ премьер-министра и морского министра в семи кабинетах японского правительства М. Ёнаи⁶² и министра иностранных дел в четырех кабинетах Х. Арита⁶³.

Следует отметить, что вопрос о привлечении к ответственности крупного монополистического капитала в МВТДВ стал ещё большей проблемой, чем в МВТ. Президент США Г. Трумэн считал выдвижение таких обвинений на Нюрнбергском процессе ошибкой. Из списка обвиняемых были исключены руководители крупнейших японских монополий Мицуи, Мицубиси, Симитомо, Ясуда, Аюкава⁶⁴, а генерал Макартур распорядился об освобождении уже находившихся под стражей японских магнатов. В то же время, несмотря на то что японский монополистический капитал так и не был представлен на скамье подсудимых МВТДВ, в приговоре трибунала неоднократно упоминается роль монополий в организации и совершении преступлений (в частности, о роли «дзайбацу»). В выступлении на процессе обвинителя от СССР А.Н. Васильева было доказано, что милитаристская элита Японии побуждалась к агрессии именно монополиями, которые были заинтересованы в захватнических войнах⁶⁵.

* * *

Подводя итоги, можно сформулировать ряд выводов. С одной стороны, имеется достаточно оснований говорить о том, что процесс отбора обвиняемых Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов характеризовался высокой степенью политизации. В то же время

в значительной степени это было связано с юридическими причинами объективного характера, прежде всего отсутствием каких-либо международных уголовно-процессуальных норм.

Тем не менее сделанный отбор обеспечивал уже тогда хорошо известные национальным правовым системам принципы, в частности принцип оперативного рассмотрения дела, а также принципы обеспечения прав обвиняемых⁶⁶. Критерий необходимости представить как можно более широкий круг различных секторов нацистской системы Германии и милитаристской системы Японии, хотя и с оговорками, но в целом обеспечил справедливый итог деятельности обоих трибуналов. В случаях заведомо неудовлетворительного решения вопроса отбора обвиняемых Нюрнбергского трибунала предполагалось решить эту проблему путём проведения т.н. *последующих* процессов.

Опыт деятельности Нюрнбергского и Токийского трибуналов имеет большое значение не только для истории, но и для сегодняшнего дня. В отличие от МВТ и МВТДВ в международных уголовных судах и трибуналах вопрос отбора обвиняемых решается единоличными решениями обвинителей. Такая модель привела к структурным и даже системным проблемам в деятельности ныне действующих судов⁶⁷. Таким образом, опыт МВТ и МВТДВ остаётся актуальным⁶⁸ и для современных органов международной уголовной юстиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Г.Н. Нюрнберг вчера и сегодня. М., 1971. С. 29.
2. Бабурин С.Н. Ялтинские договоренности великих держав в 1945 г. и их уроки для международного права // Вестник Омского ун-та. Сер.: Право. 2015. № 2 (43). С. 54–57.
3. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей союзных держав – СССР, США и Великобритании. 17 июля – 2 августа 1945 г. М., 1984. С. 248, 249.
4. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: в 3 т. М., 1944. Т. 1. С. 277.
5. Гофман И.Д. Нюрнберг предостерегает. Полтава, 2007. С. 120.

⁶¹ См.: Японские военнопленные в СССР: 1945–1956: сб. документов. С. 281, 282.

⁶² См.: Молодяков В.Э. Указ. соч. С. 430.

⁶³ Информация о М. Ёнаи и Х. Арита была передана В.Э. Молодякову в личной беседе одним из участников подготовки процесса с советской стороны. Согласно этому сообщению, СССР «не настаивал» на привлечении к суду М. Ёнаи и Х. Арита, не возражая при этом против трактовки, что фактически их защищает (см.: там же).

⁶⁴ См.: Николаев А.Н. Указ. соч. С. 78.

⁶⁵ См.: Звягинцев А. Ветер возмездия. Уроки Токийского международного военного трибунала. М., 2020. С. 312.

⁶⁶ См.: Международная и внутригосударственная защита прав человека: учеб. / под ред. Л.Х. Мингазова. М., 2021.

⁶⁷ См.: Мезяев А.Б. Процесс против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале: некоторые международно-правовые проблемы // Российский ежегодник международного права. 2004. СПб., 2005. С. 91.

⁶⁸ См.: Михайлов Н.Г. Трибуналы в Нюрнберге и Гааге: некоторые общие черты // Казанский журнал междунар. права и междунар. отношений. 2011. № 4. С. 91–94.

6. Жуков В.И. Вклад ученых Института государства и права в разработку норм уголовного права и других отраслей юридической науки в годы Великой Отечественной войны // Государство и право. 2020. № 12. С. 19–21.
7. Звягинцев А. Ветер возмездия. Уроки Токийского международного военного трибунала. М., 2020. С. 312.
8. Игнатенко Г.В., Перевалов В.Д. и др. Международное гуманитарное право: война, память, справедливость (юридические и исторические аспекты): учеб. пособие. М., 2020. С. 226.
9. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 316–320.
10. Крымская конференция руководителей союзных держав – СССР, США и Великобритании. 4–11 февраля 1945 г. М., 1984. С. 169, 170.
11. Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975. С. 82–140.
12. Лебедева Н.С. СССР и Нюрнбергский процесс // Нюрнбергский процесс: уроки истории. М., 2007. С. 141.
13. Ленин В.И. Империализм как новейший этап капитализма. Пг., 1917.
14. Лестев А.Е. Некоторые предпосылки изучения международно-правового значения Международного военного трибунала для Дальнего Востока // Теория и практика регионоведения. Т. III. Труды II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 14–15 сентября 2019 г. СПб., 2020. С. 168.
15. Лестев А.Е., Курамина Е.А. Донесение Б. Феллера Д. Макартуру как основа принципиальной позиции США относительно судьбы императора Японии Хирохито после окончания Второй мировой войны // Уральское востоковедение. 2020. № 10. С. 71.
16. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950. С. 8.
17. Международная и внутригосударственная защита прав человека: учеб. / под ред. Л.Х. Мингазова. М., 2021.
18. Мезяев А.Б. Процесс против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале: некоторые международно-правовые проблемы // Российский ежегодник международного права. 2004. СПб., 2005. С. 91.
19. Мезяев А.Б. Эволюция международно-правовой позиции России в отношении смертной казни // Росс. юстиция. 2018. № 2. С. 47–51.
20. Михайлов Н.Г. Трибуналы в Нюрнберге и Гааге: некоторые общие черты // Казанский журнал междунар. права и междунар. отношений. 2011. № 4. С. 91–94.
21. Молодяков В.Э. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949): дипломат, политик, мыслитель. М.; СПб., 2006. С. 430, 432, 433, 436.
22. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.): сб. документов. М., 1978. С. 363, 364.
23. Николаев А.Н. Токио: суд народов. По воспоминаниям участника процесса: [Междунар. Воен. Трибунал для Дальнего Востока, 1946–1948 гг.]. М., 1990. С. 78, 270.
24. Панов А.Н. О Японии. Очерки и исследования дипломата. М., 2014. С. 68, 69.
25. Полторак А.И. Нюрнбергский процесс (основные правовые проблемы). М., 1966. С. 30.
26. Пишбыльский П. Между виселицей и амнистией. Процессы против военных преступников в зеркале Нюрнберга. М., 1985. С. 33, 34.
27. Рагинский М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника Нюрнбергского процесса. М., 1986. С. 5.
28. Румянцев Ф. Концерт смерти. М., 1969. С. 26–28.
29. СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории: сб. документов / науч. ред. и сост. Н.С. Лебедева. М., 2012. С. 23, 24, 172, 212–214, 229–231, 236.
30. Савенков А.Н. Геноцид советского народа: от истории к праву, без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 7–30.
31. Савенков А.Н. Государство. Право. Институт: 95 лет истории в лицах // Государство и право. 2020. № 3. С. 11, 12.
32. Савенков А.Н. Хабаровский процесс как важнейший этап реализации Нюрнбергских принципов и формирования международного уголовного правосудия // Государство и право. 2021. № 10. С. 7–40.
33. Симон В. Всесилие союзов предпринимателей. Союзы в экономической и политической системе ФРГ / пер. с нем. М., 1979. С. 54–67.
34. Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1984. С. 37.
35. Японские военнопленные в СССР: 1945–1956: сб. документов. М., 2013. С. 281, 282.
36. MacArthur D. Reminiscences. 1965. P. 318.
37. Overy R. The Nuremberg Trials: International Law in the Making // From Nuremberg to the Hague. P. 9, 12–14.

REFERENCES

1. Alexandrov G.N. Nuremberg yesterday and today. M., 1971. P. 29 (in Russ.).
2. Baburin S.N. The Yalta Agreements of the Great Powers in 1945 and their lessons for International Law // Herald of the Omsk University. Ser.: Law. 2015. No. 2 (43). P. 54–57 (in Russ.).
3. Berlin (Potsdam) Conference of the Leaders of the Allied Powers – the USSR, the USA and Great Britain. July 17 – August 2, 1945. M., 1984. P. 248, 249 (in Russ.).
4. The foreign policy of the Soviet Union during the Patriotic War: in 3 vols. M., 1944. Vol. 1. P. 277 (in Russ.).
5. Hoffman I.D. Nuremberg warns. Poltava, 2007. P. 120 (in Russ.).
6. Zhukov V.I. Contribution of scientists of the Institute of State and Law to the development of norms of Criminal Law and other branches of legal science during the Great Patriotic War // State and Law. 2020. No. 12. P. 19–21 (in Russ.).
7. Zvyagintsev A. The wind of retribution. Lessons of the Tokyo International Military Tribunal. M., 2020. P. 312 (in Russ.).

8. *Ignatenko G.V., Perevalov V.D. et al.* International Humanitarian Law: war, memory, justice (legal and historical aspects): studies manual. M., 2020. P. 226 (in Russ.).
9. History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Short course. M., 1938. P. 316–320 (in Russ.).
10. Crimean Conference of the leaders of the Allied powers – the USSR, the USA and Great Britain. February 4–11, 1945. M., 1984. P. 169, 170 (in Russ.).
11. *Lebedeva N.S.* Preparation of the Nuremberg trials. M., 1975. P. 82–140 (in Russ.).
12. *Lebedeva N.S.* USSR and the Nuremberg trials // Nuremberg Trial: lessons of history. M., 2007. P. 141 (in Russ.).
13. *Lenin V.I.* Imperialism as the newest stage of capitalism. Petrograd, 1917 (in Russ.).
14. *Lestev A.E.* Some prerequisites for studying the international legal significance of the International Military Tribunal for the Far East // Theory and practice of regional studies. Vol. III. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, September 14–15, 2019. SPb., 2020. P. 168 (in Russ.).
15. *Lestev A.E., Kuramshina E.A.* Fellers' report to D. MacArthur as the basis of the USA's principled position on the fate of Emperor Hirohito of Japan after the end of World War II // Ural Oriental Studies. 2020. No. 10. P. 71 (in Russ.).
16. Materials of the trial in the case of former Japanese army servicemen accused of preparing and using bacteriological weapons. M., 1950. P. 8 (in Russ.).
17. International and domestic protection of human rights: textbook / ed. by L.H. Mingazov. M., 2021 (in Russ.).
18. *Mezyaev A.B.* The trial against Slobodan Milosevic at the Hague Tribunal: Some international legal problems // Russian Yearbook of International Law. 2004. SPb., 2005. P. 91 (in Russ.).
19. *Mezyaev A.B.* Evolution of Russia's international legal position on the death penalty // Russ. Justice. 2018. No. 2. P. 47–51 (in Russ.).
20. *Mikhailov N.G.* Tribunals in Nuremberg and The Hague: some common features // Kazan Journal of International Law and international relationships. 2011. No. 4. P. 91–94 (in Russ.).
21. *Molodyakov V.E.* The Era of struggle. Shiratori Toshio (1887–1949): diplomat, politician, thinker. M.; SPb., 2006. P. 430, 432, 433, 436 (in Russ.).
22. Moscow Conference of Ministers of Foreign Affairs of the USSR, USA and Great Britain (October 19–30, 1943): collection of documents. M., 1978. P. 363, 364 (in Russ.).
23. *Nikolaev A.N.* Tokyo: The Court of Peoples. According to the memoirs of a participant in the process: [Intern. Military Tribunal for the Far East, 1946–1948]. M., 1990. P. 78, 270 (in Russ.).
24. *Panov A.N.* About Japan. Essays and studies of a diplomat. M., 2014. P. 68, 69 (in Russ.).
25. *Poltorak A.I.* The Nuremberg trials (main legal problems). M., 1966. P. 30 (in Russ.).
26. *Pshibytsky P.* Between the gallows and amnesty. Trials against war criminals in the mirror of Nuremberg. M., 1985. P. 33, 34 (in Russ.).
27. *Raginsky M. Yu.* Nuremberg: before the court of History. Memoirs of a participant in the Nuremberg Trials. M., 1986. P. 5 (in Russ.).
28. *Rumyantsev F.* Concern of Death. M., 1969. P. 26–28 (in Russ.).
29. The USSR and the Nuremberg trials. Unknown and little-known pages of history: collection of documents / scientific ed. and comp. N.S. Lebedeva. M., 2012. P. 23, 24, 172, 212–214, 229–231, 236 (in Russ.).
30. *Savenkov A.N.* The genocide of the Soviet people: from history to law, without a statute of limitations // The State and Law. 2021. No. 9. P. 7–30 (in Russ.).
31. *Savenkov A.N.* The State. Law. Institute: 95 years of history in persons // State and Law. 2020. No. 3. P. 11, 12 (in Russ.).
32. *Savenkov A.N.* The Khabarovsk process as the most important stage in the implementation of the Nuremberg Principles and the formation of International Criminal Justice // State and law. 2021. No. 10. P. 7–40 (in Russ.).
33. *Simon V.* The omnipotence of unions of entrepreneurs. Unions in the economic and political system of the FRG / transl. from German. M., 1979. P. 54–67 (in Russ.).
34. *Smirnov L.N., Zaitsev E.B.* Court in Tokyo. M., 1984. P. 37 (in Russ.).
35. Japanese prisoners of war in the USSR: 1945–1956: collection of documents. M., 2013. P. 281, 282 (in Russ.).
36. *MacArthur D.* Reminiscences. 1965. P. 318.
37. *Overy R.* The Nuremberg Trials: International Law in the Making // From Nuremberg to the Hague. P. 9, 12–14.

Сведения об авторах

МЕЗЯЕВ Александр Борисович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Университета управления «ТИСБИ»; 420012 г. Казань, ул. Муштари, д. 13

ЛЕСТЕВ Антон Евгеньевич – кандидат исторических наук, Университет управления «ТИСБИ»; 420012 г. Казань, ул. Муштари, д. 13

Authors' information

MEZYAEV Alexander B. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, University of Management “TISBI”; 13 Mushtari str., 420012 Kazan, Russia

LESTEV Anton E. – Candidate of Historical Sciences, University of Management “TISBI”; 13 Mushtari str., 420012 Kazan, Russia

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВА В РЕГУЛИРОВАНИИ КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2023 г. Г. Г. Шинкарецкая

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: gshink@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.11.2022 г.

Аннотация. Формирование договорной базы международного космического права остановилось примерно в начале 1980-х годов. Ныне создан парадокс: активное включение в космическую деятельность физических и юридических лиц оказывается вне сферы действия международного права, и эти лица руководствуются в основном национальным законодательством своих государств, так что создается множество противоречий и пробелов.

В этой связи оживляется интерес к такой правовой категории, как общие принципы права, указанные в качестве одного из источников международного права в п. 3 ст. 38 Статута Международного Суда. Комитет ООН по космосу, в котором сосредоточена вся правотворческая деятельность в этой отрасли, уже более 10 лет занимается тщательным сбором и анализом национального законодательства. Фактически это деятельность по поиску и отбору общих принципов права. Таким образом, общие принципы права становятся элементом развития международного космического права.

Ключевые слова: космос, космическая деятельность, коммерциализация космоса, негосударственные субъекты в космической деятельности, общие принципы права, международные суды, Комитет ООН по космосу, международное право.

Цитирование: Шинкарецкая Г.Г. Общие принципы права в регулировании космической деятельности // Государство и право. 2023. № 2. С. 131–138.

DOI: 10.31857/S102694520024341-6

GENERAL PRINCIPLES OF LAW IN THE REGULATION OF SPACE ACTIVITIES

© 2023 G. G. Shinkaretskaya

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: gshink@yandex.ru

Received 16.11.2022

Abstract. The formation of the contractual framework of international space law stopped around the beginning of the 1980^s. Now a paradox has been created: the active involvement of individuals and legal entities in space activities is outside the scope of international law, and these persons are guided mainly by the national legislation of their States, so many contradictions and gaps are created.

In this regard, interest is revived in such a legal category as the general principles of law, indicated as one of the sources of International Law in paragraph 3 of article 38 of the Statute of the International Court of Justice. The UN Committee on Outer Space, in which all law-making activities in this industry are concentrated, has been engaged in a thorough collection and analysis of national legislation for more than 10 years. In fact, this is an activity for the search and selection of general principles of law. Thus, the general principles of law become an element of the development of International Space Law.

Key words: space, space activities, commercialization of space, non-state actors in space activities, general principles of law, international courts, UN Committee on Outer Space, International Law.

For citation: *Shinkaretskaya, G.G. (2023). General principles of law in the regulation of space activities // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 131–138.*

Недостаточность международного космического права

Развитие технологий привело к освоению человечеством все новых пространств. Теперь уже и небесные тела стали объектом пристального внимания тех, кто стремится попасть на новые территории, где можно было бы при не очень крупных финансовых затратах получить доступ к новым источникам сырья. Одним из таких объектов в последние годы становятся небесные тела – природные образования, находящиеся в космическом пространстве (планеты, кометы, астероиды и прежде всего Луна).

На этом пути в космос кроме технологических препятствий имеется препятствие в виде недостаточного правового регулирования: в существующей международной системе пока очень немного правовых норм, применимых к прикладным видам космической деятельности, особенно в связи с их коммерциализацией. Международное космическое право начало формироваться в конце XX в., когда главной проблемой было военное противостояние двух сверхдержав – СССР и США, и правовое регулирование было направлено на обеспечение равных прав и равной безопасности для обеих сторон. Был принят Договор по космосу 1967 г.¹ – основополагающий документ международного космического права, и впоследствии еще четыре договора по конкретным вопросам. К 1980-м годам договорное развитие международного космического права остановилось, с тех пор договоры не принимаются, а между тем бурно развивается предпринимательская деятельность в космосе. Без спутниковой связи, без космической навигации GPS, без дистанционного зондирования планеты Земля невозможно представить повседневную жизнь. Теперь к этому списку может прибавиться еще приток добытых в космосе полезных ископаемых.

Коммерческой деятельностью в космосе занимаются предприниматели – физические и юридические лица, которые руководствуются при этом национальным законодательством своих государств. Такое положение будет создавать много затруднений в ситуации деятельности на небесных телах, где не существует территориальной юрисдикции государств, но могут очень легко возникать

споры о местоположении той или иной компании, об их безопасности, о праве разработки космических почв и недр и т.д.

В связи с этим возобновился интерес к такому явлению международного права, как общие принципы права, которые давно известны, будучи имплементированы в ст. 38 Статута Международного Суда, но которые так и остались не исследованы надлежащим образом².

В ст. 38 Статута говорится: «Суд, который обязан решать переданные ему споры на основании международного права, применяет: <...>

с) общие принципы права, признанные цивилизованными нациями».

Включение в эту клаузулу упоминания «цивилизованных наций» объясняется тем, что Статут Международного Суда фактически дословно воспроизводит Статут его предшественницы – Постоянной палаты международного правосудия, которая была органом Лиги Наций и чей статут формулировался еще в самом начале XX в. Тогда нормативный материал международного права был довольно скуден, и одной из целей включения общих принципов права в список источников международного права объясняется стремлением дать правоприменителю средства поиска подходящей нормы³.

Неопределенность правовой природы общих принципов международного права

Представители научной общественности ведут дебаты относительно юридической природы и места общих принципов в международном праве⁴, причем высказываемые мнения расходятся. Правда, эти дебаты ведутся зачастую на высоком уровне абстракции, практически без обращения к практике⁵. Между тем общие принципы как часть права, которое должно применяться, предусмотрены статутами некоторых международных судов. Кроме уже упоминавшейся ст. 38(1)(с) Статута Международного Суда, назовем как наиболее известные

² См.: Ромашев Ю.С. Общие принципы права в системе международного права // Право. Журнал ВШЭ. 2021. № 3. С. 149.

³ См.: Shaw M. International Law. 6th ed. OUP, 2005. P. 98.

⁴ См.: Земскова П.Е. Общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 5–7.

⁵ См.: Проект доклада Комиссии международного права о работе ее семьдесят третьей сессии. Документ ООН A/CN.4/L.964/Add.2 от 22.07.2022 г.

¹ См.: Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела // Официальный сайт ООН: www.un.org (дата обращения: 29.07.2022).

ст. 21(1)(b) и (c) Статута Международного уголовного суда. Иногда международные суды, как вполне автономные международные органы, прибегают к использованию общих принципов права, хотя в их учредительных документах это не предусмотрено. Ссылки на эти принципы встречаются и в решениях внутригосударственных судов. В доклад Комиссии международного права ООН включена целая страница ссылок на решения международных и внутригосударственных судов⁶. Учитывая эту разногласию, уже в 2016 г. Комиссия международного права ООН представила на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН тему «Общие принципы права» для включения в свою повестку дня⁷. Комиссия, как всегда, работает не спеша, но уже можно констатировать ее достижение принципиальных наработок⁸. В целом Комиссия систематизировала и упорядочила существующие мнения и практику государств и международных судов. В ее докладе, как и во всех более многочисленных доктринальных работах, отмечается отсутствие значительных различий между общими принципами права и элементами формирования обычая⁹. В то же время все больше распространяется мнение о том, что общие принципы права могут быть автономным источником международного права, но, учитывая существование международного права и внутригосударственного права как отдельных систем права, они могут иметь различное происхождение.

Международная практика показывает, что общие принципы могут быть определены в основном двумя способами. С одной стороны, они могут быть выведены посредством процесса дедукции из существующих международных норм, т.е. обычных или конвенционных норм. Это означает, что существующее международное право является отправной точкой для выработки общих принципов, которые впоследствии могут быть применены к другим ситуациям, которые не подпадают под первоначальную сферу действия соответствующих норм. Таким образом Международный Суд действовал, например, в англо-норвежском споре о рыболовстве¹⁰: несмотря на различные способы,

⁶ См.: Комиссия международного права. Шестидесят восьмая сессия. Женева, 2 мая – 10 июня и 4 июля – 12 августа 2016 года. Возможные темы для рассмотрения с учетом обзора перечня тем, составленного в 1996 году, в свете последующих изменений. Документ ООН A/CN.4/679/Add.1.

⁷ См.: там же.

⁸ См.: Проект доклада Комиссии международного права о работе ее семьдесят третьей сессии. Документ ООН A/CN.4/L.964/Add.2 от 22.07.2022 г.

⁹ См.: *Verhoeven J.* Droit international public. Paris, 2000. P. 349–351.

¹⁰ См.: Fisheries Case (United Kingdom v Norway) (Judgment) [1951] ICJ Rep 116, 129.

применявшиеся для определения линии наибольшего отлива (которая обозначает юридическую границу между сушей и морем), Международный Суд смог вывести принцип, согласно которому в любом случае пояс территориальных вод должен следовать общему направлению побережья.

С другой стороны, можно прибегнуть к процессу выявления общих принципов путем сравнительного анализа законодательства различных государств. Правопорядки государств содержат множество общих принципов, особенно процессуальных.

Подход к общим принципам права как к резервуару, из которого можно получить норму, проявляется и ныне, как, например, это произошло в процессе формирования международных уголовных трибуналов по Руанде¹¹ и Югославии¹² и при создании Статута Международного уголовного суда¹³.

В любом случае извлекаемые принципы создаются или освящаются волей государств, то есть зависят от их признания. Недаром в ст. 38 Статута Международного Суда применение общих принципов права обусловлено признанием цивилизованными нациями. Правда, в отличие от договорного права, признание государства здесь можно назвать косвенным, государства в общем не выражают прямого согласия с извлекаемым принципом¹⁴. В ситуации, когда общий принцип права извлекается из внутригосударственного права, производящий это действие суд как будто переносит внутригосударственную норму в международное право, как это неоднократно произошло во время судопроизводства в Международном трибунале по бывшей Югославии¹⁵. Здесь мы сталкиваемся с до-

¹¹ Международный уголовный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, создан в ноябре 1994 г. Советом Безопасности Организации Объединенных Наций в резолюции 955.

¹² Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г., был создан в соответствии с резолюцией 808, принятой Советом Безопасности в 1993 г.

¹³ См.: Римский статут Международного уголовного суда. Принят 17.07.1998 г. Вступил в силу в 2001 г.

¹⁴ См.: *Friedmann W.* The Uses of “General Principles” in the Development of International Law // *American Journal of International Law*. Vol. 57. P. 287.

¹⁵ См.: *Prosecutor v Blaskić* (Judgment on the Request of the Republic of Croatia for Review of the Decision of Trial Chamber II of 18 July 1997) ICTY-95-14 (29 October 1997), para 40; *Prosecutor v Furundžija* (Judgment) ICTY-95-17/1 (10 December 1998), para 177; *Prosecutor v Erdemović* (Judgment) ICTY-96-22 (7 October 1997).

вольно широким усмотрением суда, чего так опасается Евразийский экономический союз¹⁶.

Можно сослаться на деятельность Суда Европейского Союза. Хотя этот Суд обладает ограниченной компетенцией, нельзя не признать, что он является международным, принимая решения, которые содержат нормы, обязательные для ряда суверенных государств. И делает он это, анализируя законодательство многих государств, и даже далеко не всех случаях¹⁷.

Большинство теоретиков и практиков полагают, что общие принципы права – это определенные логические правила, выражающие закономерности, свойственные праву вообще, как международному, так и внутригосударственному¹⁸.

Практика международных судов

Проанализируем подход международных судебных органов к проблеме общих принципов права. В деле о фабрике в Хожуве в 1928 г.¹⁹ Постоянная палата Международного правосудия заявила, что к данному делу можно применить общую теорию права, согласно которой каждое нарушение обязательства влечет за собой обязательство возмещения ущерба, а потому не обязательно искать в данном деле наличие обязательства возмещения ущерба, поскольку граждане потерпевшего государства понесли ущерб в результате деяния, противоречащего международному праву. В деле о немецких поселенцах в Польше²⁰ Постоянная палата заявила, что «частные права, приобретенные в соответствии с существующим законодательством, не прекращаются при изменении суверенной принадлежности». Такую же позицию Постоянная палата занимала в делах о некоторых германских интересах в Польской Верхней Силезии²¹ и в деле о свободных зонах Верхнего Савоя и Округа Гекс²².

Международный Суд ООН в деле о проливе Корфу²³, говоря о косвенных доказательствах,

¹⁶ См.: Баишев Ж. Н. Суд Евразийского Экономического Союза: проблемы функционирования // Труды ИГП РАН. 2019. Т. 14. № 1. С. 59–68.

¹⁷ См.: Arnall A. The General Principles of EEC Law and the Individual. Leicester University Press, 1990.

¹⁸ См.: Словарь международного права / отв. ред. С. А. Егоров. М., 2014. С. 260.

¹⁹ См.: Case concerning the Factory at Chorzów (claim for indemnity) (jurisdiction). PCIJ, Series A. No. 17. 1928. P. 29.

²⁰ См.: German Settlers in Poland, PCIJ Series B (1923). No. 6. P. 36.

²¹ См.: Polish Upper Silesia case, PCIJ, Series A. No. 7. P. 42.

²² См.: Free Zones of Upper Savoy and the District of Gex case, PCIJ, Series A/B. No. 46. P. 167.

²³ См.: Corfu Channel (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v. Albania). ICJ Reports. 1949. P. 4, 18; 16 AD. P. 155, 157.

указал, что такие доказательства допускаются во всех правовых системах, и их использование подтверждается решениями международных судов. В консультативном заключении по запросу Административного трибунала²⁴ Суд рассмотрел проблему об увольнении сотрудников Секретариата Организации Объединенных Наций и о том, имеет ли Генеральная Ассамблея право отказать в исполнении решения о присуждении им компенсаций. Вынося отрицательный ответ, Суд подчеркнул, что, согласно общепризнанному принципу права, решение, вынесенное таким судебным органом, является *res judicata* и имеет обязательную силу для сторон в споре. Отметим, что *res judicata* становится предметом рассмотрения международного арбитража в споре между Аргентиной и Чили по поводу инцидента в заливе Десьерто²⁵, в решении которого было сказано: «Решение, имеющее силу *res judicata*, является юридически обязательным для Сторон в споре. Это основополагающий принцип международного права, на который неоднократно ссылались в судебной практике, которая рассматривает авторитет *res judicata* как универсальный и абсолютный принцип международного права».

Общие принципы права, относящиеся к судебному процессу, затрагивались Международным Судом в деле о геноциде (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории)²⁶, где стоял вопрос о праве Суда отклонить предварительные возражения против юрисдикции. Суд подчеркнул, что решения Суда не только обязательны для сторон, но и окончательны в том смысле, что те вопросы, которые уже были решены, не могут быть пересмотрены сторонами. Однако это не касается процессуальных вопросов, для которых возможный пересмотр специально предусмотрен. Суд отметил, что принцип *res judicata* действует и на международном, и на национальном уровнях. Этот принцип содействует стабильности правовых отношений, предписывая прекращение судебных разбирательств. Он также отвечает интересам каждой стороны: вопрос, который уже был решен в пользу этой стороны, не должен рассматриваться повторно. Было подчеркнуто, что лишение истца возможности воспользоваться уже полученным судебным решением в целом должно рассматриваться как нарушение принципов, регулирующих правовое урегулирование споров. Суд отметил, что этот принцип в равной

²⁴ См.: Effect of Awards of Compensation Made by the United Nations Administrative Tribunal. ICJ Reports, 1954. P. 47; 21 ILR. P. 310.

²⁵ См.: Laguna del Desierto (Argentina/Chile) case. International Legal Materials, 1965. Vol. 113. P. 1, 43.

²⁶ См.: Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro). ICJ Reports, 2007, para. 113.

степени применяется и к решениям процедуры, и к решениям по существу; таким образом, поскольку наличие юрисдикции Суда было установлено решением 1996 г., ни одна из сторон не может утверждать в ходе текущего разбирательства, что в предыдущий период у Суда не было компетенции решать о наличии юрисдикции. Если на более поздней стадии разбирательства Суд опять будет возвращаться к вопросу о юрисдикции, это будет означать непризнание законной силы одной из частей судебного решения.

Процессуальная норма относительно наличия юрисдикции Суда стала объектом анализа также в деле о праве на проход через индийскую территорию (Португалия против Индии)²⁷. Рассматривая предварительные возражения сторон, Суд решил, что после того, как Суд постановил о наличии у него юрисдикции и стороны с этим согласились, односторонние возражения государства-ответчика против его юрисдикции юридически ничтожны.

Содержание данного решения близко подходит к проблеме эстоппеля (сторона, которая выразила свою правовую позицию в конкретной ситуации, не может затем ее оспаривать). Вопрос об эстоппеле возникал в практике Международного Суда еще несколько раз, и Суд не всегда находил эту концепцию применимой. В решении по делу о храме Преах-Вихеар²⁸ Суд применил ее, в отличие от Постоянной палаты международного правосудия, которая в 1929 г. в деле о сербских займах²⁹ нашла эстоппель неприменимым (в этом споре шла речь о требовании держателей французских облигаций выплатить доход в золотых франках вместо бумажных денег по ряду сербских займов, сделанных еще до Первой мировой войны). В 1989 г. Международный Суд снова уделил внимание эстоппелю в деле Элеттроника сикула³⁰ и пояснил, что относительно эстоппеля есть ограничения в том смысле, что, хотя при определенных обстоятельствах эстоппель может возникнуть в силу молчаливого признания, в дипломатических отношениях это невозможно. Следует отметить, что согласие с Международным Судом в этом вопросе выразили другие органы разрешения споров: Постоянная палата третейского суда в деле об эфиопско-эритрейской границе³¹;

²⁷ См.: Right of Passage over Indian Territory (Portugal v. India). ICJ Reports, 1957. P. 125, 141, 142.

²⁸ См.: ICJ Reports, 1962. P. 6, 23, 31 and 32.

²⁹ См.: Serbian Loans case (Yugoslavia v. France). PCIJ, Series A. No. 20; 5 AD. P. 466.

³⁰ См.: Elettronica Sicula S.p.A. (ELSI) (United States of America v. Italy). ICJ Reports, 1989. P. 15, 44.

³¹ См.: Eritrea/Ethiopia Boundary Commission, PCA Case No. 2001-01 of 13 April 2002. ILR. Vol. 130. P. 1, 35, 36.

Международный трибунал по морскому праву в деле Сайга³².

Эстоппель рассматривался на стадии определения юрисдикции в пограничном споре между Камеруном и Нигерией³³. Суд подчеркнул, что эстоппель мог бы возникнуть только в том случае, если бы Камерун своими действиями или заявлениями убедительно показал бы, что он согласился урегулировать пограничный спор, поскольку спор был передан в Суд обеими сторонами. В то же время было бы важно показать, что Нигерии пришлось изменить позицию в ущерб собственным интересам.

Другой пример общего принципа был представлен арбитражным судом в деле АМКО против Республики Индонезия³⁴: «Полная компенсация ущерба путем присуждения потерпевшей стороне ущерба в случае возникновения и получения прибыли является принципом, общим для основных систем муниципального права и поэтому общим принципом права, который может рассматриваться как источник международного права».

Во всех ситуациях, показанных выше, речь шла о правовых принципах. Однако в основе многих международно-правовых норм лежит неправовой принцип добросовестности. Он закреплен в Уставе Организации Объединенных Наций, который предусматривает в ст. 2(2), что все члены ООН должны добросовестно выполнять обязательства, принятые ими в соответствии с настоящим Уставом, чтобы обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из членства. В Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами³⁵, предусмотрено, что обязательство государств добросовестно выполнять свои обязательства распространяется на все международное право в целом. Международный Суд в консультативном заключении о ядерных испытаниях³⁶ заявил, что одним из основных принципов, регулирующих создание и исполнение юридических обязательств, независимо от их источника является принцип добросовестности. Тем не менее Суд указал, что добросовестность как концепция сама по себе не является источником обязательств там, где в противном случае их не

³² См.: The M/V "SAIGA" (No. 2) Case (Saint Vincent and the Grenadines v. Guinea), ITLOS Case No. 2. 22 Dec. 1997.

³³ См.: Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria (Cameroon v. Nigeria: Equatorial Guinea intervening). ICJ Reports, 1998. P. 275, 303.

³⁴ См.: AMCO v. Republic of Indonesia. 89 ILR. P. 366, 496.

³⁵ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2625 (XXV) 1970 г.

³⁶ См.: Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons – Advisory Opinion of 8 July 1996. ICJ Reports, 1974. P. 253, 267.

существовало бы. Суд подчеркнул, что принцип добросовестности относится только к выполнению существующих обязательств.

Общие нормы в космическом законодательстве государств — это общие принципы, ведущие к созданию обычных норм

В литературе отмечается общность ряда элементов, присущих общим принципам права и формированию обычных норм. П.Е. Земскова пишет: «Проанализировав различные точки зрения, мы с большой долей вероятности можем утверждать, что путь общих принципов права в международное право лежит через международный договор или международно-правовой обычай. И связь между ними столь тесна, что порой доходит до смешения, особенно когда речь идет о разграничении общих принципов и обычных норм»³⁷.

Именно поиском такого пути внедрения общих принципов права в космическую деятельность можно считать многолетний труд Комитета ООН по космосу в запрашивании, систематизации и оценке соответствующего законодательства государств. С начала 1980-х годов, когда нормативное развитие международного космического права приостановилось, Комитет стал уделять внимание национальному законодательству. Была создана Рабочая группа по национальному законодательству, имеющему отношение к исследованию и использованию космического пространства в мирных целях, которая была распущена и вновь созвана в 2012 г.³⁸ Начиная с этого времени, Рабочая группа постоянно снабжала Комитет по космосу документами в области космического законодательства государств и обобщением их содержания.

На основании первого доклада Рабочей группы 11 декабря 2013 г. была принята резолюция Генеральной Ассамблеи «Рекомендации по национальному законодательству, имеющему отношение к исследованию и использованию космического пространства в мирных целях»³⁹. В резолюции сначала обосновывается необходимость развития национального законодательства на базе общепризнанных принципов и норм международного космического права, в особенности Договора по космосу⁴⁰, который по праву

³⁷ Земскова П.Е. Общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, в российской и зарубежной научной литературе // Вестник РГГУ. 2008. № 5. С. 76.

³⁸ Комитет по использованию космического пространства в мирных целях. Пятьдесят пятая сессия. Вена, 6–15 июня 2012 г. Доклад Юридического подкомитета о работе его пятьдесят первой сессии, проведенной в Вене 19–30 марта 2012 г. Документ ООН А/АС.105/1003.

³⁹ См.: Документ ООН А/RES/68/74.

⁴⁰ См.: Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. // Сайт ООН // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 15.11.2022).

считается «Конституцией космического пространства»⁴¹. В резолюции отмечены и некоторые перемены в космической деятельности, которые требуют перемен в правовом регулировании, в частности расширение участия частных структур, нарастание проблем образования космического мусора и рост риска причинения вреда окружающей среде.

Следует обратить внимание на правовые основания, выдвинутые Генеральной Ассамблеей в оправдание правомерности передачи государствам рекомендаций относительно формы и содержания их законодательства: Резолюция ссылается на закрепленную в договорах Организации Объединенных Наций по космосу обязанность представлять информацию о характере, ходе, местах и результатах космической деятельности в максимально возможной и практически осуществимой степени, в том числе посредством регистрации. То есть государства обязаны передавать секретариату Комитета ООН по космосу данные о своем законодательстве. При этом мы видим, что никакого теоретического анализа здесь нет, как нет и обещания того, что выводы, сделанные на основе анализа законодательства, приведут к значительному совершенствованию космической деятельности.

Переходя к содержанию рекомендаций, можно сказать, что здесь мало конкретных указаний. В числе потенциальных объектов национального регулирования в резолюции названы запуск объектов в космическое пространство и их возвращение на планету Земля, обслуживание стартовых и посадочных комплексов, эксплуатация космических объектов, находящихся на орбите, и управление ими; функции запускающего государства; организационные структуры управления космической деятельностью и соответствующего контроля. В сущности, все эти действия подпадают под регулирование космическими международными договорами, но в договорах регулирование фактически рамочное, поэтому в качестве уточняющего регулирования предлагается принятие национального законодательства.

Деятельность Рабочей группы состоит в формулировании вопросников к государствам по темам, находящимся на повестке дня Комитета по космосу, в анализе полученных ответов и в доведении информации до секретариата Комитета.

На каждой сессии Юридического подкомитета обсуждается вопрос о национальном законодательстве государств по тем или иным проблемам.

[un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml) (дата обращения: 15.11.2022).

⁴¹ Жуков Г.П. 40 лет Договору о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела // Социальные проблемы международного космического права. М., 2008. С. 67.

Время от времени Рабочая группа составляет обзоры национального законодательства относительно космической деятельности. Первый такой обзор был произведен в 2012 г.⁴², второй — появился позднее, только в 2022 г.⁴³

Каждый обзор представляет собой изложение законодательства. При этом не дается оценок, сравнительного анализа, выводов или заключений. Очевидно, самим членам Комитета предоставляется право делать сравнения и выводы.

Цели изучения национального законодательства и методы его использования можно проследить по тексту проекта доклада Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу о последней сессии подкомитета⁴⁴. Этот проект, как все доклады подкомитетов и самого Комитета по космосу, является результатом обсуждения представителями государств — членом Комитета, так что в нем выражены правовые позиции государств. Правда, в этом документе, как и в других документах Комитета, «имена не названы», т.е. не указывается, какое именно государство занимает какую позицию: цель Комитета — найти общее решение на основе консенсуса.

Прежде всего обратим внимание на то, что Подкомитет отмечает всестороннее развитие государствами своего национального законодательства в направлении совершенствования управления космической деятельностью и призывает государства, осуществляя новые виды космической деятельности, обеспечивать, применяя национальное законодательство, чтобы эта деятельность соответствовала договорам Организации Объединенных Наций по космосу.

Далее. В документе подчеркивается общее мнение о важности обмена опытом и изучения практики, закрепленной в национальном космическом законодательстве, а также о необходимости и в дальнейшем регулярно обмениваться информацией об изменениях в национальных системах правового регулирования космической деятельности.

⁴² См.: Committee on the Peaceful Uses of Outer Space. Legal Subcommittee. Fifty-second session. Vienna, 8–19 April 2013. Item 7 of the provisional agenda. General exchange of information on national legislation relevant to the peaceful exploration and use of outer space. SCHEMATIC OVERVIEW OF NATIONAL REGULATORY FRAMEWORKS FOR SPACE ACTIVITIES. Документ ООН A/AC.105/C.2/2013/CRP.7.

⁴³ См.: Committee on the Peaceful Uses of Outer Space. Legal Subcommittee. Sixty-first session. Vienna, 28 March – 8 April 2022. Item 8 of the provisional agenda. National legislation relevant to the peaceful exploration and use of outer space. SCHEMATIC OVERVIEW OF NATIONAL REGULATORY FRAMEWORKS FOR SPACE ACTIVITIES. Документ ООН A/AC.105/C.2/2022/CRP.9.

⁴⁴ См.: Комитет по использованию космического пространства в мирных целях. Юридический подкомитет. Шестидесятая сессия. Вена, 28 марта – 8 апреля 2022 г. Проект доклада. Документ ООН A/AC.105/C.2/L.321/Add.4.

* * *

Оценивая деятельность Комитета ООН по космосу в связи с национальным законодательством государств на фоне теоретических построений формирования и применения международного права, можно сформулировать три вывода.

1. Анализируя национальное законодательство в течение многих лет и прослеживая его изменения, Комитет выясняет правовые позиции государств, их принципиальное отношение к регулированию тех или иных видов космической деятельности. Учитывая, что любое национальное законодательство принимается в соответствии с конституционными принципами принимающего государства⁴⁵, эту деятельность Комитета следует квалифицировать как установление правовых принципов регулирования космической деятельности. Поскольку критерием правомерности, очевидно, являются принятые договоры, прежде всего Договор по космосу, Комитет фактически принимает принципы регулирования космической деятельности всех государств за комплекс общих правовых принципов.

2. Описанная деятельность Комитета не является одноразовым актом правоприменения, как решения международных судов, применяющих общие принципы права для разрешения конкретного дела. В отношении каждой конкретной проблемы космической деятельности Комитет ищет консенсуальное решение. В условиях правотворчества эти решения не складываются в универсальные нормативные акты, а создают сеть унифицированного законодательства. Это законодательство фактически фиксирует права и обязанности каждого государства по отношению к другим партнерам, и постепенно формируется комплекс обыкновений и обычаев.

Путем использования общих принципов права происходит развитие международного космического права.

3. Решающим элементом формирования международно-правового обычая с опорой на общие принципы права является согласие государств, т.е. в основе и этого способа правотворчества и правоприменения лежит согласование волей государств. Согласие в данном случае может быть выведено не из факта подписания или ратификации нормативного акта, а из акта законодательной деятельности субъекта международного права.

⁴⁵ См.: Юзбашян М.Р. К вопросу о формировании международного космического частного права // Московский журнал междунар. права. 2008. № 2. С. 139. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2008-2-139-153>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баишев Ж.Н.* Суд Евразийского Экономического Союза: проблемы функционирования // Труды ИГП РАН. 2019. Т. 14. № 1. С. 59–68.
2. *Жуков Г.П.* 40 лет Договору о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела // Современные проблемы международного космического права. М., 2008. С. 67.
3. *Земскова П.Е.* Общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 5–7.
4. *Земскова П.Е.* Общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, в российской и зарубежной научной литературе // Вестник РГГУ. 2008. № 5. С. 76.
5. *Ромашев Ю.С.* Общие принципы права в системе международного права // Право. Журнал ВШЭ. 2021. № 3. С. 149.
6. Словарь международного права / отв. ред. С.А. Егоров. М., 2014. С. 260.
7. *Юзбашьян М.Р.* К вопросу о формировании международного космического частного права // Московский журнал междунар. права. 2008. № 2. С. 139. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2008-2-139-153>
8. *Arnall A.* The General Principles of EEC Law and the Individual. Leicester University Press, 1990.
9. *Friedmann W.* The Uses of “General Principles” in the Development of International Law // American Journal of International Law. Vol. 57. P. 287.
10. *Shaw M.* International Law. 6th ed. OUP, 2005. P. 98.
11. *Verhoeven J.* Droit international public. Paris, 2000. P. 349–351.

Сведения об авторе

ШИНКАРЕЦКАЯ Галина Георгиевна — доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

REFERENCES

1. *Baishev Zh. N.* The Court of the Eurasian Economic Union: problems of functioning // Proceedings of the ISL of the RAS. 2019. Vol. 14. No. 1. P. 59–68 (in Russ.).
2. *Zhukov G.P.* 40 years of the Treaty on the Principles of the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and Other Celestial Bodies // Modern problems of International Space Law. M., 2008. P. 67 (in Russ.).
3. *Zemskova P.E.* General principles of law recognized by civilized nations in International Law: dis. ... PhD in Law. M., 2010. P. 5–7 (in Russ.).
4. *Zemskova P.E.* General principles of law recognized by civilized nations in the Russian and foreign scientific literature // Herald of the Russian State University. 2008. No. 5. P. 76 (in Russ.).
5. *Romashev Yu. S.* General principles of law in the system of International Law // Law. HSE Journal. 2021. No. 3. P. 149 (in Russ.).
6. Dictionary of International Law / res. ed. S.A. Egorov. M., 2014. P. 260 (in Russ.).
7. *Yuzbashyan M.R.* On the formation of International Space Private Law // Moscow Journal of International Law. 2008. No. 2. P. 139. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2008-2-139-153> (in Russ.).
8. *Arnall A.* The General Principles of EEC Law and the Individual. Leicester University Press, 1990.
9. *Friedmann W.* The Uses of “General Principles” in the Development of International Law // American Journal of International Law. Vol. 57. P. 287.
10. *Shaw M.* International Law. 6th ed. OUP, 2005. P. 98.
11. *Verhoeven J.* Droit international public. Paris, 2000. P. 349–351.

Authors' information

SHINKARETSKAYA Galina G. — Doctor of Law, Chief Researcher of the International Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

СВОБОДА ПРОФЕССИИ И ЗАЩИТА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РЕШЕНИЯХ ФЕДЕРАЛЬНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА ГЕРМАНИИ

© 2023 г. П. А. Кучеренко*, А. А. Терехов**

Российский университет дружбы народов, г. Москва

*E-mail: kucherenko-pa@rudn.ru

**E-mail: terekhov_aa@pfur.ru

Поступила в редакцию 09.12.2022 г.

Аннотация. В настоящей статье на примере решения Федерального конституционного суда Германии рассмотрено соотношение свободы профессии и конституционной гарантии частной собственности в Германии. В качестве примера взято одно из ранних дел Федерального конституционного суда Германии под названием «Окружной трубочист», решение по которому было принято 30 апреля 1952 г. В данном деле Федеральный конституционный суд Германии пришел к выводу, что «предприятие» трубочиста-мастера представляет собой ремесло, в котором частноправовые аспекты хозяйственной жизни полностью уходят на второй план и в котором, безусловно, господствуют моменты жесткой публично-правовой регламентации. Данное обстоятельство не позволяет подвести понятие «гарантированное право на занятие ремеслом» под «собственность» в смысле ст. 14 Основного закона ФРГ 1949 г.

Ключевые слова: Федеральный конституционный суд Германии, собственность, гарантии, публично-правовая регламентация, предприятие, хозяйственная жизнь, свобода профессий, ремесло.

Цитирование: Кучеренко П.А., Терехов А.А. Свобода профессии и защита частной собственности в решениях Федерального конституционного суда Германии // Государство и право. 2023. № 2. С. 139–144.

DOI: 10.31857/S102694520024326-9

FREEDOM OF PROFESSION AND PROTECTION OF PRIVATE PROPERTY IN THE DECISIONS OF THE FEDERAL CONSTITUTIONAL COURT OF GERMANY

© 2023 P. A. Kucherenko*, A. A. Terekhov**

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

*E-mail: kucherenko-pa@rudn.ru

**E-mail: terekhov_aa@pfur.ru

Received 09.12.2022

Abstract. In this article, on the example of the decision of the Federal Constitutional Court of Germany, the correlation between the freedom of profession and the constitutional guarantee of private property in Germany will be considered. As an example, one of the early cases of the Federal Constitutional Court of Germany called “District Chimney Sweeper”, which was decided on April 30, 1952, is taken. In this case, the Federal Constitutional Court of Germany came to the conclusion that the “enterprise” of a chimney sweep is a craft in which the private law aspects of economic life completely fade into the background, and in which moments of strict public law regulation certainly dominate. This circumstance does not allow us to bring the concept of “guaranteed right to engage in a craft” under “property” in the sense of Article 14 of the German Basic Law of 1949.

Key words: Federal Constitutional Court of Germany, property, guarantees, public law regulation, enterprise, economic life, freedom of profession, craft.

For citation: Kucherenko, P.A., Terekhov, A.A. (2023). Freedom of profession and protection of private property in the decisions of the Federal Constitutional Court of Germany // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 139–144.

Отправной точкой судей Федерального конституционного суда Германии в поисках решения по конкретному делу является принцип достоинства человека (ст. 1 абз. 1) вкпе с принципом свободного самораскрытия личности (ст. 2 абз. 1 Основного закона ФРГ 1949 г.); даже если проблематика конкретного дела не связана напрямую с указанными принципами, их действие презюмируется. При ссылках участников конституционно-правового спора на нарушение их т.н. специальных конституционных прав, например свободы профессии (ст. 12 абз. 1 Основного закона ФРГ 1949 г.), судьи Федерального конституционного суда анализируют эти заявления в свете их совместимости с указанными выше принципами человеческого достоинства и свободного самораскрытия личности.

Систематический характер защиты конституционных прав в Германии наглядно проявляется во взаимосвязи разных норм из каталога основных прав и свобод Основного закона ФРГ 1949 г. В данной статье на примере решения Федерального конституционного суда рассмотрим соотношение свободы профессий и конституционную гарантию частной собственности в Германии.

Такая комплексная защита особенно актуальна и необходима в отношении малого бизнеса Германии. Как известно, среднее и малое предпринимательство представляет собой основу немецкого хозяйственного порядка. Так, малые предприятия играют особую роль как резервуары занятости, особенно в качестве источников новых рабочих мест. Кроме того, на малых предприятиях эффективнее тестируются технологические инновации. Новые формы хозяйствования, набирающие востребованность в период «эпохи тощих коров» и, соответственно, «тощего бюджета» государства, такие как “*out-sourcing*”, “*sub-contracting*” и проч., объективно способствуют вовлечению в эти формы малого и среднего бизнеса. Наконец, в Германии малое и среднее предпринимательство выполняет важную функцию профессиональной подготовки¹.

Тем не менее одно дело — защита собственности *физического* лица и другое дело — защита самого предприятия как *комплекса* устоявшихся хозяйственных, производственных, экономических

и финансовых связей. В 1973 г. проф. П. Бадюра отмечал, что не каждому юристу придёт в голову мысль говорить о «защите собственности налаженного и функционирующего малого предприятия» (*Eigentumsschutz des eingerichteten und ausgeübten Gewerbebetriebs*)².

В этой связи представляет интерес одно из ранних дел Федерального конституционного суда под названием «Окружной трубочист», решение по которому Суд принял 30 апреля 1952 г. История ремесла трубочиста уходит в эпоху Средневековья. Само понятие «окружной трубочист» (*Bezirksschornsteinfeger*) возникло в связи с учреждением в Пруссии «округов зачистки» (дымовых труб) (нем. *Kehrbezirke*). Вероятно, впервые такие округа для трубочистов были учреждены в г. Бреслау (ныне — Вроцлав) 4 августа 1578 г. на основании вновь принятого Противопожарного положения (*Feuerordnung*). Позднее, 2 апреля 1727 г., король Пруссии Фридрих Вильгельм I издал постановление, в котором было предусмотрено создание «округов зачистки» по всей Пруссии, были указаны стандарты для печей и дымовых труб, а также введена регулярная проверка очагов и ответственность трубочистов.

Первоначально создание «округов зачистки» было факультативным, особенно это касалось размеров округов. С одной стороны, соседние небольшие городки часто объединялись в общий «округ зачистки», чтобы повысить привлекательность заинтересованных поселений для опытных трубочистов. С другой — некоторые общины считали делом чести заполучить «собственного» трубочиста только для своей территории, что способствовало вытеснению монопольного господства трубочистных династий³.

Каждый город, каждая земля регулировали противопожарную безопасность исходя из собственных потребностей и предпочтений, включая «зачистку дымовых труб» (без оглядки на соседние города и земли). Как было сказано выше, свобода трубочистного ремесла постепенно сужалась ввиду исторически возникшей монополии относительно

² См.: Badura P. Der Eigentumsschutz des eingerichteten und ausgeübten Gewerbebetriebs // Archiv des öffentlichen Rechts. Band 98, Heft 2. 1973. S. 153.

³ См.: Wagner G. Geschichte des Schornsteins und des Schornsteinfegerhandwerks vom IX. bis XX. Jahrhundert. — Essen. Düsseldorf, 1987. S. 11 f.

¹ См.: Hinz Th. Neugründungen von kleingewerblichen und mittelständischen Betrieben — Vergleichende Analysen aus Ost- und Westdeutschland // Kleinbetriebe in den neuen Bundesländern. Hrsg. M. Brussig u.a. Opladen, 1997. S. 358.

замкнутых трубочистных династий. Предельный возраст трубочиста не был урегулирован. Так продолжалось вплоть до середины 30-х годов прошлого века. С этого момента начинается собственная предыстория дела «Окружной трубочист», по которому Федеральный конституционный суд Германии вынес постановление 30 апреля 1952 г.⁴

Фабула дела такова: 15 апреля 1935 г. правительство Третьего рейха приняло постановление о трубочистном деле (*Verordnung über das Schornsteinfegerwesen*). В нём было предусмотрено обязательное создание «округов зачистки», подтверждена монополия *мастера* соответствующего округа допускать подмастерьев к профессии трубочиста в данном округе и введён предельный возраст для трубочиста — 70 лет (§ 45). Однако все трубочисты, ставшие мастерами до 1 января 1935 г., сохранили пожизненную монополию на свою профессиональную деятельность.

После учреждения ФРГ в 1949 г. в Бундестаге началась работа по «сублимации» административных постановлений Третьего рейха о трубочистном деле до стандартов «правового демократического государства», т.е. до законодательного уровня. Среди основных причин этой работы федерального законодателя следует назвать проблему предельного возраста трубочистов, которая по-разному решалась в различных землях Германии, а также противоречивые решения административных судов различных земель, что приводило к неравенству и правовой нестабильности в сфере трубочистного ремесла. В тех землях (как, например, в Баварии), где не был введен институт предельного возраста, наблюдалось старение кандидатов в подмастерья трубочистов, годами ожидающих появления соответствующих вакансий. В результате 22 января 1952 г. был принят Федеральный закон об упорядочении трубочистного дела (*Gesetz zur Ordnung des Schornsteinfegerwesens*)⁵. Закон вводил для трубочистов единый предельный возраст (70 лет). Для всех трубочистов, достигших предельного возраста, Закон предусматривал пенсию по старости по единому тарифу. При этом пенсионные надбавки земель Закон не затрагивал.

Против этого Закона возбудили конституционную жалобу четыре окружных трубочиста из Баварии, один окружной трубочист из Франкфурта-на-Майне и один окружной трубочист из Дортмунда. Заявители утверждали, что (1) посредством данного Закона федеральная власть вторгается в компетенцию земель, (2) нарушает конституционные права заявителей, а также (3) ст. 19, 20 и 79 Основного закона ФРГ 1949 г.

⁴ См.: BVerfGE 1, 264; Bezirksschornsteinfeger.

⁵ См.: BGBl. I. S. 75.

Аргументы заявителей:

1) заявители укоряют федерального законодателя в том, что он нарушил предпосылки ст. 72 (= конкурирующая компетенция Союза и земель как таковая) и ст. 74 (= перечень вопросов или предметов конкурирующей компетенции) Основного закона ФРГ 1949 г. Иными словами, оспариваемый Федеральный закон о трубочистном деле — это пример законодательной интервенции Союза в ту сферу, где исторически первичным является правовое регулирование на уровне земель;

2) заявители утверждают, что оспариваемый Федеральный закон нарушает их конституционные права, гарантированные ст. 2 (общее право личности), ст. 3 (принцип недискриминации), ст. 9 (свобода объединений), ст. 12 (свобода профессии) и ст. 14 (защита частной собственности) Основного закона ФРГ 1949 г.

При этом Федеральный конституционный суд Германии придерживался иных аргументов.

Что касается вопроса о том, что федеральный законодатель, по мнению заявителей, не имел компетенции принимать закон подобного *содержания*, поскольку в данном случае не были реализованы предпосылки нормативного состава ст. 72 и 74 Основного закона ФРГ 1949 г., то для начала надо рассмотреть позицию федерального *правительства*. Согласно этой позиции, заявители вообще не имели права делать предметом конституционной жалобы *прямое* опротестование *текста* федерального закона.

Действительно, § 90 Закона о Федеральном конституционном суде при *дословном* толковании можно интерпретировать следующим образом: конституционная жалоба против федерального закона с утверждением, что для принятия этого Закона у Союза (= федерации) отсутствовала законодательная компетенция, не является обоснованной. Но в данном случае вопрос стоит иначе. Ведь заявители *также* указывают на то, что по своему *материальному* содержанию данный Закон нарушает их конституционные *права*. Если вдобавок заявители считают, что Союз вообще не должен был принимать такой закон, то это можно рассматривать как побуждение, адресованное Федеральному конституционному суду, проверить *ex officio* (лат. *по долгу службы*) вопрос о том, имела ли место законодательная компетенция Союза или нет, а такие вопросы Федеральный конституционный Суд рассматривать уполномочен.

Объективное право трубочистов является подотраслью права ремёсел в смысле ст. 74 цифры 11 (= хозяйственное право) Основного закона ФРГ 1949 г. Об этом, помимо прочего, свидетельствует упоминание о трубочистном деле в Положении

о ремеслах (*Gewerbeordnung*). Преамбула, а также § 27 абз. 1 Постановления о трубочистном деле 1937 г. недвусмысленно определяют: «Окружной трубочист как мелкий предприниматель относится к сфере ремёсел». Действительно, трубочисты занесены в реестр ремёсел и объединены в гильдиях. Трубочисты обеспечивают занятость подмастерьям и ученикам. Биржи труда причисляют трубочистов к ремеслу клининга. Трубочисты платят ремесленный налог и т.п.

Принадлежность трубочистного дела к сфере ремёсел не опровергается тем обстоятельством, что в отличие от «свободного» ремесла профессиональная деятельность трубочистов подлежит жесткому публично-правовому регламентированию, а именно со стороны норм строительного и противопожарного права. Неверным также является мнение заявителей о том, что федеральный законодатель уполномочен регулировать лишь «ремесленно-правовую» компоненту «трубочистного» права, в которую не входят социальные вопросы, т.е. ни регулирование предельного возраста, ни регулирование пенсионного обеспечения.

Компетенция Союза, основанная на ст. 74 цифры 11 Основного закона ФРГ 1949 г., охватывает всё *ремесло как таковое*, каждую отдельную ветвь в её своеобразии. Если с ремеслом как таковым связаны вопросы предельного возраста и адаптированного к нему пенсионного обеспечения, то и они входят в сферу федерального законодательного регулирования. Красноречивое присутствие полицейско-правовых моментов в связи с тем значением, которое ремесло трубочиста имеет для социальной безопасности, повышенные требования к физическим данным представителей этой профессии способствовали формированию сложного правового комплекса под названием «трубочистное право», в котором тесно переплелись нормы ремесленного, полицейского и квазислужебного права.

В *мотивировочной* части Закона, которая отражает господствующее мнение гильдий трубочистов в различных землях Германии, говорится о том, что (объективное) профессиональное право трубочистов может покоиться лишь на трех столпах: чётко разграниченных округах зачистки, предельном возрасте и пенсионном обеспечении. Указанное право является тотальным: изъятие из сферы его регулирования любого из трех указанных столпов сразу обесценит его и лишит всякого смысла. Именно поэтому регламентация предельного возраста трубочистов неотделима от регламентации их пенсионного обеспечения.

Если же в данном вопросе Союз обладает законодательной компетенцией на основании ст. 74 цифры 11 Основного закона ФРГ 1949 г., то возникает второй вопрос: имела ли потребность

федерального регулирования в смысле ст. 72 абз. 2 Основного закона ФРГ 1949 г.⁶ Для начала вызывает сомнение, что Федеральный конституционный суд Германии вообще некомпетентен проверять наличие законодательной потребности.

Есть основания исходить из того, что по аналогии с «законодательством по потребности», упомянутой в ст. 9 Веймарской конституции, речь идёт о принципиально неподсудном вопросе законодательного усмотрения. Разумеется, любым усмотрением, включая законодательное усмотрение, можно злоупотребить. Но в данном случае нет указаний на подобное злоупотребление. Важно, что земли Германии (за исключением Баварии) выступили за единообразное урегулирование в этом вопросе. Более того, Министерство внутренних дел Баварии в своем заявлении от 22 марта 1952 г. также не стало оспаривать потребность в регламентации «трубочистного права» на *федеральном* уровне, хотя и считало, что такая регламентация должна носить дифференцированный характер.

Что касается вопроса о том, что федеральный законодатель, по мнению заявителей, нарушил целую группу их конституционных прав, то по крайней мере ссылки заявителей на ст. 2, 9 и 12 Основного закона ФРГ 1949 г. нельзя признать обоснованными.

Так, нарушение федеральным законодателем ст. 2 (=общая свобода личности) Основного закона ФРГ 1949 г. заявители видят в том, что им, во-первых, отказано заниматься своей профессиональной деятельностью по достижении 70-летнего возраста. Во-вторых, ввиду утраты доходов от обслуживания соответствующих округов зачистки заявители были принуждены вступить в ассоциации пенсионного обеспечения. Однако Федеральный конституционный суд отверг эти аргументы, поскольку они имеют в виду сферы защиты ст. 9 (свобода объединений) и ст. 12 (свобода профессий), а не *напрямую* сферу защиты ст. 2 (общая свобода личности) Основного закона ФРГ 1949 г. В такой констелляции аргументов заявителей ст. 9, 12 и 14 (= защита частной собственности) следует рассматривать в качестве конкретизаций ст. 2, сфера защиты которой, так сказать, «растворяется» в соответствующих сферах защиты ст. 9, 12 и 14. Во всяком случае нет оснований считать, что помимо указанных статей было затронуто также и общее право (само)раскрытия личности, гарантированное ст. 2 Основного закона ФРГ 1949 г.

⁶ Указанная норма гласит: «В этой сфере Союз имеет право законодательствовать лишь тогда и постольку, когда и поскольку общегосударственные интересы установления равноценных условий жизни на территории Союза или сохранения правового и экономического единства требуют регулирования на федеральном уровне».

Федеральный закон не устанавливает *принудительное* членство трубочистов в ассоциациях социального обеспечения (страхования). В § 2 абз. 1 указанный Закон устанавливает *одностороннее* обязательство ассоциации социального обеспечения выплачивать пенсионное пособие определенному кругу лиц независимо от того, были они до достижения предельного возраста членами ассоциации или нет. Более того, данный Закон не требует от тех адресатов, кто ещё не вступил в эти ассоциации, стать их членами.

Заявители настаивают на том, что в отношении них федеральный законодатель превысил свои полномочия в части ст. 12 (свобода профессий). Заявители согласны, что регламентация предельного возраста совместима со ст. 12, однако Бундестаг преодолел границы этой сферы тем, что стал регламентировать вопросы утраты доходов от обслуживания округов зачистки, а также вопросы социального обеспечения трубочистов. По мнению заявителей, регламентируя эти вопросы, федеральный законодатель вторгся в хозяйственные отношения *общего* характера уже за рамками трубочистного дела. По убеждению судей Федерального конституционного суда Германии, такая аргументация вообще бьет мимо цели, т.е. никак не затрагивает сферу защиты ст. 12. Скорее эта аргументация касается сферы защиты ст. 14 (гарантия частной собственности).

Особо следует рассмотреть вопрос о возможном нарушении федеральным законодателем конституционных прав заявителей, гарантированных ст. 3 (принцип равенства) и ст. 14 (защита частной собственности). Цель Федерального закона заключается в том, чтобы обеспечить единообразное регулирование выхода на пенсию и пенсионного обеспечения для членов определенного профессионального сообщества, которые трудятся во многом в схожих условиях.

Требования заявителей, что законодатель должен был учесть существенные региональные различия в правовом и экономическом статусе трубочистов разных земель Германии и по возможности отразить эти различия в законе, не являются обоснованными. Заявители настаивают на том, что ст. 3 (принцип равенства) Основного закона ФРГ 1949 г. в данном случае требует применять неравный масштаб к неравному. Но если требовать от законодателя, чтобы он *всегда* учитывал *фактическое* неравенство и «освящал» его на уровне закона, то мы приходим к недопустимому результату, несовместимому с самой *природой* законодательства, задача которого заключается в систематической унификации права.

Иными словами, ст. 3 Основного закона ФРГ 1949 г. в первую очередь следует толковать как применение равного масштаба к равному и лишь во вторую очередь — как применение неравного масштаба к неравному, т.е. справедливость равенства

(унификации) имеет приоритет по отношению к справедливости неравенства (дифференциации). В самом деле, если бы законодатель стал учитывать, например, привилегированное положение трубочистов-мастеров в Баварии, то это означало бы закрепление объективной социальной дискриминации баварских *подмастерьев* трубочистов, в том числе увековечивание их неравного статуса по сравнению подмастерьями трубочистов в других землях.

Наконец, заявители утверждают, что оспариваемый Федеральный закон вторгается в сферу защиты их основного права, гарантированного ст. 14 (гарантия собственности) Основного закона ФРГ 1949 г. По их мнению, в понятие «собственность» входит также «гарантированное наличие права на занятие ремеслом» (*der gesicherte Bestand eines Gewerbeausübungsrechts*). «Гарантированное наличие этого права» федеральный законодатель ликвидировал тем, что отменил институт *пожизненной* монополии трубочиста-мастера на соответствующий *округ зачистки*. Эта отмена коснулась не только мастеров, которые на момент принятия оспоримого закона уже обладали этой монополией, но и тех подмастерьев, которые рассчитывали на приобретение указанной монополии в будущем.

Действительно, вплоть до принятия дискуссионного Федерального закона мастера-трубочисты исходили из того, что соответствующий округ зачистки — их своеобразная «собственность», находящаяся в их полном распоряжении. Даже после введения предельного возраста в постановлениях 30-х годов прошлого века в этом мало что изменилось: от 70-летних мастеров объективное трубочистное право стало требовать лишь назначения преемника, работу которого «мастер на пенсии» должен был оплачивать из доходов — в принципе неотчуждаемого — округа зачистки. Его единственное отличие от института собственности в обычном смысле для «мастера на пенсии» заключалось лишь в том, что он не мог передать свой округ зачистки любому наследнику по своему усмотрению.

Итак, необходимо рассмотреть вопрос: охватено ли «гарантированное наличие права на занятие ремеслом» объемом института собственности? Институт собственности возник и развивался в рамках цивилистики, т.е. традиционно ассоциируется с защитой индивидуальных вещных (имущественных) прав. Соответственно, спорным является расширительное толкование института собственности, т.е. включение в этот институт гарантированного права на занятие ремеслом в духе трубочистного дела. Поскольку любые гарантии всегда предоставляет публичное право, то гарантированное право трубочиста заниматься своим ремеслом

прежде всего следует рассматривать как субъективное *публичное* право.

Здесь возникает второй вопрос: как соотносятся понятие «гарантированное наличие права на занятия ремеслом», с одной стороны, а также понятие «налаженное и функционирующее малое предприятие» — с другой? Согласно общепринятому мнению, налаженное и функционирующее малое предприятие самим фактом своего наличия предоставляет его владельцу как частное право на имущество предприятия, так и субъективное публичное право, т.е. гарантированную государством защиту всего комплекса отношений этого предприятия до тех пор, пока оно существует и функционирует⁷.

Однако необходимо иметь в виду, что правовой институт «налаженное и функционирующее малое предприятие» возник в рамках развернутого анализа специфики «свободного» ремесла, носитель которого рассматривается как предприниматель, т.е. как субъект частной инициативы, финансовой самостоятельности, инвестирующий капитал в собственное дело, а также как носитель самоответственности за все риски своего предпринимательства.

Ни один из этих признаков не применим к трубочистам для того, чтобы поставить знак равенства между их гарантированным правом на занятие ремеслом и защитой всего комплекса отношений в рамках предпринимательского института «налаженное и функционирующее малое предприятие». После сдачи экзамена на «диплом мастера» трубочист заносится в реестр претендентов. Когда наступает его «очередь», муниципальная власть посредством административного акта передает ему в обслуживание определенный округ зачистки.

При этом от нового «собственника» округа зачистки не требуется трудовых или инвестиционных

затрат. Уровень доходов от обслуживания вверенного округа зачистки мало зависит от личных способностей и физических усилий. Уровень доходов зависит от *объективных*, а не субъективных показателей (размеров округа зачистки, количества плановых работ по зачистке дымоходов и проверке очагов, законодательной регламентации тарифной сетки за проведенные работы).

Решение Федерального конституционного суда Германии по делу «Окружной трубочист»: в удовлетворении конституционной жалобы отказать.

* * *

Таким образом, «предприятие» трубочиста-мастера представляет собой ремесло, в котором частноправовые аспекты хозяйственной деятельности полностью уходят на второй план и в котором, безусловно, господствуют моменты жесткой публично-правовой регламентации. Данное обстоятельство не позволяет подвести понятие «гарантированное право на занятие ремеслом» под «собственность» в смысле ст. 14 Основного закона ФРГ 1949 г.

REFERENCES

1. *Badura P.* Der Eigentumsschutz des eingerichteten und ausgeübten Gewerbebetriebs // Archiv des öffentlichen Rechts. Band 98, Heft 2. 1973. S. 153.
2. *Hinz Th.* Neugründungen von kleingewerblichen und mittelständischen Betrieben — Vergleichende Analysen aus Ost- und Westdeutschland // Kleinbetriebe in den neuen Bundesländern. Hrsg. M. Brüssig u.a. Opladen, 1997. S. 358.
3. *Wagner G.* Geschichte des Schornsteins und des Schornsteinfegerhandwerks vom IX. bis XX. Jahrhundert. — Essen. Düsseldorf, 1987. S. 11 f.

Authors' information

Сведения об авторах

КУЧЕРЕНКО Петр Александрович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов; 117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ТЕРЕХОВ Андрей Александрович — ассистент кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов; 117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

KUCHERENKO Peter A. —

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia; 6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

TEREKHOV Andrey A. —

Assistant of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia; 6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

⁷ См.: *Badura P.* Op. cit.

ОБ ОПЫТЕ ФРАНЦИИ ПО ПОДГОТОВКЕ, КОНТРОЛЮ И КВАЛИФИКАЦИОННЫМ ТРЕБОВАНИЯМ К МЕДИАТОРАМ

© 2023 г. Н. А. Рыжов

Министерство иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

E-mail: nickolay.ryzhov@mail.ru

Поступила в редакцию 30.06.2022 г.

Аннотация. В статье представлен анализ квалификационных требований и особенностей подготовки и контроля за деятельностью медиаторов во Франции. В стране уделяют пристальное внимание регламентации деятельности медиаторов и ассоциаций, предлагающих услуги по проведению процедуры медиации. Для обеспечения надлежащей работы примирителей и организаций по медиации были созданы контрольные органы, следящие за соблюдением основополагающих требований, регулирующих порядок работы медиаторов.

В целях развития и совершенствования процедуры медиации в Российской Федерации как наиболее эффективного способа альтернативного урегулирования споров в статье проведен анализ нормативных актов Французской Республики, а также квалификационных требований профильных организаций, предъявляемых к медиаторам для их включения в список примирителей при апелляционных судах Франции.

В рамках исследования автором также раскрыт вопрос требований к медиаторам на примере работы Комиссии по контролю за деятельностью медиаторов в области потребления (Commission d'évaluation et de contrôle de la médiation de la consommation).

В результате проведенного анализа установлено, что в отличие от российского законодательства, регулирующего вопросы медиации, набор, обучение и требования к медиаторам во Франции строго регламентированы, в том числе при их отраслевом делении.

Указанная практика позволяет сделать вывод о наличии условий для эффективной работы медиаторов во Франции, поскольку каждый кандидат в медиаторы проходит соответствующий отбор, в ходе которого осуществляется проверка уровня его юридического и специального образования, соответствующего опыта, а также экспертных знаний в конкретной области, в которой он планирует быть задействованным. Такая организация работы примирителей представляется в высшей степени оправданной, поскольку у лиц, обратившихся за помощью медиаторов, возникает уверенность в том, что спор будет урегулирован при помощи дипломированного, квалифицированного специалиста, а не лица, прослушавшего базовый курс по основам медиации.

Ключевые слова: медиация, медиатор, требования к медиаторам, регламентация деятельности медиатора, Франция, государственная комиссия по контролю за медиацией.

Цитирование: Рыжов Н.А. Об опыте Франции по подготовке, контролю и квалификационным требованиям к медиаторам // Государство и право. 2023. № 2. С. 145–153.

DOI: 10.31857/S102694520024656-2

ON THE EXPERIENCE OF FRANCE IN THE PREPARATION, CONTROL AND QUALIFICATION REQUIREMENTS FOR MEDIATORS

© 2023 N. A. Ryzhov

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

E-mail: nickolay.ryzhov@mail.ru

Received 30.06.2022

Abstract. The article presents an analysis of the legal status and control over the activities of mediators in France. In the country pay close attention on regulating the activities of mediators and associations offering services for the mediation procedure. In order to ensure the proper functioning of conciliators and mediation organizations, control bodies have been established to monitor compliance with the fundamental requirements governing the work of mediators.

In order to develop and improve the mediation procedure in the Russian Federation as the most effective way of alternative dispute resolution, the article analyzes on the France Republic regulations, as well as the qualification requirements of specialized organizations for mediators to be included in the list of conciliators at the appellate courts of France.

In the second part of the study, the issue of requirements for mediators is discussed on the example of the work of the Commission for the control of mediators in the field of consumption (Commission d'évaluation et de contrôle de la médiation de la consommation).

As a result of the analysis, it was revealed that, unlike the Russian legislation regulating mediation issues, the activities, duties, and responsibilities of mediators in France are strictly regulated. Of no small importance is a clear sectoral division of mediators. This practice allows us to conclude that the conditions for the high efficiency of the work of mediators in the republic are created, since each specialist, in addition to having a special professional education, including legal education, is an expert in the area in which disputes arise. Such an organization of the work of conciliators seems to be highly justified, since the persons who have applied for the help of mediators have confidence that the dispute will be resolved with the help of a certified specialist, and not a person who has taken a basic course on the basics of mediation.

Key words: mediation, mediator, requirements for mediators, regulation of the mediator's activity, France.

For citation: Ryzhov, N.A. (2023). On the experience of France in the preparation, control and qualification requirements for mediators // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 145–153.

Взятый государством курс на развитие и совершенствование примирительных процедур, а также последовавшие за ним реформы Закона о медиации¹, призванные способствовать популяризации медиации в Российской Федерации, не принесли желаемых результатов.

Текущая ситуация, связанная с невиданными до сих пор антироссийскими санкциями, блокирующими деятельность как отечественных, так и иностранных компаний, ставшими причиной ограничения торговых отношений, а также увеличения количества сокращений и увольнений, создает предпосылки для возникновения конфликтных ситуаций во многих сферах общественных отношений.

К сожалению, не все трудности удастся урегулировать посредством переговоров, что вынуждает людей обращаться в суды.

В качестве действенного решения для быстрого и качественного урегулирования споров автор предлагает рассмотреть опыт Франции использования медиации как инструмента досудебного урегулирования конфликтов, а именно те требования, которые предъявляются к медиаторам как к непосредственным участникам процедуры медиации.

Следует отметить, что Франция была выбрана автором, исходя из количественных и качественных

показателей эффективности применения процедуры медиации в урегулировании споров практически во всех областях экономики, что подтверждается статистическими данными.

Так, рассматривая статистику применения медиации в рамках урегулирования конфликтов в сфере потребления, следует отметить, что в соответствии с опубликованными Комиссией по контролю за деятельностью медиаторов в области потребления (Commission d'évaluation et de contrôle de la médiation de la consommation, СЕМС) сведениями в 2021 г. на рассмотрение СЕМС поступило 3815 запросов от физических лиц (4289 – в 2020 г.).

Из указанного количества запросов: 1288 досье было отклонено по причине несоответствия проблематике потребительского поведения; 2149 запросов были возвращены заявителям в связи с невозможностью последних доказать попытку самостоятельного урегулирования спора (является обязательным законодательным требованием) посредством направления письменных заявлений в организации либо индивидуальному предпринимателю (изготовителю, исполнителю, продавцу, импортеру), осуществляющих продажу товаров, выполнение работ, оказание услуг; 378 дел были приняты медиаторами.

В 90% случаев стороны спора были удовлетворены результатами процедуры. Средняя продолжительность рассмотрения каждого спора составила 58 дней². В 2021 г. в Комиссии работал 91 медиатор.

¹ См.: Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (ст. 15) // СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4162.

² См.: Le rapport du Médiateur de la consommation 2021. Médiateur de la Consommation pour le Group ENGIE. P. 6.

Следует отметить, что в непосредственные обязанности СЕМС входит совершенствование работы медиаторов, проверка их соответствия предъявляемым требованиям, а также уровня профессиональной пригодности для проведения медиации в области потребления.

В случае если Комиссия определяет, что медиатор не удовлетворяет предъявляемых к нему требований, специалист получает соответствующее уведомление с указанием проблемных моментов в его деятельности, которые он обязан устранить в течение трех месяцев (за невыполнение требований Комиссии медиатора исключают из списков СЕМС).

Комиссия регулярно проводит работу по обновлению списка медиаторов, находящегося в открытом доступе на сайте. Одновременно с этим СЕМС раз в четыре года готовит аналитический доклад о своей работе, в котором содержатся сведения о накопленном медиаторами опыте и его практической реализации, проблемных моментах в рамках проведения медиации, рекомендациях медиаторам по совершенствованию их деятельности.

Таким образом, можно сформулировать вывод о том, что приоритетным направлением работы Комиссии является создание атмосферы прозрачности работы, беспристрастного контроля уровня профессионализма медиаторов и качества предоставляемых услуг по медиации.

Анализ французских нормативных актов показывает, что динамичному развитию медиации и становлению профессиональных медиаторов во Франции во многом способствовали: Национальный кодекс профессиональной этики медиатора (Code Nationale de Déontologie du Médiateur), в котором содержатся основные требования к медиаторам (образование, ответственность, порядок организации процедуры); Кодекс профессиональной этики медиатора-эксперта (Code d'éthique et de déontologie des médiateurs professionnels); «Белая книга медиации» (le Livre blanc de la médiation).

В Национальный кодекс профессиональной этики медиатора (Code de déontologie du médiateur) вошли положения, уже упоминавшиеся в Директиве ЕС 2008/52 от 21 мая 2008 г., касающейся основ медиации, а также в Европейском кодексе поведения медиатора 2004 г.

Кодекс состоит из трех частей и содержит сведения о: требованиях к квалификации медиатора; правилах, регламентирующих процесс и условия медиации; ответственности и возможных санкциях в отношении медиатора.

В первой части Кодекса речь идет о требованиях к квалификации медиатора. В частности, указано, что медиатор обязан обладать необходимой квалификацией, соответствующей предъявляемым требованиям со

стороны каждой специализированной организации по медиации. Он также обязан постоянно повышать свои теоретические и практические навыки посредством участия в конференциях, симпозиумах, профессиональных группах медиаторов и т.д.³

Кодекс профессиональной этики медиатора-эксперта (Code d'éthique et de déontologie des médiateurs professionnels, CODEOME) также содержит описание требований и общие характеристики, которым должен соответствовать медиатор-профессионал. Отмечено, что разработка документа велась четыре года. Проект Кодекса перед утверждением находился в открытом доступе в сети Интернет, где любой желающий мог свободно ознакомиться с документом и внести свои предложения.

Основной акцент в CODEOME сделан на этических и высокоморальных нормах поведения медиаторов, их ответственности перед клиентом, а также самодисциплине.

В соответствии с п. 4.2.2 Кодекса медиатор-профессионал должен обладать соответствующим удостоверением (картой профессионала / Carte Professionnelle), которое выдается Палатой профессиональной медиации и переговоров (La Chambre professionnelle de la médiation et de la négociation) и продлевается каждый год⁴.

Пункт 4.6 содержит положение о Комитете по надзору за медиацией (Le Comité de Supervision de la Médiation), который является гарантом соблюдения медиатором этических норм поведения. В непосредственные обязанности Комитета входит проведение служебных разбирательств в отношении медиаторов, наложение дисциплинарных взысканий⁵.

Что касается «Белой книги медиации», то документ стал результатом работы более 20 французских ассоциаций по медиации, объединенных в рабочую группу под названием «Медиация 21» (Médiation 21). Книга состоит из 54 страниц и трех глав.

В первой главе Книги рассматриваются вопросы правового статуса медиатора. В ней исследуются четыре проблемы: компетенция медиатора; требования к медиаторам для их включения в список медиаторов при апелляционных судах; обязательства медиаторов, страхование профессиональной ответственности; медиация как основная деятельность медиатора.

³ См.: Code National de Déontologie du Médiateur. Rédigé par le Rassemblement des Organisations de la Médiation (R.O.M.) Présenté au Palais Bourbon le 5 février 2009. P. 4, 5.

⁴ См.: Code d'éthique et de déontologie des médiateurs professionnels. La Chambre professionnelle de la médiation et de la négociation. P. 3.

⁵ См.: Code d'éthique et de déontologie des médiateurs professionnels. Publication de la Chambre Professionnelle de la Médiation et de la Négociation 16, cours Xavier Arnoz – 33000 Bordeaux. P. 4.

Таким образом, документ раскрывает основную суть требований, предъявляемых к медиаторам, что представляется интересным, поскольку изначально позволяет определить те границы, которым должен соответствовать кандидат, желающий получить должность медиатора при судах Франции.

В кодексах прописаны этические нормы и правила поведения медиаторов, их ответственность за нарушение основополагающих требований, изложенных в документах.

Именно благодаря наличию упомянутых выше кодексов поведения работа медиаторов во Франции детально регламентирована, управляема и предсказуема.

К сожалению, в России не у всех специалистов, в том числе имеющих базовые представления об основах медиации, сформулировано представление о том, кто такой медиатор и что он должен делать. Знания в этой области ими не упорядочены и трактуются на свое усмотрение.

Позиция автора совпадает с мнением ряда юристов, занимающихся научными исследованиями в области медиации.

Так, Е. В. Михайлова отмечает, что многие авторы не согласны с тем, что медиаторами могут быть лица, не имеющие высшего юридического образования⁶. Это обоснованная претензия, так как результатом медиации является гражданско-правовое соглашение, заключенное сторонами правового конфликта, а значит, медиация невозможна без юридических познаний медиатора⁷.

В этой связи в Кодексе поведения медиатора должно быть закреплено требование к медиаторам о наличии у них высшего юридического образования, что непременно даст положительный эффект, поскольку позволит повысить профессиональный уровень специалистов.

Рассматривая вопрос требований к медиаторам для их регистрации в качестве посредников при судах Франции, необходимо подчеркнуть, что в стране утверждён и действует порядок внесения медиаторов в соответствующий реестр при судах. Указанная работа регулируется Декретом № 2017-1457 от 9 октября 2017 г. «О списке медиаторов при апелляционных судах».

В соответствии с Декретом в указанный список могут быть включены как организации, занимающиеся медиацией, так и физические лица.

Основными требованиями к физическим лицам для их рассмотрения в качестве кандидатов на внесение в реестр медиаторов при апелляционных судах Франции являются: резюме кандидата; наличие свидетельства о страховании профессиональной ответственности; копия диплома (или дипломов), а также сертификатов об образовании, подтверждающих факт обучения медиации; список практических семинаров и супервизий, в которых кандидат принимал участие в течение последних трех лет; количество проведенных процедур медиации, в том числе судебных, за последние три года и ранее; область специализации по медиации (гражданская, социальная, коммерческая, семейная); адрес апелляционного суда, в котором кандидат желает быть зарегистрированным в качестве медиатора.

Существуют также и другие требования к физическим лицам, выдвигающим свои кандидатуры на включение в реестр медиаторов при апелляционных судах.

В частности, кандидат должен:

не иметь судимости, быть дееспособным, не являться должником, а также фигурантом других преступлений, указанных в Бюллетене № 2 (le bulletin n° 2 du casier judiciaire);

Примечание. Бюллетень № 2 является документом, в котором регистрируются некоторые уголовные преступления, совершенные гражданами Франции как на территории страны, так и за ее пределами⁸.

К числу преступлений, регистрируемых в Бюллетене № 2, относятся: преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте с назначением наказания до двух месяцев лишения свободы; штрафы; приговоры, по которым лицо могло быть реабилитировано через суд или автоматически; обвинительные приговоры иностранной юрисдикции в отношении несовершеннолетнего; преступления, имеющие состав уголовного; уголовные преступления, по которым были назначены наказания в виде условных сроков заключения⁹;

не совершать действий, порочащих честь и достоинство, а также приведших к дисциплинарным взысканиям или увольнению, отзыву лицензии или разрешения;

подтвердить получение образования или наличие опыта, позволяющего практиковать медиацию.

Отмечено, что указанные требования не являются исчерпывающими и могут быть изменены.

⁶ См.: Панова И. В. Медиация: проблемы и пути их решения // Вестник ВАС РФ. 2011. № 10. С. 75.

⁷ См.: Михайлова Е. В. Альтернативное разрешение споров: учеб. пособие. Самара, 2015. С. 76.

⁸ См.: Art. 776 du code de procédure pénale. Dernière modification: 2022-06-22 Edition: 2022-06-22.

⁹ См.: URL: <https://extraits-casier-judiciaire.com/bulletin-judiciaire-n2/> (дата обращения: 02.06.2022).

Некоторые апелляционные суды могут требовать диплом медиатора, другие настаивают на необходимости прохождения соответствующих курсов общей продолжительностью не менее 200 академических часов.

Кандидату также следует подтвердить факт своего назначения судебным медиатором не менее пяти раз или проведения внесудебной медиации как минимум 10 раз¹⁰.

Существование достаточно серьезных требований к кандидатам, желающим работать в качестве медиаторов, обусловлено в первую очередь тем, что для эффективной процедуры медиации необходимо заслужить доверие спорящих сторон, продемонстрировать свою компетентность, а также не иметь дисциплинарных взысканий. В противном случае лица, обратившиеся к медиатору, попросту откажутся от процедуры и будут искать другие способы разрешения спора.

Сотрудники судов, ответственные за составление списков медиаторов, осуществляют проверку досье каждого кандидата.

Работа по подбору медиаторов не является формальной. В действительности, ассоциации и организации, профессионально занимающиеся медиацией, выбирают опытных специалистов, практиков, людей, которые имеют полное представление о том, какие перед ними стоят задачи в рамках проведения процедуры медиации, что не может не сказываться на высоких показателях результатов их работы.

Следует также отметить, что список медиаторов в области гражданских, коммерческих или социальных конфликтов обновляется каждые три года апелляционными судами Франции. Это дает возможность обновлять кадры, отсеивать лишних «псевдомедиаторов», а также повышать авторитет организаций, которые стараются подбирать профессионалов и специалистов, в действительности желающих работать в указанной области, соответствовать тем вызовам, которые возникают в быстроменяющемся укладе жизни.

Во Франции существуют разные требования к категориям медиаторов. Так, особый статус имеют медиаторы по семейным спорам (*médiateur familial*). К указанной категории медиаторов предъявляются особые требования в плане их подготовки и сертификации.

В частности, согласно действующим во Франции образовательным стандартам, срок подготовки медиаторов по семейным конфликтам должен составлять 595 академических часов¹¹.

¹⁰ См.: URL: <https://www.dalloz-actualite.fr/node/premieres-listes-de-mediateurs-dans-cours-d-appel-un-dispositif-legal-perfectible> (дата обращения: 14.10.2022).

¹¹ См.: *Bonafé-Schmitt J.-P.* Les enjeux de la formation à la médiation De Boeck Supérieur // *Négociations*. 2017/2 n° 28. P. 201 à 219.

Начиная с 2003 г. в стране была учреждена соответствующая должность (семейный медиатор), а по окончании учебы стал выдаваться государственный диплом по специальности семейный медиатор. Объясняется указанная практика тем, что государство посчитало необходимым контролировать процедуру подготовки медиаторов именно в области урегулирования семейных споров, преследуя цель сохранения семей.

Как показывает статистика, принятые решения оправдали себя.

Во Франции насчитывается 250 центров медиации в области семейных споров. В течение 2020 «пандемийного» года центрами было зарегистрировано 47 241 обращение (21 834 – в 2017 г., 23 597 – в 2018 г., 21 900 – в 2019 г.¹²). Из указанного количества запросов 13 548 досье (29%) поступили из судов в рамках обязательной семейной медиации, 33 693 (71%) – в частном порядке.

В результате проведенных процедур медиации 6450 сеансов семейной медиации, назначенной по указанию суда, закончились примирением сторон, равно как и 13 336 положительных решений были зарегистрированы в результате проведения медиации коммерческими организациями¹³.

Количество медиаторов, работающих в Национальном фонде семейных пособий / *Caisse Nationale des Allocations Familiales* – одной из основных организаций, занимающихся медиацией, составляет 750 человек.

Что касается программы подготовки медиаторов, то во Франции утверждена единая концепция по подготовке семейных медиаторов.

Как уже было отмечено ранее, общая обязательная продолжительность обучения лица для получения им статуса семейного медиатора составляет 595 академических часов, из которых 105 – практические занятия.

Теоретическая подготовка состоит из следующих модулей: техника и процедура медиации (315 акад. час.); основы психологии и права (два модуля по 63 акад. час.); социология (35 акад. час.); модуля, посвященного методологическим основам подготовки отчетной документации (14 акад. час.)¹⁴.

Отдельным блоком в подготовке медиаторов идут интенсивные практические занятия.

¹² См.: *Références Statistiques Justice. Année 2019. Justice 2020*. P. 170.

¹³ См.: *Atlas de la médiation familiale. Direction des statistiques, des études et de la recherche. Exercice 2020*. P. 11.

¹⁴ См.: *Arrêté du 19 mars 2012 relatif au diplôme d'Etat de médiateur familial*. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do;jsessionid=?cidTexte=JORFTEXT000025586710&dateTexte=&oldAction=rechJO&categorieLien=id>

Как отмечает французский медиатор Эрве Карре (Hervé Carré), половина занятий по подготовке медиаторов была посвящена практике. Слушателям дают возможность попробовать себя в качестве медиатора, дают соответствующие задания. По мнению Эрве Карре, именно практические занятия помогли ей понять специфику работы и грамотно применять полученные знания¹⁵.

В свою очередь, сам медиатор обязан обладать профессиональными качествами.

Независимость.

То есть не находиться ни под чьим-либо давлением и влиянием даже при условии, что медиатор состоит в отношениях подчиненности и / или имеет отношение к организации, где он работает.

Существует требование, согласно которому медиатор обязан отказаться, приостановить или прерывать медиацию каждый раз, когда имеются предпосылки для нарушения его беспристрастности и независимости.

Нейтралитет.

В рамках сопровождения участников процедуры медиации медиатору запрещено продвигать собственные интересы.

В этих целях медиатор обязан постоянно совершенствовать свою профессиональную квалификацию, участвовать в рабочих группах по анализу практики работы медиаторов, а также семинарах супервизии.

Беспристрастность.

Медиатор обязан быть беспристрастным и не поддерживать одну из сторон в рамках процедуры медиации. Медиатор обязан воздержаться от проведения медиации в отношении лиц, с которыми он состоит в родственных связях, а также имеет общие профессиональные, финансовые и прочие интересы.

Медиатору запрещается преследовать прямым или косвенным образом финансовые интересы, зависящие от итогов проводимой им процедуры медиации. Он не должен также участвовать в процедуре в случае, если один из членов его команды действовал или собирается действовать на стороне одного из участников процедуры.

Ответственность.

Медиатору запрещено выполнять функции представителя одной из сторон или выступать в качестве советника. Медиатор не имеет права выносить решения. В случае если область, в которой

¹⁵ См.: URL: <https://www.actu-juridique.fr/professions/en-france-on-a-les-branches-de-la-mediation-mais-il-nous-manque-le-tronc/> (дата обращения: 19.10.2022).

у лиц возникают сложности для урегулирования спора, не входит в компетенцию медиатора, он обязан перенаправлять лиц, участвующих в процедуре, к другим специалистам¹⁶.

Аналогичные требования содержатся в ст. 21-2 Закона о медиации Франции¹⁷.

В Российской Федерации указанный аспект деятельности неоднократно становился предметом дискуссий и обсуждений ученых.

Так, по мнению Л.Б. Лазаренко, в настоящее время определенные требования к медиаторам, в том числе ответственность за оказанные услуги, на законодательном уровне отсутствуют, достаточно пройти за определенную плату курсы за два-пять дней, да и сами услуги преобразовались исключительно в коммерческую деятельность, конкурирующую по оплате с оказанием платных юридических услуг специалистами и профессионалами¹⁸.

В свою очередь, Е.В. Михайлова отмечает, что повышению ответственности медиаторов будет способствовать закрепленная законом возможность предъявления к ним гражданского иска о возмещении ущерба, причиненного заключением и исполнением противоречащего закону и нарушающего права третьих лиц медиативного соглашения. Это существенно снизит риски различного рода злоупотреблений¹⁹.

Таким образом, можно сформулировать вывод о том, что указанная проблема существует с момента принятия Закона о медиации, однако до сих пор необходимых решений не принято, вопрос остается открытым.

Рассматривая обязанности медиаторов во Франции, следует отметить, что ежегодно медиатор должен составлять итоговый отчет о результатах своей деятельности (le Rapport d'activité de médiateur), в котором обязан указывать статистические данные о количестве обращений, результатах рассмотрения запросов на медиацию, урегулированных спорах, отказах в проведении медиации.

Указанная практика, безусловно, в значительной степени повышает коэффициент доверия

¹⁶ См.: Code national de déontologie du médiateur. Rédigé par le Rassemblement des Organisations de la Médiation (R.O.M.) Présenté au Palais Bourbon le 5 février 2009. P. 5, 6.

¹⁷ См.: Loi n° 95-125 du 8 février 1995 relative à l'organisation des juridictions et à la procédure civile, pénale et administrative. Article 21-2. NOR: JUSX9400050L.

¹⁸ См.: Лазаренко Л.Б. Институт судебного примирения в контексте развития отечественной медиации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные вопросы применения медиации в различных сферах»: сб. науч. ст. 19–20 апреля 2018 года. Ростов н/Д., 2018. С. 74.

¹⁹ См.: URL: <https://magadan.arbitr.ru/node/22745> (дата обращения: 14.10.2022).

населения к медиации как процедуре досудебного урегулирования спора.

Так, лицо, желающее прибегнуть к процедуре медиации, имеет возможность в полном объеме ознакомиться с деятельностью медиатора в течение года. Соответственно, у населения не будет возникать вопросов относительно того, в действительности ли они имеют дело с профессионалом или с авантюристом, прослушавшим базовый курс по медиации.

Этот аспект деятельности медиаторов представляет особый интерес для его использования в Российской Федерации с целью популяризации процедуры медиации и повышения интереса граждан к процедуре досудебного урегулирования споров.

Переходя к рассмотрению вопроса контроля медиаторов на примере работы Комиссии по контролю за деятельностью медиаторов в области потребления (Commission d'évaluation et de contrôle de la médiation de la consommation, СЕМС) при Министерстве экономики, следует отметить, что в состав Комиссии входят судьи, специалисты разных областей, представители ассоциаций по защите прав потребителей и профессиональных федераций.

Цель Комиссии – контроль за деятельностью медиаторов в области потребления, чья деятельность должна осуществляться в соответствии с Кодексом о защите прав потребителей, в части, касающейся порядка урегулирования споров в области потребления посредством медиации. Параллельно с этим Комиссия готовит и утверждает список медиаторов при Европейской Комиссии²⁰.

Характерной чертой работы Комиссии является ежегодная публикация рекомендаций медиаторам на своей странице в сети Интернет. Указанная практика рассматривается членами СЕМС как один из способов совершенствования процедуры и повышения доверия граждан – рядовых потребителей.

В рамках анализа списка рекомендаций автор полагает необходимым отдельно остановиться на пунктах “С” (статус медиатора в области потребления / Statut du médiateur de la consommation) и “Е” (контроль за медиацией со стороны Комиссии).

В п. “С” рекомендаций указан перечень навыков, необходимых медиатору в области потребления. Особый акцент сделан на обязательное владение медиатором общими юридическими знаниями, в частности потребительского права²¹.

²⁰ См.: URL: <https://www.economie.gouv.fr/mediation-conso/commission> (дата обращения: 13.10.2022).

²¹ См.: URL: <https://www.economie.gouv.fr/mediation-conso/statut-du-mediateur-de-la-consommation#C02-1>

В п. “С03-3” «Предоставление копий дипломов и аттестатов о прохождении обучения, подтверждающих компетенцию медиатора» указано, что в случае, если кандидат не сможет документально подтвердить прохождение обучения по программе защиты прав потребителей и наличие юридического образования, его кандидатура отклоняется (решение Комиссии от 11.02.2020 г.).

В докладе по вопросу контроля за соответствием медиаторов предъявляемым требованиям Комиссия ссылается на ст. L.613-1 Кодекса о защите прав потребителя (Code de la consommation), где указано, что «медиатор в области потребления обязан выполнять свои обязанности с необходимым усердием и компетентностью, имея полную независимость и беспристрастность. Медиатор должен обладать соответствующими навыками для проведения процедуры медиации, а также хорошими юридическими знаниями, особенно в области потребления»²².

По мнению Комиссии, наличие глубоких юридических знаний в области потребительского законодательства в сочетании со знаниями конкретной технической отрасли, в которой медиатор принимает участие, способствует соблюдению требований независимости и эффективности медиатора. При этом СЕМС определено, что в отсутствие у кандидата диплома, подтверждающего получение юридического и специального образования, а также иных документов о прохождении дополнительного обучения, включая сроки и характер учебы, указанные выше требования не будут приняты во внимание.

Таким образом, акцент делается на вовлечение в работу специалистов в конкретной области, в частности юриспруденции. Наличие сертификата о пройденном курсе медиации должно быть обязательным дополнением к объемному портфолио медиатора.

Обращает на себя внимание тот факт, что Комиссией был даже определен перечень областей, в которых будет требоваться получение кандидатами специального образования, а именно: финансовый сектор – потребительские кредиты; сектор недвижимости – сделки с недвижимостью, управление недвижимостью; жилищный сектор – знание и опыт применения Закона от 24 марта 2014 г. «О доступности жилья и городской реновации» (l'accès au logement et un urbanisme rénové (ALUR)).

²² Code de la consommation. Replier Partie législative nouvelle (Articles liminaire à L823-2). Article liminaire Replier Livre VI: RÈGLEMENT DES LITIGES (Articles L611-1 à L652-2). Replier Titre Ier: MÉDIATION (Articles L611-1 à L616-3). Chapitre III: Statut du médiateur de la consommation (Articles L613-1 à L613-3). Article L613-1. NOR: EINC1602822R.JORF n° 0064 du 16 mars 2016.

Помимо теоретических навыков практические умения будут необходимы в области продаж и ремонта автомобилей, транспорта, нотариата, ветеринарии²³.

Завершая рассмотрение вопроса правового анализа опыта Франции по подготовке, контролю и квалификационным требованиям к медиаторам, следует отметить эффективность наличия единого административно-контрольного органа, осуществляющего надзор за деятельностью медиаторов, их отбор, а также формирующего основные направления совершенствования работы примирителей.

Действенным инструментом в регламентации работы медиаторов является наличие кодекса поведения медиаторов, утвержденного и принятого на государственном уровне.

Немаловажный момент – эффективность отраслевого деления медиаторов в зависимости от областей, в которых возникают споры.

Не поддается сомнению правильность указанного решения, ведь даже Адам Смит в своей книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» писал о том, что «величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, с какими он направляется и прилагается, явились, по-видимому, следствием разделения труда» и далее «во всяком развитом обществе фермер обыкновенно занимается только фермерством, владелец мануфактуры занят только своей мануфактурой»²⁴.

Красной линией в рассмотренных документах, регламентирующих деятельность медиаторов, проходит обязанность примирителей постоянно совершенствовать свои знания. При этом повышение квалификации медиаторов также проходит в сертифицированных организациях, получивших соответствующее разрешение государственных органов и осуществляющих свою деятельность в соответствии с утвержденным регламентом.

Немаловажным моментом является требование к медиаторам о подтверждении практических навыков проведения медиации. В частности, медиаторы обязаны составлять ежегодную отчетность, где должны отражать статистические показатели своей работы, что также является оправданным в свете того, что теоретические знания без практической апробации не могут быть эффективно использованы при работе с клиентами.

²³ См.: Решение Комиссии от 08.07.2020 г. (СЕМС, plénière, 8 juillet 2020).

²⁴ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2019. С. 4.

Для эффективного внедрения медиации в российскую систему судопроизводства необходимо сконцентрироваться в первую очередь именно на подготовке и отборе высококвалифицированных специалистов, имеющих обширный опыт юридической практики.

* * *

Подводя итог краткому анализу требований, предъявляемых к медиаторам, следует отметить, что регламент отбора медиаторов во Франции может быть адаптирован к российскому законодательству и использован в практике отечественных судов и коммерческих организаций, специализирующихся на проведении медиации.

В целях реализации данных предложений необходимо сконцентрировать усилия на создании специальной Комиссии по контролю за деятельностью медиаторов (ККДМ) при рассмотрении дел в области защиты прав потребителей. Наиболее подходящей организацией, при которой целесообразно создавать ККДМ, является Торгово-промышленная палата РФ.

В состав Комиссии должны входить лица – профессиональные юристы, обладающие значительным опытом (судей в отставке), а также специалистов, имеющих реальный подтвержденный опыт проведения медиации. В случае с медиацией в области защиты прав потребителей в Комиссию необходимо также включить представителей Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор).

К сфере решаемых ККДМ задач следует отнести следующие: разработка и совершенствование программ обучения медиаторов; аккредитация деятельности образовательных учреждений, осуществляющих подготовку специалистов в области медиации (профессиональных медиаторов); проверка уровня профессиональной пригодности медиаторов для их включения в единый государственный реестр медиаторов, который должен быть создан Комиссией; формирование рабочих групп для осуществления мониторинга за деятельностью медиаторов; обработка запросов граждан на проведение медиации и т.д.

На базе Комиссии следует сформировать дисциплинарную группу, в обязанности которой будут входить вопросы урегулирования конфликтных ситуаций, связанных непосредственно с деятельностью самих медиаторов, рассмотрение дел, касающихся фактов нарушения медиаторами профессиональной этики и допущенных ими ошибок при проведении процедуры медиации и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лазаренко Л.Б.* Институт судебного примирения в контексте развития отечественной медиации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные вопросы применения медиации в различных сферах»: сб. науч. ст. 19–20 апреля 2018 года. Ростов н/Д., 2018. С. 74.
2. *Михайлова Е.В.* Альтернативное разрешение споров: учеб. пособие. Самара, 2015. С. 76.
3. *Панова И.В.* Медиация: проблемы и пути их решения // Вестник ВАС РФ. 2011. № 10. С. 75.
4. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2019. С. 4.
5. *Bonafé-Schmitt J.-P.* Les enjeux de la formation à la médiation De Boeck Supérieur // *Négociations*. 2017/2 n° 28. P. 201 à 219.

Сведения об авторе

РЫЖОВ Николай Александрович –
второй секретарь Посольства России
в Республике Сенегал, Министерство
иностраннных дел Российской Федерации;
119002 г. Москва, Смоленский б-р, д. 32/34

REFERENCES

1. *Lazarenko L.B.* Institute of judicial reconciliation in the context of the development of domestic mediation: materials of the International Scientific-Practical Conference “Topical issues of the use of mediation in various areas”: collection of scientific articles. April 19–20, 2018. Rostov n/D., 2018. P. 74 (in Russ.).
2. *Mikhailova E.V.* Alternative dispute resolution: textbook. Samara, 2015. P. 76 (in Russ.).
3. *Panova I.V.* Mediation: problems and ways to solve them // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2011. No. 10. P. 75 (in Russ.).
4. *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. M., 2019. P. 4 (in Russ.).
5. *Bonafé-Schmitt J.-P.* Les enjeux de la formation à la médiation De Boeck Supérieur // *Négociations*. 2017/2 n° 28. P. 201 à 219.

Authors' information

RYZHOV Nikolay A. –
Second Secretary of the Embassy of the Russian
Federation in the Republic of Senegal, Ministry of
Foreign Affairs of the Russian Federation;
32/34 Smolensky boulevard,
119002 Moscow, Russia

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ НАДЗОР (20-е – первая половина 30-х годов XX в.)

© 2023 г. Ю. Л. Шульженко

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: constitution&igpran.ru

Поступила в редакцию 14.11.2022 г.

Аннотация. По мнению автора, конституционный надзор – это деятельность по проверке, выявлению, констатации и устранению несоответствий конституции иных правовых актов. Временные рамки избранного периода исследования связаны с тем, что именно тогда в нашей стране имели место интересные как в практическом, так и теоретическом плане во многом поисковые решения в данной области. Это был период острой конкуренции между Верховным Судом СССР и Прокуратурой Верховного Суда СССР за место и роль в конституционном надзоре. Конечный результат – главенствующим здесь стал союзный парламент на уровне Центра, в субъектах федерации – их парламенты. При этом основными функциями по конституционному надзору наделяется в конечном счете Прокуратура СССР. Отметим и то, что сам факт возрождения прокуратуры в советское время стал реальным показателем реанимирования, приспособления, использования на практике старых, дореволюционных, испытанных, во многом специфических, традиционных для России институтов. Отмечается, что такая парламентская с привлечением прокуратуры конструкция конституционного надзора весьма привлекательна и может быть эффективной. Она предполагает принятие мер по приведению не соответствующих конституции актов в соответствие с ней еще до их принятия, то есть предварительно.

Ключевые слова: Верховный Суд, конституционный контроль, конституционный надзор, конституция, министерство юстиции, парламент, партийные нормы, прокуратура.

Цитирование: Шульженко Ю.Л. Отечественный конституционный надзор (20-е – первая половина 30-х годов XX в.) // Государство и право. 2023. № 2. С. 154–162.

DOI: 10.31857/S102694520024343-8

DOMESTIC CONSTITUTIONAL SUPERVISION (20th – the first half of the 30^s of the twentieth century)

© 2023 Yu. L. Shulzhenko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: constitution&igpran.ru

Received 14.11.2022

Abstract. According to the author, the essence of one of the most important forms of legal protection of the constitution is constitutional supervision, in the activities of checking, identifying, ascertaining and eliminating inconsistencies with the constitution of other legal acts. The time frame of the chosen research period is due to the fact that it was then that interesting both in practical and theoretical terms in many ways search solutions in this area took place in our country. It was a period of intense competition between the Supreme Court of the USSR and the Prosecutor's Office of the Supreme Court of the USSR for a place and role in constitutional supervision. The end result is that the Union parliament has become dominant here at the level of the Center, in the subjects of the Federation – their parliaments. At the same time, the main functions of constitutional supervision are assigned ultimately to the Prosecutor's Office of the USSR. It should also be noted that the very fact of the revival of the prosecutor's office in Soviet times has become a real indicator of the resuscitation,

adaptation, use in practice of old, pre-revolutionary, proven, in many ways specific, traditional institutions for Russia. It should be noted that such a parliamentary structure of constitutional supervision with the involvement of the prosecutor's office is very attractive and can be effective. It presupposes the adoption of measures to bring acts that do not comply with the Constitution into compliance with it even before their adoption, so in advance.

Key words: Supreme Court, constitutional control, constitutional supervision, constitution, Ministry of Justice, Parliament, party norms, Prosecutor's Office.

For citation: *Shulzhenko, Yu. L. (2023). Domestic constitutional supervision (20th – the first half of the 30^s of the twentieth century) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 154–162.*

Немного об исходных, отправных позициях. Конституционный надзор — одна из важнейших форм правовой охраны Основного закона. Его наиболее обще, кратко, по нашему мнению, следует характеризовать в качестве «деятельности по проверке, выявлению, констатации и устранению несоответствий конституции всех иных правовых актов»¹. Данное понятие весьма близко к понятию «конституционный контроль», что дает определенной части ученых-юристов характеризовать их в качестве тождественных. Это обусловлено в значительной мере общностью задач, решаемых ими в области защиты Основного закона. Мы же разделяем эти понятия, основываясь на различных мерах, которые применяют органы надзора и контроля при выявлении нарушений. Наиболее мощное, эффективное у последних состоит в праве отмены незаконных актов. Надзорные органы таким правом не обладают, их санкции более мягкие — приостановление акта, обращение в орган, издавший акт, информирование такого органа и др. И еще раз подчеркнем, что именно в этом заложено основное отличие конституционного надзора от конституционного контроля.

Отметим здесь также, что функциями в сфере конституционного надзора обладают в той или иной мере фактически все органы государства, общественные объединения. Среди них целесообразно выделение органов верховного конституционного надзора, которые имеют ряд особых черт, признаков. Важнейшими из них являются следующие: это исключительно органы государственной власти, функция конституционного надзора у них одна из основных; деятельность таких органов устанавливается конституцией, специальными законами; в федерации данные органы осуществляют надзор за соответствием основных законов, законодательства субъектов федерации федеральной конституции, федеральному законодательству.

Проблематика правовой охраны Основного закона в целом, надзора в данной области в частности была в центре внимания как в теоретическом, так и в практическом плане в большей или меньшей степени фактически с первых дней появления

конституции в мире. Это обусловлено прежде всего тем, что она занимает верховенствующее положение в жизни общества, государства, она — важнейший атрибут на пути прогресса. И именно конституционный надзор, как свидетельствует мировая практика, представляет собой один из важнейших, основополагающих институтов обеспечения, поддержания такого верховенства Основного закона. Обратим и внимание на то, что отношение как в практическом, так и теоретическом плане к этому институту было различно. В целом это обуславливается конкретными условиями, особенностями каждой отдельно взятой страны в те или иные периоды ее развития. Один из таких периодов в СССР приходится на 20-е — первую половину 30-х годов XX в. Именно тогда имел место ряд новаторских, практических, во многом поисковых решений в сфере конституционного надзора, его реализации в практике жизни, которые могут с соответствующими поправками эффективно использоваться, учитываться и в современной России. Заметим также, что проблематика правовой охраны нашего Основного Закона, конституционного надзора в частности — предмет исследования не только отечественных, но и зарубежных ученых².

Прежде всего о том, что было в России в прошлом. Главенствующим фактором здесь является форма правления, сложившаяся в различные годы в государстве. До 1905 г. это была сформировавшаяся еще при Петре I абсолютная монархия. Общероссийской конституции ещё не было, и это снимает вопрос о наличии конституционного надзора. Однако следует отметить, что в Польше, которая входила в состав Российской Империи в 1815–1830 гг., действовала Конституция³. Но каких-либо положений, касающихся надзора, в ней не было. Вместе с тем идеи правовой охраны конституции, конституционного надзора встречаем в конституционных проектах, имевших место уже во второй половине XVIII в. и отражавших интересы различных слоев населения, в политико-правовой мысли России. Обратим внимание и на

¹ Шульженко Ю.Л. Институт конституционного надзора в Российской Федерации. М., 1998. С. 3.

² См.: *Ruckert W.* Das Völkerrecht in der Rechtsprechung des Russischen Verfassungsgerichts. BWV. Berliner Wissenschafts – Verl., 2005; *Schwartz H.* The Struggle for Constitutional Justice in Post – Communist Europe. Chicago – London, 2000.

³ См.: *Borickje M.* Konstytucji polskie 1791–1997. W., 2002.

Тырновскую конституцию Болгарии 1789 г.⁴, проект которой фактически был разработан российскими учеными, государственными деятелями, действовавшую до 1947 г. В ней подробно регулировались вопросы изменения, пересмотра Основного закона, содержалось положение о бездействии закона до момента его обнародования, определялся орган по толкованию законов — Народное собрание. Это в значительной мере связано с правовой охраной конституции, ее составной частью — конституционным надзором. В 1905—1907 гг. в России устанавливается конституционная монархия, важнейшим показателем чего стали Основные государственные законы 1906 г.⁵ Ряд ученых (к ним относится и автор данной статьи) называли и называют их первой общероссийской конституцией. В этом правовом акте определена такая надзорная функция Государственной думы, как право запроса к министрам, главноуправляющим о нарушениях со стороны их ведомств. После Февральской революции 1917 г. Временное правительство одним из первых своих актов, фактически не из чего не исходя, отменяет Основные государственные законы 1906 г.

Менялся постоянно и статус прокуратуры. При этом отметим, что наличие такого органа, полномочия, которыми его наделяли, главным образом надзорными, можно считать спецификой России. Прокуратура была создана при Петре I в 1722 г. Первоначально это представительство имперской власти. Наиважнейшая задача прокуратуры — надзор за соответствием закону всех действий, актов Сената, органов государственной власти. Однако после смерти Петра I функционирование этого органа прекратилось. Прокуратура восстанавливается в 1830 г. при Анне Иоанновне, но вскоре опять прекращает свою деятельность. В дальнейшем при Екатерине II роль прокуратуры возрастает. Основные положения о прокуратуре 1862 г. еще раз подчеркивают главную роль указанного органа в деле осуществления верховного надзора в России. В соответствии с судебной реформой 1864 г. происходит слияние прокуратуры с Министерством юстиции. Ее деятельность в большей степени связывается с судопроизводством. Расширение надзорных функций прокуратуры имело место и в пореформенный период. Но уже к концу царствования Александра III все это привело к превращению ее в сугубо карательный орган. В 1917 г. прокуратура ликвидируется Декретом СНК РСФСР № 1 «О суде»⁶.

Возникновение конституционного надзора в нашей стране, системы органов в данной области связано с первой советской Конституцией — Конституцией

РСФСР 1918 г.⁷ Она устанавливает парламентскую систему верховного конституционного надзора. Всероссийский съезд Советов являлся верховной властью в стране, его ведению подлежали все вопросы государственного значения, а следовательно, и правовая охрана Конституции, и ее конституционный контроль и надзор. В период между съездами такой властью является Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). Он определялся в качестве законодательного, распорядительного, контрольного органа. Предусматривался и Президиум ВЦИК, функции которого в дальнейшем существенно расширяются. Заметим, что в Конституции РСФСР 1918 г. отсутствует термин «конституционный надзор». Но эта деятельность напрямую вытекает из ряда положений, которые наделяли полномочиями в данной сфере прежде всего ВЦИК, его Президиум. Это относится, например, к такому праву ВЦИК, как его наблюдение за проведением в жизнь Конституции, актов Всероссийского съезда Советов, иных центральных органов власти; право приостановления всех постановлений и решений Совета Народных Комиссаров. Рядом полномочий по осуществлению конституционного надзора наделялись и исполнительные органы, например Народный комиссариат юстиции, Народный комиссариат государственного контроля.

Аналогичным образом в целом решался вопрос о конституционном надзоре в субъектах РСФСР, входивших тогда в ее состав. В принятых в них актах 1918—1925 гг. в первую очередь отражался принцип верховенства Конституции РСФСР 1918 г. При этом они также не содержали прямых указаний по данному вопросу. Это подтверждалось косвенно. Например, Декларация Учредительного съезда Советов Горской АССР 1921 г. объявляла незыблемой Конституцию рабоче-крестьянской Советской власти⁸. Полномочия по осуществлению конституционного надзора так же, как и на уровне Центра, в субъектах РСФСР сосредоточивались в руках парламента, прежде всего ЦИК, президиумов ЦИК субъектов. Таковым было состояние в интересующей нас области к началу 1920-х годов в нашей стране.

Последующие существенные изменения в отечественном конституционном надзоре, системе его органов в анализируемый период были связаны главным образом с созданием в 1922 г. Советского Союза в федеративной форме его государственного устройства, с принятием в 1924 г. Конституции⁹ этого нового государства и на основе этого решением таких

⁷ См.: Кужушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории советской конституции. 2-е изд. М., 1987.

⁸ См.: Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР: сб. документов. 1917—1922 гг. М., 1959. Т. 1.

⁹ См.: Образование и развитие СССР как союзного государства: сб. документов и нормативных актов. М., 1972.

⁴ См.: Конституция на Българското Царство. София, 1945.

⁵ Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. Свод основных государственных законов. СПб., 1906.

⁶ См.: СУ РСФСР. 1917. № 4, ст. 50.

наисложнейших задач, как упорядочение федеративных отношений, урегулирование соотношения законодательства СССР и законодательства субъектов СССР, создание единой правовой системы федеративного государства.

Следует отметить, что Конституция (Основной Закон) СССР 1924 г. также напрямую не говорит о конституционном надзоре, не употребляется и сам этот термин. Но эта важнейшая функция, деятельность присутствует, четко прослеживается во многих ее положениях. Прежде всего установлена система органов верховного конституционного надзора. Она выражена главным образом в положениях, определяющих их статус. Данная система включает в себя Съезд Советов СССР – верховный орган власти СССР; в период между съездами – ЦИК СССР. Последний состоял из Союзного Совета, Совета Национальностей. Установлен и ряд конкретных, наиболее значимых, существенных полномочий, санкций данных органов в области конституционного надзора. Так, ЦИК СССР в обязательном порядке рассматривал, утверждал все без исключения декреты, постановления, устанавливающие основополагающие нормы в политической, экономической жизни страны, изменяющих существенно практику деятельности органов государства; приостанавливал, отменял декреты, постановления, распоряжения Президиума ЦИК СССР, Съездов Советов, ЦИК союзных республик, иных органов власти СССР.

Вместе с тем главная роль в конституционном надзоре отводилась Президиуму ЦИК СССР. Он характеризовался как высший орган власти в период между сессиями ЦИК СССР, как высший законодательный, исполнительный, распорядительный орган СССР. Конституция СССР 1924 г. содержит и формулу, которая достаточно четко определяет место и роль Президиума ЦИК СССР в деле правовой охраны Основного Закона в целом, конституционного надзора в частности. Суть ее сводится к следующему: на Президиум ЦИК СССР возложена обязанность, ему предоставлено право наблюдения за проведением в жизнь Конституции СССР, а также исполнения всеми государственными органами постановлений Съезда Советов СССР, ЦИК СССР. Установлены и конкретные функции, санкции в данной области. Это – рассмотрение, утверждение проектов декретов, постановлений, представленных СНК, отдельными ведомствами СССР, ЦИК союзных республик, их президиумами, другими государственными органами; приостановление, отмена постановлений СНК, отдельных народных комиссариатов СССР, ЦИК и СНК союзных республик; приостановление постановлений съездов советов союзных республик с дальнейшей их передачей на рассмотрение в ЦИК СССР.

Аналогичным образом решались вопросы конституционного надзора в союзных и автономных

республиках. В них указанные функции на высшем уровне концентрируются в их парламентах, и в первую очередь в президиумах последних. Отметим здесь особенность в данной области в автономных республиках РСФСР. В их основных законах, принятых во второй половине 1920-х годов, по сравнению с ранее действовавшими четко закрепляются положения о верховенстве Конституции РСФСР, актов ее высших органов, о такой форме конституционного надзора, как приостановление актов автономных республик в случае их несоответствия актам РСФСР. Отметим также и то, что органы автономных республик наделялись в области конституционного надзора в отношении актов центрального уровня значительными правами. Подробно регулировались в основных законах автономных республик и вопросы конституционного надзора в отношении актов местных органов государственной власти.

Обратим внимание на то, что полномочиями по конституционному надзору Основной Закон СССР 1924 г. наделяет Верховный Суд СССР. Он имел право в соответствии с требованием ЦИК СССР представлять заключения по вопросу законности с точки зрения Конституции СССР различных постановлений союзных республик. Заметим, что такие полномочия носят весьма общий характер. В дальнейшем они уточняются, конкретизируются, наполняются рядом новых моментов Положением о Верховном Суде СССР 1923 г.¹⁰, и главным образом Наказом Верховного Суда СССР 1924 г.¹¹, прежде всего через четкое определение органов, на акты которых даются такие заключения: союзного уровня – постановления союзного правительства; союзных республик – постановлений их ЦИК, СНК. Имели место и иные различия. Что касается актов союзных республик, Верховный Суд СССР давал заключение по требованию Президиума ЦИК СССР. По постановлениям, распоряжениям центральных органов, союзных наркоматов ему было предоставлено право давать по собственной инициативе представления об их приостановлении, отмене. При этом мотив – несоответствие Конституции СССР. В связи с этим в научной литературе В.М. Курицыным вполне обоснованно высказывалась следующая позиция: «если по смыслу ст. 43 Конституции СССР 1924 г. Верховный Суд СССР выступал как орган, отражающий конституционные права Союза от нарушений их органами союзных республик, то в Положении и Наказе его надзорные функции конкретизируются и дополняются с таким расчетом, чтобы превратить его также в орган охраны суверенных прав союзных республик от излишнего,

¹⁰ См.: Вестник ЦИК, СНК и СТО. 1923. № 10, ст. 311.

¹¹ См.: СЗ СССР. 1924. № 2, ст. 25.

противоречившего Конституции вмешательства органов Союза»¹².

В дальнейшем вводится ряд новшеств в данной области. Согласно Положению о Верховном Суде СССР и Прокуратуре Верховного Суда СССР 1929 г.¹³ этот орган наделяется полномочием по самостоятельному вхождению в Президиум ЦИК СССР с ходатайством по рассмотрению вопросов о конституционности постановлений такого органа союзной республики, как ее ЦИК. Вместе с тем имело место и сужение конституционного надзора Верховного Суда СССР. Это выражалось в исключении из объектов такого надзора актов СНК, СТО СССР; лишении права разрешения судебных споров между союзными республиками. Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что данная деятельность имела характер конституционного надзора. Верховный Суд СССР выполнял при этом главным образом роль консультативного органа при Президиуме ЦИК СССР¹⁴. Обратим внимание также на то, что данную деятельность Верховного Суда СССР можно характеризовать как особенность правовой охраны Конституции СССР, конституций союзных республик в целом, конституционного надзора в частности в 1920-х — первой половине 1930-х годов. При этом конституционный надзор судебного органа имел место исключительно на уровне Союза.

В большинстве союзных республик такого фактически не было. В них конституционный надзор находился в ведении наркоматов юстиции, в ведении которых находилась республиканская прокуратура. Определенное исключение связано с ЗСФСР. В ее Основном законе 1925 г.¹⁵ была норма, в соответствии с которой Верховному суду ЗСФСР предоставлялось право по требованию ЗакЦИК давать заключения о законности ряда актов Конституции ЗСФСР. Но на практике по ряду причин это не реализовалось, и прежде всего из-за того, что такой Суд был создан лишь в середине 1931 г. и просуществовал чуть более года.

Вместе с тем с конца 20-х годов начинает достаточно четко прослеживаться процесс обособления, угасания, свертывания функции конституционного надзора у Верховного Суда СССР. В научной литературе тех лет это связывалось с идеологией, и главным образом с тем, что в его организации и деятельности присутствовал отпечаток буржуазного образца.

¹² Курицын В. М. Становление социалистической законности. М., 1983. С. 186, 187.

¹³ См.: СЗ СССР. 1929. № 50, ст. 445.

¹⁴ См.: Шульженко Ю. Л. Конституционный контроль в России. М., 1995. С. 24.

¹⁵ См.: Съезды Советов союзных и автономных Советских Социалистических Республик Закавказья: сб. документов 1923–1937 гг. М., 1964. Т. 6.

Все это привело к тому, что в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР 1933 г. Верховный Суд СССР утратил свои полномочия по конституционному надзору.

В Конституции СССР 1924 г. закреплена ряд положений, касающихся прокуратуры. Ей была отведена важная роль в деле конституционного надзора. Становление данной функции прокуратуры происходило в условиях достаточно острого соперничества, конкуренции ее с Верховным Судом. Сразу же подчеркнем, что деятельность прокуратуры по конституционному надзору начала формироваться еще до принятия первой Конституции СССР 1924 г. Следует также иметь в виду тот факт, что в исследуемый нами период статус прокуратуры, содержание ее полномочий по конституционному надзору неоднократно менялись. Май 1922 г. — год учреждения в РСФСР государственной прокуратуры. Ее организация и деятельность регулировались Положением о прокурорском надзоре 1922 г.¹⁶ Основная задача указанного органа — надзор за соблюдением законов и в целях этого надзор за деятельностью органов власти, хозяйственных, общественных, частных организаций. Форма реагирования — возбуждение уголовного преследования виновных, протест на постановления, которые нарушали закон (принесение протеста не приостанавливало исполнения опротестованного решения). И именно в рамках этого вида деятельности, получившего в дальнейшем название «общий надзор», стал развиваться конституционный надзор прокуратуры.

Прокуратура создается также в каждой из входивших в состав СССР союзных республик. Она включается в исполнительную власть, а точнее — в состав Народного комиссариата юстиции, а Народный комиссар юстиции одновременно и Прокурор Республики. В РСФСР он был подчинен ВЦИК РСФСР. Губернские, уездные прокуратуры назначались, отзывались Прокурором Республики; в автономных республиках — ЦИК данной республики; военные прокуроры — Прокурором Республики. Начиная с 1922 г. принимается ряд актов, направленных, в частности, на совершенствование деятельности прокуратуры в области конституционного надзора. Они касаются, например, вопросов упорядочения органов, порядка рассмотрения протестов прокурора. Вместе с тем обращает на себя внимание один отрицательный, с нашей точки зрения, фактор. Нахождение прокуратуры в исполнительном аппарате, совмещение постов Народного комиссара юстиции и Прокурора Республики — фактическое свидетельство зависимости прокуратуры от исполнительной власти. В такой ситуации трудно представить реальность, эффективность ее конституционного надзора за такими органами, как правительство, народные комиссариаты.

¹⁶ См.: СУ РСФСР. 1922. № 36, ст. 424.

Таким образом, в это время функционировали прокуратуры, централизованные в масштабе каждой отдельно взятой из вошедших в состав СССР союзных республик. Они были подчинены верховным органам власти данных республик. Вместе с тем и на федеральном уровне начинает функционировать прокуратура. В конце 1923 г. создается Прокуратура Верховного Суда СССР. Основы ее организации и деятельности определяются Положением о Верховном Суде СССР. Прокурор Верховного Суда СССР, его заместители находились при Верховном Суде СССР, но имели самостоятельность. Например, в сфере общего надзора Прокурор наделялся правом вносить предложения по вопросам компетенции Верховного Суда СССР в Президиум ЦИК; приносить протест на решения Верховного Суда СССР, его коллегий в Президиум ЦИК, Президиум Верховного Суда СССР.

Конституция СССР г. определила статус прокуратуры в первую очередь через урегулирование ряда вопросов, касавшихся ее образования, основных направлений деятельности. Установлено, что Прокурор Верховного Суда СССР, его заместители назначаются ЦИК СССР. Обязанности Прокурора Верховного Суда СССР: во-первых, предоставление заключений по всем вопросам, подлежащим рассмотрению Верховным Судом СССР; во-вторых, поддержка обвинения в заседании Верховного Суда СССР; в-третьих, при несогласии с решением пленарного заседания Верховного Суда СССР представление протеста в Президиум ЦИК СССР.

Заметим, что начиная с 1924 г. в научной литературе стали высказываться сомнения о наделении функциями конституционного надзора Верховного Суда СССР. Одновременно предлагалось передать такие полномочия самостоятельной централизованной общесоюзной прокуратуре¹⁷.

Особо важное значение для прокурорского конституционного надзора имело принятие в 1929 г. Положения о Верховном Суде СССР и Прокуратуре Верховного Суда СССР. По сравнению с ранее действовавшими актами четко и конкретно определено положение прокуратуры в данной сфере. Ей предоставлялось право наблюдения в деле соответствия Конституции СССР, законодательству СССР постановлений ЦИК, их президиумов союзных республик. В случае выявления нарушения форма реагирования — представление в Президиум ЦИК СССР. Последний решал — направить его на заключение или нет на Пленум Верховного Суда СССР. По-иному решался вопрос с постановлениями, установившими несоответствие Конституции, общесоюзному законодательству постановлений наркоматов, других центральных учреждений СССР (исключая ЦИК СССР,

¹⁷ См.: Полянский С. Органы надзора за законностью в СССР // Ежегодник сов. юстиции. 1924. № 23–24. С. 537–539.

его Президиум, СНК СССР, СТО). Свое постановление Прокурор Верховного Суда СССР направлял на Пленум Верховного Суда СССР; в случаях, не терпящих отлагательства, — напрямую в Президиум ЦИК СССР. Обратим внимание и на такое полномочие Прокурора Верховного Суда СССР, как осуществление наблюдения за законностью функционирования наркоматов, других центральных учреждений страны, организаций общесоюзного значения. Обнаружив здесь нарушение, он имел право направить протест в Президиум ЦИК СССР или СНК СССР. В компетенцию Прокурора Верховного Суда СССР входило наблюдение за законностью действий ОГПУ.

Значительное внимание уделялось урегулированию взаимоотношений Прокуратуры Верховного Суда СССР с органами власти союзных республик, и главным образом с их прокуратурами. Четко определялось, что она имела право отношений по своей компетенции с президиумами ЦИК, прокурорами союзных республик; входит с представлениями к прокурорам союзных республик в случае выявления в ходе производства нарушения общесоюзного законодательства, интересов союзных республик; приносить протест на приговоры, решения судов в союзных республиках, которые вступили в законную силу. В свою очередь, прокуратуры союзных республик все в большей степени включались в решение вопросов единой законности по всей стране. Прокуроры союзных республик, их заместители с правом совещательного голоса принимали участие в пленарных заседаниях Верховного Суда СССР. По представлению прокурора союзной республики Верховный Суд СССР представляет Верховному Суду союзной республики руководящие разъяснения, толкует общесоюзное законодательство и др.

В целом следует констатировать, что в стране действовали две параллельные прокурорские системы: на центральном уровне — Прокуратура Верховного Суда СССР; на уровне союзных республик — прокуратуры союзных республик. И именно все они в целом осуществляли в СССР надзор за законностью и конституционный надзор в частности. Вместе с тем уже с момента создания советской прокуратуры на уровне Союза ССР наметилась тенденция в направлении ее централизации в масштабе всей страны. Данный процесс завершается в первой половине 1930-х годов. В 1933 г. учреждается Прокуратура Союза ССР¹⁸. Прокуратура Верховного Суда СССР упраздняется. В 1936 г. прокуратуры союзных республик выделяются из народных комиссариатов юстиции союзных и автономных республик. Они подчиняются непосредственно Прокурору СССР.

Подробно и всесторонне статус Прокуратуры СССР определяется Положением о Прокуратуре

¹⁸ См.: СЗ СССР. 1933. № 40, ст. 239.

СССР 1933 г.¹⁹ С этого момента она стала самостоятельным органом государственной власти. Важнейшими ее признаками являлись единство, централизация. Прокурор СССР возглавлял Прокуратуру СССР. Он назначался ЦИК СССР, был ответствен перед ЦИК СССР, его Президиумом, СНК СССР. В состав прокуратуры входили военная, транспортная, водная прокуратуры. Прокуроры союзных республик назначались, отзывались Прокурором СССР по согласованию с ЦИК союзных республик; краевые, областные прокуроры, автономных республик, автономных областей — прокурорами союзных республик с согласия Прокурора СССР; прокуроры по специальным делам в союзных, автономных республиках, краях, областях, прокуроры по надзору за оперативными секторами ОГПУ — Прокурором СССР.

Задачи в области общего надзора, конституционного надзора были определены для прокуратуры следующим образом — осуществление надзора за соответствием Конституции СССР актов отдельных ведомств СССР, союзных республик, местных органов власти, правительства СССР. Основная форма реагирования при выявлении нарушения — принесение протеста в вышестоящий орган. Таким образом, в середине 1930-х годов в СССР на центральном уровне сложилась двухзвенная система органов верховного конституционного надзора в лице парламента и прокуратуры. В союзных, автономных республиках также действовала аналогичная система.

Обратим здесь внимание и на то, что основные законы союзных, автономных республик рассматриваемого нами периода достаточно широко регулировали ряд вопросов, имевших прямое отношение к конституционному надзору, отражали специфику отдельных субъектов федерации. Последняя была связана главным образом с различиями в форме государственного единства. Например, РСФСР являлась федерацией. В ее Конституции 1925 г.²⁰ был специальный раздел об автономных республиках. В соответствии с ней основные законы автономных республик, дополнения, изменения в них принимались съездами советов автономных республик и далее представлялись на утверждение ВЦИК, вносились на окончательное утверждение на Всероссийский съезд Советов. Органы же ЗСФСР не утверждали основные законы республик, которые входили в состав этой федерации. Заметим, что органы автономных республик наделялись значительными правами в сфере конституционного надзора по отношению к актам центрального уровня. Это, например, право вхождения в ЦИК СССР, ЦИК, президиумов ЦИК автономных республик с представлением об отмене, внесении изменений в акты

центральных органов, которые по местным условиям признавались ими нецелесообразными.

Следует отметить также, что в конституциях союзных, автономных республик рассматриваемого периода отсутствуют положения, связанные со статусом прокуратуры. Основная причина здесь кроется, с нашей точки зрения, в непроработанности как в теоретическом, так и практическом плане самой модели этого органа, в первую очередь в условиях федерации, постоянным поиском, различными практическими решениями в области надзора в целом и конституционного надзора в частности.

Нельзя не отметить и такой важный факт, как достаточно широкую практику конституционного надзора в СССР во второй половине 1920-х годов, активного использования полномочий соответствующими органами в данной сфере. Так, в Верховный Суд СССР в 1924 г. на пересмотр поступило 2197 нормативных актов, из которых 1434 были общесоюзными, а 763 — республиканскими. В 1928 г. таких актов стало 6272, т.е. почти в три раза больше. В 1925 г. на четырех пленарных заседаниях Верховного Суда СССР из 66 вопросов 36 относились к общему надзору; в 1926 г. на пяти пленарных заседаниях из 61 вопроса — 34 общего надзора. Опротестовывались несоответствия Конституции СССР, союзному законодательству акты центральных органов — союзного правительства, наркоматов, ведомств СССР, а также акты органов союзных республик — их ЦИК, СНК. В качестве иллюстрации приведем лишь один пример. На пленарном заседании Верховного Суда СССР 4 октября 1927 г. было принято заключение, в котором указывалось на несогласованность п. «б», «в» ст. 55 УК РСФСР 1926 г. и ст. 10 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Принимается следующее решение — Президиум ЦИК СССР дает поручение ВЦИК рассмотреть данное заключение, а также привести ст. 55 УК РСФСР в полное соответствие со ст. 10 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик²¹. Это поручение было выполнено.

Заметим, что проблематика правовой охраны конституции, конституционного надзора была в центре внимания отечественной правовой науки в 1920-е годы. Свидетельством этого, в частности, является значительное количество статей, разделов трудов, монография по данной тематике. Обозначим здесь лишь только часть вопросов, которые были в центре внимания советской научной мысли того времени. Это — классификация конституционных нарушений; место и роль Верховного Суда СССР, прокуратуры в отечественном конституционном контроле и надзоре; характеристика американской и европейской моделей конституционного контроля; выявление,

¹⁹ См.: СЗ СССР. 1934. № 1, ст. 2-а, 2-б.

²⁰ См.: Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик: сб. документов. 1923–1937. М., 1962. Т. IV. Ч. 1.

²¹ См.: Курицын В.М. Указ. соч. С. 188.

характеристика отличий советского конституционного контроля, надзора от буржуазных. Но при этом за бортом фактически остались многие важные вопросы теории (например, понятие конституционного контроля, надзора, их различия). Начиная с 1930-х годов и до конца 1950-х годов проблематика конституционного контроля, надзора фактически выпала из поля зрения советских ученых-государствоведов. Отметим также, что определенные исследования в данной области проводились эмигрантскими юридическими кругами, зарубежными антисоветскими организациями. Это касалось в первую очередь разработки таких понятий, как «конституционное правосудие», «конституционное судопроизводство», «конституционная юстиция»; анализа американской и европейской (австрийской) моделей конституционного контроля; реанимирования в СССР дореволюционного Правительствующего Сената в качестве органа правовой охраны конституции и др.

Таким образом, рассматриваемый нами период был весьма плодотворным как в практическом, так и теоретическом плане в сфере правовой охраны конституции в целом и конституционного надзора в частности. Здесь достаточно смело использовались, апробировались прежде всего в практическом плане различного рода решения, конструкции. Обратим внимание на то, что в области конституционного надзора имела место острая конкуренция между Верховным Судом СССР и Прокуратурой Верховного Суда СССР. В конечном счете главенствующее положение по конституционному контролю и надзору сосредоточивается в руках союзного парламента на уровне Центра, в руках парламентов на уровне субъектов федерации. При этом основными функциями по конституционному надзору наделяется Прокуратура СССР. Возложение их на Верховный Суд СССР было признано нецелесообразным. Это обосновывалось в первую очередь тем, что такие функции не соответствовали данному органу; ущемлялась роль прокуратуры; копирование капиталистического образца. Но все же главную роль здесь сыграли политические факторы, диктаторская форма правления Сталина, складывающийся культ личности Сталина, верховенство партийных органов в советском обществе, государстве. В юридической научной литературе отмечается, «что упрочившийся к этому времени режим диктаторского правления Сталина предпочел систему общего надзора прокуратуры “зачаточному” консультативному участию Верховного Суда СССР в конституционном контроле, осуществляемому в большей мере фиктивными высшими органами государственной власти, а фактически — соответствующими партийными структурами. Для подобной системы, основанной теоретически на полновластии Советов, по существу, был чужд любой специализированный конституционный надзор, не говоря уже о судебном

конституционном контроле»²². Укажем здесь, с нашей точки зрения, и на положительный фактор, состоящий в том, что в те годы, когда отрицали, критиковали все институты царского времени, исключая и положительные, прогрессивные, эффективные, сам факт возрождения прокуратуры, наделения ее функциями конституционного надзора стал реальным показателем возрождения, использования, приспособления на практике старых, во многом специфических, традиционных институтов России.

Следует также отметить, что созданная в результате парламентская форма конституционного надзора с привлечением к данной деятельности прокуратуры весьма заманчива, привлекательна и может быть эффективной. Она предполагает главным образом предварительный конституционный надзор, сравнительно легкие формы реагирования на нарушения — приостановку действия акта, протест, сообщение органу, издавшему акт, и др. Важно и то, что отечественная практика шла долгие годы, особенно в советский период, по пути того, что фактически сам орган, издавший акт, устранял здесь выявленное нарушение. Однако при всем этом основополагающим критерием здесь является реальность. А она свидетельствовала о том, что Конституция в Советском Союзе реально не была верховным, отправным актом; многие правовые акты, политические решения не соответствовали ей. В качестве примера укажем на отношение в те годы как в теоретическом, так и практическом плане к вопросу о соотношении партийных актов, директив и Конституции. Отправными документами на проверку соответствия Основному Закону иных правовых актов назывались наравне с ней акты партийных органов (часто они ставились и на первое место). Или обратим внимание на имевшую в те годы теорию, дискуссию о правовой, политической целесообразности. Она большинством трактовалась в качестве главенствующей при решении вопросов конституционности правовых актов. Налицо принижение места и роли Конституции в обществе, в правовой системе, фактическое придание ей второстепенной роли, значения.

* * *

Деятельность по совершенствованию конституционного надзора, органов, его осуществляющих, в нашей стране велась и ведется фактически постоянно. Так, например поправки 2020 года к Конституции РФ²³ внесли ряд новшеств в формирование органов прокуратуры. Установлено, что Президент РФ назначает на должности Генерального прокурора РФ, его заместителей, прокуроров субъектов Российской Федерации, прокуроров военных, иных

²² Митюков М.А. Судебный конституционный надзор 1924–1933 гг.: вопросы истории, теории и практики. М., 2005. С. 59.

²³ См.: СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

специализированных прокуроров, которые приравнены к прокурорам субъектов Российской Федерации. Эти действия Президент РФ осуществляет после проведения консультаций с Советом Федерации Федерального Собрания РФ. «Данные изменения определяются необходимостью обеспечения единства стандартов верховенства права и правового равенства на территории Российской Федерации, снижения риска воздействия на прокуратуру со стороны органов власти субъектов Российской Федерации, соответствуют принципу построения прокуратуры как единой централизованной системы и позволяют сделать процесс наделяния полномочиями прокуроров более транспарентным и единообразным»²⁴. Заметим, что процедура такого консультирования получила ранее свое использование на практике в нашей стране в случае назначения дипломатических представителей. Отметим также, что это дополнительная, весомая гарантия повышения на более высокий уровень объективности, беспристрастности деятельности прокуроров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории советской конституции. 2-е изд. М., 1987.
2. Курицын В.М. Становление социалистической законности. М., 1983. С. 186–188.
3. Митюков М.А. Судебный конституционный надзор 1924–1933 гг.: вопросы истории, теории и практики. М., 2005. С. 59.
4. Полянский С. Органы надзора за законностью в СССР // Еженедельник сов. юстиции. 1924. № 23–24. С. 537–539.
5. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2020. С. 196, 197.

Сведения об авторе

ШУЛЬЖЕНКО Юрий Леонидович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник, и.о. заведующего сектором конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

²⁴ Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2020. С. 196, 197.

6. Шульженко Ю.Л. Институт конституционного надзора в Российской Федерации. М., 1998. С. 3.
7. Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России. М., 1995. С. 24.
8. Borickje M. Konstytucjt polskie 1791–1997. W., 2002.
9. Ruckert W. Das Volkerrecht in der Rechtsprechung des Russischen Verfassungsgerichts. BWW. Berliner Wissenschafts – Verl., 2005.
10. Schwartz H. The Struggle for Constitutional Justice in Post – Communist Europe. Chicago – London, 2000.

REFERENCES

1. Kukushkin Yu. S., Chistyakov O.I. An essay on the history of the Soviet Constitution. 2nd ed. M., 1987 (in Russ.).
2. Kuritsyn V.M. The formation of socialist legality. M., 1983. P. 186–188 (in Russ.).
3. Mityukov M.A. Judicial constitutional supervision 1924–1933: questions of history, theory and practice. M., 2005. P. 59 (in Russ.).
4. Polyansky S. Bodies of supervision of legality in the USSR // Weekly Sov. Justice. 1924. No. 23–24. P. 537–539 (in Russ.).
5. Khabrieva T. Ya., Kliskas A.A. Thematic commentary on the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power”. M., 2020. P. 196, 197 (in Russ.).
6. Shulzhenko Yu. L. Institute of Constitutional Supervision in the Russian Federation. M., 1998. P. 3 (in Russ.).
7. Shulzhenko Yu. L. Constitutional control in Russia. M., 1995. P. 24 (in Russ.).
8. Borickje M. Konstytucjt polskie 1791–1997. W., 2002.
9. Ruckert W. Das Volkerrecht in der Rechtsprechung des Russischen Verfassungsgerichts. BWW. Berliner Wissenschafts – Verl., 2005.
10. Schwartz H. The Struggle for Constitutional Justice in Post – Communist Europe. Chicago – London, 2000.

Authors' information

SHULZHENKO Yuri L. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher, Acting Head of the Sector of the Constitutional Law and Constitutional Justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

НАЛОГОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО «БЕЛОЙ» СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

© 2023 г. В. Г. Медведев

Тольяттинский государственный университет

E-mail: medved.valentin@rambler.ru

Поступила в редакцию 25.08.2021 г.

Аннотация. В статье исследуется малоизученная в историко-правовой науке проблема государственного регулирования налоговой сферы антисоветскими правительствами Сибири. Выявлено, что Временное сибирское и Российское правительства налоговое администрирование осуществляли на основе дореволюционного законодательства, внося в него адекватные условиям времени коррективы. Для сбора налоговых поступлений использовался дореволюционный налоговый аппарат. Установлено, что в условиях инфляции поступление средств в казну было недостаточным, и законодатель предусматривал повышение ставок имевшихся налогов, введение новых источников обложения и пересмотр налоговых льгот, при этом основное внимание уделялось собираемости косвенных налогов. Определено, что в условиях повсеместного нежелания населения платить налоги некоторый положительный эффект давали законодательные новеллы в деле собираемости подоходного налога с наемных работников, функция сбора которого была возложена на администрацию предприятий и учреждений. Выявлено, что в наихудшем положении оказались муниципальные органы власти, бюджеты которых формировались по остаточному принципу. Констатируется, что Российское правительство вынуждено было широко применять силовые методы сбора налогов, привлекая для этого милицейские структуры и воинские команды, чьи жестокие действия вызывали недовольство населения, и что негативно отражалось на легитимности власти.

Ключевые слова: законодательство, прямые и косвенные налоги, поземельный налог, промысловый налог, подоходный налог, налог с прибыли, государственные монополии, налоговые ставки, податные участки, таможенные сборы.

Цитирование: *Медведев В. Г.* Налоговое законодательство «белой» Сибири в годы Гражданской войны в России // Государство и право. 2023. № 2. С. 163–171.

Настоящая публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований научного проекта № 20-011-00347.

DOI: 10.31857/S102694520024336-0

TAX LEGISLATION OF «WHITE» SIBERIA DURING THE RUSSIAN CIVIL WAR

© 2023 V. G. Medvedev

Togliatti State University

E-mail: medved.valentin@rambler.ru

Received 25.08.2021

Abstract. The article examines the problem of state regulation of the tax sphere by the anti-Soviet governments of Siberia, which is poorly studied in historical and legal science. It is revealed that the Temporary Siberian and Russian governments carried out tax administration on the basis of pre-revolutionary legislation, making adjustments to it adequate to the conditions of the time. The pre-revolutionary tax apparatus was used to collect tax revenues. It was found that in the conditions of inflation, the flow of funds to the treasury was

insufficient, and the legislator provided for an increase in the rates of existing taxes, the introduction of new sources of taxation and the revision of tax benefits, while the main attention was paid to the collection of indirect taxes. It is determined that in the conditions of widespread reluctance of the population to pay taxes, some positive effect was given by legislative innovations in the collection of income tax from employees, the function of collecting which was assigned to the administration of enterprises and institutions. It is revealed that the municipal authorities, whose budgets were formed according to the residual principle, were in the worst situation. It is stated that the Russian government was forced to widely use forceful methods of tax collection, involving police structures and military teams for this purpose, whose brutal actions caused discontent among the population, and which negatively affected the legitimacy of the government.

Key words: legislation, direct and indirect taxes, land tax, commercial tax, income tax, profit tax, state monopolies, tax rates, taxable areas, customs duties.

For citation: *Medvedev, V.G. (2023). Tax legislation of “white” Siberia during the Russian Civil War // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 163–171.*

This publication was prepared within the framework of the scientific project No. 20-011-00347 supported by the Russian Foundation for Basic Research.

Гражданская война в России разделила общество на два непримиримых лагеря сторонников и противников большевистской власти. Сама российская государственность оказалась на разломе истории, в центральных регионах страны утвердилось Советское государство, а на окраинах бывшей Российской Империи образовались различные антисоветские государственные образования. Но если по обе стороны образовавшихся фронтов Гражданской войны политические процессы протекали достаточно быстро, то экономика, оказавшаяся их заложницей и зависевшая в первую очередь от состояния взаимосвязанных между собой финансовой и налоговой систем, требовала для своей трансформации более продолжительного периода. Целью данной статьи является исследование налоговой политики и налогового законодательства антисоветского государственного образования Сибири, что во многом являлось залогом его жизнеспособности.

Общая характеристика налоговой политики антисоветских правительств Сибири

Российские исследователи при изучении налоговой политики Временного сибирского правительства и его преемника Российского правительства адмирала Колчака главное внимание уделяли и уделяют вопросам налоговых ставок, введению новых видов обложения, собираемости налогов. При этом в их работах деятельность этих правительств в сфере налогов и сборов предстает достаточно хаотично в связи с неуправляемой инфляцией¹. При таком подходе, по мнению автора, из поля

¹ См.: *Соколов Н.Г.* Антинародная сущность налоговой политики в деревне эсеро-меньшевистских правительств и колчаковского режима в Сибири (1918–1919 гг.) // *Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне.* М., 1980.

зрения ускользают вопросы, связанные с определением принципов их налоговой политики.

Как представляется, принципы заключались не только в аккумулировании посредством налогов необходимого для функционирования государственного образования финансовых ресурсов, но и в предотвращении возможного роста социального недовольства в обществе. Последнее требовало относительно справедливого распределения тяжести налоговых сборов среди различных групп населения. В связи с этим Временное сибирское правительство с первых же дней своего существования стремилось максимально понизить акцизные ставки на предметы первой необходимости и одновременно повысить налоги на производство и продажу «предметов роскоши»².

Следует отметить, что таких же принципов придерживалось и советское правительство, что, по мнению автора, должно было оказывать определенное влияние на налоговую политику «белой» Сибири. В современной исторической и историко-правовой науке принято считать, что деятельность советского руководства не оказывала влияния на законодательство антисоветских властей в данной области, поэтому этот вопрос не рассматривался российскими учеными. Однако документы говорят о другом. Совет Народных Комиссаров

С. 265–272; *Иванова Е.В.* Этапы эволюции налоговых органов России // *Вестник Омского ун-та. Сер.: Экономика.* 2004. № 2. С. 122–128; *Ханафеев Ф.Ф.* Исторические этапы становления и развития налогового администрирования в России // *Инновационное развитие экономики.* 2013. № 1(13). С. 165–173; *Борщук Н.Д.* Из истории акцизных управлений Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. // *Ученые записки Крымского федерального ун-та. Сер.: Исторические науки.* 2017. Т. 3 (69). С. 79–90; и др.

² Об акцизных ставках // *Собрание узаконений и распоряжений Временного сибирского правительства.* 1918. № 6, ст. 52 (далее – СУР ВСП).

(СНК) должен был действовать в соответствии с Резолюцией VI съезда РСДРП(б) «Об экономическом положении». В ней говорилось о введении налога на имущество и его прирост, а также прогрессивного налога на доходы, высокого косвенного налога на предметы роскоши и его отмене на предметы первой необходимости, что должно было переложить основное бремя налоговых поступлений на плечи имущих классов³. Но аналогично, как показывает дальнейшее исследование, поступали и антисоветские власти Сибири. Таким образом, их законодательство в налоговой сфере нельзя рассматривать как что-то обособленное. Оно развивалось в рамках общей для страны финансово-экономической ситуации с учетом взаимного заимствования и исторической преемственности.

Некоторые российские исследователи считают, что Временному сибирскому правительству и Российскому правительству сбор налогов пришлось начинать с восстановления распущенных в период советской власти центральных и местных налоговых структур⁴. С таким утверждением можно согласиться лишь отчасти. Действительно, с установлением советской власти Министерство финансов в том виде, в котором оно существовало до 1917 г., было ликвидировано. Кроме того, в Декрете СНК говорилось о ликвидации губернских казенных палат и акцизных управлений, а также финансовых органов земств⁵. Вместе с тем, по мнению автора, ввиду кратковременности существования советской власти в Сибири служащие губернского налогового аппарата, а также финансовых органов земств в основе своей остались на местах и готовы были приступить к работе. Об этом свидетельствует доклад уполномоченного по финансовым делам А.П. Мальцева, который он сделал 14 июня 1918 г. на заседании Западносибирского комиссариата⁶.

В целом налоговые структуры «белой» Сибири изучены достаточно хорошо в работах Н.Д. Борщик, Д.С. Козловой, Ф.Ф. Ханафеева, Н.В. Яшковой и других исследователей⁷. Но в них не рас-

крыт вопрос, а могли ли налоговые органы в полной мере справляться с возложенными на них полномочиями? По мнению автора, ответ должен быть отрицательным. Объяснение этого заключается в том, что до 1917 г. налоговый аппарат на востоке страны не был многочисленным. Основная масса налогов поступала из центральных губерний, и существовавшее штатное количество податных органов справлялось с возложенными на них задачами. Однако в условиях изоляции Сибири от остальной части государства имевшиеся штаты податной инспекции перестали соответствовать огромным размерам территории, которую они должны были обслуживать. Увеличить количество участковых податных отделений до 100 единиц постоянно, но безуспешно требовал министр финансов Временного сибирского правительства и позднее Российского правительства И.А. Михайлов⁸. Оставляла желать лучшего и работа таможенной службы, которая к концу 1918 г. состояла из четырех пограничных таможен 1-го класса, располагавшихся в портах, шести внутренних таможен 2-го класса и 36 таможенных участков, а также 97 таможенных постов⁹.

В работах советских исследователей достаточно четко прослеживалась мысль о невыносимо тяжелом налоговом бремени, установленном антибольшевистскими правительствами в Сибири¹⁰. Однако, по мнению автора, данный вопрос рассматривался главным образом на основе количественных показателей налоговых ставок, без учета их соотношения с уровнем галопировавшей инфляции. При пристальном изучении этой проблемы становится очевидным, что налоговое администрирование в свете данного соотношения требует более глубокого анализа.

Автор считает, что в целом налоговое бремя, возлагаемое на жителей, не повышалось или повышалось совсем незначительно. Это подтверждают исследования В.М. Рынкова, который свидетельствует, что, несмотря на некоторое увеличение налоговых поступлений в 1918 г., они, тем не менее, не достигли уровня дореволюционного периода. Так, от сбора поземельного налога, который не превышал 3% от суммы всех налогов и с 1915 г.

Томского гос. ун-та. 2017. № 418. С. 101–109; *Ханафеев Ф. Ф.* Указ. соч.; *Яшкова Н. В.* История создания налоговых органов // *Novainfo (НоваИнфо)*. 2018. Т. 1. № 77(1). С. 226–230.

⁸ См.: Выступление И.А. Михайлова на заседании Совета министров 18 декабря 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 856. Л. 132–133.

⁹ См.: Таможенные сборы // Обзор деятельности Министерства финансов за вторую половину 1918 г. Омск, 1919. С. 28.

¹⁰ См.: *Дмитриев Н. И.* Указ. соч. С. 210–216; *Гущин Н. Я., Журов Ю. В.* Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1978. С. 108–110; и др.

³ См.: Резолюция VI съезда РСДРП(б) «Об экономическом положении» // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской революции. М. – Л., 1957. Т. 2. Ч. 2. С. 376–379.

⁴ См.: *Соколов Н. Г.* Указ. соч. С. 267, 268; *Дмитриев Н. И.* Налоговая политика белогвардейских правительств Сибири // Известия Омского гос. историко-краеведческого музея. 1996. № 4. С. 210–216; *Иванова Е. В.* Указ. соч. С. 125; и др.

⁵ См.: Декрет Совета Народных Комиссаров (СНК). О порядке ликвидации эвакуированных казенных палат и казначейств. № 487 // Известия ВЦИК. 1918. № 104.

⁶ См.: *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского Правительства. М., 2007. С. 82–87.

⁷ См.: *Борщик Н. Д.* Указ. соч.; *Козлова Д. С.* Налоговая политика в контексте революции и гражданской войны (на примере Томской губернии, февраль 1917 – декабрь 1919 г.) // Вестник

оставался неизменным, казна получила лишь половину от установленных ставок обложения, от подоходного — только около 70%. Кроме того, необходимо учитывать, что с крестьян подоходный и промысловый налоги не взимались. В целом налогами покрывалось не более 20% расходной части бюджета «белой» Сибири¹¹. Наконец, о мнимости тезиса о непомерной налоговой нагрузке говорит тот факт, что, несмотря на инфляцию, Совмин Российского правительства 3 апреля 1919 г. своим постановлением понизил ставки налогообложения в три раза, повысив сумму необлагаемого дохода граждан с одной до 3 тыс. руб.¹² Из всего этого можно сформулировать вывод о том, что налоговая нагрузка на налогоплательщиков не росла, поэтому в результате инфляционных процессов и образовывался недобор денежных средств в казну.

Законодательство и администрирование в сфере прямого налогообложения

Антисоветские правительства всеми способами стремились «догнать» галопировавшую инфляцию, для чего законодатель вынужден был повышать налоговые ставки. Так, Постановлением Временного сибирского правительства от 23 сентября 1918 г. с 1919 г. ставки основного промыслового налога планировалось увеличить в полтора-два раза, равно как и размеры патентных сборов в соответствии с ростом акцизов¹³. По расчетам, это должно было «покрыть» увеличившуюся на 100% инфляцию.

Для восстановления экономики и привлечения на службу специалистов Российское правительство скорректировало Закон Российской Империи от 13 мая 1916 г. о чрезвычайном налоге на прибыль, который в первоначальной редакции не должен был превышать половины ее прироста¹⁴. Однако в 1917 г. Временное правительство увеличило налоговые ставки в зависимости от разряда и доходности предприятий и должностных лиц от 40 до 90%, что тяжелым бременем легло на плечи торгово-промышленных деятелей и обеспеченных слоев населения¹⁵. Колчаковское правительство, отдавая себе отчет в опасности усиления налогового гнета на экономику, пересмотрело ставки этого

налога. Согласно Положению от 9 апреля 1919 г. сбор данного налога стал осуществляться в соответствии со средней прибылью предприятий с учетом благоприятных или неблагоприятных условий их деятельности. В результате в среднем он не стал превышать 50% прибыли¹⁶.

Российское правительство изменило и порядок взимания основанного на подаче деклараций подоходного налога с горожан. Его сбор при советской власти по разным причинам был прекращен, и подоходные присутствия должны были заново составлять списки налогоплательщиков, что в условиях миграции населения в короткие сроки сделать было трудно. Кроме того, из-за хозяйственного хаоса представление деклараций в налоговые органы становилось весьма проблематичным. К тому же значительная часть населения — мелкие торговцы и предприниматели, представители свободных профессий и т.п. — не имела фиксированных доходов. В связи с этим основное внимание Минфин сосредоточил на тех категориях жителей, которые могли контролироваться фискальными органами, т.е. на наемных работниках. Согласно Постановлению Совмина от 3 апреля 1919 г. с 1 июля они освобождались от обязанности предоставлять декларации о своих доходах. Функция сбора этого налога передавалась непосредственно администрациям предприятий и учреждений, которые обязывались предоставлять отчеты о сборе подоходного налога, заработной плате или жалованье своих работников в казенные палаты. Это принесло определенные результаты, и налоговые поступления стали более регулярными¹⁷. Впоследствии эта практика была полностью воспринята советским правительством.

Тем не менее собираемость прямых налогов оставляла желать лучшего, и правительство продолжало искать различные пути и способы увеличения налоговых поступлений. Предпринимались попытки создать штат казенных сборщиков налогов, но желающих стать ими ввиду опасности этой деятельности оказалось чрезвычайно мало¹⁸.

Апеллируя к сознанию населения, правительство пыталось привлечь общественность для решения проблемы улучшения собираемости прямых налогов. 20 марта 1919 г. Совмин издал Постановление о введении в штаты подоходных отделений новой должности общественного контролёра. В роли таких контролеров, как правило, выступали представители земских управ, выявлявшие

¹¹ См.: Рынков В. М. Экономическая политика контрреволюционных правительств Сибири (вторая половина 1918—1919 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. С. 7, 8.

¹² См.: О необлагаемом доходе граждан // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 9. С. 26, 27.

¹³ См.: Об увеличении налогов и сборов в 1919 г. // СУР ВСРП. 1918. № 9, ст. 75.

¹⁴ См.: Закон 13 мая 1916 г. о налоге на прирост прибылей. Одесса, 1916. С. 1—29.

¹⁵ См.: Об изменении ставок налога на прибыль // Вестник Временного правительства. 1917. 16 июня. С. 3.

¹⁶ См.: Налог на прибыль // Правительственный вестник. Омск, 1919. 10 апр. С. 2.

¹⁷ См.: О новом порядке взимания подоходного налога // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 19. С. 21.

¹⁸ См.: Циркуляр Главного управления налогов и сборов от 3 марта 1919 г. // Там же. С. 25—27.

доходы землевладельцев в своих губерниях и представлявшие полученные сведения в казённые палаты¹⁹. Это сыграло положительную роль, но кардинально положение не изменило. Недоимки росли, и невозможность их сбора и пеней по ним вынудила законодателя их отменить²⁰.

Из-за низких ставок местных налогов в весьма неприглядном состоянии оказались бюджеты городов и земств. Они формировались в основном за счет поземельных налогов и сборов с недвижимых имуществ, а также надбавок к промысловым патентам и свидетельствам в размере от 10 до 20%. Законом Временного правительства летом 1917 г. земствам было предоставлено право на надбавку подоходного налога в размере $\frac{1}{10}$ его части²¹. В городах существовали также налоги с городских земель ($\frac{1}{10}$ часть дохода) и с городской недвижимости (не более 2% ее стоимости). С 1918 г. городским самоуправлениям было предоставлено право на 8%-ную надбавку к подоходному налогу²².

Однако, по свидетельству А. В. Старцева, перчисленных налоговых поступлений было недостаточно для организации нормальной жизнедеятельности городов и земств, даже при условии максимального поднятия сборов в установленных нормах. В связи с этим земства в нарушение законодательства пытались изыскивать новые объекты налогообложения, вводя, например, налоги на борьбу с эпидемией тифа²³.

На основе всего сказанного можно сформулировать вывод, что законодательная и административная деятельность антисоветских правительств «белой» Сибири по сбору прямых налогов не принесла результатов. В связи с этим Российское правительство вынуждено было заморозить ставки этих налогов для простых обывателей, а для торгово-промышленных слоев установить достаточно умеренный их рост.

Изменения в первую очередь коснулись дополнительного промыслового налога (ДПН), представлявшего собой процентный сбор с оборотного

¹⁹ См.: Об общественных контролерах // Собрание узаконений Российского правительства. Омск, 1919. № 6. С. 71 (далее – СУР РП).

²⁰ См.: Об отмене взыскания недоимок и пеней по ним // Правительственный вестник. Омск, 1919. 5 авг.

²¹ См.: Кириллов А. К. Земские налоги в Сибири: до и после 1917 года // Проблемы самоуправления в истории Сибири XIX–XX вв.: сб. ст. региональной науч. конф. Новосибирск, 2004. С. 160–171.

²² См.: Старцев А. В. Финансово-хозяйственная деятельность органов городского самоуправления Алтая во второй половине XIX – начале XX века // Финансы Алтая. 1747–2002: сб. ст. Барнаул, 2002. С. 224–234.

²³ См.: Кириллов А. К. Земские налоги в Сибири до и после 1917 г. // Муниципальная экономика. 2007. № 4. С. 44–48.

капитала, который до 1917 г. выплачивался крупными предприятиями. Стоимость патентных свидетельств зависела от разряда предприятия и территории, на которой оно находилось, например, в Сибири она была ниже, чем в центральных губерниях. Промышленные и торговые кооперативы от уплаты этого налога освобождались. Однако в ходе мировой и гражданской войн крупные предприятия потеряли свою рентабельность, но увеличилось количество кооперативов, которые значительно увеличили свои обороты и прибыльность. В связи с этим 23 сентября 1918 г. Временное сибирское правительство своим постановлением отменило налоговую льготу для мелких предприятий и установило, что с начала 1919 г. они должны уплачивать дополнительный промысловый налог. Другим постановлением утверждалась единая для всей территории Сибири стоимость патентных свидетельств²⁴.

Однако сбор данного налога, как, впрочем, и других налогов с недвижимого имущества, оказался невыполнимым для налоговых органов. В условиях финансово-экономического хаоса и дефицита времени они не в состоянии были своевременно производить расчеты стоимости и доходности предприятий и имуществ. В силу их быстрого инфляционного изменения, а также в значительной степени и сокрытия торгово-промышленниками необходимых для этого данных, неразрешимой проблемой становилось выявление структуры получаемых предприятиями и организациями прибылей.

Предпринимались попытки введения и новых чрезвычайных налогов. Так, Подоходное отделение Минфина разработало законопроект о введении единовременного подоходного налога с имущих слоёв населения, который, согласно сделанной росписи по городам и губерниям, должен был принести в бюджет не менее 100 млн руб. Газеты писали о 700 с лишним млн руб.²⁵ Однако он был отклонен самим Министерством финансов ввиду его одиозности и схожести с большевистскими контрибуциями.

На рассмотрение правительства предлагались еще два так и не принятых законопроекта. В первом речь шла о введении прогрессивного налога на наследуемое имущество. Ставка налога коррелировалась с размером имущества и степенью родства наследника и могла достигать 32% стоимости наследственной массы. Во втором говорилось

²⁴ См.: О дополнительном промысловом налоге для промышленных и торговых кооперативов // СУР ВСРП. № 13, ст. 120; О патентных свидетельствах // Там же. № 14, ст. 132.

²⁵ См.: О единовременном налоге // Русская речь. 1919. 16 июня; О чрезвычайном налоге // Вестник Приуралья. 1919. 3 июля; и др.

о новых объектах налогообложения, к которым относились сахарин, ткани, кожи, нефть и уголь²⁶.

Таким образом, проведенная коррекция прямого налогообложения не достигла своей цели. Собираемость государственного, городских и земских налогов с недвижимости, квартирного, а также дополнительного промыслового налога оставляла желать лучшего.

Регулирование косвенных налогов и сборов

В связи с несостоятельностью прямого налогообложения наполнение казны планировалось обеспечить за счет повышения ставок косвенных налогов и увеличения таможенных сборов пропорционально падению курса рубля. В первую очередь это коснулось акцизов. Так, Временное сибирское правительство 27 июля 1918 г. приняло постановление о поднятии акциза на продажу винных и спиртово-водочных изделий в 10 раз (до 48 руб. за ведро), что примерно соответствовало уровню инфляции²⁷. В этом же постановлении говорилось об увеличении от полутора до пяти раз акцизных ставок на табачные изделия, спички и дрожжи для производства пива. 7 сентября 1918 г. в шесть с лишним раз были повышены акцизные ставки на пиво²⁸, в конце октября — на чай, особенно на заграничные его сорта, независимо от того, когда был ввезен чай — до вступления в силу данного постановления или после²⁹. Не остались без внимания законодателя и оклады гербового сбора, которые планировалось с начала 1919 г. повысить в два раза³⁰.

Российское правительство продолжило эту политику. В феврале 1919 г. в 10 раз были подняты канцелярские и судебные пошлины³¹. В этом же месяце повысились пошлины и акцизы на табак, при этом сибирские производители табачных изделий из местного сырья от налогов освобождались³². В апреле в зависимости от сорта крепких алкогольных напитков правительство подняло патентный сбор и акциз на их производство

²⁶ См.: О налоге на наследуемое имущество // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 18. С. 18, 19; О налоге на сахарин // Там же. № 19. С. 8; О новых налогах // Там же. № 25. С. 2, 3.

²⁷ См.: Об акцизах на винную и спиртоводочную продукцию, табачные изделия, спички и дрожжи // СУР ВСР. 1918. № 6, ст. 52.

²⁸ См.: Об акцизах на пиво // Там же. № 12, ст. 109.

²⁹ См.: Об акцизах на чай // Там же. № 21, ст. 183.

³⁰ См.: О гербовом сборе // Там же. № 23, ст. 202.

³¹ См.: О канцелярских и судебных пошлинах // Правительственный вестник. Омск, 1919. 5 февр.

³² См.: О пошлинах и акцизах на табачные изделия // Там же. 19 февр.

и продажу в 5—10 раз³³. В мае вышло постановление о четырехкратном повышении акцизов на керосин, бензол и другие продукты из нефти³⁴. В июне 1919 г. вновь в три раза увеличились акцизные ставки на вино³⁵. В целом же бюджетные поступления от акцизов в 1918 г. и в первой половине 1919 г. превысили доход от прямых налогов на 20 и 65% соответственно³⁶.

Особо следует отметить законодательные установления в сфере таможенных пошлин, поскольку до 1917 г. в системе косвенных налогов доходы от них составляли около 25% всех поступлений. В связи с изолированностью «белой» Сибири от центральных регионов страны значение импорта приобретало для нее особое значение. Тем не менее, несмотря на рост его абсолютных показателей, доля таможенных сборов в общем косвенном налогообложении снизилась с 50—70% в 1918 г. до 25% в 1919 г.³⁷

Во второй половине 1919 г. в результате инфляции Минфин вновь вынужден был увеличить налоговые ставки, мотивируя это необходимостью обеспечения нужд армии и перераспределения налогового бремени на зажиточные слои населения. Так, на четверть вырос налог на рекламные и другие коммерческие объявления; наполовину увеличился налог на билеты для игры на тотализаторе, а также на счета ресторанов, на которые их владельцы обязаны были наклеивать специальные приобретаемые в казначействах марки. В два раза был увеличен налог на покупку билетов на посещение увеселительных заведений и зрелищ³⁸. На $\frac{1}{10}$ часть вырос налог на продажу дорогих (свыше 2 тыс. руб.) вещей, вместе с этим на продажу носимых вещей — одежды и обуви стоимостью менее этой суммы налог отменялся³⁹.

Тем не менее собираемость косвенных налогов отставала от инфляции, и законодателю приходилось скачкообразно повышать их ставки. Однако это повышение распространялось в основном на продукты и товары, не являвшиеся предметами первой необходимости.

³³ См.: О патентных сборах и акцизах на крепкие алкогольные напитки // Там же. 10 апр.

³⁴ См.: Об акцизах на продукты из нефти // Вестник финансов, промышленности и торговли. Омск, 1919. № 13. С. 14, 15.

³⁵ См.: Об акцизных ставках на вино // Правительственный вестник. Омск, 1919. 29 июня.

³⁶ См.: Обзор бюджетных поступлений от акцизов // Вестник финансов, промышленности и торговли. Омск, 1919. № 12. С. 19, 20.

³⁷ См.: О таможенных сборах // Там же. № 14. С. 19, 20.

³⁸ См.: Об увеличении налоговых ставок // Правительственный вестник. Омск, 1919. 25 сент.

³⁹ См.: Налог на продажу одежды и обуви // Сибирская речь. 1919. 2 окт.

Важным источником поступлений денежных средств в казну являлась винная монополия, восстановленная в конце декабря 1918 г. Постановлением Совмина Российского правительства⁴⁰. Согласно данным В.М. Рынкова, из всего косвенного обложения в 1919 г., несмотря на потерю огромных территорий и введение запрета на продажу алкоголя в прифронтовых районах, налог от торговли спиртным дал третью часть всех бюджетных поступлений «белой» Сибири и составил 456 млн руб.⁴¹

Большие надежды на пополнение казны Министерство финансов возлагало на сахарную монополию. Однако из-за высокой продажной цены на сахар (160 руб. за пуд, что предполагало 105 руб. прибыли) он покупался очень плохо. Правительство, заключив сделки на покупку за границей 2 млн пуд. и потратив на это более 30 млн руб. и 4 млн йен, получило доход всего лишь около 38 млн руб.⁴²

В целом налоговая система «белой» Сибири не обеспечивала поступления необходимых средств в бюджет. Но при невозможности проведения ее коренной реформы правительство вынуждено было лишь ограничиться ее мелкими поправками за счет сближения прямых налогов с поимущественным обложением.

Кроме того, законодательная и административная практика говорит о том, что особого налогового пресса на население «белой» Сибири не существовало. Напротив, номинальные значения налоговых ставок по сравнению с темпами инфляции постоянно снижались. Ввиду плохой собираемости прямых налогов законодатель предусматривал уменьшение прямого обложения основной массы населения, что существенно облегчало его положение, и заменял его косвенным обложением, а также обложением предпринимательской и торговой деятельности, перекладывая основное налоговое бремя на представителей обеспеченных слоев.

Тем не менее в результате господствовавшего в обществе правового нигилизма, вызванного слабостью власти, хозяйственной разрухой и военно-политической неопределенностью, население старалось уклониться от уплаты налогов. В связи с этим правительство вынуждено было приступить к жесткому администрированию, привлекая к сбору налогов милицейские органы, а в прифронтовых местностях, а иногда и в тылу — военные власти, и вводя штрафные санкции в отношении

неплательщиков⁴³. Милиционеры доставляли по адресам налоговые уведомления и в случае их неисполнения выявляли должников и совместно с податными инспекторами взымали с них штрафы и собирали неуплаченные в срок налоги.

В деревнях к неплательщикам зачастую применялись незаконные меры воздействия — краткосрочные аресты, массовые порки, конфискация имущества и т.д. При этом, по мнению С. Звягина, милицейские и военные чины старались собрать сразу все налоги и штрафы, что превращалось в карательную операцию и вызывало противодействие крестьян, нередко выливавшееся в восстания и мятежи⁴⁴. Кроме того, в связи с недостатком бюджетных средств для нужд армии воинские начальники вынуждены были заниматься самоснабжением своих подразделений. Они осуществляли похожие на грабежи контрибуции и реквизиции, добирая государственные налоги в натуральной форме, что негативно сказывалось на отношении населения к власти.

Как представляется, причиной несостоятельности налогового законодательства и администрирования явились инфляция и расстройство финансовой системы страны, в которой, по подсчетам М.В. Ходякова, обращалось около 2 тыс. различных видов и 20 тыс. разновидностей денежных знаков⁴⁵. В таких условиях привести их к единому курсу было невозможно, что показал крах финансовой реформы адмирала Колчака. Для этого в Сибири не было необходимых мощностей, технического аппарата и бумаги, а заказанные в США купюры стали поставляться лишь к концу 1919 г., когда Российское правительство фактически прекратило существование.

Кроме того, «догнать» инфляцию было невозможно, поскольку Советское правительство в огромных объемах печатало ничем не обеспеченные и имевшие хождение по обе стороны фронта «керенки». По подсчетам Т.М. Тимошиной, к началу 1919 г. из всех находившихся в обороте таких денежных знаков (на сумму, примерно, в 61 млрд руб.) $\frac{2}{3}$ были выпущены в Советской России, что привело к более чем в 100 раз скачку цен и катастрофически сказалось на финансах и налогах «белой» Сибири⁴⁶.

Наконец, в связи с тем, что налоги не обеспечивали поступления в казну необходимых средств,

⁴⁰ См.: О винной монополии // Правительственный вестник. Омск, 1919. 17 янв.

⁴¹ См.: Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 93.

⁴² См.: О сахарной монополии // Вестник финансов, промышленности и торговли. Омск, 1919. № 25. С. 7.

⁴³ См.: Временное сибирское правительство. Циркуляр товарища министра финансов Н.Д. Буяновского от 5 июля 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 4. Д. 8. Л. 22.

⁴⁴ См.: Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 239.

⁴⁵ См.: Ходяков М.В. Деньги Гражданской войны и их роль в обеспечении легитимности белогвардейских правительств // Вестник СПбГУ. 2007. № 2. С. 126.

⁴⁶ См.: Тимошина Т.М. Экономическая история России: учеб. пособие / под ред. М.Н. Чепурина. М., 2009. С. 212.

главным способом пополнения государственного бюджета стала безудержная эмиссия собственных денежных знаков, которая разгоняла инфляцию и становилась, таким образом, одним из способов всеобщего принудительного налогообложения.

Выводы

В «белой» Сибири для сбора налоговых поступлений использовался дореволюционный налоговый аппарат, но податных инспекций было недостаточно, и они не могли эффективно справляться с возложенными на них задачами.

Вопреки сложившемуся в науке представлению о непомерно тяжелом налоговом бремени, установленном в Сибири, налоговая нагрузка с учетом инфляции не превышала дореволюционного уровня и достаточно равномерно распределялась между различными слоями населения. Сбор недоимок был отменен. Ставки поземельного налога остались неизменными с дореволюционного времени. Косвенные налоги повышались в основном только на предметы роскоши.

Учитывая рост социального недовольства в обществе, законодатель в три раза повысил сумму налогооблагаемого дохода граждан, но при этом изменил порядок сбора подоходного налога с наемных работников, возложив это полномочие на предприятия и организации.

Понимая опасность усиления налогового гнета на экономику, законодатель стремился снизить налоговую нагрузку на торговые и промышленные организации, в результате чего налог на прибыль в среднем не превышал 50%.

Попытка расширить круг субъектов налогообложения путем распространения сбора дополнительного промыслового налога на мелкие и средние предприятия не увенчалась успехом. Налоговые органы оказались не в состоянии осуществлять раскладку и сбор данного налога, как и других налогов с недвижимости, из-за быстро менявшейся в условиях галопировавшей инфляции стоимости имущества и предприятий, а также их доходности.

Ввиду заинтересованности в импорте продуктов и товаров правительство не ужесточало законодательство по сбору таможенных пошлин, поэтому их доля в наполнении бюджета оказалась ничтожной. Рост их абсолютных показателей не означал роста их доли в общем косвенном налогообложении, которая неуклонно снижалась.

Из введенных монополий наибольший вклад в казну (третью часть всех бюджетных поступлений) принесла только винная монополия.

Незначительность бюджетов муниципалитетов приводила к незаконному правотворчеству их властей в сфере взимания дополнительных местных налогов.

В налоговом администрировании наиболее эффективным оказалось применение принудительных и силовых мер с привлечением милиции и воинских подразделений, следствием чего стало некоторое увеличение налоговых поступлений. Вместе с тем их жесткие и зачастую незаконные действия вызывали недовольство населения, что негативно сказывалось на легитимности власти.

Основной причиной провала налоговой политики в «белой» Сибири явилась галопировавшая инфляция из-за нахождения в обращении огромного количества различных типов и видов денежных знаков, целенаправленной деятельности Советского правительства по выпуску ничем не обеспеченных «керенок» и безудержной эмиссии денег самим Российским правительством. Для выхода из создавшегося «замкнутого круга» инфляционных проблем оно не имело ни сил, ни возможностей, ни времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Борщик Н.Д.* Из истории акцизных управлений Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. // Ученые записки Крымского федерального ун-та. Сер.: Исторические науки. 2017. Т. 3 (69). С. 79–90.
2. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского Правительства. М., 2007. С. 82–87.
3. *Гущин Н.Я., Журов Ю.В.* Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1978. С. 108–110.
4. *Дмитриев Н.И.* Налоговая политика белогвардейских правительств Сибири // Известия Омского гос. историко-краеведческого музея. 1996. № 4. С. 210–216.
5. *Звягин С.П.* Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 239.
6. *Иванова Е.В.* Этапы эволюции налоговых органов России // Вестник Омского ун-та. Сер.: Экономика. 2004. № 2. С. 122–128.
7. *Кириллов А.К.* Земские налоги в Сибири до и после 1917 г. // Муниципальная экономика. 2007. № 4. С. 44–48.
8. *Кириллов А.К.* Земские налоги в Сибири: до и после 1917 года // Проблемы самоуправления в истории Сибири XIX–XX вв.: сб. ст. региональной науч. конф. Новосибирск, 2004. С. 160–171.
9. *Козлова Д.С.* Налоговая политика в контексте революции и гражданской войны (на примере Томской губернии, февраль 1917 – декабрь 1919 г.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 418. С. 101–109.
10. *Рышков В.М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 93.
11. *Рышков В.М.* Экономическая политика контрреволюционных правительств Сибири (вторая половина

- 1918–1919 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. С. 7, 8.
12. Соколов Н. Г. Антинародная сущность налоговой политики в деревне эсеро-меньшевистских правительств и колчаковского режима в Сибири (1918–1919 гг.) // Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980. С. 265–272.
 13. Старцев А. В. Финансово-хозяйственная деятельность органов городского самоуправления Алтая во второй половине XIX – начале XX века // Финансы Алтая. 1747–2002: сб. ст. Барнаул, 2002. С. 224–234.
 14. Тимошина Т. М. Экономическая история России: учеб. пособие / под ред. М. Н. Чепурина. М., 2009. С. 212.
 15. Ханафеев Ф. Ф. Исторические этапы становления и развития налогового администрирования в России // Инновационное развитие экономики. 2013. № 1(13). С. 165–173.
 16. Ходяков М. В. Деньги Гражданской войны и их роль в обеспечении легитимности белогвардейских правительств // Вестник СПбГУ. 2007. № 2. С. 126.
 17. Яшкова Н. В. История создания налоговых органов // NovaInfo (НоваИнфо). 2018. Т. 1. № 77(1). С. 226–230.
 6. Ivanova E. V. Stages of evolution of tax authorities of Russia // Herald of Omsk University. Ser.: Economy. 2004. No. 2. P. 122–128 (in Russ.).
 7. Kirillov A. K. Zemstvo taxes in Siberia before and after 1917 // Municipal Economy. 2007. No. 4. P. 44–48 (in Russ.).
 8. Kirillov A. K. Zemstvo taxes in Siberia: before and after 1917 // Problems of self-government in the history of Siberia of the 19th – 20th centuries: collection of the regional scientific conference. Novosibirsk, 2004. P. 160–171 (in Russ.).
 9. Kozlova D. S. Tax policy in the context of revolution and Civil War (on the example of Tomsk province, February 1917 – December 1919) // Herald of Tomsk State University. 2017. No. 418. P. 101–109 (in Russ.).
 10. Rynkov V. M. Financial policy of the anti-Bolshevik governments of the East of Russia (the second half of 1918 – the beginning of 1920). Novosibirsk, 2006. P. 93 (in Russ.).
 11. Rynkov V. M. Economic policy of the counterrevolutionary governments of Siberia (the second half of 1918–1919): abstract ... Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk, 1998. P. 7, 8 (in Russ.).
 12. Sokolov N. G. The anti-people essence of tax policy in the village of the Socialist-Revolutionary-Menshevik governments and the Kolchak regime in Siberia (1918–1919) // Non-Proletarian parties and organizations of national regions of Russia in the October Revolution and the Civil War. M., 1980. P. 265–272 (in Russ.).
 13. Startsev A. V. Financial and economic activity of Altai city self-government bodies in the second half of the 19th – early 20th century // Finance of Altai. 1747–2002: collection of Barnaul, 2002. P. 224–234 (in Russ.).
 14. Timoshina T. M. Economic History of Russia: textbook / ed. by M. N. Chepurin. M., 2009. P. 212 (in Russ.).
 15. Khanafeev F. F. Historical stages of formation and development of tax administration in Russia // Innovative development of the economy. 2013. No. 1(13). P. 165–173 (in Russ.).
 16. Khodyakov M. V. Money of the Civil War and their role in ensuring the legitimacy of the White Guard governments // Herald of St. Petersburg State University. 2007. No. 2. P. 126 (in Russ.).
 17. Yashkova N. V. History of the creation of tax authorities // NovaInfo (NovaInfo). 2018. Vol. 1. No. 77 (1). P. 226–230 (in Russ.).

REFERENCES

1. Borshchik N. D. From the history of excise administrations of the Russian Empire of the second half of the 19th – early 20th centuries // Scientific notes of the Crimean Federal University. Ser.: Historical Sciences. 2017. Vol. 3 (69). P. 79–90 (in Russ.).
2. Gins G. K. Siberia, Allies and Kolchak. A turning point in Russian history. 1918–1920: Impressions and thoughts of a member of the Omsk Government. M., 2007. P. 82–87 (in Russ.).
3. Gushchin N. Ya., Zhurov Yu. V. Union of the working class and peasantry of Siberia during the construction of socialism (1917–1937). Novosibirsk, 1978. P. 108–110 (in Russ.).
4. Dmitriev N. I. Tax policy of the White Guard governments of Siberia // Izvestiya Omsk State Museum of Local History. 1996. No. 4. P. 210–216 (in Russ.).
5. Zvyagin S. P. Law enforcement policy of A. V. Kolchak. Kemerovo, 2001. P. 239 (in Russ.).

Сведения об авторе

МЕДВЕДЕВ Валентин Григорьевич — доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Тольяттинского государственного университета; 445020 Самарская обл., г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14

Authors' information

MEDVEDEV Valentin G. — Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Togliatti State University; 14 Belorusskaya str., 445020 Samara region, Togliatti, Russia

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА И СОВРЕМЕННОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

© 2023 г. Р. Ф. Степаненко

Казанский (Приволжский) федеральный университет;
Университет Управления «ТИСБИ», г. Казань

E-mail: stepanenkorf@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.01.2023 г.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы ценности и приоритетов философии права для современного юридического образования. Проведен краткий анализ научной и учебной литературы, обеспечивающих дисциплинарную целостность и возможности философии права с позиций познания «пределных оснований» и юридической природы государственно-правовых явлений. Отмечается возрастание научного и практического интереса юриспруденции к духовно-нравственным основаниям права как приоритетным в политико-правовых стратегиях государства.

Ключевые слова: философия права, традиционные ценности, юридическое образование, мировоззренческие основания права.

Цитирование: Степаненко Р.Ф. Философия права и современное юридическое образование // Государство и право. 2023. № 2. С. 172–176.

DOI: 10.31857/S102694520024346-1

PHILOSOPHY OF LAW AND MODERN LEGAL EDUCATION

© 2023 R. F. Stepanenko

Kazan (Volga Region) Federal University;
University of Management "TISBI", Kazan

E-mail: stepanenkorf@yandex.ru

Received 09.01.2023

Abstract. The article discusses the issues of the value and priorities of the Philosophy of Law for modern legal education. A brief analysis of the scientific and educational literature providing the disciplinary integrity and possibilities of the Philosophy of Law from the standpoint of knowledge of the "ultimate foundations" and the legal nature of state-legal phenomena is carried out. There is an increase in the scientific and practical interest of jurisprudence in the spiritual and moral foundations of law as a priority in the political and legal strategies of the state.

Key words: Philosophy of Law, traditional values, legal education, ideological foundations of law.

For citation: Stepanenko, R.F. (2023). Philosophy of Law and modern legal education // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 172–176.

Современная правовая реальность, оказавшись в неустойчивом, неопределенном, кризисном состоянии, видоизменяет сущностные и смысловые представления о праве как социокультурной универсалии, стабилизирующей многообразие проявлений общественных отношений. Между тем тенденции возвращения к юридико-догматическому правопониманию, какими бы соображениями они не объяснялись, не всегда способствуют развитию наметившейся

целостности и союзничества философии и права, участвующих в формировании духовно-нравственных начал общественного, в том числе юридического, мышления и сознания. Приоритет духовного над материальным, объявленный на уровне государственной идеологии, требует обращения к высоким традиционным ценностям, которые складывались веками и в той или иной форме выражались в русской философии права. Отечественная философия права всегда

была нацелена на выявление сущности, смысла государства и права, показывала ограниченность сугубо инструментального подхода в их понимании.

Знаковым событием является Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹, к числу которых отнесены: патриотизм, достоинство личности, гуманизм, милосердие, справедливость, историческая память, созидательный труд и многое другое. Декларирование приоритета духовного над материальным в Указе № 809 имеет своей целью противодействие социокультурным угрозам национальной безопасности и преодоление цивилизационного и ценностного кризиса, которые возможны в условиях утраты человечеством «традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов» (ст. 11 Основ). Данная проблематика всегда была в центре внимания русской философии права, что еще раз доказывает необходимость ее широкого преподавания в российских вузах.

Соединение философии и юридической науки имеет огромное значение в деле формирования профессионального юридического сознания, где духовно-нравственным ценностям отводится существенная роль. Профессиональное юридическое сознание находит свое воплощение в ощущениях и восприятии, представлениях, суждениях, понятиях и умозаключениях представителей юридической практики о соблюдении и защите прежде всего тех пределов нравственной и социокультурной безопасности личности, которые недопустимо нивелировать и которые закреплены, охраняются и гарантированы Основным Законом. Здесь ключевую роль играла и играет философия права как учение о торжестве справедливости в государственно-правовой действительности и высшей ценности пребывающего в ней человека. Соединяя познавательные ресурсы философии, юриспруденции, социологии, психологии, антропологии и других отраслей знания, философия права изучает правовые феномены в широком культурно-историческом контексте. Познавательная ценность философии права в юридическом образовании состоит в том, чтобы «дать мировоззренческие объяснения права, его смысл и предназначение, обосновать его под углом зрения сути человеческого бытия, существующей в нем системы ценностей»². Философия права занимается «исследованием смысла права, его роли в жизни человека, общества и государства, в судьбах народов и человечества»³.

За последние 30 с лишним лет в нашей стране подготовлены сотни научных, учебных и учебно-методических работ по философии права, что позволяет говорить о появлении соответствующей культурной среды со своими традициями. Начало этому процессу положили труды Д.А. Керимова⁴ и В.С. Нерсесянца⁵. Во многом благодаря им философия права стала признаваться самостоятельной отраслью знания и преподаваться в отечественных вузах. Учебник В.С. Нерсесянца — один из первых и, по-видимому, самый известный. Его особенность состоит в том, что в нем не столько дается

объективистское знание о философии права, сколько излагается собственная «юридико-либертарная» теория В.С. Нерсесянца. Развитию философии права как научной и учебной дисциплины способствовали работы С.С. Алексеева, В.А. Бачинина, О.Г. Данильяна, В.Н. Жукова, В.В. Лазарева, В.П. Малахова, Г.В. Мальцева, О.В. Мартышина, М.Н. Марченко, Д.А. Пашенцева, А.В. Полякова, В.И. Пржиленского, О.Ю. Рыбакова, В.П. Сальникова, Е.А. Фроловой, И.Я. Честнова и многих других.

Одним из общепризнанных исследовательских центров по философии права стала кафедра теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Можно сказать, что там сложилась своя научная школа, отличающаяся широким культурно-историческим подходом. Уже в рамках общей теории государства и права сотрудники кафедры разрабатывали философско-правовые проблемы. Специально для магистратуры кафедра выпустила труды⁶, ставшие образцами для многих вузов страны. Так, учебник В.Н. Жукова продолжает лучшие традиции русской философии права, где политико-правовая реальность рассматривалась как мировоззренческая проблема. В учебнике утверждается, что всю академическую философию права (на Западе и в России) можно условно разделить на два основных направления: метафизическое и юридико-догматическое. Под метафизической понимается философия, опирающаяся на априорные принципы и идеи, принимаемые без доказательств, на веру. Метафизическая философия права нацелена на создание смысловых моделей политико-правовой реальности, здесь в фокусе внимания — не объективные свойства государства и права, а их мировоззренческий смысл (хотя и опирающийся на эмпирические данные). Юридико-догматическая философия права, вырастая из отраслевой юридической науки, использует главным образом догматический метод и создает формальную, юридическую модель политико-правовой реальности. Классический образец такой философии права — Г. Кельзен. Наша постсоветская философия права, утверждает В.Н. Жуков, создавалась в основном юристами, что наложило на нее свой отпечаток: она по преимуществу юридико-догматическая. Яркий пример — либертарная теория В.С. Нерсесянца, для которого право — это триединство свободы, равенства и справедливости, понимаемое исключительно формально-юридически⁷. Как представляется, в учебнике В.Н. Жукова гармонично сочетается метафизический и юридико-догматический подходы.

В работах Е.А. Фроловой много внимания уделяется методологии познания государства и права. Отправная точка ее исследований — гносеология неокантианцев баденской школы В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Е.А. Фролова указывает на важный вывод, который они делают: универсальной науки нет, все науки делятся на науки о природе и науки о культуре. Критерий классификации — метод исследования, который, в свою очередь, зависит от предмета исследования. Науки, изучающие природу, используют

¹ См.: Официальный интернет-портал правовой информации // www.pravo.gov.ru

² Алексеев С.С. Философия права. М., 1998.

³ Нерсесянц В.С. Философия права: учеб. для вузов. М., 1997.

⁴ См.: Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972; *Его же*. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986; *Его же*. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001.

⁵ См.: Нерсесянц В.С. Указ. соч.

⁶ См.: Философия права: курс лекций: учеб. пособие: в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. М., 2013; *Жуков В.Н.* Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2013; *Его же*. Философия и социология права: опыт плюралистического подхода. М., 2013; *Его же*. Философия права: учеб. для вузов. М., 2019; 2-е изд. 2020; 3-е изд. 2023; *Фролова Е.А.* Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев. М., 2017; *Ее же*. Проблемы теории и философии права. М., 2015; 2-е изд. 2018; *Ее же*. Моральная философия права П.И. Новгородцева. М., 2023.

⁷ См.: *Жуков В.Н.* Философия права: учеб. для вузов. М., 2019. С. 119–121, 145, 146.

генерализирующий (номотетический) метод, т.е. метод, изучающий закономерности. Науки о культуре – индивидуализирующий (идеографический), т.е. описывают изучаемый объект, опираясь на некие ценностные императивы. Развивая методологию неокантианцев, Е.А. Фроловой удалось показать, что государство и право одновременно относятся к миру природных явлений и к миру нравственности, а это с неизбежностью рождает необходимость методологического плюрализма. К сожалению, многие наши ученые-юристы не только далеки от данного подхода, он им даже неизвестен, что часто ведет к бесплодным дискуссиям.

Учебник О.В. Мартышина⁸ отличается логикой и строгостью изложения. Ученый является сторонником той позиции, что философия права есть особый срез общей теории государства и права и вряд ли может претендовать на самостоятельный статус. О.В. Мартышин считает необходимым различать философскую философию права и юридическую философию права⁹. «Юристы создают свою философию права, что в сфере юриспруденции оказывается убедительным и практически полезным»¹⁰. Для философов, рассуждает он, философия права – часть философии, для юристов – часть общей теории права либо юриспруденции в целом. Отличительная черта учебника О.В. Мартышина – критичность, он не боится давать негативную характеристику тем или иным авторам или учениям, что всегда было свойственно дореволюционной философии права. Так, он посвящает главу новейшим учениям наших авторов, где пытается показать их сильные и слабые стороны. Поскольку О.В. Мартышин – специалист в области истории политических и правовых учений, ему видны истоки и степень оригинальности недавно созданного учения.

Отличается своеобразием учебник под редакцией О.Г. Данильяна¹¹, где особое внимание уделяется гуманистической природе права и вопросам антропологии права. В нем рассматриваются базовые императивы правовой и моральной философии, раскрывается человеческое бытие в связи с глубинной структурой индивидуального и общественного правосознания. «Именно обращение к сущности человека позволяет обосновать идею права, критерий справедливости, то есть решить фундаментальный вопрос философии права»¹².

В учебнике О.Ю. Рыбакова¹³ глубоко и интересно раскрывается взаимодействие между природой, обществом и культурой, с одной стороны, и юридической практикой – с другой. Юридическая практика и юридическая наука показываются как философские проблемы, взятые в контексте гносеологии, онтологии и аксиологии. Право, утверждается в учебнике, не может быть лишь идеей, которая не сопряжена с действительностью, оно не абстрактно и не умозрительно. Автор разъясняет значение философии права для осмысления юридической практики. Отмечается, что опора на философию права способствует выработать стратегию развития правовой системы и государственности России.

Заметной вехой в развитии отечественной философии права, показателем ее зрелости стали соответствующие

словари¹⁴. Словарь, посвященный той или иной отрасли знания, всегда свидетельствует о сформировавшейся культурной среде со своими традициями. Словарь – это, как правило, квинтэссенция знаний, признанных научным сообществом. Словарь – это такой литературный жанр, где в обобщенной, систематизированной и лаконичной форме представлены знания, разбросанные по различным источникам. Появление словаря говорит о потребности в обобщенном и систематизированном знании со стороны научного сообщества. В России существует давняя традиция подготовки словарей, как общих, так и отраслевых. За последние несколько десятков лет в стране было издано немало словарей и энциклопедий, посвященных теоретическим и практическим вопросам юриспруденции. Как правило, они носили универсальный характер, включали сведения из разных отраслей юридической науки и практики. Специализированных юридических словарей практически не было. На сегодняшний день мы имеем несколько словарей по философии права, что говорит о большом к ней интересе.

Последний из вышедших – Словарь под редакцией В.Н. Жукова, профессора кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-ра юрид. наук, д-ра филос. наук. Данный Словарь – самый объемный (91.35 п.л.) и самый детализированный. Статьи Словаря – это термины, персоналии, труды. Словарь отражает уровень отечественной философско-правовой мысли и современного научного знания о ней. Особенность развития философских дисциплин в нашей стране за последние 30 лет (да и всего обществоведения) состоит в том, что они освобождались от догматического советского марксизма и искали новую методологию. Философия права, вновь возникнув в постсоветской России, не имеет общепризнанной формы, содержания и методологии. Идут острые дискуссии о предмете, методологии и месте философии права в системе социальной науки и образования (юридического и философского). Достоинство Словаря состоит, в частности, в том, что он органично совмещает классическую и современную трактовку философско-правовых тем. Авторы избегают методологических и идеологических перекосов в изложении материала.

Данный Словарь по философии права – наиболее полный из существующих. В нем даны основные философско-правовые школы и философские направления, которые в той или иной степени лежат в основе этих школ. Представлены статьи, посвященные важнейшим отраслям фундаментальной юридической науки: «Энциклопедия права», «Политика права», «Философия права», «Общая теория права», «Социология права». Есть обширная и весьма информативная статья «Юридическая наука», где дается детальная характеристика отраслевой (догматической) юридической науки и фундаментальной юридической науки, объясняется их принципиальное отличие друг от друга. Предлагается также статья «Социальная наука», где показывается специфика и дифференциация социальных наук, их отличие от естествознания. В Словаре имеется внушительный набор персоналий, оказавших заметное влияние на развитие политической и правовой мысли. В основном это классические общепризнанные фигуры, но есть и те, кто, на взгляд авторов Словаря, внес весомый вклад в нашу современную философско-правовую мысль. Немало

⁸ См.: Мартышин О.В. Философия права: учеб. для магистров. М., 2017.

⁹ См.: там же. С. 33.

¹⁰ Там же. С. 18.

¹¹ См.: Философия права: учеб. / под ред. О.Г. Данильяна. М., 2007.

¹² Там же.

¹³ См.: Рыбаков О.Ю. Философия права: учеб. для магистров. М., 2021.

¹⁴ См.: Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. СПб., 2000; Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006; Философия политики и права. Энциклопедический словарь / под ред. Е.Н. Мошелкова и А.В. Никандрова. М., 2019; Философия права. Словарь / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2020; 2-е изд., дораб. и доп. 2021.

в Словаре статей, посвященных классическим трудам в области философии права.

Словарь под редакцией В.Н. Жукова показывает высокую ценность философско-правового знания, пропагандирует его, способствуя тем самым достижению просветительских и гуманистических целей. Словарь имеет большую культурную и образовательную ценность, предлагая читателю категории, персоналии, идеи и исторические события, связанные с развитием философско-правовых идей. Материал Словаря расширяет рамки восприятия государства и права, позволяет читателю разобраться в существе разных подходов и сформировать собственное мнение на ту или иную проблему. Представленная в Словаре мировая философско-правовая мысль позволяет проследить динамику мировоззренческих ориентиров и представлений о добре и зле, человеке, обществе и государстве, свободе, равенстве, справедливости и целесообразности ограничений прав и свобод в тот или иной исторический период. Философские категории, отражая политико-правовую реальность, являют собой общезначимые ценностные основания человеческой жизнедеятельности, ее духовного базиса. Знакомство с данным изданием помогает фиксировать и адаптировать юридические смыслы с высокими философскими идеалами постижения и достижения объективного порядка сквозь призму понимания социального (культурального) упорядочения мира. Идеи общественного договора, божественного происхождения права и государства, естественных прав и свобод человека, достоинства и суверенитета личности и др. инициируют постоянный поиск решений множества проблем ретро- и перспективного характера в практической деятельности юриста. В этом смысле философия права выступает мировоззренческой основой всей юридической деятельности, ориентирующей на эффективную, справедливую и методологически мотивированную реализацию ее максим. Философия права усиливает возможности научного прогнозирования в жизни государства и права, делает более эффективной правовую политику¹⁵. Философско-правовая рефлексия позволяет обнаруживать разнообразие духовно-нравственных, ценностных, смысловых связей права с его первичными культурными формами. Значимость философско-правовой парадигмы возрастает в переходные исторические периоды, в том числе в сфере образования. Философия права как учебная дисциплина сочетает в себе предельные смысловые модели с конкретностью государственно-правовых явлений.

* * *

«Философия права — дисциплина, которая довольно прочно обосновалась в отечественном образовании и науке. Однако процесс ее становления продолжается, как продолжают споры о структуре, предмете, объеме, стилистике изложения философии права... Каждая новая книга по философии права может по-новому повернуть наше представление о структуре и способе подачи материала»¹⁶.

Рассмотренные просветительские и научно-образовательные издания, посвященные философии права, существенно повышают эффективность обучающихся и воспитательных программ, наполняют их мировоззренческим смыслом, что трудно переоценить в условиях настоящего исторического периода.

¹⁵ См.: Степаненко Р.Ф. Справедливость и законопорядок: теоретико-методологический аспект // Государство и право. 2020. № 6. С. 79–89. DOI: 10.31857/S013207690009939-4

¹⁶ Кроткова Н.В. Необходим возврат к русской философии права // Образование и право. 2018. № 7. С. 35.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.С. Философия права. М., 1998.
2. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006.
3. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. СПб., 2000.
4. Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2013.
5. Жуков В.Н. Философия и социология права: опыт плюралистического подхода. М., 2013.
6. Жуков В.Н. Философия права: учеб. для вузов. М., 2019. С. 119–121, 145, 146; 2-е изд. 2020; 3-е изд. 2023.
7. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001.
8. Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986.
9. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972.
10. Кроткова Н.В. Необходим возврат к русской философии права // Образование и право. 2018. № 7. С. 35.
11. Мартышин О.В. Философия права: учеб. для магистров. М., 2017. С. 18, 33.
12. Нерсисянц В.С. Философия права: учеб. для вузов. М., 1997.
13. Рыбаков О.Ю. Философия права: учеб. для магистров. М., 2021.
14. Степаненко Р.Ф. Справедливость и законопорядок: теоретико-методологический аспект // Государство и право. 2020. № 6. С. 79–89. DOI: 10.31857/S013207690009939-4
15. Философия политики и права. Энциклопедический словарь / под ред. Е.Н. Мошелкова и А.В. Никандрова. М., 2019.
16. Философия права: курс лекций: учеб. пособие: в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. М., 2013.
17. Философия права. Словарь / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2020; 2-е изд., дораб. и доп. 2021.
18. Философия права: учеб. / под ред. О.Г. Данильяна. М., 2007.
19. Фролова Е.А. Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев. М., 2017.
20. Фролова Е.А. Моральная философия права П.И. Новгородцева. М., 2023.
21. Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права. М., 2015; 2-е изд. 2018.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. Philosophy of Law. M., 1998 (in Russ.).
2. Bachinin V.A. Encyclopedia of Philosophy and Sociology of Law. SPb., 2006 (in Russ.).
3. Bachinin V.A., Salnikov V.P. Philosophy of Law. A short dictionary. SPb., 2000 (in Russ.).
4. Zhukov V.N. Russian Philosophy of Law: from Rationalism to Mysticism. M., 2013 (in Russ.).
5. Zhukov V.N. Philosophy and Sociology of Law: the experience of a Pluralistic approach. M., 2013 (in Russ.).
6. Zhukov V.N. Philosophy of Law: textbook for universities. M., 2019. P. 119–121, 145, 146; 2nd ed. 2020; 3rd ed. 2023 (in Russ.).
7. Kerimov D.A. Methodology of law (subject, functions, problems of Philosophy of Law). M., 2001 (in Russ.).
8. Kerimov D.A. Philosophical foundations of political and legal research. M., 1986 (in Russ.).

9. *Kerimov D.A.* Philosophical problems of law. M., 1972 (in Russ.).
10. *Krotkova N.V.* The return to the Russian Philosophy of Law is necessary // Education and Law. 2018. No. 7. P. 35 (in Russ.).
11. *Martyshin O.V.* Philosophy of Law: textbook for masters. M., 2017. P. 18, 33 (in Russ.).
12. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law: textbook for universities. M., 1997 (in Russ.).
13. *Rybakov O. Yu.* Philosophy of Law: textbook for masters. M., 2021 (in Russ.).
14. *Stepanenko R.F.* Justice and the Rule of Law: theoretical and methodological aspect // State and Law. 2020. No. 6. P. 79–89. DOI: 10.31857/S013207690009939-4 (in Russ.).
15. Philosophy of politics and Law. Encyclopedic Dictionary / ed. by E.N. Moshchelkov and A.V. Nikandrov. M., 2019 (in Russ.).
16. Philosophy of Law: course of lectures: textbook: in 2 vols / ed. by M.N. Marchenko. M., 2013 (in Russ.).
17. Philosophy of Law. Dictionary / ed. and comp. V.N. Zhukov. M., 2020; 2nd ed., rev. and add. 2021 (in Russ.).
18. Philosophy of Law: textbook / ed. by O.G. Danilyan. M., 2007 (in Russ.).
19. *Frolova E.A.* Methodology and Philosophy of Law: from Descartes to Russian Neo-Kantians. M., 2017 (in Russ.).
20. *Frolova E.A.* Moral Philosophy of Law P.I. Novgorodtsev. M., 2023 (in Russ.).
21. *Frolova E.A.* Problems of theory and Philosophy of Law. M., 2015; 2nd ed. 2018 (in Russ.).

Сведения об авторе

СТЕПАНЕНКО Равия Фаритовна — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета; 420008 г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18; профессор кафедры теории и истории государства и права Университета управления «ТИСБИ»; 420012 г. Казань, ул. Муштари, д. 11/43

Author's information

STEPANENKO Raviya F. — Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Kazan (Volga Region) Federal University; 18 Kremlevskaya str., 420008 Kazan, Russia; Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the University of Management “TISBI”; 11/43 Mushtari str., 420012 Kazan, Russia

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ

© 2023 г. С. А. Бурьянов

Московский городской педагогический университет

E-mail: birianov-msk@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.08.2022 г.

Аннотация. В статье исследованы различные подходы к определению понятия права на свободу совести. Предложено авторское определение понятия.

Ключевые слова: права человека, религия, свобода вероисповедания, право на свободу совести, юридическая техника.

Цитирование: Бурьянов С.А. К вопросу об определении понятия права на свободу совести // Государство и право. 2023. № 2. С. 177–182.

DOI: 10.31857/S102694520024322-5

TO THE QUESTION OF DEFINING THE CONCEPT OF THE RIGHT TO FREEDOM OF CONSCIENCE

© 2023 S. A. Bur'yanov

Moscow City Pedagogical University

E-mail: birianov-msk@yandex.ru

Received 14.08.2022

Abstract. The article examines various approaches to the definition the concept of the right to freedom of conscience. The author's definition of the concept is proposed.

Key words: human rights, religion, freedom of religion, the right to freedom of conscience, legal technology.

For citation: Bur'yanov, S.A. (2023). To the question of defining the concept of the right to freedom of conscience // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 177–182.

Право на свободу совести признано в универсальных, региональных и субрегиональных международных актах, а также закреплено в большинстве современных конституций, включая Конституцию РФ. Однако единого юридически корректного определения понятия права на свободу совести до сих пор не выработано, что создает существенные препятствия на пути его воплощения в жизнь. Даже формулировки весьма разнятся. Например, Всеобщая декларация прав человека (1948), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950) закрепляют право «каждого человека» «на свободу мысли, совести и религии». В Конституции РФ говорится о «свободе совести, свободе вероисповедания», а законодательство весьма спорно делает акцент на регулировании деятельности

религиозных организаций. Таким образом, на практике широкое понятие свобода совести подменяется более узким свободой вероисповедания (религии)¹.

Е.Н. Маркова отмечает, что «конституции большинства государств провозглашают и гарантируют свободу религии (свободу вероисповедания) как фундаментальное право человека, но сам термин “религия” остается неопределенным»². Рассматривая возможные риски произвольного правоприменения, она полагает, что «если выбирать “между двух зол”, то наименьшим все же является расширительный

¹ См.: Бурьянов С.А. Правовые основания, сущностное содержание и гарантии свободы совести // Государство и право. 2001. № 2. С. 21–26.

² Маркова Е.Н. Проблема правового определения религии // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 34–45.

подход к определению религии»³. Вполне разумные предложения некоторых исследователей о том, что термин «религия» должен трактоваться максимально широко и без какой-либо дискриминации, на практике воплотить крайне сложно, если вообще возможно.

Анализируя практику ЕСПЧ по поводу права на свободу совести (дело Кимля и другие против России (*Kimlya and others v. Russia*)), Дж. Мердок отмечает указание суда, что «в его задачу, разумеется, не входит обязанность решать in abstracto, можно ли считать некий свод убеждений и связанных с ними обычаев религией»⁴. Однако из дела X против Соединенного Королевства (*X v. the United Kingdom*) от 1977 г. следует, что в случае возникновения сомнений подающему жалобу придется доказывать существование «религии»⁵.

Так как правового определения религии не существует, то фактически произвольное толкование этого понятия предопределяет произвольное правоприменение и нарушения прав человека в сфере свободы совести.

Например, в масштабном исследовании Pew Research Center от 2019 г. говорится о существенных проблемах реализации права на свободу совести в 2007–2017 гг.⁶ Международная правозащитная организация *Human Rights Watch* также указывает на нарушения упомянутого права в своем ежегодном докладе за 2021 г.⁷ На внутригосударственном уровне проблемы реализации права на свободу совести неоднократно поднимались на заседаниях Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека⁸, в материалах государственных⁹ и неправительственных¹⁰ правозащитных структур.

Актуальность данного исследования существенно возрастает в связи с глобализацией общественных отношений, которая требует больше свободы индивида как условия достижения устойчивого развития¹¹, воплощаемой в правах человека¹², включая право на свободу совести¹³. Осенью

2021 г. в своем Докладе «Наша общая повестка дня» Генеральный секретарь ООН А. Гуттериш вновь призвал обеспечить условия, в которых каждый сможет процветать в мире, достоинстве и равенстве на здоровой планете через реализацию нового общественного договора, основанного на правах человека¹⁴. Все вышеуказанное предопределяет необходимость совершенствования соответствующих правовых норм, в основе которых лежит ключевое определение понятия права на свободу совести.

В научной литературе сформировалось многообразие подходов к определению понятия права на свободу совести. Например, в свое время один из ведущих экспертов и разработчик законодательства Ю.А. Розенбаум под правом на свободу совести понимал «разрешенное и гарантированное законами государства право граждан свободно и самостоятельно определять свое отношение к религии, осуществлять вытекающие из этого отношения действия при условии соблюдения законности и установленного в стране правопорядка»¹⁵. М.В. Баглай определял упомянутое право как возможность «верить в Бога в соответствии с учением той или иной свободно выбранной им религии, так и быть атеистом, т.е. не верить в Бога»¹⁶. А.А. Безуглов и С.А. Солдатов под правом на свободу совести понимали «право каждого человека самостоятельно решать вопрос о своем отношении к религии: быть верующим или атеистом»¹⁷. В указанном выше контексте А.С. Ловинюков не без оснований полагает, что сведение права на свободу совести к исповеданию религии или атеизму создало непреодолимые препятствия на пути разработки адекватного законодательства¹⁸. При этом упомянутый выше автор также рассматривает право на свободу совести в русле сложившейся традиции как право исповедовать религию или отказаться от нее¹⁹.

Однако многие ученые продолжают следовать устаревшим подходам, не вполне соответствующим современной юридической технике. В частности, А.В. Пчелинцев, с одной стороны, признает свободу религии частью конституционной свободы мировоззренческого выбора²⁰, но с другой — описывает «комплекс индивидуальных религиозных прав и свобод, реализуемых человеком самостоятельно, и комплекс коллективных религиозных прав и свобод, реализуемых человеком совместно с иными лицами и составляющих неотъемлемую часть системы общих дозволений»²¹. Аналогичной позиции придерживается

глобализации // Государство и право. 2002. № 10. С. 26–31; *Его же*. Свобода совести как глобальная ценность. На пути к политическому единству и решению глобальных проблем // Век глобализации. 2009. № 1. С. 136–151.

¹⁴ См.: United Nations Secretary-Generals Report “Our common agenda”. URL: https://www.un.org/en/content/common-agenda-report/assets/pdf/Common_Agenda_Report_English.pdf (дата обращения: 16.09.2021).

¹⁵ *Розенбаум Ю.А.* Советское государство и церковь / отв. ред. Б.М. Лазарев. М., 1985. С. 94.

¹⁶ *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации. М., 1998. С. 192.

¹⁷ *Безуглов А.А., Солдатов С.А.* Конституционное право России: в 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 468.

¹⁸ См.: *Ловинюков А.С.* Закон СССР 1990 г. о свободе совести и религиозных организациях // Сов. государство и право. 1991. № 4. С. 23–25.

¹⁹ См.: *Ловинюков А.С.* Свобода совести (Анализ, практика, выводы) // Государство и право. 1995. № 1. С. 26.

²⁰ См.: *Пчелинцев А.В.* Свобода вероисповедания и религиозные объединения в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 15.

²¹ Там же.

³ *Маркова Е.Н.* Указ. соч. С. 43.

⁴ *Мердок Д.* Защита права на свободу мысли, совести и религии в рамках Европейской конвенции о защите прав человека. Воронеж, 2014. С. 27 (Серия пособий Совета Европы).

⁵ Там же. С. 28.

⁶ См.: A Closer Look at How Religious Restrictions Have Risen Around the World. Tenth annual report dives deeper into the ways government restrictions on religion and social hostilities involving religion have changed, from 2007 to 2017. Pew Research Center. URL: <https://www.pewforum.org/2019/07/15/a-closer-look-at-how-religious-restrictions-have-risen-around-the-world/> (дата обращения: 21.07.2021).

⁷ См.: World Report – 2021 г. Our Annual Review of Human Rights Around the World. URL: <https://www.hrw.org/world-report/2021> (дата обращения: 21.07.2021).

⁸ См.: СПЧ обеспокоен ситуацией с гонениями на Свидетелей Иеговы. URL: <https://mhg.ru/news/spch-obespokoен-situacіey-s-goneni-yami-na-svideteley-іegovy> (дата обращения: 21.07.2021).

⁹ См.: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год. URL: <https://ombudsmanrf.org/content/doclad2020> (дата обращения: 21.07.2021).

¹⁰ См.: Права человека в Российской Федерации: сб. докладов о событиях 2018 г. / отв. ред. и сост. Н. Костенко. М., 2019.

¹¹ См.: *Кроткова Н.В.* Права человека и устойчивое развитие // Государство и право. 1998. № 1. С. 103–119.

¹² См.: *Кроткова Н.В.* Международные способы защиты прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовой аспект // Образование и право. 2020. № 2. С. 63–68. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10212

¹³ См.: *Бурьянов С.А.* Проблемы совершенствования нормативно-правовой базы реализации права на свободу совести в контексте

А.А. Со, также считающий, что свобода вероисповедания является обособленной сферой, основанной на вере²². Е.В. Тихонова считает, что право на свободу совести взаимосвязано «со свободой религиозных (мировоззренческих) и иных убеждений индивида»²³. О.В. Брянцева связывает юридическое содержание права на свободу совести с религиозной свободой²⁴.

Подходы, соответствующие требованиям современной юридической техники, содержатся в исследовании Ф.М. Рудинского, который указал, что «в широком смысле слова свобода совести — это возможность для каждого человека совершать свободный выбор»²⁵. Отметим также определение В.Н. Савельева, полагающего, что «свобода совести — это обеспечение в обществе таких демократических прав и свобод, которые реально гарантируют личности... возможность проявлять свои убеждения в обществе»²⁶. С.А. Авакьян свободу совести определяет как «свободу морально-этических воззрений человека (т.е. что считать добром и злом, добродетелью или подлостью, хорошим или плохим поступком, честным или бесчестным поведением и т.д.)»²⁷.

Определение, не связанное с юридически не определяемой «религией», содержится в работах Н.Ю. Тетерятникова. По его мнению, «свобода совести — это фундаментальное сложносоставное естественное субъективное право первого поколения, принадлежащее каждому человеку в силу рождения и представленное в виде личной свободы индивида в сфере его мировоззрения, а также поведения, основанного на этом мировоззрении, которому имплицитно коррелирует обязанность поведенчески терпимого отношения к допустимой правом свободе всех других лиц»²⁸.

Т.П. Минченко научно обоснованно полагает, что «свобода совести — это системообразующее и основополагающее право в системе прав человека, связанное с удовлетворением мировоззренческой потребности, реализация которой формирует мировоззренческую идентичность и даёт смысл жизни на основе свободного выбора»²⁹. Похожее юридически корректное определение содержится в трудах последних лет³⁰,

а также в монографиях автора данной статьи³¹. Д.М. Никитаев также дает определение понятия свободы совести, как свободного мировоззренческого выбора, закрепленного в международном и внутригосударственном праве³².

Большинство иностранных авторов под правом на свободу совести традиционно понимают религиозную свободу³³.

Подводя некоторые итоги исследования многообразия определений понятия права на свободу совести, можно выделить следующие основные подходы: «1) связывающий понятие и содержание свободы совести только с отношением к религии (вероисповеданию) и деятельностью религиозных объединений; 2) связывающий понятие и содержание свободы совести не только с отношением к религии (вероисповеданию) и деятельностью религиозных объединений, но и с иными мировоззренческими формами; 3) связывающий понятие и содержание свободы совести с отношением к мировоззренческой сфере без специального выделения религии (вероисповедания) и деятельности религиозных объединений». Полагаем, что именно этот подход, определяющий свободу совести как свободу мировоззренческого выбора, соответствует общественным отношениям, принципу верховенства права и требованиям юридической техники.

Несоответствие юридической терминологии требованиям современной юридической техники делает невозможным единообразное понимание и толкование нормы права, предопределяя снижение ее эффективности и низкое качество нормативного правового акта. Например, В.Ю. Картухин относит определенность и непротиворечивость к основным критериям логического аспекта нормы закона в качестве составной части юридической техники³⁴. К основным принципам юридической техники, важным для высокого качества нормативного правового акта, также относятся «логичность; лаконичность; единообразие». Представляется, что от соблюдения правил юридической техники в конечном счете зависят реализация принципа

²² См.: Со А.А. Конституционно-правовые основы свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений в России (на примере субъектов Российской Федерации Северо-Западного федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. С. 7.

²³ Тихонова Е.В. Институт свободы совести и свободы вероисповедания в праве современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. С. 17.

²⁴ См.: Брянцева О.В. Реализация конституционного права на свободу совести в Российской Федерации (на примере Волгоградской области): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 7.

²⁵ Рудинский Ф.М. Институт свободы совести по советскому государственному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 1963. С. 6.

²⁶ Савельев В.Н. Свобода совести: история и теория. М., 1991. С. 97.

²⁷ Авакьян С.А. Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 606, 607.

²⁸ Тетерятников Н.Ю. Теоретико-правовые аспекты свободы совести: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 10.

²⁹ Минченко Т.П. Проблема свободы совести в эпоху постсекуляриности: истоки и перспективы: дис. ... д-ра филос. наук. Томск, 2011. С. 12.

³⁰ См.: Свобода совести: проблемы теории и практики / под ред. Ф.М. Рудинского, С.А. Бурьянова. М., 2012; Алейникова С.М., Бурьянов С.А. Светское государство в вопросах и ответах: кратко, доступно и актуально / под ред. И. Кондратьева. М., 2015; Бурьянов С.А., Кривенький А.И., Пашенцев Д.А., Романова Г.В. Вопросы глобализации культуры и защиты культурных прав человека и гражданина (междисциплинарное исследование) / под общ. ред. А.И. Кривенького, С.А. Бурьянова. М., 2018; Влияние эллинизма на науку, культуру и образование современности / под науч. ред. Т.П. Минченко. Томск, 2016.

³¹ См., напр.: Бурьянов С.А. Проблемы реализации свободы совести и светскости государства в Российской Федерации. Теоретико-прикладное исследование за 2012 год / под ред. Р.В. Багдасарова. М., 2013; *Его же*. Светскость государства и международно признанная свобода совести. Теоретико-прикладное исследование за 2015 — начало 2016 г. М., 2016; *Его же*. Светскость государства в Российской Федерации. Теоретико-прикладное исследование за 2016-й — начало 2017 года. М., 2017; Buryanov S.A. State Worldview Neutrality in the Context of Deteriorating Imbalances in Globalization: The Case and Current State of Affairs in the Russian Federation from 2016 to the Beginning of 2017. Amsterdam, 2018.

³² См.: Никитаев Д.М. К вопросу о современном определении понятия и содержания свободы совести // Современный юрист. 2018. № 4 (25). С. 66–75; Никитаев Д.М., Бурьянов С.А. Проблемы реализации свободы совести в современной России и мире / под науч. ред. С.А. Бурьянова. М., 2020.

³³ См.: Дейвис Д. Эволюция религиозной свободы как универсального права человека: исследование роли декларации ООН 1981 года о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений // Защита личности от дискриминации: хрестоматия: в 3 т. М., 2006. Т. 3; Мердок Д. Указ. соч.; Drinan R.F. Can God and Caesar Coexist? Balancing Religious Freedom and International Law. New Haven, 2004; Durham W.C. Jr., Schraffs B.G. Law and Religion: National, International, and Comparative Perspective. Aspen Publishers, 2009; Robbers G. State and Church in the European Union. 3rd ed. Baden-Baden, 2019; Taylor P.M. Freedom of Religion: UN and European Human Rights Law and Practice. Cambridge University Press, 2005.

³⁴ Картухин В.Ю. Использование правил юридической техники в правотворчестве субъектов РФ // Современная юриспруденция. Актуальные проблемы российского права. URL: <http://www.ibil.ru/index.php?type=review&area=1&p=articles&id=358> (дата обращения: 07.09.2021).

верховенства права, прав человека³⁵ и эффективность форм права на свободу совести³⁶.

Так как принцип мировоззренческого нейтралитета государства является важнейшей гарантией права на свободу совести, то он также взаимосвязан с принципами верховенства права и правового государства³⁷. В указанном контексте принципы верховенства права и правового государства выступают в качестве основы реформирования форм международного и конституционного права на свободу совести.

В свою очередь, реализации принципа правовой определенности ключевых терминов при реформировании форм права на свободу совести позволит повысить эффективность соответствующих норм международного и конституционного права, что будет способствовать осуществлению принципа верховенства права, правового государства.

Данное исследование выявило системообразующее влияние уровня научной разработанности теоретико-правовых проблем в области прав человека в сфере свободы совести на эффективность норм международного и внутригосударственного права, предопределивших системные проблемы на уровне правоприменения, а в конечном счете недостаточный уровень их реализации в государствах, в том числе и в Российской Федерации.

Концепции верховенства права и правового государства выступают важной основой реформирования принципов и норм международного и внутригосударственного права на свободу совести. Концепции верховенства права и правового государства взаимосвязаны между собой и с правовой определенностью принципов и норм права, в качестве стабильной и предсказуемой основы для реализации прав человека в сфере свободы совести и недискриминации. Среди многих факторов правовой определенности принципов и норм права основополагающим является юридическая терминология, а именно ключевые правовые понятия (с помощью которых выражается содержание нормативных предписаний), поскольку именно из них формируются юридические конструкции и нормативные акты. Несоответствие ключевой юридической терминологии требованиям правовой определенности делает невозможным единообразное понимание и толкование принципов и норм международного и внутригосударственного конституционного права на свободу совести.

С позиций разграничения источников и форм права на свободу совести в Российской Федерации действует единая система форм международного и внутригосударственного права на свободу совести, взаимосвязанная с системой форм прав человека, как принадлежащих каждому от рождения возможностей. Реализация упомянутых возможностей может и должна привести к пользованию социальными благами в интересах сохранения и развития личности как составляющей общества, государств и их сообществ.

* * *

В итоге *право на свободу совести — это принадлежащие каждому от рождения и закрепленные в соответствии с требованиями современной юридической техники в формах международного и внутригосударственного права возможности*

³⁵ См.: Гражданские права человека в России: современные проблемы теории и практики / под ред. Ф.М. Рудинского. М., 2010. С. 13.

³⁶ Более подробно на эту тему см.: Свобода совести: проблемы теории и практики / под ред. Ф.М. Рудинского, С.А. Бурьянова.

³⁷ См.: *Buryanov S.A.* Op. cit.

мировоззренческого выбора, реализация которых без дискриминации должна привести к свободному формированию мировоззрения (картины мира) в качестве основы для развития личности, общества, государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 606, 607.
2. *Алейникова С.М., Бурьянов С.А.* Светское государство в вопросах и ответах: кратко, доступно и актуально / под ред. И. Кондратьева. М., 2015.
3. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации. М., 1998. С. 192.
4. *Безуглов А.А., Солдатов С.А.* Конституционное право России: в 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 468.
5. *Брянцева О.В.* Реализация конституционного права на свободу совести в Российской Федерации (на примере Волгоградской области): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 7.
6. *Бурьянов С.А.* Правовые основания, сущностное содержание и гарантии свободы совести // Государство и право. 2001. № 2. С. 21–26.
7. *Бурьянов С.А.* Проблемы реализации свободы совести и светскости государства в Российской Федерации. Теоретико-прикладное исследование за 2012 год / под ред. Р.В. Багдасарова. М., 2013.
8. *Бурьянов С.А.* Проблемы совершенствования нормативно-правовой базы реализации права на свободу совести в контексте глобализации // Государство и право. 2002. № 10. С. 26–31.
9. *Бурьянов С.А.* Светскость государства в Российской Федерации. Теоретико-прикладное исследование за 2016-й — начало 2017 года. М., 2017.
10. *Бурьянов С.А.* Светскость государства и международно признанная свобода совести. Теоретико-прикладное исследование за 2015 — начало 2016 г. М., 2016.
11. *Бурьянов С.А.* Свобода совести как глобальная ценность. На пути к политическому единству и решению глобальных проблем // Век глобализации. 2009. № 1. С. 136–151.
12. *Бурьянов С.А., Кривенький А.И., Пашенцев Д.А., Романова Г.В.* Вопросы глобализации культуры и защиты культурных прав человека и гражданина (междисциплинарное исследование) / под общ. ред. А.И. Кривенького, С.А. Бурьянова. М., 2018.
13. Влияние эллинизма на науку, культуру и образование современности / под науч. ред. Т.П. Минченко. Томск, 2016.
14. Гражданские права человека в России: современные проблемы теории и практики / под ред. Ф.М. Рудинского. М., 2010. С. 13.
15. *Дейвис Д.* Эволюция религиозной свободы как универсального права человека: исследование роли декларации ООН 1981 года о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений // Защита личности от дискриминации: хрестоматия: в 3 т. М., 2006. Т. 3.
16. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год. URL: <https://ombudsmanrf.org/content/doclad2020> (дата обращения: 21.07.2021).
17. *Картухин В.Ю.* Использование правил юридической техники в правотворчестве субъектов РФ // Современная юриспруденция. Актуальные проблемы российского права. URL: <http://www.ibil.ru/index.php?type=review&area=1&p=articles&id=358> (дата обращения: 07.09.2021).
18. *Кроткова Н.В.* Международные способы защиты прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовой

- аспект // Образование и право. 2020. № 2. С. 63–68. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10212
19. Кроткова Н.В. Права человека и устойчивое развитие // Государство и право. 1998. № 1. С. 103–119.
 20. Ловининов А.С. Закон СССР 1990 г. о свободе совести и религиозных организациях // Сов. государство и право. 1991. № 4. С. 23–25.
 21. Ловининов А.С. Свобода совести (Анализ, практика, выводы) // Государство и право. 1995. № 1. С. 26.
 22. Маркова Е.Н. Проблема правового определения религии // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 34–45.
 23. Мердок Д. Защита права на свободу мысли, совести и религии в рамках Европейской конвенции о защите прав человека. Воронеж, 2014. С. 27, 28 (Серия пособий Совета Европы).
 24. Минченко Т.П. Проблема свободы совести в эпоху постсекулярности: истоки и перспективы: дис. ... д-ра филос. наук. Томск, 2011. С. 12.
 25. Никитаев Д.М. К вопросу о современном определении понятия и содержании свободы совести // Современный юрист. 2018. № 4 (25). С. 66–75.
 26. Никитаев Д.М., Бурьянов С.А. Проблемы реализации свободы совести в современной России и мире / под науч. ред. С.А. Бурьянова. М., 2020.
 27. Права человека в Российской Федерации: сб. докладов о событиях 2018 г. / отв. ред. и сост. Н. Костенко. М., 2019.
 28. Пчелинцев А.В. Свобода вероисповедания и религиозные объединения в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 15.
 29. Розенбаум Ю.А. Советское государство и церковь / отв. ред. Б.М. Лазарев. М., 1985. С. 94.
 30. Рудинский Ф.М. Институт свободы совести по советскому государственному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 1963. С. 6.
 31. Савельев В.Н. Свобода совести: история и теория. М., 1991. С. 97.
 32. Свобода совести: проблемы теории и практики / под ред. Ф.М. Рудинского, С.А. Бурьянова. М., 2012.
 33. Со А.А. Конституционно-правовые основы свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений в России (на примере субъектов Российской Федерации Северо-Западного федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. С. 7.
 34. СПЧ обеспокоен ситуацией с гонениями на Свидетелей Иеговы. URL: <https://mhg.ru/news/spch-obespekoyen-situaciyes-gonenyami-na-svideteley-iegovy> (дата обращения: 21.07.2021).
 35. Тетерятников Н.Ю. Теоретико-правовые аспекты свободы совести: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 10.
 36. Тихонова Е.В. Институт свободы совести и свободы вероисповедания в праве современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. С. 17.
 37. A Closer Look at How Religious Restrictions Have Risen Around the World. Tenth annual report dives deeper into the ways government restrictions on religion and social hostilities involving religion have changed, from 2007 to 2017. Pew Research Center. URL: <https://www.pewforum.org/2019/07/15/a-closer-look-at-how-religious-restrictions-have-risen-around-the-world/> (дата обращения: 21.07.2021).
 38. Buryanov S.A. State Worldview Neutrality in the Context of Deteriorating Imbalances in Globalization: The Case and Current State of Affairs in the Russian Federation from 2016 to the Beginning of 2017. Amsterdam, 2018.
 39. Drinan R.F. Can God and Caesar Coexist? Balancing Religious Freedom and International Law. New Haven, 2004.
 40. Durham W.C. Jr., Schraffs B.G. Law and Religion: National, International, and Comparative Perspective. Aspen Publishers. 2009.
 41. Robbers G. State and Church in the European Union. 3rd ed. Baden-Baden, 2019.
 42. Taylor P.M. Freedom of Religion: UN and European Human Rights Law and Practice. Cambridge University Press, 2005.
 43. World Report – 2021 г. Our Annual Review of Human Rights Around the World. URL: <https://www.hrw.org/world-report/2021> (дата обращения: 21.07.2021).

REFERENCES

1. Avakian S.A. Constitutional Law of Russia: studies course: in 2 vols. M., 2005. Vol. 1. P. 606, 607 (in Russ.).
2. Aleynikova S.M., Bu'ryanov S.A. The secular state in questions and answers: briefly, accessible and relevant / ed. by I. Kondratiev. M., 2015 (in Russ.).
3. Baglay M.V. Constitutional Law of the Russian Federation. M., 1998. P. 192 (in Russ.).
4. Bezuglov A.A., Soldatov S.A. Constitutional Law of Russia: in 3 vols. M., 2001. Vol. 1. P. 468 (in Russ.).
5. Bryantseva O.V. Implementation of the constitutional right to freedom of conscience in the Russian Federation (on the example of the Volgograd region): dis. ... PhD in Law. Volgograd, 2005. P. 7 (in Russ.).
6. Bur'yanov S.A. Legal grounds, essential content and guarantees of freedom of conscience // State and Law. 2001. No. 2. P. 21–26 (in Russ.).
7. Bur'yanov S.A. Problems of realization of freedom of conscience and secularism of the state in the Russian Federation. Theoretical and applied research for 2012 / ed. by R.V. Bagdasarov. M., 2013 (in Russ.).
8. Bur'yanov S.A. Problems of improving the regulatory framework for the realization of the right to freedom of conscience in the context of globalization // State and Law. 2002. No. 10. P. 26–31 (in Russ.).
9. Bur'yanov S.A. Secularism of the state in the Russian Federation. Theoretical and applied research for 2016 – the beginning of 2017. M., 2017 (in Russ.).
10. Bur'yanov S.A. Secularism of the state and internationally recognized freedom of conscience. Theoretical and applied research for 2015 – early 2016. M., 2016 (in Russ.).
11. Bur'yanov S.A. Freedom of conscience as a global value. On the way to political unity and solving global problems // The age of globalization. 2009. No. 1. P. 136–151 (in Russ.).
12. Bur'yanov S.A., Krivenky A.I., Pashentsev D.A., Romanova G.V. Issues of globalization of culture and protection of cultural rights of man and citizen (interdisciplinary research) / under the general editorship of A.I. Krivenky, S.A. Bur'yanov. M., 2018 (in Russ.).
13. The influence of Hellenism on modern science, culture and education / scientific ed. by T.P. Minchenko. Tomsk, 2016 (in Russ.).
14. Civil Human rights in Russia: modern problems of theory and practice / ed. by F.M. Rudinsky. M., 2010. P. 13 (in Russ.).
15. Davis D. The Evolution of Religious freedom as a Universal human Right: a study of the role of the 1981 UN Declaration on the Elimination of All Forms of Intolerance and discrimination based on Religion or Belief // Protection of the individual from discrimination: textbook: in 3 vols. M., 2006. Vol. 3 (in Russ.).
16. Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2020. URL: <https://ombudsmanrf.org/content/doclad2020> (accessed: 21.07.2021) (in Russ.).
17. Kartukhin V. Yu. The use of the rules of legal technique in the law-making of the subjects of the Russian Federation // Modern jurisprudence. Actual problems of Russian law. URL: <http://www.>

- ibil.ru/index.php?type=review&area=1&p=articles&id=358 (accessed: 07.09.2021) (in Russ.).
18. *Krotkova N.V.* International ways of protecting human and civil rights and freedoms: constitutional and legal aspect // *Education and Law*. 2020. No. 2. P. 63–68. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10212 (in Russ.).
 19. *Krotkova N.V.* Human rights and sustainable development // *State and Law*. 1998. No. 1. P. 103–119 (in Russ.).
 20. *Lovinyukov A.S.* The USSR Law of 1990 on freedom of conscience and religious organizations // *Soviet State and Law*. 1991. No. 4. P. 23–25 (in Russ.).
 21. *Lovinyukov A.S.* Freedom of conscience (Analysis, practice, conclusions) // *State and Law*. 1995. No. 1. P. 26 (in Russ.).
 22. *Markova E.N.* The problem of the legal definition of religion // *Constitutional and Municipal Law*. 2018. No. 11. P. 34–45 (in Russ.).
 23. *Murdoch D.* Protection of the right to freedom of thought, conscience and religion within the framework of the European Convention for the Protection of Human Rights. Voronezh, 2014. P. 27, 28 (Series of manuals of the Council of Europe) (in Russ.).
 24. *Minchenko T.P.* The problem of freedom of conscience in the era of post-secularity: origins and prospects: dis. ... Dr. Philos. Sciences'. Tomsk, 2011. P. 12 (in Russ.).
 25. *Nikitaev D.M.* On the question of the modern definition of the concept and content of freedom of conscience // *Modern Lawyer*. 2018. No. 4 (25). P. 66–75 (in Russ.).
 26. *Nikitaev D.M., Bur'yanov S.A.* Problems of the realization of freedom of conscience in modern Russia and the world / scientific ed. by S.A. Bur'yanov. M., 2020 (in Russ.).
 27. Human rights in the Russian Federation: collection of reports on the events of 2018 / ed. and comp. N. Kostenko. M., 2019 (in Russ.).
 28. *Pchelintsev A.V.* Freedom of religion and religious associations in the Russian Federation (constitutional and legal research): dis. ... Doctor of Law. M., 2012. P. 15 (in Russ.).
 29. *Rozenbaum Yu.A.* The Soviet state and the Church / res. ed. B.M. Lazarev. M., 1985. P. 94 (in Russ.).
 30. *Rudinsky F.M.* Institute of Freedom of Conscience on Soviet State Law: abstract ... PhD in Law. Novosibirsk, 1963. P. 6 (in Russ.).
 31. *Savelyev V.N.* Freedom of conscience: history and theory. M., 1991. P. 97 (in Russ.).
 32. Freedom of conscience: problems of theory and practice / ed. by F.M. Rudinsky, S.A. Bur'yanov. M., 2012 (in Russ.).
 33. *So A.A.* Constitutional and legal foundations of freedom of religion and the activities of religious associations in Russia (on the example of the subjects of the Russian Federation of the North-Western Federal District): dis. ... PhD in Law. SPb., 2010. P. 7 (in Russ.).
 34. The HRC is concerned about the situation with the persecution of Jehovah's Witnesses. URL: <https://mhg.ru/news/spch-obe-spokoen-situaciy-s-goneniyami-na-svidetely-iegovy> (accessed: 21.07.2021) (in Russ.).
 35. *Teteryatnikov N. Yu.* Theoretical and legal aspects of freedom of conscience: dis. ... PhD in Law. Ekaterinburg, 2002. P. 10 (in Russ.).
 36. *Tikhonova E.V.* Institute of Freedom of Conscience and Freedom of Religion in the law of modern Russia: dis. ... PhD in Law. Tambov, 2006. P. 17 (in Russ.).
 37. A Closer Look at How Religious Restrictions Have Risen Around the World. Tenth annual report dives deeper into the ways government restrictions on religion and social hostilities involving religion have changed, from 2007 to 2017. Pew Research Center. URL: <https://www.pewforum.org/2019/07/15/a-closer-look-at-how-religious-restrictions-have-risen-around-the-world/> (accessed: 21.07.2021).
 38. *Buryanov S.A.* State Worldview Neutrality in the Context of Deteriorating Imbalances in Globalization: The Case and Current State of Affairs in the Russian Federation from 2016 to the Beginning of 2017. Amsterdam, 2018.
 39. *Drinan R.F.* Can God and Caesar Coexist? Balancing Religious Freedom and International Law. New Haven, 2004.
 40. *Durham W.C. Jr., Schraffs B.G.* Law and Religion: National, International, and Comparative Perspective. Aspen Publishers. 2009.
 41. *Robbers G.* State and Church in the European Union. 3rd ed. Baden-Baden, 2019.
 42. *Taylor P.M.* Freedom of Religion: UN and European Human Rights Law and Practice. Cambridge University Press, 2005.
 43. World Report – 2021 г. Our Annual Review of Human Rights Around the World. URL: <https://www.hrw.org/world-report/2021> (accessed: 21.07.2021).

Сведения об авторе

БУРЬЯНОВ Сергей Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права и прав человека Школы права Института права и управления Московского городского педагогического университета; 119017 г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16, стр. 10

Authors' information

BUR'YANOV Sergey A. — PhD in Law, Associate Professor, Department of International Law and Human Rights, School of Law, Institute of Law and Management, Moscow City Pedagogical University; 16, bld. 10 Novokuznetskaya str., 119017 Moscow, Russia

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ

© 2023 г. Л. В. Бормотова

Оренбургский государственный университет

E-mail: ogulada@rambler.ru

Поступила в редакцию 14.01.2022 г.

Аннотация. В настоящей статье с применением сравнительно-правового метода рассматриваются уголовно-процессуальные меры противодействия преступлениям экстремистской направленности. С этой целью исследовано законодательство нескольких государств, принадлежащих к различным правовым семьям. Автором сформулирован вывод, что в общемировых тенденциях противодействия экстремизму и терроризму происходит активное включение в уголовно-процессуальную сферу не только мер по выявлению и раскрытию преступлений обозначенной направленности, но также внедряются рекомпенсаторные технологии. Под ними в самом общем виде предложено понимать своеобразный отказ от процессуальной формы вообще или ее замена нетрадиционными инструментами в пользу итогового результата по уголовному делу.

Подобные средств борьбы с экстремизмом за рубежом имеют место быть там, где развито полицейское и судебное усмотрение, что существенным образом разнится с формализацией уголовного расследования и судебного разбирательства. В Российской Федерации отсутствует специальная процессуальная форма для уголовных дел по экстремизму или терроризму. В уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрена возможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и принятие судом в таком случае итогового решения в особом порядке. Зарубежные механизмы гораздо шире и зависят от усмотрения правоприменителя. При этом кроме суда право на упрощение или усложнение процедур может принадлежать прокуратуре или даже полиции. В этом, по мнению автора, коренное отличие подходов в вопросе борьбы с преступлениями экстремистской направленности и одновременно направление для размышлений о возможностях имплементации эффективных средств во внутреннее законодательство и практику.

Ключевые слова: борьба с экстремизмом, расследование преступлений экстремистской направленности, компаративистика, рекомпенсация.

Цитирование: Бормотова Л. В. Процессуальные средства борьбы с экстремизмом // Государство и право. 2023. № 2. С. 183–187.

DOI: 10.31857/S102694520018238-2

PROCEDURAL MEANS OF COMBATING EXTREMISM

© 2023 L. V. Bormotova

Orenburg State University

E-mail: ogulada@rambler.ru

Received 14.01.2022

Abstract. In this article, using the comparative legal method, criminal procedural measures to counter extremist crimes are considered. For this purpose, the legislation of several States belonging to different legal families has been studied. The author concludes that in the global trends of countering extremism and terrorism, there is an active inclusion in the criminal procedure sphere not only measures to identify and solve crimes of the designated orientation, but also reCOMPENSATORY technologies are being introduced. Under them, in the most general form, it is proposed to understand a kind of rejection of the procedural form in general or its replacement with non-traditional tools in favor of the final result in a criminal case.

Similar means of combating extremism abroad take place where police and judicial discretion is developed, which significantly differs from the formalization of criminal investigation and judicial proceedings. There is no special procedural form for criminal cases on extremism or terrorism in the Russian Federation. The criminal procedure legislation provides for the possibility of concluding a pre-trial cooperation agreement and the adoption of a final decision by the court in such a case in a special order. Foreign mechanisms are much broader and depend on the discretion of the law enforcement officer. At the same time, in addition to the court, the right to simplify or complicate procedures may belong to the prosecutor's office or even the police. This, according to the author, is the fundamental difference in approaches to combating extremist crimes and at the same time a direction for thinking about the possibilities of implementing effective means into domestic legislation and practice.

Key words: fight against extremism, investigation of extremist crimes, comparative studies, recompensation.

For citation: *Bormotova, L.V. (2023). Procedural means of combating extremism // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 183–187.*

Введение

Одна из глобальных угроз человечеству – дестабилизация развития общества, его социальной, политической, экономической устойчивости, целостности границ и территорий, единства и незыблемости национальных, духовных, культурных и нравственных ценностей путем создания международных экстремистских и террористических организаций. Российская Федерация как многонациональное, многокультурное, полирелигиозное государство с обширной территорией подвергается внутренним и внешним атакам со стороны националистических, радикально устремленных лиц и организаций. Остро стоит проблема вовлечения в эту деятельность граждан из молодежной и подростковой среды.

Вопросы борьбы с экстремистскими проявлениями являются предметом исследования в России и за рубежом. Специалисты зарубежных государств в основном исследуют угрозы террористического характера в тюремных условиях¹, социологию цифровой преступности и экстремистских угроз в сети Интернет², медиасфере³, прогнозированию экстремистских рисков в обществе⁴, правовой регламентации борьбы с терроризмом и экстремизмом⁵. Тогда как российские исследователи в последние годы занимаются поиском системных инструментов: консолидации правоохранительной деятельности различных ведомств в рассматриваемой области⁶; обеспечения

прав человека в условиях противодействия экстремизму⁷; уголовно-правовые в совокупности с криминологическими, пенитенциарными, оперативно-розыскными и процессуальными решениями⁸.

Статистика последних лет дает неутешительный прогноз о росте преступлений экстремистской направленности, в особенности с использованием ресурсов сети Интернет. Так, по данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2020 г. количество преступлений исследуемой группы возросло на 42% по отношению к 2019 г. (833 преступления, 367 из которых связаны с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности, а 339 преступлений было совершено с использованием цифровых ресурсов)⁹. По прогнозу Главного управления правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ, также следует ожидать значительного роста выявляемых и пресекаемых преступлений экстремистской направленности по итогам работы правоохранительных органов в 2021 г. (примерно на 1/3, исходя из данных за январь – июль 2021 г.¹⁰). При этом, сравнивая приведенные показатели с судебной статистикой о количестве оконченных производством уголовных дел и переданных в суд, а также рассмотренных в судах общей юрисдикции

¹ См.: An Exploratory Study of Possible Correlates of Individual Whistleblowing Propensity Among Sworn Staff in a City Jail / J.B. Wells, K.I. Minor, A. Reeves, E.G. Lambert // *Criminal Justice Policy Review*. 2020. DOI: 10.1177/0887403420919478

² См.: *Calderoni F., Superchi E.* The nature of organized crime leadership: criminal leaders in meeting and wiretap networks // *Crime, Law and Social Change*. 2019. Vol. 72. No. 4. P. 419–444. DOI: 10.1007/s10611-019-09829-6

³ См.: *Nickerson C.* Media portrayal of terrorism and Muslims: a content analysis of Turkey and France // *Crime, Law and Social Change*. 2019. Vol. 72. No. 5. P. 547–567. DOI: 10.1007/s10611-019-09837-6

⁴ См.: *Onat I., Gul Z.* Terrorism Risk Forecasting by Ideology // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2018. Vol. 24. No. 4. P. 433–449. DOI: 10.1007/s10610-017-9368-8; *Gatti M.* The Log in Your Eye: Is Europe's External Promotion of Religious Freedom Consistent With its Internal Practice? // *European Law Journal*. 2016. Vol. 22. No. 2. P. 250–267. DOI: 10.1111/eulj.12162

⁵ См.: *Hardimam-Mccartney A.* Controlling control orders: article 5 ECHR and the prevention of terrorism act 2005 // *The Cambridge Law Journal*. 2007. Vol. 66. No. 1. P. 6–8. DOI: 10.1017/S0008197307000219

⁶ См.: *Петрянин А.В.* Взаимодействие органов внутренних дел с представителями традиционных религиозных конфессий в области противодействия экстремизму // *Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2017. № 4 (40). С. 316, 317.

⁷ См.: *Редько А.А., Яловенко Т.В., Гасанкадиев Т.Г.* Приоритетные направления государственной политики по соблюдению прав человека в условиях противодействия терроризму и экстремизму // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2019. № 2 (49). С. 15–21. DOI: 10.25724/VAMVD.HJKL

⁸ См.: *Клебанов Л.П.* Проблемы борьбы с преступностью в XXI веке: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминологические решения // *Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки*. 2020. Т. 24. № 1. С. 186–192. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-186-192; *Хрулева В.В., Маслов И.С.* О некоторых проблемах борьбы с религиозным экстремизмом в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // *Пенитенциарная наука*. 2019. Т. 13. № 3. С. 355–360.

⁹ См.: Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 года. С. 8 // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. – Режим доступа: file:///C:/Users/user/Downloads/%D0%95%D0%B6%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%8F%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%81%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%B7%D0%B0%20%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%B1%D1%80%D1%8C%202020%20(1).pdf

¹⁰ См.: Состояние преступности в России за январь – июль 2021 года. С. 7 // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. – Режим доступа: file:///C:/Users/user/Downloads/%D0%95%D0%B6%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%8F%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%81%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%B7%D0%B0%20%D0%B8%D1%8E%D0%BB%D1%8C%202021.pdf

с вынесением окончательного решения, наблюдаем следующую картину¹¹:

1) соотношение выявленных и расследованных преступлений (833) экстремистской направленности и поступивших уголовных дел в суд (378) находится в пропорции 1:2, т.е. только каждое второе уголовное дело передается на рассмотрение в судебный орган;

2) соотношение поступивших уголовных дел в суд (378) и окончанных производством с вынесением приговора (220) составляет примерно ту же пропорцию 1:2, т.е. только каждому второму уголовному делу обвинение находит свое подтверждение посредством обвинительного приговора в суде;

3) особый порядок судебного разбирательства (гл. 40, 40¹ УПК РФ) был применен в отношении 251 подсудимого, тогда как всего по ст. 280, 280¹, 282–282³ УК РФ в 2020 г. передано в суд уголовных дел в отношении 498 лиц, что составляет также только ½ часть;

4) осуждены к реальному отбытию наказания 219 лиц, к остальным применены т.н. упрощенные технологии уголовного судопроизводства, содержание и целевое предназначение которых согласуется с ожидаемыми результатами реализации Стратегии противодействия экстремизму до 2025 года¹² и требует уточнения в законодательстве.

Примером таких процессуальных технологий в Российской Федерации является особый порядок принятия судом решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, а также при наличии по уголовному делу досудебного соглашения о сотрудничестве. Однако указанный порядок производства как упрощенная процессуальная форма с отказом от традиционного доказывания применяется только в ходе судебного производства и не влечет освобождения лица от ответственности или иного благоприятствования на этапе предварительного расследования. Вряд ли это вообще возможно в силу специфики объектов посягательства и сложности доказывания по делам о преступлениях экстремистской направленности и в соответствии со стратегическими указаниями Президента РФ. Правоохранительными органами, в том числе Следственным комитетом РФ, усиливается противодействие экстремистским угрозам: от ограничения въезда на территорию Российской Федерации отдельных лиц, блокировки информационных угроз, выявления и пресечения незаконного финансирования деятельности экстремистских организаций, аналогичной деятельности частных инвесторов до предложений о введении дополнительных составов преступлений (за противозаконный оборот цифровой валюты и нарушение правил совершения с ней сделок)¹³.

Применительно к рассматриваемой группе преступлений экстремистской направленности возможно исследовать и другие процессуальные инструменты, применяемые в зарубежных странах. Среди них можно выделить как нормы компенсаторного характера, не свойственные российскому предварительному расследованию, так и усложнения

начального этапа производства по уголовным делам рассматриваемой категории.

При этом поясним, что в Российской Федерации на уровне законодательства или общеправового значения термин «рекомпенсация» не используется. Тогда как в зарубежном законодательстве и практике он присутствует, правда, в ином значении, нежели механизмы, предусмотренные гл. 40 и 40¹ УПК РФ.

Под компенсацией в самом общем филологическом значении понимаются «негативные факты и явления, оцениваемые положительно»¹⁴. С точки зрения нормативного закрепления рекомпенсация – это своеобразный отказ от процессуальной формы вообще или ее замена нетрадиционными инструментами в пользу итогового результата: раскрытие преступления, установление лица, его совершившего, привлечение его к уголовной ответственности.

Республика Казахстан. В 2014 г. проведена двухвекторная унификация норм о досудебном производстве, введен институт «негласных следственных действий» (гл. 30 УПК РК), институт следственного судьи (ст. 55 УПК РК), произведен отказ от самостоятельной формы дознания (гл. 24 УПК РК). В 2017 г. введена система отсрочки регистрации сообщений о некоторых преступлениях, в том числе об экстремизме, ввиду затруднительности сбора доказательств и необходимости установления особых удлиненных сроков совершения действий неотложного характера. Это привело к озвучиванию предложений о введении особого вида производств. Так, А.Н. Ахпанов и А.Л. Хан предлагают ввести самостоятельную главу в действующий УПК РК об особенностях производства по уголовным делам о терроризме и экстремизме¹⁵.

Кыргызская Республика. Уголовно-процессуальное законодательство этого государства предусматривает ряд аналогичных мер противодействия экстремизму и терроризму с Республикой Казахстан, в том числе путем производства негласных следственных действий. Здесь они имеют статус «специальных» и объединены в одной ст. 213 УПК КР. В целом такие следственные действия производятся по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях по постановлению следственного судьи. Подобное нормативное закрепление, по замечанию А.К. Кулбаева¹⁶, характерно для некоторых государств постсоветского пространства, таких как Эстония, Литва, Латвия, Молдова, Грузия, Украина и Казахстан, и представляет собой своеобразную интеграцию оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности¹⁷.

В западных государствах процессуальные вопросы противодействия экстремизму не получили отдельного нормативного закрепления. Своеобразием в этом аспекте отличается законодательство Итальянской Республики.

В *Италии* борьба с административными и преступными проявлениями экстремистской направленности проводится в рамках единых механизмов. Процессуальное законодательство включает в себя особый порядок

¹¹ Анализ проведен на основе данных судебной статистики за 2020 год Судебного департамента при Верховном Суде РФ (см.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>).

¹² См.: Указ Президента РФ от 29.05.2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // СЗ РФ. 2020. № 22, ст. 3475.

¹³ См.: *Бастрыкин А.И.* Современные способы противодействия терроризму и экстремизму // Актуальные проблемы рос. права. 2021. № 6. С. 167–170.

¹⁴ *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань, 2010. С. 33.

¹⁵ См.: *Ахпанов А.Н., Хан А.Л.* Об усилении уголовно-процессуальных средств противодействия экстремизму и терроризму // Вестник Института законодательства РК. 2019. № 1 (55). С. 79.

¹⁶ См.: *Кулбаев А.К.* Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики 2017 года: новеллы: учеб.-практ. пособие. Бишкек, 2018. С. 32–34.

¹⁷ См.: там же. С. 33, 34.

расследования по данной категории преступлений. Так же, как и в законодательстве вышеуказанных стран, здесь произошла легализация результатов некоторых оперативно-розыскных мероприятий, например сведений, предоставляемых агентами-provokatorami. В отношении заподозренного лица постановление о его задержании выносится органами расследования¹⁸, что представляет собой своеобразный отказ от гарантий в отношении личности, т.н. рекомпенсацию.

Заключение

В целом все государства в борьбе с экстремизмом используют комплексный подход: превентивный, репрессивный, идеологический, информационный. Уголовно-процессуальные средства противодействия экстремизму в ходе досудебного производства могут быть дополнительным рычагом эффективного решения проблем. Однако следует учитывать разность правового регулирования и необходимость последовательного расширения дискреционных полномочий органов предварительного расследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахпанов А.Н., Хан А.Л.* Об усилении уголовно-процессуальных средств противодействия экстремизму и терроризму // Вестник Института законодательства РК. 2019. № 1 (55). С. 79.
2. *Бастрыкин А.И.* Современные способы противодействия терроризму и экстремизму // Актуальные проблемы рос. права. 2021. № 6. С. 167–170.
3. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань, 2010. С. 33.
4. *Клебанов Л.Р.* Проблемы борьбы с преступностью в XXI веке: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические решения // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 1. С. 186–192. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-186-192
5. *Кравцов Д.Ю.* Практика противодействия экстремизму в разных странах // NB: Административное право и практика администрирования. 2019. № 4. С. 24.
6. *Кулбаев А.К.* Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики 2017 года: новеллы: учеб.-практ. пособие. Бишкек, 2018. С. 32–34.
7. *Петрянин А.В.* Взаимодействие органов внутренних дел с представителями традиционных религиозных конфессий в области противодействия экстремизму // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 316, 317.
8. *Редько А.А., Яловенко Т.В., Гасанкадиев Т.Г.* Приоритетные направления государственной политики по соблюдению прав человека в условиях противодействия терроризму и экстремизму // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 15–21. DOI: 10.25724/VAMVD.HJKL
9. *Хрулева В.В., Маслов И.С.* О некоторых проблемах борьбы с религиозным экстремизмом в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13. № 3. С. 355–360.
10. An Exploratory Study of Possible Correlates of Individual Whistleblowing Propensity Among Sworn Staff in a City Jail / J.B. Wells, K.I. Minor, A. Reeves, E.G. Lambert // Criminal Justice Policy Review. 2020. DOI: 10.1177/0887403420919478

¹⁸ См.: *Кравцов Д.Ю.* Практика противодействия экстремизму в разных странах // NB: Административное право и практика администрирования. 2019. № 4. С. 24.

11. *Calderoni F., Superchi E.* The nature of organized crime leadership: criminal leaders in meeting and wiretap networks // Crime, Law and Social Change. 2019. Vol. 72. No. 4. P. 419–444. DOI: 10.1007/s10611-019-09829-6
12. *Hardimam-Mccartney A.* Controlling control orders: article 5 ECHR and the prevention of terrorism act 2005 // The Cambridge Law Journal. 2007. Vol. 66. No. 1. P. 6–8. DOI: 10.1017/S0008197307000219
13. *Gatti M.* The Log in Your Eye: Is Europe's External Promotion of Religious Freedom Consistent With its Internal Practice? // European Law Journal. 2016. Vol. 22. No. 2. P. 250–267. DOI: 10.1111/eulj.12162
14. *Nickerson C.* Media portrayal of terrorism and Muslims: a content analysis of Turkey and France // Crime, Law and Social Change. 2019. Vol. 72. No. 5. P. 547–567. DOI: 10.1007/s10611-019-09837-6
15. *Onat I., Gul Z.* Terrorism Risk Forecasting by Ideology // European Journal on Criminal Policy and Research. 2018. Vol. 24. No. 4. P. 433–449. DOI: 10.1007/s10610-017-9368-8

REFERENCES

1. *Akhpanov A.N., Khan A.L.* On strengthening criminal procedural means of countering extremism and terrorism // Herald of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan. 2019. No. 1 (55). P. 79 (in Russ.).
2. *Bastrykin A.I.* Modern ways of countering terrorism and extremism // Actual problems of Russ. law. 2021. No. 6. P. 167–170 (in Russ.).
3. *Zherebilo T.V.* Dictionary of linguistic terms. 5th ed., rev. and add. Nazran, 2010. P. 33 (in Russ.).
4. *Klebanov L.R.* Problems of combating crime in the XXI century: Criminal Law, criminal procedure and criminalistic solutions // Herald of the RUDN. Ser.: Legal Sciences. 2020. Vol. 24. No. 1. P. 186–192. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-186-192 (in Russ.).
5. *Kravtsov D. Yu.* The practice of countering extremism in different countries // NB: Administrative Law and practice of administration. 2019. No. 4. P. 24 (in Russ.).
6. *Kulbaev A.K.* Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic 2017: novels: educational and practical manual. Bishkek, 2018. P. 32–34 (in Russ.).
7. *Petryanin A.V.* Interaction of internal affairs bodies with representatives of traditional religious confessions in the field of countering extremism // Legal science and practice. Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 4 (40). P. 316, 317 (in Russ.).
8. *Redko A.A., Yalovenko T.V., Hasankadiev T.G.* Priority directions of state policy on the observance of human rights in the context of countering terrorism and extremism // Herald of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2 (49). P. 15–21. DOI: 10.25724/VAMVD.HJKL (in Russ.).
9. *Khruleva V.V., Maslov I.S.* On some problems of combating religious extremism in the penal system of the Russian Federation // Penitentiary Science. 2019. Vol. 13. No. 3. P. 355–360 (in Russ.).
10. An Exploratory Study of Possible Correlates of Individual Whistleblowing Propensity Among Sworn Staff in a City Jail / J.B. Wells, K.I. Minor, A. Reeves, E.G. Lambert // Criminal Justice Policy Review. 2020. DOI: 10.1177/0887403420919478
11. *Calderoni F., Superchi E.* The nature of organized crime leadership: criminal leaders in meeting and wiretap networks // Crime, Law and Social Change. 2019. Vol. 72. No. 4. P. 419–444. DOI: 10.1007/s10611-019-09829-6
12. *Hardimam-Mccartney A.* Controlling control orders: article 5 ECHR and the prevention of terrorism act 2005 // The Cam-

- bridge Law Journal. 2007. Vol. 66. No. 1. P. 6–8. DOI: 10.1017/S0008197307000219
13. *Gatti M.* The Log in Your Eye: Is Europe's External Promotion of Religious Freedom Consistent With its Internal Practice? // *European Law Journal*. 2016. Vol. 22. No. 2. P. 250–267. DOI: 10.1111/eulj.12162
14. *Nickerson C.* Media portrayal of terrorism and Muslims: a content analysis of Turkey and France // *Crime, Law and Social Change*. 2019. Vol. 72. No. 5. P. 547–567. DOI: 10.1007/s10611-019-09837-6
15. *Onat I., Gul Z.* Terrorism Risk Forecasting by Ideology // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2018. Vol. 24. No. 4. P. 433–449. DOI: 10.1007/s10610-017-9368-8

Сведения об авторе

БОРМОТОВА Ладмила Валерьевна —
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Оренбургского государственного университета;
460018 г. Оренбург, проспект Победы, д. 13
ORCID: 0000-0002-6003-2675

Authors' information

BORMOTOVA Ladmila V. —
PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Criminal Procedure
and Criminalistics of Orenburg State University;
13 Pobedy ave., 460018 Orenburg, Russia

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА

© 2023 г. Н. И. Соловяненко

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: nina.coshkina@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.08.2022 г.

Аннотация. В статье применение цифровых технологий в большинстве сфер деятельности рассматривается в свете глобальной характеристики постиндустриального общества – технологизации большинства сфер жизни человека. Автор исследует один из наиболее острых вопросов цифровой эпохи – растущий цифровой разрыв (от англ. *digital divide*), или цифровое неравенство, в отношении возможностей доступа к информационным технологиям и их использования в экономике, в том числе процедурах защиты прав и законных интересов субъектов цифровой экономики. Отмечается разрушительный признак современного цифрового разрыва – отсутствие цифровой грамотности, знаний или навыков решения проблем для выполнения задач в цифровой среде. Делается вывод о том, что исследования в области права не должны игнорировать последствия цифрового неравенства: невыгодное положение малого и среднего бизнеса в правовых отношениях с крупными поставщиками технологий, невозможность оценить контрактные условия ввиду перегруженности технологической терминологией, ущерб вследствие неадекватной оценки риска безопасности, пренебрежение требованиями кибергигиены и др. Преодоление цифрового неравенства сторон при использовании онлайн-новых механизмов защиты прав и законных интересов исключает сугубо технократический подход и соответствует правилам справедливого судебного разбирательства.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой разрыв, цифровые данные, управление данными, договорные правоотношения, кибергигиена, онлайн-разрешение споров, цифровые платформы, правосудие, справедливое судебное разбирательство.

Цитирование: Соловяненко Н. И. Проблемы реализации и защиты прав участников экономических отношений в условиях цифрового неравенства // Государство и право. 2023. № 2. С. 188–193.

DOI: 10.31857/S102694520024344-9

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION AND PROTECTION OF THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN ECONOMIC RELATIONS IN THE CONDITIONS OF THE DIGITAL DIVIDE

© 2023 N. I. Solovyanenko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: nina.coshkina@yandex.ru

Received 30.08.2022

Abstract. The article considers the use of digital technologies in most areas of business activity in the light of the global characteristics of post-industrial society – the technologization of most areas of human life. The author explores one of the most pressing issues of the digital era – the growing digital divide (from the English *digital divide*), or digital inequality in terms of access to information technologies and their use in economic, including procedures for protecting the rights and legitimate interests of subjects of the digital economy. There is a destructive sign of the modern digital divide – the lack of digital literacy, knowledge or problem-solving skills

to perform tasks in a digital environment. It is concluded that research in the field of law should not ignore the consequences of digital inequality: the disadvantage of small and medium-sized businesses in legal relations with large technology suppliers, the inability to assess contractual conditions due to overloading with technological terminology, damage due to inadequate assessment of security risk, neglect of cyber hygiene requirements, and others. Overcoming the digital inequality of the parties when using online mechanisms for the protection of rights and legitimate interests excludes a purely technocratic approach and complies with the rules of fair trial.

Key words: digitalization, digital divide, digital data, data management, contractual legal relations, cyber hygiene, online dispute resolution, digital platforms, justice, fair trial.

For citation: Solovyanenko, N.I. (2023). Problems of implementation and protection of the rights of participants in economic relations in the conditions of the digital divide // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 188–193.

Инновационное развитие современного общества, вхождение его в постиндустриальную цифровую эпоху привело к тому, что значительная часть общественных, в том числе экономических, отношений мигрировала в цифровые пространства. Представители философской науки констатируют, что «общественное развитие в течение века подвергается сложным социокультурным трансформациям, к которым относится такое свойство постиндустриальной эпохи, как технологизация большинства сфер жизни человека»¹. В 1976 г. социолог и социальный теоретик Дэниел Белл в исторической работе «Приход постиндустриального общества: попытка социального прогнозирования» предвидел формирование общества, которое будет опираться на «экономику информации», а не на «экономику товаров», что, в свою очередь, связано с расширением сферы услуг в экономическом секторе и возрастающей зависимостью от науки как средства внедрения инноваций и организации технологических изменений. Мы должны ожидать «новых предпосылок и новых полномочий, новых ограничений и новых вопросов с той разницей, что теперь они достигают масштабов, которые ранее никогда не представлялись в мировой истории»².

Цифровые технологии охватывают самый широкий спектр экономических отношений, в которых участвуют физические и юридические лица: поставку товаров и услуг, включая международную торговлю; финансовые операции; применение электронных средств платежа; использование автоматизированных систем и искусственного интеллекта для управления производственными и сбытовыми цепочками, в том числе в агропромышленном и продовольственном секторах; платформенные и экосистемные бизнес-решения, интегрирующие механизм урегулирования конфликтных ситуаций, и многие другие. В особенности следует отметить разнообразие технологий и технических средств, применяемых в процедурах защиты прав и законных интересов субъектов цифровой экономики: видеоконференцсвязь для проведения судебных заседаний, облачные платформы для управления ходом рассмотрения дела, технологию виртуальной реальности, позволяющую создавать виртуальную интерактивную среду с эффектом присутствия³, асинхронные слушания и другие нововведения, которые, по всей вероятности, изменят

способы урегулирования споров, сохраняя неизменной задачу вынесения справедливого решения⁴.

«Мир переходит от аналогового к цифровому быстрее, чем когда-либо прежде, еще больше открывая для нас огромный потенциал и опасность новых технологий. В то время как цифровая эра принесла обществу много невероятных возможностей, мы также сталкиваемся со многими проблемами...»⁵. Среди наиболее острых вопросов, решение которых стоит на повестке дня, — «растущее цифровое неравенство»⁶ и способы его преодоления.

Цифровое неравенство, или цифровой разрыв (от англ. *digital divide*), — термин, обозначающий неравномерное распределение информационно-коммуникационных технологий в обществе. «Цифровой разрыв» относится к неравенству между отдельными лицами, домохозяйствами, предприятиями и географическими районами как в отношении их возможностей доступа к информации и технологиям связи, так и в отношении использования Интернета для широкого спектра видов деятельности⁷. В начале эпохи господства сети Интернет цифровой разрыв был в первую очередь связан с отсутствием доступа к сетевой телекоммуникационной инфраструктуре, цифровым устройствам, услугам, контенту. Сегодня первостепенное значение имеют цифровые навыки пользователей. Речь идет о технологических и информационно-аналитических навыках, личной осведомленности, мотивации пользователей и готовности к постоянному переобучению⁸. Этот относительно новый подход к цифровому неравенству, который не только учитывает различные

⁴ См.: Михайлова Е. В. Цифровизация права в контексте его сущности и применения // Теория и практика общественного развития. 2021. № 7 (161). С. 83–86; Малько А. В., Афанасьев С. Ф., Борисова В. Ф., Кроткова Н. В. Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. № 10. С. 151–159. DOI: 10.31857/S102694520012242-7

⁵ Дорожная карта по цифровому сотрудничеству: осуществление рекомендаций Группы высокого уровня по цифровому сотрудничеству. Доклад Генерального секретаря. Организация Объединенных Наций A/74/821. Генеральная Ассамблея 29 мая 2020 г. Russian. Original: English. Дорожная карта Генерального секретаря по цифровому сотрудничеству (un.org).

⁶ Там же.

⁷ В посвященных проблеме цифрового разрыва исследованиях Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) 2001 г. указывается основополагающее значение доступа к базовой телекоммуникационной инфраструктуре, поскольку он предшествует доступу к Интернету и его использованию (см.: URL: <https://www.oecd.org/sti/1888451.pdf>).

⁸ См.: Вартанова Е. Л., Гладкова А. А. Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений // Вестник Московского ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2021. № 1. С. 3–29; Van Dijck Jose, Hacker Kenneth. 'The Digital Divide as a Complex and Dynamic Phenomenon' (2011). The Information Society 19(4):315–326. DOI: 10.1080/01972240309487

¹ Ильичев Е. Б. Технокультура глобального гражданского общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Гражданское общество: истоки и современность». Севастополь, 2013. С. 17, 18.

² Bell D. Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. Paperback, Special Anniversary Edition, Published 1999 by Basic Books, Perseus Books Group (first published 1973).

³ См.: Лантев В. А. Искусственный интеллект в суде (Judicial AI): правовые основы и перспективы его работы // Росс. юстиция. 2021. № 7. С. 10–13.

аспекты доступа к технологиям и цифровой грамотности, но и принимает во внимание дифференцированные результаты и риски использования новых технологий⁹. Недостаточные цифровые навыки являются значительным фактором нежелания или неспособности использовать цифровые технологии, а также могут приводить к непреднамеренным ошибкам или небезопасному цифровому взаимодействию¹⁰.

В последние десятилетия цифровизация стала важнейшим инструментом эффективной экономики. Соответственно, исследования в области права не должны упускать из виду правовые последствия цифрового неравенства, которое не только «воспроизводит давнее социально-экономическое неравенство, но и может становиться самостоятельным источником отчуждения. Кризис с коронавирусом выявил проблему «исключения из цифровой революции». В то время как некоторые исключены, потому что у них нет доступа к Интернету, другие исключены, потому что у них нет технических или социальных навыков для использования цифровых технологий»¹¹.

Так, в агропродовольственном секторе преимущества цифровизации связаны со сбором, использованием и обменом большого объема сельскохозяйственных данных¹². Такие данные имеют коммерческое значение, являются ценным ресурсом для поставщиков сельскохозяйственной продукции и услуг. Соответственно, расширение доступа к ним заинтересованных сторон влияет на конкуренцию в названном секторе, а также на разработку государственной политики и правового регулирования, поощряющего производство более здоровой и экологически устойчивой продовольственной продукции. Доступность данных изменяет бизнес-модели, стимулируя сотрудничество, например, между поставщиками оборудования и цифрового программного обеспечения в целях адаптации продуктов и услуг для сельского хозяйства.

Вместе с тем результаты европейских исследований показывают наличие социальных, экономических и юридических проблем, вызванных информационной асимметрией в процессе взаимодействия сельскохозяйственных производителей с поставщиками техники и услуг, а также отсутствием необходимой цифровой грамотности у фермеров¹³. В результате проявляется дисбаланс в установлении договорных правоотношений: цифровое неравенство при заключении контракта может поставить фермеров

в невыгодное положение по сравнению с крупными поставщиками технологий и негативно сказаться на способности договариваться об условиях, регулирующих использование сельскохозяйственных данных в рамках контрактов, например, в тех случаях, когда условия лицензий на использование сельскохозяйственных данных допускают значительные права доступа к ним для третьих лиц. Большая часть сельскохозяйственных данных собирается на фермах, но обрабатывается с помощью программного обеспечения, права на которое не принадлежат фермерам, что вызывает закономерный вопрос: каким образом осуществляется управление этими данными, т.е. кто контролирует их и вправе извлекать из них ценность? Для решения вопросов управления данными используются подробные и сложные контракты, регулирующие отношения между фермерами и поставщиками техники и услуг, которые потенциально заинтересованы в полученных сельскохозяйственных данных. Терминология, применяемая в подобных контрактах, может быть предельно технологической, неясной для фермеров, и особенно для мелких и средних производителей, не имеющих необходимых знаний или поддержки специалистов. Особой проблемой являются условия, регулирующие безопасность и защиту данных, если они не понятны фермерам. Такая ситуация усиливает скептицизм сельскохозяйственных производителей по отношению к поставщикам технологий и укрепляет в некоторых фермерских сообществах идею о том, что внедрение цифровых решений на фермах несут больше рисков, чем преимуществ.

Российские исследователи отмечают, наряду с наличием выгоды от применения цифровых технологий и большого потенциала для развития сельского хозяйства, включая государственную поддержку¹⁴, тот факт, что только 5% сельскохозяйственных товаропроизводителей при осуществлении предпринимательской деятельности используют инновационные разработки¹⁵. В числе причин, которыми обусловлено технологическое отставание российского агросектора, указываются недостаточное сопровождение со стороны компании-разработчика на этапе внедрения программного обеспечения, риски на этапе внедрения продукта в течение нескольких лет, отсутствие в ряде сельских населенных пунктов сети Интернет, а также квалифицированных сотрудников, способных работать с новыми технологиями¹⁶. По сути, названные причины свидетельствуют о наличии цифрового неравенства в отношении как возможностей доступа сельскохозяйственных товаропроизводителей к технологиям связи, так и использования ими современных информационных технологий в своей деятельности. Ситуация усугубляется тем, что законодательная основа, в том числе использования сельскохозяйственных данных, сложна и / или фрагментарна, а совершенствование правового регулирования происходит медленнее, чем разработка и внедрение высоких технологий. В этой связи

⁹ См.: Lutz C. Digital inequalities in the age of artificial intelligence and big data. *Hum Behav & Emerg Tech.* 2019, 1:141–148. <https://doi.org/10.1002/hbe2.140148LUTZ>

¹⁰ См.: *Ranchordas S.* The Digitalization of Government and Digital Exclusion: Setting the Scene (April 29, 2020), forthcoming // In: *Ferreira Mendes, G. & Blanco de Moraes, C. (eds)* Direito Publico e Internet: Democracia, Redes Sociais e Regulação do Ciberespaço (FGV / IDP / Univ. Lisboa 2020). URL: <https://ssrn.com/abstract=3663051> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3663051>

¹¹ Ibid.

¹² «“Цифровая революция” в сельском хозяйстве дает возможность подключить все производственные процессы к одной большой платформе, позволяющей собирать, систематизировать и обмениваться информацией с ферм и полей в онлайн-режиме и корректировать работы на производственных участках в зависимости от полученной информации» (см.: Переход сельхозпроизводства на цифровые технологии обсудили на бизнес-форуме специалисты России и Италии // *Росс. газ.* 2021. 19 февр.).

¹³ См.: *Jouanjan M. et al.* (2020). Issues around data governance in the digital transformation of agriculture: The farmers' perspective // *OECD Food, Agriculture and Fisheries Papers*, No. 146, OECD Publishing, Paris. <https://doi.org/10.1787/53ecf2ab-en>

¹⁴ Начиная с 2017 г., когда Министерство сельского хозяйства РФ поддержало внедрение в аграрную отрасль современных информационных технологий: точного земледелия, беспилотных летательных аппаратов и интернета вещей.

¹⁵ См.: *Скворцова А.* AgroTech в России и в мире: как технологии меняют животноводство // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6200c06a9a794763b645893b> (дата обращения: 28.08.2022).

¹⁶ См.: *Ельникова Е. В.* Правовые основы использования цифровых технологий для развития российского агробизнеса // *Современные проблемы и перспективы развития частного и публично-правового регулирования: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета. Уфа, 2022. С. 105–111.*

экономический и юридический механизм, способствующий преодолению «цифрового неравенства» в сфере сельского хозяйства, должен включать обязательные требования к программам обучения представителей агробизнеса, направленные на развитие навыков работы с цифровыми технологиями; инвестирование средств в развитие междисциплинарных навыков и знаний; разработку системы услуг независимых консультантов, в том числе юристов, готовых поддержать фермеров в принятии решений. Согласимся с Е. В. Ельниковой в том, что необходимо «установить круг субъектов гражданско-правовой ответственности в случае причинения имущественного вреда в результате использования цифровых технологий; ее размера и пределов, а также оснований освобождения от гражданско-правовой ответственности»¹⁷.

Цифровое неравенство в его многомерных проявлениях значительно усиливает риски конфиденциальности и безопасности. Недостаточная цифровая грамотность человека – отсутствие знаний или навыков решения проблем для выполнения повседневных задач в цифровой среде отрицательно сказывается на его умении адекватно оценивать риски. «Невежество и недостаточная осведомленность о кибератаках приводят к их быстрому росту. Например, большинству онлайн-пользователей трудно отличить реальный веб-сайт от поддельного»¹⁸.

Использование электронных (цифровых) средств в экономической деятельности настолько же упрощает ее, насколько и усложняет, предъявляет повышенные требования к цифровым навыкам, в том числе в связи с выполнением операций в сфере бизнеса. Отсутствие необходимых навыков пользователя делает такого человека «слабым звеном» цифрового делового взаимодействия.

По убеждению специалистов в области связи и информации, необходимо, чтобы отдельные люди соблюдали правила кибергигиены и безопасного использования сети Интернет на работе и дома. Кибергигиена отличается от кибербезопасности, она относится к каждому отдельному человеку и является обязанностью каждого отдельного человека¹⁹.

Неисполнение требований кибергигиены, игнорирование инструкций и должностных обязанностей усиливает риск причинения имущественного вреда, нарушения законных интересов и прав. Это подтверждается судебной практикой.

Так, ПАО «Промсвязьбанк» предоставляет клиенту ООО «АПЕКС-энерго» (истцу) услугу дистанционного доступа управления счетом в соответствии с Правилами обмена электронными документами по системе PSBOn-Line, к которым ООО «АПЕКС-энерго» присоединился. Клиент ознакомился с Правилами комплексного банковского обслуживания, Правилами PSBOn-Line, согласился с ними и обязался их выполнять. Клиенту был открыт банковский счет. Уполномоченному лицу клиента банком было передано аппаратное устройство криптографии (USB-ключ) – eToken, а также выдан сертификат ключа проверки подлинности электронной подписи (СКП ЭП). Владелец данного

сертификата – уполномоченное лицо клиента. Срок действия сертификата – с 17 февраля 2020 г. по 16 февраля 2021 г.

27 марта 2020 г. со счета истца, открытого в Ярославском филиале ПАО «Промсвязьбанк», несанкционированно были списаны денежные средства в общем размере 1 912 070 руб. путем создания в системе PSBOn-Line платежных поручений на неизвестных истцу физических лиц. Операции по перечислению денежных средств в соответствии с платежными поручениями проводились в рабочий день и рабочие часы. Выпиской из журнала аудита событий системы PSBOn-Line подтверждалось, что платежные поручения поступили в кредитную организацию от имени ООО «АПЕКС-энерго» с компьютера, ранее используемого истцом для проведения операций по счету, и с его обычного IP-адреса, содержало корректную электронную подпись уполномоченного лица клиента, в связи с чем исполнено банком. В ходе проведенной ПАО «Промсвязьбанк» проверки было выявлено, что несанкционированное списание денежных средств со счета ООО «АПЕКС-энерго» было произведено вследствие несоблюдения истцом мер безопасности по использованию электронной подписи (ключевого носителя e-Token). Данные обстоятельства нашли свое подтверждение и в судебном заседании. Допрошенные в суде сотрудники истца подтвердили, что вопреки правилам безопасности ключевой носитель из компьютера не вынимался и находился в компьютере во время сбоя его работы²⁰.

В сфере цифровой экономики особое внимание уделяется вопросам урегулирования споров. Цифровое неравенство сторон и его преодоление при применении процедур защиты прав и законных интересов является сегодня более важной темой для рассмотрения как юристами, так и техническими специалистами, чем когда-либо, поскольку она затрагивает фундаментальное право на доступ к судопроизводству. Онлайн-механизмы разрешения споров должны исключать сугубо «технократическое отношение»²¹ к данным процедурам и соответствовать ключевым принципам справедливого судебного разбирательства, поскольку «правосудие – это, как известно, суд правый, т.е. справедливый»²².

Разрешение споров онлайн может быть применено в качестве инструмента регулирования споров для любых процедур (судебные процессы и альтернативные варианты разрешения споров). Стороны должны быть проинформированы о том, как указанный механизм работает, как подать заявление, отслеживать ход разбирательства и получить доступ к решениям. Использование механизма онлайн-разрешения споров не должно быть невыгодным для сторон или давать несправедливое преимущество одной из них. Стороны должны быть уведомлены, когда предполагается, что их дело будет рассмотрено с привлечением механизма искусственного интеллекта. Справедливость требует, чтобы сторонам разбирательства, связанного с механизмом онлайн-разрешения споров, было разрешено представлять доказательства таким образом, чтобы не ставить их в невыгодное положение по сравнению с другими сторонами. Должны быть приведены достаточные основания для решений, принятых с использованием онлайн-разрешения

¹⁷ Ельникова Е. В. Указ. соч. С. 110.

¹⁸ Airehrou D., Vasudevan N., Madanian N. Social Engineering Attacks and Countermeasures in the New Zealand Banking System: Advancing a User-Reflective Mitigation Model. DOI: 10.3390/info9050110

¹⁹ См.: Oravec Jo Ann. Emerging “Cyber hygiene” practices for the Internet of Things (IoT): Professional issues in consulting clients and educating users on IoT privacy and security // In: Professional Communication Conference (ProComm), 2017 IEEE International. P. 1–5.

²⁰ См.: Решение Ленинского районного суда г. Ярославля от 20.09.2021 г. по делу № 2-1162/2021 // В официальных источниках опубликовано не было.

²¹ Овчинников А. И. Риски в процессах цифровизации права // Юрид. техника. 2019. № 13. С. 257–261.

²² Михайлова Е. В. Указ. соч. С. 85.

споров, в частности решений, принятых с привлечением механизмов искусственного интеллекта. В тех случаях, когда национальное законодательство допускает чисто автоматизированные решения, такие решения должны быть открыты для рассмотрения судьей.

Вместе с тем в документах Рабочей группы по урегулированию споров Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) отмечается, что, несмотря на все преимущества технологий, их использование может вызывать вопросы с точки зрения равенства и процессуальной справедливости²³. Общее понимание заключается в том, что стороны вправе использовать любые технические средства по своему усмотрению в той мере, в какой они пользуются ими для своих внутренних целей. Проблемы же возникают тогда, когда стороны используют некоторые технические средства для изложения дела, особенно если в результате стороны оказываются в неравном положении в плане финансовых затрат и доступности технологий. В онлайн-среде могут возникать различные сложные ситуации, например трудности с доступом (особенно для людей с ограниченными возможностями), которые могут вызвать сомнения относительно равноправия сторон и наличия у них одинаковых возможностей для изложения дела. Для успешного опроса свидетелей в режиме онлайн требуется высокое качество звука и изображения и стабильное подключение к сети Интернет, что не всегда может быть обеспечено.

Хотя система урегулирования споров в режиме онлайн имеет такие очевидные преимущества, так оперативность и эффективность, необходимо понимать и связанные с ней риски, например отсутствие ясности в том, насколько осознанным является согласие сторон на применение данного механизма, что может зависеть от таких факторов, как устройство соответствующей платформы и набор предлагаемых на ней услуг. В случае применения средств анализа данных и искусственного интеллекта следует учесть, что в некоторых случаях принятие решений на платформах происходит на основе алгоритмов или в отсутствие стандартов, что ставит под сомнение справедливость разбирательства и исхода дела.

В целях преодоления цифрового неравенства при использовании онлайн-разрешения споров на данные процедуры целесообразно распространить действие тех же стандартов конфиденциальности и надлежащих правовых процедур, какие применяются к процессу урегулирования споров в офлайн-контексте, в частности стандарты независимости, нейтральности и беспристрастности. Чтобы обеспечить справедливость разбирательства и равноправие сторон, поставщику указанных услуг надлежит проводить пробные заседания для ознакомления участников с системой и поручать администраторам решать любые технические проблемы, возникающие во время слушаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вартанова Е.Л., Гладкова А.А.* Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений // Вестник Московского ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2021. № 1. С. 3–29.
2. *Ельникова Е.В.* Правовые основы использования цифровых технологий для развития российского агробизнеса // Совре-

²³ См.: А/CN.9/1091 – Доклад Коллоквиума по теме возможной будущей работы в области урегулирования споров, проведенного в ходе семьдесят пятой сессии Рабочей группы II.

менные проблемы и перспективы развития частноправового и публично-правового регулирования: сб. материалов V Международ. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета. Уфа, 2022. С. 105–111.

3. *Ильянович Е.Б.* Технокультура глобального гражданского общества: материалы Международ. науч.-практ. конф. «Гражданское общество: истоки и современность». Севастополь, 2013. С. 17, 18.
4. *Лантев В.А.* Искусственный интеллект в суде (Judicial AI): правовые основы и перспективы его работы // Росс. юстиция. 2021. № 7. С. 10–13.
5. *Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В.* Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. № 10. С. 151–159. DOI: 10.31857/S102694520012242-7
6. *Михайлова Е.В.* Цифровизация права в контексте его сущности и применения // Теория и практика общественного развития. 2021. № 7 (161). С. 83–86.
7. *Овчинников А.И.* Риски в процессах цифровизации права // Юрид. техника. 2019. № 13. С. 257–261.
8. *Скворцова А.* AgroTech в России и в мире: как технологии меняют животноводство // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6200c06a9a794763b645893b> (дата обращения: 28.08.2022).
9. *Airehrou D., Vasudevan N., Madanian N.* Social Engineering Attacks and Countermeasures in the New Zealand Banking System: Advancing a User-Reflective Mitigation Model. DOI: 10.3390/info9050110
10. *Bell D.* Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. Paperback, Special Anniversary Edition, Published 1999 by Basic Books, Perseus Books Group (first published 1973).
11. *Jouanjean M. et al.* (2020). Issues around data governance in the digital transformation of agriculture: The farmers' perspective // OECD Food, Agriculture and Fisheries Papers, No. 146, OECD Publishing, Paris. <https://doi.org/10.1787/53ecf2ab-en>
12. *Lutz C.* Digital inequalities in the age of artificial intelligence and big data. Hum Behav & Emerg Tech. 2019; 1:141–148. <https://doi.org/10.1002/hbe2.140148LUTZ>
13. *Oravec Jo Ann.* Emerging “Cyber hygiene” practices for the Internet of Things (IoT): Professional issues in consulting clients and educating users on IoT privacy and security // In: Professional Communication Conference (ProComm), 2017 IEEE International. P. 1–5.
14. *Ranchordas S.* The Digitalization of Government and Digital Exclusion: Setting the Scene (April 29, 2020), forthcoming // In: *Ferreira Mendes, G. & Blanco de Morais, C. (eds)* Direito Publico e Internet: Democracia, Redes Sociais e Regulação do Ciberespaço (FGV / IDP / Univ. Lisboa 2020). URL: <https://ssrn.com/abstract=3663051> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3663051>
15. *Van Dijik Jose, Hacker Kenneth.* ‘The Digital Divide as a Complex and Dynamic Phenomenon’ (2011). The Information Society 19(4):315–326. DOI: 10.1080/01972240309487

REFERENCES

1. *Vartanova E.L., Gladkova A.A.* Digital inequality, digital capital, digital inclusion: dynamics of theoretical approaches and political decisions // Herald of the Moscow University. Ser. 10: Journalism. 2021. No. 1. P. 3–29 (in Russ.).
2. *Elnikova E.V.* Legal foundations of the use of digital technologies for the development of Russian agribusiness // Modern problems and prospects for the development of private law and public law regulation: collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference dedicated to the 20th anniversary of the

- Department of Civil Law of the Bashkir State University Institute of Law. Ufa, 2022. P. 105–111 (in Russ.).
3. *Ilyanovich E.B.* Technoculture of global civil society: Materials of the International Scientific and Practical Conference “Civil Society: origins and modernity”. Sevastopol, 2013. P. 17, 18 (in Russ.).
 4. *Lapteva V.A.* Artificial intelligence in court (Judicial AI): legal foundations and prospects of its work // Russ. Justice. 2021. No. 7. P. 10–13 (in Russ.).
 5. *Mal'ko A.V., Afanasyev S.F., Borisova V.F., Krotkova N.V.* Problems of digitalization in the sphere of justice // State and Law. 2020. No. 10. P. 151–159. DOI: 10.31857/S102694520012242-7 (in Russ.).
 6. *Mikhailova E.V.* Digitalization of law in the context of its essence and application // Theory and practice of social development. 2021. No. 7 (161). P. 83–86 (in Russ.).
 7. *Ovchinnikov A.I.* Risks in the processes of digitalization of law // Legal technique. 2019. No. 13. P. 257–261 (in Russ.).
 8. *Skvortsova A.* AgroTech in Russia and in the world: how technologies change animal husbandry // RBC [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6200c06a9a794763b645893b> (accessed: 28.08.2022) (in Russ.).
 9. *Airehrou D., Vasudevan N., Madanian N.* Social Engineering Attacks and Countermeasures in the New Zealand Banking System: Advancing a User-Reflective Mitigation Model. DOI: 10.3390/info9050110
 10. *Bell D.* Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. Paperback, Special Anniversary Edition, Published 1999 by Basic Books, Perseus Books Group (first published 1973).
 11. *Jouanjean M. et al.* (2020). Issues around data governance in the digital transformation of agriculture: The farmers’ perspective // OECD Food, Agriculture and Fisheries Papers, No. 146, OECD Publishing, Paris. <https://doi.org/10.1787/53ecf2ab-en>
 12. *Lutz C.* Digital inequalities in the age of artificial intelligence and big data. Hum Behav & Emerg Tech. 2019; 1:141–148. <https://doi.org/10.1002/hbe2.140148LUTZ>
 13. *Oravec Jo Ann.* Emerging “Cyber hygiene” practices for the Internet of Things (IoT): Professional issues in consulting clients and educating users on IoT privacy and security // In: Professional Communication Conference (ProComm), 2017 IEEE International. P. 1–5.
 14. *Ranchordas S.* The Digitalization of Government and Digital Exclusion: Setting the Scene (April 29, 2020), forthcoming // In: *Ferreira Mendes, G. & Blanco de Morais, C. (eds) Direito Publico e Internet: Democracia, Redes Sociais e Regulação do Ciberespaço (FGV / IDP / Univ. Lisboa 2020)*. URL: <https://ssrn.com/abstract=3663051> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3663051>
 15. *Van Dijuk Jose, Hacker Kenneth.* ‘The Digital Divide as a Complex and Dynamic Phenomenon’ (2011). The Information Society 19(4):315–326. DOI: 10.1080/01972240309487

Сведения об авторе

СОЛОВЯНЕНКО Нина Ивановна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors’ information

SOLOVYANENKO Nina I. – PhD in Law, Senior Researcher of the Procedural Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

**ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ
АКАДЕМИКА РАН В.С. НЕРСЕЯНЦА
(Всероссийская научная конференция с международным участием)**

© 2023 г. И. П. Кожокар*, В. В. Лапаева**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: 89272234877@mail.ru

**E-mail: lapaeva07@mail.ru

Поступила в редакцию 20.11.2022 г.

Аннотация. 28–29 октября 2022 г. в Институте государства и права Российской академии наук состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Философско-правовые чтения памяти академика РАН В.С. Нерсесянца», посвященная теме «Правовое развитие России: прошлое, настоящее, будущее». На конференции были рассмотрены проблематика, включающая в себя роль отечественной и зарубежной философии права в правовом развитии России; актуальные теоретические проблемы правоприменения; вопросы совершенствования юридической догматики; направления развития юридического образования в России. В Философских чтениях приняли участие представители ведущих научных и учебных учреждений страны, а также исследователи из Республики Беларусь.

Ключевые слова: правовое развитие, философия права, В.С. Нерсесянц, либертарно-юридическая теория, принцип формального равенства, концепция цивилизма, догма права, юридическое образование.

Цитирование: Кожокар И.П., Лапаева В.В. Философско-правовые чтения памяти академика РАН В.С. Нерсесянца (Всероссийская научная конференция с международным участием) // Государство и право. 2023. № 2. С. 194–203.

DOI: 10.31857/S102694520024325-8

**PHILOSOPHICAL AND LEGAL READINGS OF MEMORY ACADEMICIAN
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES V.S. NERSESYANTS
(All-Russian Scientific Conference with international participation)**

© 2023 I. P. Kozhokar*, V. V. Lapaeva**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: 89272234877@mail.ru

**E-mail: lapaeva07@mail.ru

Received 20.11.2022

Abstract. The All-Russian Scientific Conference with international participation “Philosophical and law readings of memory Academician of the Russian Academy of Sciences V.S. Nersesyants” devoted to the theme “Law development of Russia: past, present, future” was held on the 28–29 of October 2022 at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. In the conference considered the problems, including the role of domestic and foreign Philosophy of Law in the law development of Russia; actual theoretical problems of law enforcement; issues of improvement of legal dogmatics; directions of development of law education in Russia. The Philosophical readings were attended by representatives of the leading scientific and educational institutions of the country, as well as researchers from the Republic of Belarus.

Key words: law development, Philosophy of Law, V.S. Nersesyants, libertarian law theory, the principle of formal equality, the concept of civilism, legal dogma, law education.

For citation: Kozhokar, I.P., Lapaeva, V.V. (2023). Philosophical and legal readings of memory Academician of the Russian Academy of Sciences V.S. Nersesyants (All-Russian Scientific Conference with international participation) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 194–203.

В октябре 2022 г. в Институте государства и права Российской академии наук состоялись очередные ежегодные Философско-правовые чтения памяти академика РАН В.С. Нерсесянца, посвященные актуальным проблемам правового развития России. В Философских чтениях, прошедших в формате Всероссийской конференции с международным участием, наряду с представителями ведущих научных и учебных учреждений страны приняли участие исследователи из Республики Беларусь. Особенность данных Чтений заключалась в том, что рассмотренная на них проблематика не ограничивалась вопросами отечественной и зарубежной философии права, а включала в себя также темы, связанные с актуальными проблемами теории права и юридического образования в России.

Первое выступление было посвящено памяти ушедшего из жизни в 2022 г. д-ра юрид. наук, проф. В.Г. Графского — организатора и бессменного руководителя Философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. С докладом на тему *«Идея интегральности правопонимания в контексте антропологической концепции права (памяти Владимира Георгиевича Графского)»* выступил канд. юрид. наук В.И. Павлов (Академия МВД Республики Беларусь). Он отметил, что история осмысления проблемы интегральности и интегративности правопонимания включает в себя два этапа. Первый этап связан с попыткой разработки интегративного, синтетического подхода к праву в юриспруденции начала XX в. (Дж. Холл, А.С. Ященко, Г. Дж. Берман и др.), который сочетал бы в себе элементы трех классических типов правопонимания. На рубеже XX—XXI вв. в связи с развитием новейшей методологии юридической науки начала обосновываться идея целостной интегральной правовой концепции, которая не просто сочетает в себе элементы трех традиционных типов правопонимания, а строится на определенном эпистемологическом основании, позволяющем непротиворечиво объяснить всю правовую реальность и представить полную картину правовой онтологии. Одним из первых в начале 2000-х годов возможность интегральной юриспруденции обосновывал проф. В.Г. Графский, опирающийся при этом на антропологический подход к праву, в рамках которого базовым элементом правовой онтологии является человек, рассмотренный в качестве не только субъекта права, но в более широком контексте — в качестве правового деятеля. Такой подход к анализу правовой реальности связан с интегральной идеей человекомерности права, согласно которой право и все правовые явления рассматриваются в связи с человеком как правовым деятелем. Помимо правового деятеля базовыми элементами антропологического правопонимания также являются норма права и факт правовой жизни, которые

рассматриваются как правовые явления, имманентно связанные с природой человека.

Доктор юрид. наук, проф. С.Н. Бабурин (Институт государства и права РАН) в своем докладе остановился на значении разработанной В.С. Нерсесянцем концепции цивилизма для формирования в России более справедливого общества и подлинно социального правового государства. Концепция цивилизма как постсоциалистической эволюционной ступени общественного развития, отметил он, выражает глубинную приверженность русского народа идее справедливости и его устремленность к такому государственному устройству, которое соответствует идеалу нравственного государства, так хорошо выраженному в русской религиозно-философской мысли. Идеи В.С. Нерсесянца необходимо гармонично совместить с русским Ладом как идеологией духовно-нравственного, основанного на религиозной традиции цивилитарного общества. Наделение каждого гражданина страны равной долей доходов от народно-хозяйственного использования бывшей социалистической (общенародной) собственности создаст социально-экономическую основу для преодоления унижающей человеческое достоинство бедности и несправедливого социального неравенства. Идеал общества, в котором каждый его член с момента рождения обладает минимумом собственности на средства производства, гарантирующим свободное, не деформированное нуждой раскрытие его созидательного творческого потенциала, в полной мере соответствует духовно-нравственному коду русской цивилизации.

Концепции цивилизма В.С. Нерсесянца было посвящено и выступление д-ра юрид. наук В.В. Лапаевой (ИГП РАН), которая предложила рассматривать данную концепцию в качестве правового критерия оценки характера осуществленных в России постсоциалистических преобразований, а также перспектив развития страны с учетом новых реалий, формирующихся с февраля 2022 г. В контексте этих реалий, подчеркнула она, главный вопрос звучит так: *имеет ли сложившаяся ситуация потенциал для развития правовых начал государственной и общественной жизни страны, и если да, то каковы условия его реализации?* Докладчик обосновала тезис о том, что среди ряда неправовых по своей природе событий новейшей истории России, деформировавших ее правовое развитие, важное место занимает неправовой характер преобразования социалистической собственности, обусловивший нелегитимность сложившейся системы собственности со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими и политико-правовыми последствиями. Соответственно, именно в этой сфере и следует, по ее мнению, искать возможности для раскрытия правового потенциала постсоциалистического

развития России. Рассмотрев обсуждаемые сейчас подходы к решению проблемы легитимации собственности, она подчеркнула, что за рамками общественного внимания находится правовая модель преобразования социалистической собственности, которая была предложена В.С. Нерсесянцем еще в конце 1980-х годов и затем развита им в концепцию цивилизма как нового общественного строя.

Суть идеи в том, что социалистическая собственность — это по своей природе общенародная, а не государственная собственность, и у государства нет права раздавать ее в частные руки по своему усмотрению. Десоциализация собственности должна была осуществляться в соответствии с правовым принципом формального равенства, гарантирующим каждому гражданину страны равную долю от введения бывшей социалистической собственности в рыночный оборот. Если концепция цивилизма будет реализована, мы получим новый общественный строй с новым типом собственности и права, который есть логическое развитие социализма в духе диалектической логики всемирной истории. Ведь цивилизм с его прирожденным правом гражданина на равный с другими минимум собственности на средства производства — это синтез капитализма как общества, основанного на частной собственности немногих, и социализма как общества, отрицающего частную собственность. Если же эта концепция не будет реализована, она останется важным философско-правовым ориентиром и критерием для оценки правового характера происходящих в стране процессов.

Тема цивилизма получила развитие в докладе канд. юрид. наук, доц. Ю.Ю. Ветютнева (Волгоградский государственный университет), который отметил, что в концепции цивилизма, обоснованной в работе В.С. Нерсесянца «Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости», нашел выражение прогностический потенциал разработанного им либертарно-юридического типа правопонимания. Однако при этом, заметил он, наряду с развиваемым В.С. Нерсесянцем гегельянским представлением о естественной необходимости правового прогресса возможен как консервативный подход, отрицающий прогресс, так и сдержанный скептицизм, видящий возможность прогресса только при наличии определенных условий. Основными трудностями понимания правового прогресса сегодня являются: избрание «точки отсчета» при отсутствии или значительном ослаблении абсолютных правовых ценностей и нарастающем релятивизме; нелинейность правового развития с его сочетанием разнонаправленных процессов, имеющих совершенно различный ценностный знак; проблема ценностного измерения, т.е. диагностики изменений в их ценностном значении (особенно, учитывая тот

факт, что правовые ценности имеют строго качественный, но не количественный характер).

Доклад д-ра юрид. наук, проф. А.В. Полякова (Санкт-Петербургский государственный университет) был посвящен философско-правовым аспектам взаимодействия юриспруденции с когнитивными исследованиями и нейронаукой. Докладчик указал, что взгляд на право с позиции коммуникативной теории как на систему когнитивных репрезентаций различных текстов в коммуникациях между людьми соответствует представлениям современной когнитивистики и может получить дополнительное подтверждение в теории генно-культурной коэволюции и в данных нейронаук. Идеи либертарно-юридической теории права В.С. Нерсесянца также могут быть интерпретированы с позиций когнитивистики. Ведь формальное равенство в свободе и справедливости не существуют лишь как отвлеченные идеи ума или как научная интуиция. Они коренятся в биологической и в социальной (в том числе духовной) природе человека, а это предполагает «когнитивно-коммуникативное» равенство в свободе — с осознанием и принятием хотя бы на интуитивном уровне не только справедливости такого равенства, но и ответственности за его несоблюдение. На этом основана идея достоинства человека, вытекающая из аналогичного принятия границ собственной свободы. Укорененность этих начал (свободы, формального равенства, справедливости, достоинства и ответственности) в природе человека может быть продемонстрирована обращением как к выводам упомянутых наук, так и аксиологическими аргументами, опирающимися на возможные философские и даже богословские основания.

Равенство в свободе возможно только тогда, когда есть признание другого как носителя таких же прав и обязанностей. Момент признания как раз подключает когнитивные, в том числе рациональные и эмоциональные, компоненты человеческого сознания, порождаемые деятельностью его мозга. Этот ход мысли вплотную подводит к идее о том, что в основе права лежат некие исходные основополагающие универсалии, программирующие (в вероятностном, но не в причинно-следственном отношении) человеческое поведение и воспринимаемые в качестве неоспоримых, неотъемлемых ценностей, которые в реальной жизни могут маскироваться, искажаться, игнорироваться в патологических состояниях или при деструктивных идеологических воздействиях, но без них само понятие права теряет свой смысл. Их признание и поддержка со стороны общества и государства и отличает право от произвола (выявление критерия для такого различения в идее справедливости формального равенства — одна из важнейших заслуг либертарно-юридической теории права В.С. Нерсесянца).

В свою очередь, борьба за признание в различных формах и на различных уровнях (в первую очередь за правовое признание) составляет содержание человеческой истории. Универсальность этих начал можно продемонстрировать на примере петербургской и московской школ философии права начала прошлого века, которые занимались одним и тем же делом, хотя и по-разному, — возрождали в России естественное право. Из анализа аксиом интуитивного права Л. Петражицкого можно сделать вывод о том, что справедливость заключается в отношении к любому лицу как к лицу правосубъектному, т.е. в соблюдении его прав при условии, что и он свои обязанности по отношению к другим соблюдает. Такое равное и взаимное отношение по признанию других в качестве носителей прав и обязанностей означает и признание за ними равных прав на свободу действий, т.е. констатирует исходное формальное равенство в свободе. Но такие же основания права, только не на уровне интуитивного права, а как результат рационального осмысления основополагающих ценностных оснований, можно найти у П.И. Новгородцева, по утверждению которого, человеческая личность существует только через признание ее равной свободы другими личностями, т.е. на основе взаимного признания. При этом обоих ученых объединяло признание эволюционной теории развития человеческого общества Ч. Дарвина и стремление соотносить с ней свои научные выводы. Современная нейронаука саму возможность и даже необходимость подобного дуального восприятия и права, и справедливости (интуитивного и рационального) объясняет существованием в сознании человека двух систем (Д. Канеман) — интуитивной (которая оценивает действия человека на интуитивном уровне, не прибегая к помощи разумной аргументации) и рациональной (которая может подтвердить интуитивный выбор или опровергнуть его).

Проблемам междисциплинарного взаимодействия юриспруденции и когнитивных наук посвятила свой доклад **канд. юрид. наук, доц. Н.Ф. Ковкель (Белорусский государственный экономический университет)**, выделив при этом несколько периодов в развитии их взаимодействия. К первому периоду, чаще всего именуемому как «нейроправо», формирование которого началось в конце 1990-х годов, был отнесен синтез юридической науки с когнитивной нейробиологией и нейрофизиологией. В рамках нейроправа анализировались самые разнообразные проблемы: от свободы воли и когнитивной свободы, дифференциации юридической ответственности в зависимости от когнитивных состояний и т.д. до проблем использования искусственного интеллекта в области права. Ко второму периоду, который условно можно обозначить как «нейроправа» (термин, введенный в 2017 г.

М. Иэнка и Р. Андорно), был отнесен широко обсуждаемый в публичном пространстве комплекс нейроправ, претендующий на включение в современную систему прав человека. Н.Ф. Ковкель проанализировала две основные версии нейроправ, представленные в современной науке: 1) пять нейроправ (право на личную идентичность, свободу воли, психическую конфиденциальность, справедливый доступ к когнитивному усовершенствованию, защиту от алгоритмической предвзятости), продвигаемых Фондом нейроправ под идейным руководством Р. Юсте; 2) четыре нейроправа (когнитивная свобода, право на ментальную приватность, психическую неприкосновенность, психологическую преемственность), предложенных М. Иэнка и Р. Андорно. Была отмечена недостаточная научная разработанность обеих версий (особенно первой), отсутствие широкого обсуждения юридических аспектов данной проблемы, необходимость детального анализа каждого из предлагаемых прав с позиций приемлемости, разработанных в международном праве прав человека (критериев Ф. Алстона и др.), корреляции с существующей международной системой и механизмами защиты прав человека. Вместе с тем Н.Ф. Ковкель отметила перспективность разработки нейроправ, недопустимость отказа от них из опасений инфляции прав человека, нейроэссенциализма и нейроисключительности (аргументы Я. Бублица). В качестве следующего направления рассматриваемого междисциплинарного взаимодействия предложен синтез юриспруденции с когнитивными науками гуманитарного цикла: когнитивной психологией, когнитивной лингвистикой, когнитивной семиотикой и др. В частности, на примере самой известной теории когнитивной лингвистики — теории концептуальной метафоры — были продемонстрированы векторы исследования концептуальных метафор в праве: метафорического и метонимического переноса как одной из фундаментальных особенностей правового мышления, анализа ориентационных, онтологических и структурных метафор в праве, определения индекса метафорического воздействия на сознание и подсознание человека и др. С целью усиления критического анализа обозначены возможности применения контекстных ментальных моделей, разработанных Т. ван Дейком, к исследованию правового дискурса, особенно дискурса о правах человека.

Доктор юрид. наук, проф. Д.В. Дождев (Исследовательский центр частного права при Президенте РФ) в докладе «*Казуистика и система права*» обратил внимание на то, что теоретико-познавательное направление юридического знания обладает не меньшей функциональной значимостью для правовой системы, чем практико-казуистическое. Ограниченность прямой субсумпции неизбежно

мобилизует индуктивные подходы для более точного понимания гипотезы нормы позитивного права, выявления ее пределов, уточнения, адаптации к данному фактическому составу, телеологического толкования или обращения к аналогии. Аналогизм как метод правоприменения, известный еще в Античности, позволяет снять зависимость от текучей неповторимости действительности, от единичности факта (аномализм как антипод аналогизма) и повысить уровень абстракции, оправдывая широкое толкование и приложение нормы к большому кругу случаев. Этот же метод раскрывает подлинные возможности нормы по учету неповторимой фактичности отдельного дела и приближению гипотезы к составу данного случая: формируются особый подвид нормы, ориентированный на конкретный состав, конкретная норма, норма, управляющая данным делом и поэтому способная учитывать его специфику. Такая норма – непосредственный продукт системного подхода, правоприменительный прорыв последовательной реализации юридического метода: приравняемое (с высоты всеобщего) в отдельных делах выявляет значение отдельного (единичного) для нахождения подлинной справедливости, т.е. справедливости, отвечающей специфике казуса. Учет отдельного предстает способом верификации всеобщего (нормативного) и формой приближения нормы к конкретным интересам и обстоятельствам.

Рассмотрение фундаментальных проблем теории права продолжила в своем докладе **канд. юрид. наук, доц. Н.В. Варламова (ИГП РАН)**. Она подчеркнула, что сегодня едва ли не все юридические понятия и конструкции трактуются как ценности, которые выступают в качестве всеобщего эквивалента и синонима. При этом акцентируется положительная коннотация явления, выраженного в соответствующем понятии, а его собственно юридический смысл нивелируется. Между тем ценности всегда субъективны, поскольку они – результат индивидуальной оценки. Отсюда вытекает лукавый характер понятия социальных, объективных, универсальных ценностей. Ведь они фиксируют лишь тот факт, что позитивное восприятие тех или иных социальных институтов и практик достаточно широко распространено в сообществе, характерно для большинства его членов, доминирует над другими оценками. Ценностью те или иные объекты являются не в силу своей природы и объективно присущих им свойств, а благодаря их субъективной оценке. Это не исключает иных субъективных оценок и само по себе не может служить основанием для возложения обязанности придерживаться соответствующих правил – для этого нужны иные рациональные основания. И объявление какого-либо правового института или нормы социальной ценностью не усиливает, а ослабляет

рациональную аргументацию, обосновывающую необходимость следования им, поскольку навязывает человеку оценочные суждения, которые он, возможно, не разделяет, и принуждает действовать в соответствии с ними.

Более того, ценность в собственном смысле не сводится просто к положительной оценке и признанию полезности чего бы то ни было. Ценность – это нечто глубоко личностное и безусловно значимое для человека. В данном «узком» понимании ценности абсолютны, приверженность им носит безусловный и часто иррациональный характер, они требуют актуализации (воплощения в жизнь) и несоизмеримы с другими ценностями (не допускают ограничений). При этом ценность задает только общую направленность и конечную цель деятельности и не предлагает каких-либо критериев допустимости необходимых для ее достижения действий, кроме их эффективности. По мнению докладчика, данная природа ценностей, констатируемая философами и социологами, не отрефлексирована юристами. Только этим, считает Н.В. Варламова, можно объяснить широкое распространение ценностного дискурса в юридической доктрине и судебной практике, прежде всего в практике органов конституционного контроля. Так, «взвешивание» (или «балансирование») ценностей признается едва ли не универсальным способом решения всех юридических проблем. Но на деле обращение к ценностной аргументации червато серьезными издержками, такими как произвольность и слабая мотивированность судебных решений, повышение конфликтности рассматриваемых споров. Гораздо более эффективной стратегией было бы сосредоточиться на сугубо правовых аспектах возникающих проблем и искать собственно юридические и максимально ценностно нейтральные пути их решения.

Иной подход к проблеме ценностей в праве был представлен в докладе **д-ра юрид. наук, проф. А.И. Клименко (Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя) «Перспективы развития правовых ценностей российского общества в контексте трансформации современной миросистемы»**, который развил тезис о том, что с точки зрения социологического подхода право можно представить в ценностном ракурсе как систему конвенциональных ценностей, формируемых в процессе правового дискурса. Сегодня, подчеркнул докладчик, мы наблюдаем кризис капиталистической миросистемы и, как следствие, трансформацию конвенциональных правовых ценностей как на международном уровне (о чем свидетельствует кризис международного права), так и на национальном. В этой ситуации основная тяжесть лежит на плечах трудящихся, что меняет классовый баланс сил и не может не сказаться на системе конвенциональных

правовых ценностей. То государство, которое быстрее трансформируется и социализируется, имеет все шансы стать лидером в трансформации и социализации всей миросистемы. В этом плане А.И. Клименко видит определенные возможности для России.

Проблемам правовой аксиологии был посвящен доклад канд. юрид. наук, проф. М.В. Антонова (Санкт-Петербургский филиал НИУ ВШЭ) «Юридический позитивизм и аксиология права — мнимая несовместимость», в котором автор изложил сомнения по поводу критериев деления на основные типы правопонимания и лежащих в его основе критериев. По мнению докладчика, для деления было бы достаточно указания на источники обязывающей силы права и их зависимость от моральных норм. Дополнительные же критерии только усложняют и запутывают классификацию, оказываются неприменимыми к конкретным теориям большинства мыслителей. Это заметно по описанию позиции позитивистов (легистов, легалистов и т.п.) как ущербной, узкой, отрицающей многоаспектность права. В логике такого описания позитивисты якобы отождествляют право и закон, рассматривают человека лишь как объект власти, а право — исключительно как команду суверена, отрицают неотчуждаемые права человека, обосновывают полное подчинение личности государству, приоритизируют формально-догматический анализ права и пытаются очистить право от разного рода непозитивных элементов вроде рассуждений о целях и ценностях. Это описание не подтверждается на основных учениях позитивизма — концепциях Г. Кельзена, Г. Харта, Дж. Раза, Е. Булыгина и других классиков. На заблуждении, по мнению М.В. Антонова, основан и такой критерий, как приписываемое позитивистам стремление очистить право от любых ненормативных элементов. Г. Кельзен и другие позитивисты писали лишь о том, что действие права не следует производить из внеположных позитивному праву источников, например из ценностей. Ведь тогда будет трудно избежать опасности того, что из этих источников в позитивное право проникнет идеология тех, кто формирует общественное мнение и его отношение к ценностям. Но требование того, чтобы юридическая сила права не ставилась в зависимость от ценностей, вовсе не равнозначно ни очищению права от ценностей, ни тезису о независимости процессов создания и применения права от оценочных суждений. Докладчик также подчеркнул, что позитивисты не более, чем представители других методологических подходов, склонны обосновывать идею о том, что человеку следует быть покорным властям, или что власти могут приказывать человеку все что угодно. Разные направления правовой и политической идеологии не имеют

необходимой связи с методами правопознания (типами правопонимания).

Тема позитивизма получила развитие в докладе канд. юрид. наук, доц. А.М. Михайлова (МГИМО) «Проблема ограничения государственной власти правом: эволюция англо-американского и континентально-европейского юридического позитивизма». Как отметил докладчик, отличительными особенностями концепций юридического позитивизма в Англии являются две черты: во-первых, эти концепции формировались в оппозиции к профессиональной юридической традиции общего (прецедентного) права, основывающейся не на принципе односторонне властного установления права сувереном, а на судебном обычае (*usus fori*); во-вторых, в отличие от юспозитивизма в Германии (К. Гербер, П. Лабанд, К.М. Бергбом и др.) представители данного правопонимания в Англии не сводили право к кодифицированному закону, не воспринимали его как завершенную непротиворечивую систему, из которой исключительно средствами формальной логики можно вывести правильные решения («статутный юридический позитивизм»). В традиции континентально-европейского юспозитивизма взгляды на соотношение государственной власти и права претерпели эволюцию от отрицания связанности суверенной власти правом — через концепции добровольного самоограничения государственной власти позитивным правом (Р. Йеринг, Г. Еллинек) — к отождествлению государственной власти и правопорядка (Г. Кельзен). Для английского юспозитивизма характерны не концепции самоограничения государственной власти правом и олицетворения государственной власти с правопорядком, а признание абсолютного суверенитета парламента (*Parliamentary supremacy*). При этом доктрина верховенства права (*Rule of Law*) нацелена лишь на ограничение широкой дискреционной, произвольно осуществляемой властью исполнительных органов (формальные концепции).

Доктор юрид. наук, проф. М.В. Немытина (Российский университет дружбы народов) проанализировала ход и тенденции развития человеческого сообществ как цивилизаций в сочетании с представлениями о культуре как эволюционном опыте, воспроизводящем образы, образцы и модели поведения, сохраняющем традиции и генерирующем инновации. Цивилизация и культура, подчеркнула она, — две категории, которые лежат в основе современных фундаментальных научных исследований и определяют парадигму познавательной деятельности в социально-гуманитарных областях знания, включая правоведение. На сегодняшний день юридические исследования все большее внимание уделяют осмыслению того, что право — это феномен цивилизации и культуры, что в силу принадлежности к цивилизации страны и населяющие

их народы имеют разные коды цивилизационно-культурного развития, определяющие преемственность их правовой жизни. В настоящее время в российском правоведении накоплен обширный материал, объясняющий исторический путь развития общества в широком контексте цивилизации и культуры. Вместе с тем в учебниках и пособиях для студентов по историко-правовым и теоретико-правовым дисциплинам существует неопределенность в главном — в объяснении причин и условий развития общества.

В докладе д-ра юрид. наук, проф. С.В. Кодана «*Интеллектуальная рецепция в системе культурно-познавательных средств развития философии права в России (XIX – начало XX столетия)*» акцентировалось внимание на интеллектуальной рецепции как культурно-познавательном средстве. Докладчик показал значение вовлечения в исследовательские философско-правовые практики трудов европейских философов права. На этой базе, подчеркнул он, в конце XIX – начале XX в. сложилась и затем развивалась отечественная философия права, которая творчески адаптировала и преломляла европейские подходы к развитию отечественной юриспруденции и образования.

Кандидат филос. наук, доц. М.А. Беляев (Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)) выступил с докладом «*Формальное равенство в системе принципов регуляторной политики: проблемы реализации и потенциал применения*». Отметив нарастающее проникновение в ткань нормативных предписаний различных формулировок из области стратегического планирования, как качественных, так и квазиколичественных, докладчик обратил внимание на непонимание лицами, ответственными за осуществление отдельных мер регуляторной политики, ее имманентных принципов. На примере трех стадий жизненного цикла регулирования (сокращение числа обязательных требований, оценка регулирующего воздействия, экспериментальное регулирование) было показано, в какой степени данные процессы отходят от принципа формального равенства, и как данная ситуация может быть скорректирована сугубо юридическими средствами.

Кандидат юрид. наук, доц. И.И. Осветимская (СПбГУ, ВШЭ) в своем выступлении на тему «*Между нормативностью и фактичностью: основание действительности права с позиции коммуникативной теории*» указала, что обязывающая сила права является достаточно проблемным вопросом для исследования, так как ответ на него обусловлен различными подходами к пониманию того, что представляет собой право. С этим обстоятельством связана вариативность размещения в основание действительности права тех или иных идей, принципов, феноменов, конструкций либо фактов. Так, представители

школы естественного права под действительностью подразумевают сообразность правовых установлений высшим идеальным началам (например, природе или Богу); сторонники юридического позитивизма ищут истоки нормативности права для обоснования его обязывающей силы; различные варианты психологического направления помещают в центр изучения чувство внутренней связанности правом; правовой реализм стремится обнаружить эффективность права и связывает обязывающую силу правовых норм с фактически сложившимся в обществе порядком отношений.

С точки зрения коммуникативной теории основанием действительности права выступает принцип взаимного правового признания суверенитета личности, который имеет как нормативное, так и фактическое измерение. Нормативность проявляется в обязательстве признавать за любой личностью нормативный статус человека как свободного и равного. Фактичность взаимного признания состоит в том, что оно представляет собой «жизненную потребность человека», укорененную в его психическом сознании. Если правовые тексты (и прежде всего законодательство) работают таким образом, что побуждают людей сообразовывать свое поведение согласно принципу взаимного признания суверенитета личности, то такие тексты получают обязывающую силу фактически и оправдываются теоретически, т.е. они являются действительными и «порождают» право.

Доктор филос. наук, проф. С.В. Тихонова (Саратовская государственная юридическая академия) обратилась к анализу пределов правовой свободы в творчестве немецкого философа А. Хоннета. Разработанная А. Хоннетом концепция признания, отметила она, расширяет представления об интересубъективном взаимодействии, его социальных и правовых эффектах. Проблему автономии субъекта философ пересматривает в фокусе проблемы признания. С позиций такого подхода степень автономного поведения индивида зависит от социального окружения и успешности интересубъективных стратегий в нем. Социализация — это процесс, в ходе которого человек учится понимать и признавать не только других, но и себя самого, доверяя в этом вопросе другим и полагаясь на них. Опыт юридического признания предполагает, что человек способен рассматривать себя как субъекта, разделяющего со всеми субъектами в своем сообществе качества, которые делают участие в дискурсивном волеобразовании возможным. Цель права — вывести формы признания из терминов классовых групп в общесоциальные категории, создав основу для самоуважения каждому члену общества и тем самым предпосылки социальной солидарности. В монографии «Право свободы: очерк демократической нравственности» (2011) А. Хоннет

определил пределы *правовой* свободы в деле формирования свободы *социальной*: правовая свобода создает «защитную стену», за которой человек может свободно рассматривать свои собственные цели и желания. При помощи закона задается форма индивидуальной свободы, условия существования которой индивид сам не может ни создать, ни поддержать. В хоннетовской триаде негативной, рефлексивной и социальной свободы правовая свобода выражает свободу негативную. Выдвинутое им понимание правовой свободы является таким элементом его концепции социальной свободы, который не способен самостоятельно обеспечивать человеческую автономию.

Кандидат юрид. наук И. Ф. Мачин (МГУ им. М.В. Ломоносова) в своем выступлении «*Личность и право: поиски гармонии*» рассмотрел вопросы человеческого измерения в праве и особое внимание уделил тому, как эта проблема решается в современных курсах общей теории права и государства. Он подчеркнул, что нельзя излагать вопросы права, абстрагируясь от понимания того, что есть человек. При этом он сослался на опыт блестящего российского правоведа Г.Ф. Шершеневича, который, выстраивая свой курс «Общая теория права» (1912), начинал его с рассмотрения следующих тем: «Человек и его потребности», «Общество», «Правила общежития» – и лишь затем переходил собственно к проблематике государства и права. Такая последовательность изложения материала позволила Г.Ф. Шершеневичу исключить представление о праве как о некоей безжизненной системе норм. Напротив, у читателей возникает понимание того, что право служит человеку, живущему *здесь и сейчас*. Докладчик обратился также к проблеме визуализации права и государства, предложив свою интерпретацию бронзовой статуи «Бесстрашная девочка», установленной в 2021 г. перед зданием Дома Правительства в Ереване. Именно таким образом, отметил он, удастся визуализировать назначение государства и права: служить живым людям здесь и сейчас, ежедневно напоминая о том, чему должны служить государство и право.

В выступлении **канд. юрид. наук Н.В. Колотовой (ИГП РАН)** был поднят вопрос трансформации моделей социального государства во взаимосвязи с проблемой обеспечения социальных прав. Социальная деятельность государства, правовой аспект которой может быть обоснован при помощи понятия «компенсаторность», введенного в научный оборот в трудах акад. В.С. Нерсисянца, в настоящее время претерпевает ряд существенных изменений. Новые глобальные тенденции на рынках труда (возрастание мобильности трудовой силы, кризисная миграция, доступность технических инноваций) делают необходимым расширение

набора инструментальных механизмов защиты социальных прав, распространение современных стандартов социальных и трудовых прав на новые виды занятости и т.д. Это повышает значимость универсализации социальных стандартов, но не отменяет развитие национальных моделей социальной защиты в соответствии со своими темпами экономического роста и сложившимися институциональными структурами социальной политики.

Кандидат ист. наук, доц. Н.В. Исаева (Ивановский государственный университет) обратила внимание на то, что юрико-антропологический анализ заставляет ориентировать исследования взаимодействия национального и международного права в направлении существующего в правовой реальности человека, для которого право понимается прежде всего как права и свободы. По ее мнению, для Конституции РФ и российской правовой системы в целом характерен европоцентризм в отношении прав и свобод, который вошел в мышление россиян. Международные нормы рассматривались российскими гражданами как дополнительный ресурс их правового самоопределения, а конвенциональные институты – как независимый от государства механизм защиты, когда реализация права не была обеспечена на внутринациональном уровне. После денонсации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод возникает вопрос: в какие правозащитные институты может обратиться россиянин, если не находит справедливости в своем государстве? Возможно ли, например, вхождение России в азиатские конвенциональные институты? Сейчас намечается тенденция сотрудничества государств без оформления наднациональных структур. Возможно, это потребует от России совершенствования внутренних механизмов защиты прав и свобод человека, создания новых независимых правозащитных структур. Вместе с тем потребуются и формирование нового мировоззрения, в основе которого должно лежать предлагаемое В.С. Нерсисянцем понимание права как равенства в свободе, обеспечивающего свободное развитие формально равных людей, видящих в государственном патернализме исключительную, а не обычную практику общения, способных к рациональной коммуникации, ответственных за себя, за других и за государство.

Кандидат филос. наук, доц. Б.А. Камкия (Сочинский филиал РУДН) посвятил свой доклад проблеме правового регулирования, которая, по его мнению, еще не стала предметом специального философско-правового исследования. В учебниках по теории государства и права она встроена в тему «Механизм правового регулирования», где освещаются лишь внешние признаки и элементы такого механизма. Между тем правовое регулирование не сводится к наличию источников и институтов права,

т.е. к формам (средствам, способам) правового регулирования. Для полноценного осмысления этой темы необходимо определить цель правового регулирования, исходя из его онтологической (сущностной) характеристики. Как полагает докладчик, цель правового регулирования – это развитие человеческого потенциала. Не случайно древнеримские юристы определяли право как искусство добра (что в современном понимании можно увязать с человеческим потенциалом) и справедливости. Показательно, что добро стоит здесь на первом месте как целеполагание, а на втором месте – справедливость в значении масштаба (закона) как средства достижения цели. Таким образом, правовое регулирование невозможно без единства цели и средства, содержания и формы.

Кандидат юрид. наук А.В. Ульянов (ИНИОН РАН) проанализировал онтологические и гносеологические вопросы, связанные с наличием в системе права «нулевой нормы». Речь идет о правовом феномене, который в современном юридическом позитивизме обозначается такими терминами, как «основная норма» или «правило признания». В системе права эта исходная норма является изначальной нормативной основой для общих и индивидуальных правоположений, но сама уже не нуждается в предпосылках подобного рода. «Нулевая норма» закрепляет выбор права в качестве приоритетного регулятора общественных отношений, описывает признаки права и устанавливает обязанность подчинения праву. Однако из суждения о признаках выбранного права-регулятора невозможно логически путем вывести нормативное суждение об обязательном подчинении праву, т.е. суждение о должностном. Связующим звеном между этими элементами-суждениями, позволяющим сохранить целостность и внутреннее тождество «нулевой нормы», могло бы быть ее волевое содержание. Научное обоснование реального волевого содержания указанной нормы предполагает выход за методологические границы юридического позитивизма и разработку понятия о регулятивной функции правосознания.

Кандидат юрид. наук, доц. Е.Н. Тонков (РАНХиГС при Президенте РФ) посвятил свой доклад анализу действующих моделей толкования права. Он обратил внимание на то, что текст нормативного акта – лишь базовое правило, а творческое воображение интерпретатора может довести его применение до акта *contra legem*. Актуальной теоретической проблемой, с точки зрения докладчика, является неразработанность в российской юриспруденции юридической догматики толкования права, ее несоответствие тенденциям юридической практики. Важно осознавать, что интерпретатор толкует не только нормы, но и факты, а также правоотношения, возникшие на основе норм и фактов. При

этом нужно учитывать, что правоприменитель зачастую действует в первую очередь не в интересах права, а для сохранения и укрепления своего институционального статуса, влияющего на уровень его благосостояния. Среди моделей толкования права Е.Н. Тонков выделил следующие: 1) состязательную (конкуренция аргументов и взвешивание ценностей); 2) иерархическую (вертикаль публичной власти); 3) экстралегальную (коррупционное направление, стиль умолчания, интуитивный подход). Нам необходимо, подчеркнул он, глубже проникнуть в сущность такого правового явления, как модель правоприменительного толкования права.

Некоторые доклады были сфокусированы на проблемах юридического образования, и прежде всего преподавания философии права и смежных с ней дисциплин. Так, **д-р юрид. наук, проф. К.Е. Сигалов (РУДН, Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России)** сделал акцент на значимости классического юридического образования – со всеми его кажущимися на первый взгляд «излишествами», такими как курсы логики, философии права, правовой теории государства, римского права, латинского языка, истории политических и правовых учений; углублёнными курсами истории права и государства, разделением самого курса теории государства и права на 2–3 части, преподаваемые на разных этапах обучения. При этом К.Е. Сигалов указал, что важным элементом системы юридического образования должно стать преподавание курса, условно называемого «этногосударственное право», в рамках которого следует, наряду с другими проблемами, рассматривать также основы различных направлений религиозного права и давать будущим юристам навыки работы с представителями религиозных конфессий и религиозных учреждений. Российское юридическое образование должно, по его мнению, вернуться к практике преподавания Моисеева (иудейского) права, как это было в императорской России и как это имеет место в современных университетах мирового уровня. Римское право также не должно быть лишь «введением в курс гражданского права» (как это принято сегодня в отечественной цивилистике), поскольку римское право несет в себе исключительно важный для развития юриспруденции цивилизационный посыл. Серьезным трендом юридического образования в России должен стать отказ от поверхностного и начётнического преподавания таких дисциплин, как история государства и права, а также история в целом.

Доктор юрид. наук, д-р полит. наук, проф. И.А. Иванников (Сочинский филиал РУДН, Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции Российской правовой академии Минюста России) посвятил свой доклад

определению объекта, предмета и метода исследования философии права, выявлению их отличия от объекта, предмета и метода теории права. Это, с его точки зрения, необходимо для обоснования философии права как положительной науки. Докладчик поддерживает высказываемое в литературе предложение о создании такой теории права, которая не только учитывала бы национальные традиции, но и могла бы вписать их в контекст мировой философско-правовой мысли. По мнению И.А. Иванникова, философия права — это наука, предметом изучения которой являются вопросы генезиса и сущности права, соотношения права с властью, свободой и справедливостью, соотношения права с моралью и иными социальными нормами. Учебная дисциплина «Философия права» представляет собой определенную совокупность знаний о науке философии права, которые в определенном объеме при помощи дидактики доводятся до сведения обучающихся. Наука философии права охватывает всю палитру проблем философии права, а философия права как учебная дисциплина — лишь ту их часть, которая необходима для подготовки высокообразованных юристов.

* * *

Философские чтения завершились выступлением **Д.Е. Тонкова**, поделившегося своими впечатлениями от участия в прошедшем 3–8 июля 2022 г. в Бухаресте (Румыния) XXX Всемирном конгрессе

Международной ассоциации по философии права и социальной философии (IVR), ведущая тема которого была обозначена как «Справедливость, Сообщество и Свобода». В подготовленной им презентации был дан обзор пленарных докладов конгресса, а также общая характеристика секций, посвященных следующей тематике: «Эмпирические подходы и их значение для философии права»; «Бытие и возможность права»; «Философия прав человека: вопросы достоинства и социального конструирования»; «Предсказанное правосудие: междисциплинарный подход между философией права, юридическим сравнением и информатикой»; «Этика, эпистемология и социальные институты»; «Брак, плюрализм и права человека в Европе»; «Центральная и Восточноевропейская Сеть Юристов — наша работа продолжается»; «Разделительный тезис права и морали»; «Кризис демократической легитимации»; «Языки права: терминологии и их использование»; «Конструирование возникающих прав: дебаты об основе новых конституционных стандартов»; «Справедливость и бытие — беседа для тех, кто находится под влиянием немецкой философии права»; «Предубеждения в юридической аргументации и принятии судебных решений». В конце своего доклада Д.Е. Тонков призвал возродить российскую секцию Международной ассоциации по философии права и социальной философии на базе одного или нескольких научных заведений России.

Сведения об авторах

КОЖОКАРЬ Игорь Петрович — доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ЛАПАЕВА Валентина Викторовна — доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KOZHOKAR Igor P. — Doctor of Law, Leading Researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

LAPAEVA Valentina V. — Doctor of Law, Chief Researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ВКЛАД В ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ПРАВА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ТОЛКОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ДОГОВОРОВ / под ред. А.Я. Капустина. М.: ИЗаСП при Правительстве РФ:
НОРМА: ИНФРА-М, 2022. – 432 с.

© 2023 г. А. Н. Вылегжанин^{1, *}, С. А. Лобанов^{1, 2, **}, Р. А. Каламкарян^{3, ***}

¹Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

²Московский государственный лингвистический университет

³Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя;

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

*E-mail: danilavy@mail.ru

**E-mail: Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru

***E-mail: mp_ved.vlsu@mail.ru

Поступила в редакцию 30.12.2022 г.

Аннотация. Представлена рецензия на монографию, посвящённую современной концепции толкования международных договоров, подготовленную авторским коллективом под редакцией доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации А.Я. Капустина. Отмечается, что данный научный труд является значимым событием в мире юридической науки, вносит существенный вклад в российскую науку международного права по обстоятельствам проведённого в ней научного обоснования феномена толкования международного договора, системной разработки вопросов теории и практики обозначенной проблемы науки международного права.

Ключевые слова: международное право, толкование международных договоров, международные споры, миропорядок на основе верховенства права.

Цитирование: Вылегжанин А.Н., Лобанов С.А., Каламкарян Р.А. Фундаментальный вклад в исследование проблем права международных договоров

Современная концепция толкования международных договоров / под ред. А.Я. Капустина // Государство и право. 2023. № 2. С. 204–208.

DOI: 10.31857/S102694520024347-2

FUNDAMENTAL CONTRIBUTION TO THE STUDY OF THE PROBLEMS OF THE LAW OF INTERNATIONAL TREATIES

MODERN CONCEPT OF INTERPRETATION OF INTERNATIONAL
TREATIES / ed. by A. Ya. Kapustin. Moscow: Institute of legislation
and comparative jurisprudence under the Government of the Russian Federation:
НОРМА: ИНФРА-М, 2022. – 432 pp.

© 2023 А. Н. Vylegzhanin^{1, *}, S. A. Lobanov^{1, 2, **}, R. A. Kalamkaryan^{3, ***}

¹Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

²Moscow State Linguistic University

³Stoletov's Vladimir State University;

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

*E-mail: danilavy@mail.ru

**E-mail: Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru

***E-mail: mp_ved.vlsu@mail.ru

Received 30.12.2022

Abstract. The review of the monograph devoted to the modern concept of interpretation of international treaties, prepared by the author's team under the editorship of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation A. Ya. Kapustin, is presented. It is noted that this scientific work is a significant event in the world of legal science, makes a significant contribution to the Russian science of International Law due to the circumstances of the scientific substantiation of the phenomenon of interpretation of an international treaty, the systematic development of issues of theory and practice of the designated problem of the science of International Law.

Key words: International Law, interpretation of international treaties, international disputes, world order based on the Rule of Law.

For citation: Vylegzhanin, A.N., Lobanov, S.A., Kalamkaryan, R.A. (2023). Fundamental contribution to the study of the problems of the law of international treaties

Modern concept of interpretation of international treaties / ed. by A. Ya. Kapustin // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 204–208.

Монография «Современная концепция толкования международных договоров», подготовленная коллективом авторов под редакцией научного руководителя Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, зав. отделом международного права ИЗИСП, д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.Я. Капустина, без преувеличения, является значимым событием в мире юридической науки.

Как известно, право международных договоров занимает в системе международного права стержневое положение, представляет собой базовую отрасль международного права, органично связанную со всеми другими его отраслями и институтами. По обстоятельствам возрастания роли международных договоров в регулировании международных отношений и обеспечении международного правопорядка следует также вести речь об усложнении в современных условиях самой международно-правовой системы, а также взаимосвязей и взаимодействия последней и национально-правовых систем государств, повышении роли государств и внутригосударственных органов (прежде всего судов) в осуществлении международного права. Соответственно, в праве международных договоров также происходят существенные перемены, проявляющие себя в вопросах содержания, толкования и применения международных договоров, требующие системного доктринального анализа. При этом в современной литературе (до издания представленной монографии) тема толкования международных договоров, несмотря на её теоретическую и практическую значимость, не получала целостного концептуального освещения.

Рецензируемая работа восполняет этот пробел. В ней на основе теоретико-правового обобщения, международно-правового и сравнительно-правового анализа, исследования относящихся к рассматриваемой теме общих и специальных вопросов сформированы концептуальные основы толкования международного договора.

Актуальность представленного научного труда определяется проведенной в 2020 г. конституционной реформой. В результате ее проведения на конституционном уровне (ст. 79 Конституции РФ) сформирован подход к толкованию международного договора в российской правовой системе, учитывающий национальные интересы России и согласующийся с особой ролью Конституции РФ в правовой системе Российской Федерации (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ). Данный подход и соответствующая ему практика, проанализированные в монографии, содействуют формированию в среде отечественных юристов корректного представления о характере и особенностях современной концепции толкования международного договора.

Настоящий коллективный труд отличает целостный, комплексный, новационный подход к изучению проблемы толкования международных договоров и ее различных аспектов, глубокий анализ широкого объема научных и нормативно-правовых источников, материалов правоприменительной и интерпретационной практики.

Монография по тексту и в Заключение содержит ряд оригинальных и подтвержденных научными аргументами выводов и рекомендаций, содержащих обоснование современной концепции толкования международных договоров и перспектив ее развития. В книге обстоятельно исследованы доктринальные подходы, относящиеся к общим положениям толкования международного договора (с. 15–129); проанализированы особенности толкования международных договоров, регулирующих отдельные сферы международных отношений (с. 129–252); предметно показаны аспекты толкования международных договоров в практике международных интеграционных объединений (с. 253–312); обозначены и рассмотрены проблемы толкования международных инвестиционных договоров юрисдикционными органами (с. 312–360); выделены теоретические и практические аспекты толкования международных договоров национальными судами государств (с. 361–420). Системный подход авторов исследования к обозначенной теме проявляется в формулировании и обосновании самого феномена «толкование» в качестве сложного познавательного процесса, когда истинность формулируемых умозаключений определяется корпусом используемого понятийно-категориального аппарата, применяемого при обсуждении правовых норм с привлечением философско-юридических понятий в реальном контексте правовой действительности (с. 15). При обстоятельствах, когда юридический интерес мирового сообщества обозначен через целостность системы международного права, а юридический интерес отдельного государства установлен в формате совокупности субъективных прав, согласующихся с основными принципами международного права и международно-правовыми обязательствами государства, толкование международного договора, как это обоснованно констатируется в монографии, «имеет характер политический, а международные договоры отражают концентрированно определённые интересы государства» (с. 16). Государства, будучи суверенными системами международных отношений, посредством международного договора упорядочивают свои отношения, а через процедуру толкования международного договора осуществляют меры по обеспечению эффективности права как постулат их предметно-правовой заинтересованности. Общим предписанием юридически значимого правомерного поведения государств в части применения и толкования международного договора здесь выступает

принцип добросовестности *bona fides* как общий принцип права (ст. 38 Статута Международного Суда) и один из общепризнанных принципов современного международного права.

Монография удачно и логически обоснованно структурирована, включает *пять глав*, где, соответственно, обозначены относящиеся к рассматриваемой теме доктринальные подходы, проблемы, возникающие в международно-правовой и национально-правовой правоприменительной и интерпретационной практике, авторские позиции по исследуемой проблематике, ориентированные на формирование концептуального восприятия толкования международных договоров.

Первая глава монографии, посвященная общим вопросам толкования международного договора, начинается с анализа методологических подходов, относящихся к обозначенной проблеме, в ней рассматривается эволюция концепции толкования международных договоров, ее основные элементы. Такой подход, в свою очередь, позволил коллективу авторов систематизировать представление о факторах, оказывающих влияние на формирование обозначенной современной концепции, а также разработать методологические основания исследования концепции толкования международных договоров (с. 33). Новационный характер просматривается в системной оценке влияния на процесс толкования международных договоров Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (с. 63–75). Принципиально значимый характер имеет вывод, сформулированный по результатам рассмотрения доктрины согласованной интерпретации (с. 102–120) и отраженный также в Заключении (с. 423) о важности «прочтения законодательства как предписывающего начинать толкование нормы с выяснения ее международно-правовых параметров, при этом с учетом высшей юридической силы национальной Конституции».

Во *второй главе* «*Особенности толкования международных договоров, регулирующих отдельные сферы международных отношений*» предметно показана специфика исследуемого процесса на примере ряда универсальных и региональных международных договоров, в том числе кодифицировавших отдельные отрасли международного права. Проведен анализ эволютивного толкования Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (с. 129–161); толкования международных договоров и правоприменительной практики в сфере морской деятельности государств (с. 161–179); толкования Конвенции ООН по морскому праву международными судебными органами (с. 175–191); толкования международных торговых и инвестиционных договоров (с. 191–212); эволютивного толкования международного валютного права (с. 212–228); толкования международных договоров при производстве дел в Международном уголовном суде (с. 228–237); толкования контекстуальных элементов преступлений против человечности в практике органов международного уголовного правосудия (с. 237–253).

В полной мере разделяя данный подход, заметим также, что спектр сфер международных отношений и применимых к их регулированию международных договоров, очевидно, гораздо шире. При этом имеется существенная специфика соответствующих международных договоров, их толкования и применения. В частности, можно указать на особенности международных договоров арктических государств (заключенных как на двустороннем, так и региональном уровне), применимых к вопросам сотрудничества в Арктическом регионе и освоения ресурсов Арктики. Другой пример — международные договоры, применимые к регулированию отношений в ходе вооруженных конфликтов (международных и немеждународного характера), а также устанавливающие

международно-правовые основания для международной уголовной ответственности за военные преступления. По всей видимости, толкование указанных международных договоров имеет существенную специфику и также может быть в перспективе включено в комплексное исследование рассматриваемой концепции.

Важное теоретическое значение и практически ориентированный характер заключает в себе материал *третьей главы* «*Толкование международных договоров в практике международных интеграционных организаций*». Следует принять во внимание то обстоятельство, что здесь речь идет о толковании международных договоров и иных международно-правовых актов, принимаемых в рамках межгосударственных интеграционных объединений с непосредственным и активным участием России, а именно: на пространстве Содружества Независимых Государств (с. 253–272); в Евразийском экономическом союзе (с. 272–288). Особо следует выделить подраздел с критическим анализом толкования в части регулирования промышленной политики по Договору о Евразийском экономическом союзе (с. 288–312).

Качественным показателем поддержания целостности системы внутригосударственного права России как суверенного современного миропорядка обозначено концептуальное заключение (прямо вытекающее из предписаний ч. 1 ст. 15 и ст. 79 Конституции РФ), согласно которому «при заключении международного договора учитывается его соответствие Конституции РФ как основополагающему правовому акту, занимающему наивысшее место в рамках правовой системы» (с. 270). Соответственно, в параметрах процедуры толкования международных договоров и иных международно-правовых актов, принимаемых в рамках межгосударственных интеграционных объединений, решения межгосударственных органов, принятых на основании международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению на прострaнстве Российской Федерации.

Важная роль научного сообщества в содействии международному правосудию обозначена констатацией опыта взаимодействия Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ с Судом Евразийского экономического союза в плане доктринального толкования положений международно-правовых актов (с. 271).

Четвертая глава «*Толкование международных инвестиционных договоров юрисдикционными органами*» раскрывает юридическую сущность концепции сравнительного международного права в формате толкования международных договоров (с. 312–334); показывает эволюцию толкования международных инвестиционных договоров от международных арбитражей XIX в. до международных коммерческих арбитражей (с. 334–341); представляет практику толкования международных договоров в решениях Международного инвестиционного арбитража (с. 341–345); определяет специфику толкования международных договоров в решениях международного коммерческого арбитража (с. 345–354); выявляет феномен «гибридные формы разрешения экономических споров как результат толкования международных соглашений» (с. 354–361).

В рецензируемой работе вполне обоснованно уделено внимание институту временного применения международных договоров. В этой связи проанализирована арбитражная практика разрешения инвестиционных споров, сопряженная с попытками арбитражных судов применения к ним положений международного договора, в котором государство не участвует (на примере Договора к Энергетической хартии

(ДЭХ)). Принципиально важный характер в плане последовательного толкования и применения норм международного права, с учетом обеспечения экономической безопасности государств, носит согласующийся с правовой позиции Конституционного Суда РФ (Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2020 г.) следующий вывод. В национальной системе правового регулирования не допускается временное применение положений международного договора Российской Федерации, предусматривающих разрешение международным арбитражем споров между Российской Федерацией и иностранными инвесторами, даже если договор официально опубликован, без принятия федерального закона о ратификации договора (с. 334).

Пятая глава монографии посвящена важной проблеме международных договоров национальными судами государств. Наряду с постановкой самой проблемы (с. 361–366) обозначены основные вопросы толкования международных договоров в практике различных категорий судов Российской Федерации, в том числе особенности толкования судами временно применяемых международных договоров (с. 366–421).

Коллективом авторов обозначен юридический факт принятия Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 428-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части недопущения применения правил международных договоров Российской Федерации в истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации» (с. 367). Обновление законодательства, в свою очередь, связано с содействием последовательному процессу государственно-правового строительства Российской Федерации, с усилением гарантий верховенства и приоритета прямого действия Конституции РФ на пространстве территории Российской Федерации при сохранении правовой

позиции в режиме соблюдения общепризнанных норм международного права.

Рецензируемая монография, как отмечают её авторы (с. 14), продолжает развивать научные исследования ИЗИСП международно-правовых проблем применения международных договоров. Принимая во внимание многогранность обозначенной проблематики, динамику развития международно-правовой системы и национально-правовых систем государств, традиционно высокий уровень научных исследований ИЗИСП, хотелось бы надеяться на дальнейшее продолжение данного масштабного научного проекта.

* * *

Монография «Современная концепция толкования международных договоров» вносит существенный вклад в российскую науку международного права.

Полагаем, что данное научное издание будет широко востребовано и получит заслуженное признание научной общности и практикующих юристов, прежде всего в области международного права и международного правосудия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Современная концепция толкования международных договоров / под ред. А.Я. Капустина. М., 2022. С. 14–420, 423.

REFERENCES

1. Modern concept of interpretation of international treaties / ed. by A. Ya. Kapustin. M., 2022. P. 14–420, 423 (in Russ.).

Сведения об авторах

ВЫЛЕГЖАНИН Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, вице-президент Российской ассоциации международного права, заведующий кафедрой международного права Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России; 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

ЛОБАНОВ Сергей Александрович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового регулирования топливно-энергетического комплекса Международного института энергетической политики и дипломатии, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России; 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76; профессор кафедры международного права Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

Authors' information

VYLEGZHANIN Alexander N. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Vice-President of the Russian Association of International Law, Head of the Department of International Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) MFA of Russia; 76 Vernadsky ave., 119454 Moscow, Russia

LOBANOV Sergey A. — Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Legal Regulation of the Fuel and Energy Complex of the International Institute of Energy Policy and Diplomacy, Professor of the Department of International Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) MFA of Russia; 76 Vernadsky ave., 119454 Moscow, Russia; Professor of the Department of International Law at the Institute of International Law and Justice of the Moscow State Linguistic University

КАЛАМКАРЯН Рубен Амаякович – доктор юридических наук, профессор, лауреат премии им. Ф.Ф. Мартенса Президиума Российской академии наук (2007), профессор кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя; 117437 г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12; профессор кафедры «Международное право и внешнеэкономическая деятельность» Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

KALAMKARYAN Ruben A. – Doctor of Law, Professor, Laureate of the F.F. Martens Prize Presidium of the Russian Academy of Sciences (2007), Professor of the Department of Human Rights and International Law of Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 12 Akademika Volgina str., 117437 Moscow, Russia; Professor of the Department of International Law and Foreign Economic Activity of Speransky Law Institute of Stoletov' Vladimir State University